

ЗОВ ПАХАРЕЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

И вереницами, вереницами поднималась вверх

Наших навьюченных друзей стая...

Е. Чаренц

«Зов Пахарей»

В городе Муше*, в квартале Сурб** Маринэ шел урок армянского языка.

— А ну, скажи наизусть «Зов пахарей», — ткнул перстом учитель Мелкон в сидящего в последнем ряду смуглолицего паренька: тот, припав к окну, смотрел встревоженно туда, где в ущелье утопают сады Дзоратаха.

---

* Муш — город в Западной Армении (Турция)

** Сурб — святой (арм.)

Ученик встал.

Все сидели парами, а этот один сидел. Его сосед по скамейке год назад оставил школу, приговорив своего товарища коротать время на последней скамье в одиночестве.

Раз в неделю учитель Мелкон заставлял учеников повторять армянский алфавит. Ученики должны были назвать подряд все буквы, перемежая их утренними песнями и шутливой перебранкой армянских селян. Такой способ запомнить алфавит в стихотворной форме выработал наш учитель Мелкон, преследуя цель навеки запечатлеть в памяти учеников вид армянских письмен, их начертание и последовательность. Произносить стихи надо было так, чтобы казалось: на дворе утро и пахари зовут друг друга в поле.

— Айб, бен, гим, накрошу, поем...

— Чего поешь? — прерывает ученика варжапет* Мелкон, насупив брови.

---

* Варжапет — учитель (арм.)

— Клулика в виноградном листе с красным перцем. Взрыв смеха в классе.

— Хорошая штука клулик по-мушки, да еще с красным перцем, но только после того, как выучишь урок, — пригрозил учитель. — А не то, видишь, вон они, розги.

— Наоборот, сначала поест, а уж потом выучить урок, — пробурчал смуглолицый паренек, неприязненно покосившись на связку тонких прутьев, сложенных в углу для неслухов и лентяев.

— Скажи-ка «Зов пахарей» ты, — обратился господин Мелкон к другому ученику, сидевшему впереди и получавшему по математике и армянскому одни пятерки с плюсом.

Светлоглазый, востроносый, с кудрявыми волосами, спадавшими на лоб, — таков был Санасар, мальчик из Сасуна. Перед тем как ответить урок, он всегда обращался к горе Марута', словно бы набираясь у нее силы. «Йя, Маратук!» — говорил он, как заклинание, и только после этого шел отвечать урок. За что и прозван был одноклассниками «Йя Маратук».

Санасар с готовностью поднялся и, воскликнув свое обычное «Йя, Маратук!» — задрал лицо кверху и зачастил вдохновенно:

Айб, бен, гим, Вставай,

Оваким, Да. эдж, за,

Подводи быка. Э, ыт, то,

Поднимайся, Тато... Ра, сев, вев,

Работай, как лев, Тюн, ре, цо,

Вымой лицо. Вьюн, пьюр, ке,

Топай, Срке, Ев, о, фе,

О, прилечь в холодке.

— Молодец, Санасар! Ты из какой деревни в Сасуне?

— Из села Джртник, провинции Бсанк.

— Я доволен тобой, мой сын. Вот как надо отвечать «Зов пахарей», а не думать о том, как бы наесться клулика с перцем, — заметил учитель Мелкон и, раскрыв журнал, поставил против имени Санасара очередную пятерку с плюсом.

И хотя замечание относилось к сидящему на последней скамье ученику, тот по-прежнему был поглощен тем, что происходило внизу, в ущелье, и совсем не слышал своего учителя.

— Мамикон, где ты, очнись.

— Айб, бен, гим, вставай, Оваким. Да, эдж, за, запрягай быка, — повторил вслух смуглый парень и, быстро распахнув окно, выпрыгнул на улицу. — Я пошел, учитель, — послышался голос Мамикона уже с улицы. Перебегая с кровли на кровлю, он устремился к садам Дзоратаха.

За последнее время кое-кто из учеников по разным причинам вынуждены были оставить учебу. Но ни один из них не покинул школу таким дерзким, недозволительным образом.

Из ущелья слышались женские крики, и занятия в школе были прерваны.

Следующий день был субботой.

Учитель Мелкон рано утром поспешил в квартал Сурб Маринэ к родителям давешнего ученика.

Дом их стоял на берегу реки.

Когда учитель добрался до их дома, Мамикон с каким-то свертком под мышкой направлялся к мосту, соединявшему квартал Сурб Маринэ с кварталом Кох.

— Мамикон! — окликнул учитель паренька.

Тот остановился и почтительно поздоровался с учителем.

— Сын мой, вчерашний случай потряс наш город, но благоразумно ли было уходить с урока, не сказав до конца «Зов пахарей»...

— Мой урок кончился, учитель. Прости меня и дозвожь поцеловать твою руку.

— Руку священнику целуют. Я ведь не священник.

— Нет, позволь мне поцеловать руку человека, посвятившего армянскому алфавиту тридцать лет жизни. Да будет благословен Месроп Маштоц, наш Первый учитель. Будь благословен и ты, мой учитель Мелкон.

— Ты что же, уходишь из города?

— Нельзя юноше в моем возрасте сидеть как ни в чем не бывало на школьной скамье.

На глаза учителя Мелкона набежали слезы.

— Иди, мой сын. Не могу тебя удерживать. Правда, в моем классе одним учеником станет меньше, но зато в народе одним Арабо станет больше. В прошлом году Рыжий Левон из Копы уехал в Америку, теперь ты уходишь. Кто же будет слушать уроки учителя Мелкона, окончившего школу Жарангаворац при церкви св. Карапета? Кто будет теперь учить наизусть «Зов пахарей»? Тебе бы еще немного поучиться, чтобы самому читать «Нарек»* и «Хент» («Безумца») Раффи.

---

* В Армении существует давняя традиция называть «Книгу скорби» великого армянского поэта Григора Нарекаци (951-1003) по имени ее автора — «Нарек».

— Мне достаточно, учитель Мелкон, сколько я проучился, мне хватит пока. Я в горы ухожу. И вернусь к тебе тогда только, когда армянский крестьянин снова пойдет вспахивать поле, когда пахарь запоет свою песню. Дай бог, чтоб я застал тебя в добром здравии, учитель.

— Ступай, мой сын, и да поможет тебе бог. Пока зерно не поспеет, нет жатвы. И если у тебя есть вера хотя бы с горчичное зернышко — ты горы своротишь.

Учитель Мелкон поправил наброшенное на плечи старое пальто и затянулся табаком, а Мамикон продолжил свой путь, напевая вполголоса:

Если венценосная лира Гохтана умолкла,

Пусть с неба спустятся бессмертные души

Армянских храбрецов крестить.

Переходя мост Фре-Батмана, Мамикон увидел на берегу одного из воспитателей школы. То был учитель армянской истории господин Сенекерим, каждое утро он спускался к речке умыться студеной водой.

Сегодня вид его был мрачен.

Господин Сенекерим не заметил своего ученика, иначе он непременно бы остановил его и попросил перечислить все провинции Армении.

Мамикон же шел, чтобы увидеть их наяву, обойти самому и сотворить наново, возродить бессмертный Зов пахарей.

Бдэ

Но я должен зайти к Бдэ. Это мой дядя. Как мне покинуть город, не получив благословения моего дядюшки Бдэ?

Неважно, что дядя мой торговец горшками. Сейчас он занят очень важным, полезным делом — он начал писать историю города Муша, к тому же на древнеармянском грабаре, а ведь на грабаре затрудняется писать даже учитель Мелкон, выпускник школы Жарангаворац при церкви св. Карапетя.

Бдэ писал при свете масляного светильника, когда я бесшумно вошел в комнату и молча встал у него за спиной. Он последний раз обмакнул перо в черные чернила, написал еще одну фразу и, взяв в руки исписанную страницу, прочел вслух...

«Вступление»

Родовым гнездом Рыжего попа было село Арцвик, что в провинции Хут-Брнашен. Называлось оно также Крпник-Арцвик. Основателем рода был рыжебородый священник, у которого было сорок отпрысков. Одна ветвь этого рода в свое время подалась в сторону Моткана, из Моткана ушла в Муш, отсюда она растеклась по окрестным деревням. Это были светловолосые, синеглазые армяне, работающие и храбрые, доброты безмерной, честности беспредельной. Рыжий поп имел евангелие, которое называлось «Кочхез», заглавные буквы в ней изображали птиц, ныне она считается утерянной. В конце рукописи имелась «Памятная книга» — Ишатакаран. В старину армяне приносили клятву на этой книге.

Во владениях Хут-Брнашена, неподалеку от монастыря св. Ахперик, находилось одно из сел Рыжего попа Верхний Шнист. Известно, что старостой в Шнисте был некий Гаспар. Этот староста Гаспар в 1715 году отправляет своего сына Бдэ (Багдасара) в монастырь Гомац обучаться грамоте. Закончив учение и выучившись сапожному ремеслу, Бдэ становится известным ремесленником. Внук Бдэ (Бдэ II) в 1825 году вместе со своим отцом покидает монастырь Гомац и поселяется в местечке Дашты Хасгюх, от Муша туда полдня ходу пешком.

В Хасгюхе у этого Бдэ родилось четверо детей. Старшего сына в честь прапрадеда назвали Гаспаром. Отпрыски Бдэ, вместо того чтобы унаследовать ремесло отца, освоили гончарное производство и, расширив дело, обосновались в городе Муше.

Именно он, рыжебородый Гаспар, в 1862 году открыл первый в Муше магазин глиняной посуды. У Гаспара в свой черед родилось четверо сыновей.

Эти строки пишу я, Бдэ Мисак, из рода Рыжего попа, второй по старшинству сын Гаспара. Наш дом построен в Муше в квартале Дзоратах, из окон наших видать гору Куртык, она замыкает квартал. Перед нашим домом катится, течет речка. По весне, разлившись, она, случается, разъяренно срывает с себя небольшие мосточки.

За нашим домом есть родник, в городе он известен под названием Пахорак, что означает «прохладный». Как и многие мушцы, я возвращен на живой воде этого родника.

Мой дед Бдэ II был свидетелем того, как дети его преследовались и страдали в османских тюрьмах. Дед мой умер от горя в 1835 году и был похоронен на дзоратахском кладбище. Это он, сажая меня к себе на колени, поведал мне о нашем грабаре. И я пишу историю таронского края выученными от деда древнеармянскими письменами. Пишу в прошедшем времени, поскольку история эта для грядущих поколений, когда и меня уже не будет в живых, как давным-давно нет в живых всех старейших рода Бдэ в Верхнем Шнисте, Хасгюхе и городе Муше.

Описываю событие за событием на четвертушке листа чернилами, приготовленными из ореховой кожуры, прислушиваясь к волнующему шуму нашей мушской речки, что день и ночь несмолкаемо звенит близ нашего дома.

Боже, защити сперва всех сынов нашего рода, а потом уже двух моих сыновей и братьев моих и в особенности любезного моему сердцу брата Вагаршака, жителя Хасгюха. И да хранит бог всех видных людей нашего города, нашего Кото Акопа, нашего учителя Мелкона, всех малых и старых — весь наш бесподобный народ, проживающий в мушской и сасунской стороне.

Боже всемогущий, помоги мне завершить историю Тарона и отпусти мне грехи мои, чтобы на Страшном суде предстал я перед тобою, исполнив назначение свое, с чистой совестью. Помилуй каменные мои уста».

«Ишатакаран»

«Тарон — одна из областей Турубера в Великой Армении, ныне это долина Муша, центр коей Муш.

На юге Муша находится Сасун. Во дни армянской государственности население Сасуна состояло исключительно из армян, которые назывались горцами, так свидетельствует Зеноб Глак. В XVII и XVIII веках курдские кочевые племена, двигаясь с юга, постепенно стали оседать в армянских поселениях, особо облюбовав местечки Бсанк, Хианк и Габлджоз.

У османца есть такой закон: если кто-нибудь в течение десяти лет пользуется выгоном, этот выгон становится его собственностью. Таким образом, в вышеупомянутых провинциях все пастбища горцев-армян, где курды пасли свою скотину, мало-помалу перешли в руки курдов. Сначала пастбища, а после и целые поместья. Но и это еще не все. Армяне, потеряв исконные свои владения, стали рабами на своей же земле — так называемыми «хафирами». Они были обязаны несколько дней на неделе даром работать на курда-захватчика, да еще и хафирскую подать ему выплачивать. Дошло до того, что курды-хозяева продавали своих рабов-армян, дарили друг-другу, расплачивались ими.

Этой участи подвергались не только провинции Хианк, Бсанк и Габлджоз, но и соседствующие с ними — Хут-Брнашен и Моткан. Притеснения достигли таких ужасающих размеров, что армяне, живущие в этих провинциях, в большинстве своем потомки Рыжего попа, оставили свои дома, побросали хозяйства и спустились с гор в долину Муша, двигаясь к Хнусу, Булануху и Алашкертю.

Вот почему некоторые села Мушской долины населены бывшими жителями Сасуна и Хута. Жители Мокса и Ванского Шатаха сплошь состоят из старых сасунцев. Хафирская подать пустила такие глубокие корни среди курдов, что они рассматривали ее как свое святое право. Для примера: курд мог проделать долгий путь пешком, добраться до Мушской долины, найти там своего бывшего раба-армянина (хафира), день-другой погостить у него и, получив свою дань, на худой конец, пару чувяков или же шерстяных носков, преспокойно вернуться к себе домой, в горы Сасуна или Хута.

Я сам помню, мы принадлежали к курдскому аширетству Хут-Брнашена (потому что наши предки, потомки Рыжего попа, проживали некогда в Верхнем Шнисте) — и вот я помню: наш бывший «хозяин», курд Мирза-ага, в 1884 году явился к нам в Хасгюх, получил от моего отца в счет старого долга отрез на платье, на отцовы же деньги сшил себе одежду и, облачившись во все новое, вернулся к себе в Хут.

До 1880 года в Тароне и Сасуне заправляли курдские беки и османские паши, последние заставляли армян переходить в исламскую веру. И если армянин отказывался, его мучили, истязали, убивали. Из жертв этого периода достаточно вспомнить сапожника Сарухана, убитого в Багеше в 1631 году, пятнадцатилетнего юношу Никогоса, убитого в Диарбекире в 1642 году, двадцатилетнего скобяных дел мастера Хачатура, убитого в том же городе в 1652 году, мастера Григора, убитого в Муше в 1676 году, цирюльника Давида, убитого в 1677 году.

Одним из ярых османских правителей был Чплах-шейх (что означает «голый шейх»). Этот тиран долгое время владел Тароном, разграбил его, полонил и замучил в застенке множество армянских крестьян. В дни его правления турки и курды, завладевшие армянскими землями, говорили: «Гяуры, знайте: ваши князья, ваши беки, ваши хозяева, ваши боги — мы». Армяне решили покончить с этим чудовищем. Два армянина, игравшие для шейха на дооле и зурне, вырыли потайной ход под жильем шейха и однажды ночью, когда шейх спал, засыпали в доол порошу, заложили под дом и подожгли. Дворец шейха с хозяином взлетел в воздух.

Чплах-шейха сменил Аладин-паша. Дом Аладина частенько занимал враждебную позицию по отношению к Османской империи. Но что толку! В Хуте тогда властвовал аширет Мирза-бека, который являлся ветвью от рода Аладина. Этот аширет был известен также под именем «Дома семи седел». Один из внуков Мирза-бека, по имени Муса, совершил множество злодеяний в долине Муша. Он мог безнаказанно грабить и убивать крестьян из подвластных ему деревень и даже имел наследственное право взять и продать целое село. Это он, Муса-бек, схватил Ована, старосту села Аргаванг, который воспротивился ему в чем-то, и заживо сжег в печи. В 1889 году он с двадцатью конниками и четниками* напал ночью на село Харс, что в Мушской долине, похитил красавицу Гюлизар и увез ее в свой шатер на горе Хут.

---

* Четники — здесь: низший жандармский чин в Турецкой Армении.

Были и другие аширеты. В Хианке правил Слейман-ага (Слепой Сло). Было известно также сасунское аширетство, чьим правителем был балакский курд Халил-ага. В Моткане и Хуте властвовал аширет курдов из племени Шеко. Курды из этого аширетства частично были рыжеволосые и синеглазые. Они утверждали, что предки их происходят от армян из рода Рыжего попа.

С тех пор как я себя помню, с того самого времени как я стал что-то смекать, армянская действительность в Сасуне и Мушской долине выглядела так: люди из одного клана составляли население целого села. Глава рода был одновременно и старостой села, ресом, чьи решения были обязательны для всех. Собственно, клан — это ведь одно большое разросшееся семейство. Глава такого семейства пользовался особым уважением и почетом. От двадцати до сорока и даже больше человек — такое количество народу в одном доме было принятым порядком. К примеру, род Марто из села Семал состоял из шестидесяти четырех человек. До глубокой старости Марто руководил хозяйством и всем селом. И когда старость в конце концов взяла верх, Марто, совсем уже дряхлого, сменил его сын Горге, который, так же как Марто, стал ресом, то есть головой этого села.

Труд землепашца был свят. Когда отец семейства или кто-либо из пахарей возвращался домой с поля, все домоладцы, весь род от мала до велика, вставал и стоя приветствовал работника.

Свадьбу справляли всей общиной. Хорошей свадьбой считалась та, на которой лопались семь свирелей.

Если кто-нибудь из членов общины в результате пожара, наводнения или снежного обвала лишился дома, всем селом строили потерпевшим новое жилье. Неимущим помогали — кто кусок пахотной земли от себя выделял, кто быка давал плужного, кто семена, корову дарили, одну-две козы, овцу. Во время стихийных бедствий или когда враг нападал, староста или князь стреляли в воздух или же кто-нибудь, встав на холме, криком поднимал всех на ноги, и все село как один — кто с оружием, кто без — высыпало на улицу.

В селе Гели (еще его называют Гелигюзан), что в Сасуне, правил дом Пето, в Шенике — дом князя Грко, в Семале — дома Кятипа Манука и Марто. В Талворике самыми видными людьми были князя Макар, Амзе, Татар.

Еще тридцать лет назад в «Арцвике Таронском» про Муш и про мушцев написано: «Позавидовать следует муравью и птице дрофе. Муравей сам добывает себе пищу, дрофа всегда рядом с возлюбленным своим мужем. Позавидовать следует пташке, которая откладывает яйца и высиживает птенцов, оберегает их, защищает, учит своему птичьему языку и свободному полету. Мушский армянин много несчастней их... Он раб султана и пленник аги. Побои — так что кости в порошок стираются, рабство — хуже пленения. О родник, бьющий в этой долине, родник, из которого мушец пьет воду, о милое поле, на котором он, весь опаленный солнцем и весь в поту, пашет и жнет, и бычок, которого он своими руками холит, ведь это все — не его.

Муш — замшел. Тарон — отняли, жители постепенно разбрелись, подались кто куда, многие от голода погибли... Ждали последнего глашатая, чтобы пришел и сказал: «Таронский дом, мол, разрушен, а все сыновья его заживо погребены под обломками».

Но, к счастью, последний глашатай не пришел. Вместо него пришла весть о национальном возрождении. Измученный мушец ожил.

Так было еще однажды — когда настоятелем церкви св. Карапета был отец Ован. В причудливой одежде, вооруженный мудреным английским оружием, в нашу страну прибыл именитый армянин из Персии по имени Овсеп Эмин. Он прошел Алеппо и направлялся к Тарону.

Когда он проходил через Хнус, множество армянских пахарей присоединились к нему. Эмин, потрясая «Историей Армении» Мовсеса Хоренаци, восклицал: «Почему вы терпите такое? Беки и князья вооружены и властвуют в вашей стране!» Сельский священник со святой книгой в руках решительно шагнул вперед и ответил:

«Нашего села и всей таронской стороны почтенный гость, ты пришел из страны, которая нам неведома, точно так же, как сам ты ничего не знаешь про нашу страну, о которой сейчас толкуешь... Достойный наш сын армянский, в святой книге написано — через шестьсот шестьдесят шесть лет должен явиться некто, он освободит нас от османской напасти. Ты, сдается мне, не этот человек, поскольку слишком рано пришел. А раз так, возвращайся-ка ты в ту страну, откуда пожаловал».

И Овсеп Эмин, почувствовав, что так оно и есть — рано он пришел, покинул Хнус и через старый Баязет пошел к Эчмиадзину.

Еще сильней глас свободы прозвучал в Тароне лет через сто после Овсепе Эмина.

В те годы в Муше не было никаких армянских партий. Имелось лишь общество, называлось оно «Вардан». Каждый крестьянин и ремесленник, который брался за оружие с тем, чтобы идти против султана, являлся членом общества «Вардан». В 1879 году в Муше была основана школа Объединенного товарищества, которую называли «Кедронакан», что означает «Центральная». В Муше же началось строительство еще одной школы — для армянских барышень. Это просветительское движение среди армян вызвало недовольство султана и зависть курдских беков. Когда ученики «Кедронакана», проходя через рынок, пели, задорно отбивая такт рукой, «Которая страна Армения», начальник тайной полиции Муша Хюсны-эфенди с особым интересом наблюдал их шествие, цедя сквозь зубы — армяне, мол, «стремятся к независимости».

Вскоре произошло неожиданное.

Три дня назад жандармы султана схватили в сасунских горах бродячего проповедника по имени Мигран. Я сам лично видел, как шел Мигран, окруженный двумя рядами жандармов, в традиционном сасунском наряде, босой, на голове белая шапка сасунца — арахчи, шел гордо, красиво шел, и лицо открытое такое, идет и улыбается. Народ высыпал на улицу — весь Муш был тут.

Миграна провели через толпу — и прямо к начальнику тайной полиции.

А вчера...

Вчера гордого проповедника вывели из управления, провели прямо под нашими окнами, препроводили в Багеш. Он сидел на коне связанный, и одна из жандармских лошадей лягнула его, раздробив ему ногу. Так, с раздробленной ногой, доставили бунтаря миссионера в багешскую тюрьму. Мигран был первым бунтарем в Тароне.

Воодушевленные поимкой проповедника, несколько молодчиков из людей Хюсны-эфенди у родника Поркан разбили кувшины армянских барышень. В Дзоратах послышались женские крики; единственная черкешенка в нашем городе, девушка по имени Мави, — она стояла в очереди к роднику вместе с армянскими женщинами — набросилась на жандармов и получила два ножевых удара».

— Она умерла, дядя, благослови меня, я ухожу! — закричал я, бросаясь перед Бдэ на колени.

— Кто умер? — растерянно спросил мой дядя.

— Мави умерла, та девушка, которую я видел в горах Манаскерта, она любила меня и подарила мне во время наших тайных свиданий вот этот кинжал, Благослови меня, я пойду.

— Куда? — воскликнул Бдэ, встав с «Ишатакараном» в руках.

— Куда судьба и долг поведут.

— Благослови тебя бог, родимый, храни тебя создатель, — взволнованно сказал он, опуская руку с «Памятной книгой» на мою голову.

Я вышел от Бдэ и направил шаги к роднику Пахорак. Долго смотрел на радостную, веселую воду, бегущую по его желобку, и, наклонившись, зачерпнул горсть. Потом двинулся к прибрежным зеленым тополям.

Мушская речка, постанывая, катилась передо мной. Ах, эта речка, этот громогласный чистейший ручеек моей родины! Она бежала с юга и устремлялась на север, деля Дзоратах на две части. Сколько мостов снесла эта речка, когда на нее находило буйство, особенно в дни весеннего половодья! Таяли снега на горе Сим и на Цирнкатаре, и речка, выйдя из берегов, с грохотом неслась по улицам города.

Куда она мчалась сломя голову, бог весть.

В полдень к мосту Фре придут купаться мои товарищи — Чиро, маленький Арам и Шахка Аро. Больше они не увидят меня возле этой речки и не найдут мою одежду под устремленными к небу прибрежными тополями.

Родимого города речка в последний раз блеснула перед моими глазами и исчезла за домом дядюшки Бдэ.

Обед с Самиром

Выйдя из города, я выбрал дорогу, ведущую к Канасару. И вдруг на меня нашло сомнение. Куда идти? К Сасуну податься или же, наоборот, спуститься в Мушскую долину? Для того чтобы попасть в Сасун, мне надо было подняться на одну из вершин Сима, на гору Чанчик, и оттуда свернуть к деревням Шеник и Семал. Чтобы попасть в долину Муша, я должен был пробираться по склонам Канасара, держа направление на восток. И поскольку я уже был на этой дороге, я решил продолжить ее.

Муш со своей новостройкой — зданием женской школы — остался позади. На этой стройке какое-то время работал и я — помогал дяде Ованесу, каменщику, подносил ему камень и раствор. Мы трудились, чтобы армянские девушки научились читать.

На Канасаре было одно примечательное место, называвшееся Ццмакаки, что означало Свекольный Нос. Короче его называли Ццмак. Ццмак, круто опускаясь, кончался на равнине Муша, за селом Алваринч.

В долине Муша было три села — Аваторик, Бердак и Норшен; их жители были католики.

Я и не заметил, как дошел до границ двух последних этих сел и собирался было, обойдя Алваринч, начать подъем на Ццмак, как вдруг увидел — ко мне бегут два человека. Один из них, как выяснилось, был норшенец, другой — бердакец. Норшенец, ниже среднего роста, с узкими дужками-усами, держал в руках клубок веревок и несколько кольев. Он сердито спорил о чем-то с бердакцем. Два раза они останавливались, потом заспорили пуще прежнего и, не придя к согласию, кинулись ко мне.

— Похоже, что ты мушкетер и идешь из города, возьми-ка за конец этого чвана, определим границу, — сказал мне норшенец, которого звали Франк-Мосо, и, потянув меня за руку, насильно всучил мне конец веревки. — А теперь ступай к роднику Салов, что в Бердаке. А я буду потихоньку разматывать веревку за тобой; когда скажу «стой» — остановишься, — сказал Франк-Мосо и, передав мне колышки, велел двигаться вперед.

Взял я колышки и пошел, куда указано было.

— Стой там! — вдруг заорал Франк-Мосо и, оборотясь к бердакцу, сказал: — Длина шестьдесят чванов, а ширина двадцать с половиной. Иди дальше, — снова приказал норшенец, и я с мотком веревок за спиной и с колышками под мышкой пошел дальше. — Стой снова! Пятьдесят два чвана с половиной! — провозгласил норшенец, довольный.

— А теперь вернись на три чвана назад и ступай к Норшену! — крикнул мне бердакец, сердито вырвав конец веревки у норшенца.

Пошел я, как велел бердакец. Эти два человека так долго гоняли меня туда-сюда, то к самому Бердаку приводили, то в сторону Норшена посылали; я прямо-таки выбился из сил, бегаючи с одного поля на другое, перепрыгивая со скалы на скалу.

Норшенец с бердакцем снова заспорили, чуть не за грудки стали хвататься, бердакец в ярости обзывал норшенца «пожирателем черепашек», а норшенец кричал бердакцу: «Репоеды, всем селом репу жрете!» Кричали до хрипоты.

Вот в чем было дело.

Между этими двумя селами вот уже который год шел спор из-за земли. То одни, то другие ночью перетаскивали камни, обозначающие границу; утром обиженная сторона «наводила порядок». Пограничный этот спор обрел такой характер, что из-за двух-трех вершков земли разгоралась драка. Несколько раз из города приезжал чиновник, но миром вопрос не решался.

— Не согласны, — твердили бердакцы.

— Не пойдет, — вторили норшенцы.

И вот представители этих двух общин вышли в поле, решив во что бы то ни стало договориться и покончить с этим. А надо сказать, что бердакцы были горцами, сошедшими с Сасуна, и мерили свои поля, засеянные репой, веревками, так же как их деды это делали. Вот почему бердакец предложил разрешить вопрос непременно посредством веревки — «чвана», как они говорили.

И снова меня таскали с утеса на утес, с поля на поле;

под конец мы все трое выбились из сил — и они, и я. Когда я шел с чваном в сторону Бердака, бердакец вопил на норшенца; когда я поворачивал к Норшену, обижался норшенец.

— Не годится, — гневался бердакец.

— Не пойдет, — твердил норшенец.

Наконец какой-то прохожий посоветовал им: «Идите-ка домой, сварите обед каждый по своему вкусу, налейте в глиняные миски и одновременно равным шагом направьтесь в поле. Где обед остынет, все равно чей, — там и ставьте границу».

Подумали бердакец с норшенцем, пораскинули мозгами; видят, дело с мертвой точки не двигается, решили послушаться чужого совета. Оставили меня в поле с мотком веревок и колышками, а сами ушли — один к Бердаку, другой в свой Норшен.

По правде говоря, меня тоже это устраивало: я до того устал и проголодался, что не прочь был бы получить в награду вкусный обед.

Я прождал до полдня и вдруг гляжу — идут: бердакец — со стороны Бердака, Франк-Мосо — от Норшена, идут одинаковым шагом, как было условлено, торжественно несут на вытянутых руках миску с дымящимся обедом. За каждым — толпа односельчан.

Вдруг Франк-Моса растерянно остановился. Он нес яичницу, и она остыла еще раньше даже, чем он дошел до прежней границы... А жена бердакца оказалась похитрее и сварила обед с самиром. Самир — пшено, похожее на желтое просо; его молотят и варят на сыворотке, обед этот долгое время остается горячим.

Бердакец прошел прежнюю границу и с победным видом двинулся к норшенцам, углубившись на несколько шагов во владения соседнего села. Я схватил колышек и укрепил его у самых ног норшенца.

Так граница была определена силою народного поверья.

Яичницу съел бердакец, а обед с самирон достался мне.

— Вай, Какав, Какав, дочка мокланцевского Ованеса, в этой веревке и то больше ума, чем в твоей голове! — воскликнул Франк-Мосо, адресуя свои слова жене и отобрал у меня моток веревок и оставшиеся колышки. — Прикажешь миру любоваться на твое пригожее лицо или же на дело рук твоих поглядеть?..

— Ум у женщины от природы, тут уж ничего не поделаешь, — ввернул бердакец, смеясь.

И хотя граница между селами была решена согласно уговору, но я почувствовал — норшенцы остались недовольны, один из них даже как бы нечаянно ударил ногой по моей руке, когда я, нагнувшись, в последний раз переставлял колышек.

Стороны направились к своим селам: бердакцы — в радостном настроении, норшенцы — печальные, понурившись.

Печальней всех был Франк-Мосо, он шел опустив голову, словно стесняясь односельчан.

Посчитав спор между двумя селами законченным, я взял свой узелок и, пройдя Бердак, направил шаги к Ццмаку.

Ночь в Тергеванке

На Ццмаке, возле самой вершины, есть высокий утес. Я вскарабкался на него, сел, огляделся. И увидел глубокое ущелье, пропасти, пещеры. Это ущелье и пропасти считались пристанищем всех вьюг и бурь Мушской долины.

Ццмак славился своими куропатками, которые с раннего утра и до захода солнца квохтали в этих ущельях и роняли на скалы пестрые живописные перья.

Учитель Сенекерим рассказывал, что, когда были уничтожены языческие храмы в Мушской долине, жрецы и жрицы превратились в куропаток, полетели к ущелью, попрятались в расщелинах Свекольного Носа. И вот они выходят стайками из-за скал, боязливо и осторожно кружатся в лучах уходящего солнца и спешат до заката спрятаться за камнями.

Вот несколько куропаток вылетели у меня прямо из-под ног и, кружась, скатились в овраг. Я смотрю на них, и меня охватывает какой-то благоговейный трепет: я вспоминаю старую легенду о жрецах и жрицах.

Сидя на высокой скале, я долго смотрю на долину Муша. Первыми жителями долины, согласно преданию, были потомки прародителя Сима, которые после потопа поселились в тех горах, что за Мушем, почему горная цепь была названа впоследствии Сим. Младшему сыну Сима — Тарбану — выпала на долю равнина перед этими горами: равнина стала называться Тарбанская, или иначе долина Тарона.

Еще одну историю рассказывал господин Сенекерим. Нет, я ошибся, эту историю рассказал учитель Мелкон. Оказывается, до маштоцевского алфавита в Армении существовали каменные языческие книги. Когда враг пришел в Тарон и стал безжалостно уничтожать эти книги, буквы в одно мгновение превратились в пчел и, роем взлетев с каменных страниц, укрылись в расщелинах Ццмака.

— Пойдите в сторону Ццмака, — сказал однажды учитель Мелкон. — На дороге, где монастырь Аракелоц, где камень Арабо, в яростном порыве застыла вершина с золотыми пиками — Медовые Скалы называются они. Это ставшие пчелами, как гласит предание, наши старые преследуемые письма, здесь их вечное пристанище, вместо истины они источают теперь мед.

Сидя на большом утесе Свекольного Носа, я смотрю на Медовые Скалы. В лучах заходящего солнца пчелы совершают последние круги над своими каменными ульями.

Перед моим взором — село Алваринч. Направо — Тергеванк, село моей тетушки. С горы спускаются в село сельчане. Из монастыря Аракелоц идут. Ходили поставить свечку на могиле Давида Непобедимого*. Тетушка, увидев меня однажды в этом монастыре, сказала: «И ты давай прилепи, приладь свечку к хачкару** Непобедимого». Я сказал: пусть тергеванские лепят, он в их селе родился. «Почему, ты разве не армянин?» — обиделась тетка Гиневар, потом зажгла желтенькую свечечку, вложила в мою руку, отвела меня на восточную сторону монастырского двора и заставила опуститься на колени перед старым хачкаром...

---

* Давид Непобедимый — выдающаяся фигура в истории армянской философской школы начала VI века.

** Хачкар — крест-камень.

Я был так поглощен открывшимся видом, что не заметил, как спустился вечер. Сначала потемнело, густая темень покрыла землю, потом по всем четырем сторонам неба вспыхнули звезды, словно зажглись друг от дружки. Красива ночь в долине Муша.

Вот над моей головой протянулись розги святого Якова или, как говорим мы, армяне, прутья святого Акопа. По краям молочно-белого Млечного Пути постепенно перекинули мост Возничий и Весы. Один вышел из-за горы Аватамк, другой — из-за Манаскертской крепости. Звезды я превосходно различаю. Вон они. Семь Кумушек — так мы Большую Медведицу называем. Первая из семи звезд — Пахарь. Пахарь запряг пару буйволов и пару быков. А вон Пастух, вон подпасок — он принес в поле еду для пахаря и Пастуха. Рядом с подпаском виднеется еще одна звездочка — это собачка подпаска.

Скоро покажется Полярная звезда.

Прямо передо мной поблескивает красивая красноватая звезда, она только что выпрыгнула из-за Немрута — да прямо на небо. Не путай ее с Денницей. Это звезда Карван-Корус (Гибель Караванов). О, не одного путника сбивала она с пути!

На шее быка зажглись новые звезды. Взошли Луна и Денница. Сидя на макушке Свекольного Носа, я вижу, как Возничий, Весы, Денница и Караван-Корус, сияя, медленно плывут над долиной Муша.

Одна звездочка застряла среди Медовых Скал и, затаив дыхание, смотрит на другую звезду, улыбающуюся ей с макушки Сима.

Глубокая ночь. Кто-то пашет на противоположном склоне, — наверное, из селян Алваринча. Так ясно слышен скрип плуга среди ночного покоя. Волы устало движутся по склону горы. Я вижу их короткие и кривые рога, которые то падают в тень, то блестят под лунным лучом.

Я пошел, взялся за рукоять плуга и до рассвета пахал. Полярная звезда так ярко светит в небе. Это тот час, когда путники говорят друг другу: «Поднимайтесь, пора пускаться в путь».

Но куда я держал путь? Куда направлялся я?

Когда я последний раз посмотрел на небо, Пахарь уже исчез, уведя с собой быка, пастуха и подпаска. Собачки тоже не было. Покинули небо Весы и Луна. Оставалась одна Денница. Я оставил алваринчского землепашца с его короткорогими быками на поле и пошел по Деннице к Цирнкатару.

Арабо

От Ццмака вилась тропинка, ведущая к монастырю. Я пошел по этой тропинке, добрался до Медовых Скал и стал подниматься вверх по склону Цирнкатара. Вдруг тропинка исчезла, и передо мной возникла скрытая деревьями скала. Сел я на эту скалу, дай передохну, подумал я и не заметил, как меня одолела дрема. Заснул я.

И приснился мне сон. Двое мужчин, пригнувшись, шли со стороны Ццмака. Один из них был учитель истории господин Сенекерим, другой — учитель Мелкон. Вдруг господин Сенекерим побежал за куропатками, поймал двух-трех и сунул за пазуху; остальные куропатки, квохча, разбежались, попрятались в расщелинах. А учитель Мелкон подошел к Медовым Скалам. Под полый старого своего пальто он держал миску. Подставил он эту миску под стекающий со скал мед. Пчелы стали слетаться в миску. И вдруг вижу — в руках у учителя Мелкона «Нарек» и на страницах его божественные пчелы, выстроившиеся ровными рядками.

«Поучись еще немножко, чтобы мог прочесть «Нарек» и «Хент» Раффи», — услышал я знакомый голос.

Когда я проснулся, Денницы уже не было видно. Сажу один-одинешенек на горе. Не по себе мне сделалось. Ведь этот край связан с именем храброго Арабо.

Семь лет мне было, когда я впервые услышал об Арабо и его скакуне Тилибозе. Рассказы об Арабо поразили тогда мое детское воображение.

Арабо был из рода, или, как у нас говорят, из домов Рыжего попа, родился в селе Куртер провинции Брнашен. При крещении был наречен именем Аракел. Говорили, что живет он поблизости от монастыря Аракелоц, в ущелье, скрытом вековыми деревьями. Зимой работает в Алеппо, а летом с оружием в руках воюет с курдскими аширетами и турецкими богачами; с ним рядом всегда его друг — юноша из Тергеванка по имени Мхо Шаен. Арабо и Мхо Шаен держат в страхе богачей, останавливают караваны, а отобранное добро раздают бедным крестьянам.

Однажды отцу Арабо говорят, что сын его отправился на Кавказ. Полагая, что сын скопил большое добро и снаряженный им в путь караван вот-вот доберется до Муша, отец отправился встретить караван. Через одного знакомого он узнает, что Арабо видели на дороге, ведущей в город Карс, — сидит, доскать, там и молотом бьет камень для мостовых. Приходит старик в Карс, находит сына — по спине его узнает, подходит и говорит: «Аракел, лао*, ты, значит, камень бьешь? А где же твои караваны, которые с Кавказа в Муш шли? Тьфу, чтоб молоко твоей матери поперек горла тебе стало!» — и, не взглянув больше ни разу на сына, возвращается в Брнашен.

---

* Лао — парень (западноарм.)

Я был поглощен мыслями об Арабо, как вдруг рядом со мною вырос всадник. Он соскочил с седла и, держа лошадь за узду, шагнул ко мне. Одет он был в абу* с короткими рукавами, на голове красная шапка — арахчи, на ногах трехи из сыромятной кожи и шерстяные носки, в руках берданка.

---

* Аба' — верхняя одежда жителей Западной Армении, типа жилета.

— Ты что тут делаешь, на скале этой? — спросил он, склонившись надо мной.

— Да вот сел отдохнуть и о храбре Арабо вспомнил.

— Арабо — я, ты сидишь на моей скале. Откуда родом?

— Из Муша я.

— Отчаянный, видать, парень, раз пришел и сел на этот камень. Подержи лошадь, я сейчас вернусь. — Сказал, дал мне узду и исчез.

Смотрю я — в руках у меня уздечка, а поблизости — никого. У меня прямо в глазах зарябило. Неужели это был Арабо? Куда же он ушел? И вдруг слышу из-под земли глухой голос: «Веди коня к Медовым Скалам», Дрожь меня объяла. А голос снова: «Веди копя к Медовым Скалам».

Спустился я, ведя за собой лошадь, к Медовым Скалам, дошел ровно до того места, где учитель Мелкон стоял в моем сне. Пчелы яростно кружились вокруг устремленных к небу скал. Куропатки, вылетев из расщелин, заполнили ущелье.

И вдруг кто-то сзади положил мне руку на плечо.

То был Арабо...

Откуда он объявился, я так и не понял.

Арабо посадил меня на Тилибоза, и мы пустились в путь. Куда он направлялся, куда вез меня? Мы пробирались через леса. Он проходил через эти леса как хозяин, смело, бесстрашно. И ни одна живая душа, никто не осмеливался встать на его пути. Время от времени он осаживал на всем скаку лошадь (обычно возле какой-нибудь орешины), отрывал кусок сухой коры, клал его на огниво и с размаху ударял кремнем. Временами он затягивал песню, и голос его так и гремел. А большей частью, спокойно покуривая, не спеша рассказывал о бесчисленных своих стычках с беками, о том, как, переодевшись шейхом или же аширетским старейшиной, он приезжал в село, где бесчинствовал угнетатель, и убивал его прямо в его владениях.

Было просто невероятно, что я восседаю на коне этого легендарного человека, которого даже во сне не мечтал увидеть так близко. Несколько раз он положил свою красную арахчи на мою голову, и я преисполнился гордости;

что и говорить, я был так польщен его отношением, что готов был идти с ним хоть на край света.

Метким, искусным стрелком был Арабо, в первый же день он научил меня пользоваться оружием. Его берданка была одноствольная — он вкладывал ее в мои руки и, стоя рядом со мной, учил стрелять без промаха. И еще он меня научил лазить по скалам и перелетать на лошади через пропасти и ущелья.

Одним из любимых мест Арабо было ущелье возле села Шмлак, это по дороге к Брнашену. Дорога в этом месте была узкая-узкая и петляла по горе Хачасар, что означает Крестовая. В лесах

Хачасара было много красного боярышника, здесь его называют алуч. Арабо частенько приводил меня в эти края полакомиться алучем. Но отчего-то всякий раз, выезжая на эту дорогу, он делался печальным.

Позже я узнал, в чем было дело.

Евангелие «Кочхез», принадлежащее роду Рыжего попа, хранилось в доме Арабо, в родовом сундуке, в селе Куртер. Книга эта обладала такой силой, что в давние времена хутцы, отправляясь на войну, приходили и клялись на ней. По просьбе настоятеля Арабо повез «Кочхез» в церковь св. Карапета, чтобы крестьяне, отправляясь на войну с султаном, вместо библии клялись на ней. Он привязал ее к седлу и поехал. В Теснине лошадь вдруг рванулась, книга соскользнула в ущелье.

— Вот здесь это случилось, — говорил Арабо, показывая мне на узенькую тропку в ущелье.

Мы кружили с Арабо по горам Брнашена, и это было моим первым уроком, незабываемым уроком армянской истории.

Арабо мечтал создать в Сасуне княжество, назвать его Талворик и объединить все крепости Сасуна и Муша.

Крепости...

Боже правый, сколько их здесь было! Что ни гора — крепость, что ни холм — укрепление. В Мушской долине была возведена знаменитая крепость Мушега. На Мокской равнине сохранились развалины Мокской крепости. В Алваринче находится крепость Пстик, то есть «маленькая». В долине Бердака, повыше Хасгюха, стоит загадочная крепость — Смбабтерд. Как только Тилибоз приближается к этой крепости, он громко ржет и бешено бьет копытом.

Однажды Арабо посадил меня на Тилибоза и повез к вершине Смбабтерда. Оттуда, через Сасунские горы, погнал лошадь к мосту Фре-Батман — на дорогу, ведущую в долину Тигра.

— Вот граница моих владений, — сказал Арабо, останавливая лошадь на мосту.

От шума неукротимой воды, ударявшейся о своды моста, лошадь поднялась на дыбы. Еще мгновение — и я, сорвавшись с седла, исчез бы в стремнине, не поддержи меня Арабо.

— Жил на свете знаменитый мастер по имени Батман, строил мосты, — сказал Арабо, — в «Памятной Книге» Рыжего попа есть о нем запись. Как-то пришли к нему сасунцы: дескать, просим тебя, перекинь мост через нашу реку.

«Как река ваша называется?» — спросил Батман.

«Река Сасна».

«Откуда исток берет?»

«С вершины Маратука и Цовасара».

«Ну что же, — сказал мастер, — я согласен».

Каменоломня находилась возле города Фархин. Взял Батман мерки, поставил сваи. На следующий день пришел к реке — свай как не бывало. Поставил он их во второй раз, в третий — та же история. Не держатся. Удивился Батман. Никогда с ним такого не бывало.

В ту же ночь он увидел во сне старика, который сказал ему: «На реке Сасна мост не удержится, Батман. Мужской норов у этой воды. Если хочешь, чтобы мост держался, положи под сваи первое живое существо, встретившееся тебе утром по пути».

Наутро приходит Батман к реке и видит — его возлюбленная жена несет ему еду. Следом бежит собачка. Расстроился Батман, прямо сердце защемило. Но тут собака обогнала хозяйку. Перевел дух мастер. Но женщина была нетерпелива, она заспешила, споткнулась и пролила обед на землю. Собачонка кинулась слизывать пролитый обед. А Фрешан подошла к мужу. Помрачнел Батман. Жена спросила, отчего он так печален. Мастер рассказал про сон. И сказала женщина ласково: «Чему быть, того не миновать, строй свой мост».

Батман положил жену под сваи и построил мост.

«Если бог не ломает, сколько этот мир стоит, столько и мост ваш продержится», — сказал мастер и кинулся в мутные воды. Больше его никто не видел. Мост называли Фре-Батман — по имени мастера Батмана и его жены Фрешан.

Арабо несколько раз прокатил меня по этому мосту, потом погнал коня по Нижне-Сасунскому полю к Талворику.

Ночь мы провели в Дзкнголе.

Родник проса

Этот родник находится на склоне Цирнкатара. Повыше проходит дорога, соединяющая Муш с Сасуном.

На рассвете мы с Арабо добрались до Цирнкатара и с его вершины наблюдали восход солнца. Тот, кто не видел восход солнца с Цирнкатара, пусть никогда не говорит, что жил на этом свете. Что до родника, то невозможно побывать в этих краях и не спуститься к нему. Спустились и мы. Арабо пустил Тилибоза пастись, а сам поспешил к роднику. Он наклонился, зачерпнул воды в красную арахчи, выпил, потом снова зачерпнул и протянул мне шапку, полную воды. Почти все хутцы пили воду таким способом.

После обеда с самиром, того, что я съел у бердакца на поле, я горячего не отведал. Мы с Арабо оба были голодны. А был у нас с собой один только просяной хлеб:

маленькие, сухие колобки, твердые как камень.

Этот хлеб хорошо есть, размачивая в молоке.

Арабо отправил меня к пастухам за молоком, а сам — правая рука на прикладе — прилег отдохнуть.

Я был уже довольно далеко, вдруг мне показалось — слышу за спиной лошадиное ржание. Обернулся — гляжу, вооруженный какой-то мужчина поставил ногу в стремя, собирается оседлать Тилибоза.

— Арабо, Тилибоза увели! — закричал я не своим голосом и побежал к лошади.

От моего голоса Арабо вскочил, схватил твердый ком и, не метясь, кинул в разбойника. Он, видно, попал ему в висок — вор, бездыханный, растянулся под копытами взвившегося коня.

Я удивился. Откуда, подумал я, он взял камень, ведь там, где лежал Арабо, была одна трава да цветы.

— Чем ты его ударил? — спросил я.

— Хлебом. Просяным хлебом.

Времени, чтоб идти за молоком, больше не было; сели мы возле родника, смочили в воде остальные колобки, тем и сыты стали.

И весть такая распространилась, что Арабо из рода Рыжего попа убил просяным хлебом багревандского курда, вознамерившегося похитить его лошадь.

С того дня за родником осталось название Родник Проса. И хотя эту историю рассказывали про одного смелого сасунца, крестьянина из села Ахбик, на самом деле название родника связано со случаем, очевидцем которого был я сам. С незабвенным Арабо все это было.

Всего год прожил я у Арабо в брнашенских горах.

Однажды Арабо проснулся чуть свет. Я придержал ему стремя, и он взлетел на своего скакуна. Я почувствовал, что на этот раз он собрался в далекий путь. Перед тем как отправиться в дорогу, он вытащил из-за пазухи табакерку из орехового дерева и, протянув мне, сказал:

— Ступай в Красное Дерево и принеси мне оттуда табаку. — И еще сказал: — Ежели меня не застанешь, отдашь Роднику Серобу. Его место — Согорд, это в Хлате.

На следующий день до меня дошла весть о гибели Арабо. На горе Косура есть ущелье, называется Гялараш (Черная крепость). Арабо погиб в этом ущелье в 1895 году, когда с пятью товарищами, переодетыми в курдскую одежду, был поднят со сна и вступил в неравный бой с большой шайкой грабителей.

Его оружие видели потом у одного хаснанского курда.

Но я его просьбу выполнил.

Красное дерево

— Красное Дерево, где ты, я пришел! — крикнул я и вскочил на ноги.

С Ццмака я спустился в долину Муша и, держа направление на запад, прошел пониже сел Ачманук и Кардзор. Так дошел я до села Хоронг. Повыше Хоронга находилось Красное Дерево, которое чужаки называли Гызлахач.

Я сидел на склоне горы Хозмо и по правую руку от себя видел красивый лесок и в нем деревья, сплошь покрытые красным листом. Наверное, по этой-то причине и называлось село Кармир Цар, то есть Красное Дерево.

Я пришел сюда на следующий день после того, как узнал о гибели Арабо. Еще не заходя в село, я вдруг почувствовал, что уши мои словно заложило. Какой-то глухой, глубокий стон доносился со стороны горы Зангак. Я этот шум уловил, еще когда проходил под Кардзором. И чем ближе делалось Красное Дерево, тем сильнее становился шум. В конце концов я понял, что это шумит водопад Гургюра, тот, что над Арацаном, — водопад этот слышен еще издали, особенно в ясные ночи и на заре. Арабо про этот водопад говорил: «Потому Гургюра зовут, что голос подает и голос тот три дня пути прodelывает».

Постепенно я привык к этому шуму и с табакеркой Арабо за пазухой ступил в Красное Дерево. Табак этого края славился по всей Армении. Я помню, как учитель Мелкон частенько наведывался на рынок, чтобы запастись табачком из этого села.

Во всем селе было одно-единственное дерево, и росло оно во дворе церкви.

На мои расспросы, в каком, дескать, доме можно купить самый лучший табак, мне показали дом крестьянина Арменака, который, по словам односельчан, был лучшим мастером по табаку. Еще они сказали, что он бежал в Красное Дерево из Агаронга, что в Сасуне. Долгие годы был в России и только недавно вышел, дескать, из тюрьмы.

Я прошел несколько домов и очутился возле указанного дома. Я увидел низкорослого крестьянина, худого и костистого. На голове красная арахчи. Чем-то черты лица его напомнили мне Арабо.

Но меня в эту минуту ничто не интересовало. Я спешил наполнить табакерку табаком и пуститься в обратный путь.

Арменак повел меня к табачным грядкам, потом в сушильню повел и, показывая на связки и впрямь отменного табака, спросил:

— Тебе сколько же табаку надо?

— Всего лишь коробок, — ответил я.

— И из-за коробка табаку ты шел в Красное Дерево? — Он подумал, наверное, что я шучу, и засмеялся.

Как же он удивился, когда я действительно достал из-за пазухи табакерку и протянул ему. Он повертел ее в руках, внимательно посмотрел на стертый узор, словно хотел вспомнить что-то. Дважды он испытующе взглянул на меня из-под бровей. Кашлянул. Снова обследовал табакерку потом наполнил ее табаком. Крепко умял его пальцами и, закрыв табакерку, протянул мне со словами:

— Не иначе, цель какую-то имеешь, если за одной табакеркой столько шел.

Хотел я ему сказать, что цель моя добрая, но почему-то глаза мои застлали слезы, и он понял, что меня мучает какая-то печаль. Он и сам прослезился и пригласил меня к себе домой, но я посчитал правильным тут же пуститься в обратный путь.

Арменак из Красного Дерева проводил меня до околицы. Маленький, живой человек был, немногословный, все больше со своими мыслями пребывал. Он не спросил меня, откуда я иду, куда направляюсь, да и есть ли мне куда идти...

Лес дивно благоухал. Горделиво возвышались, прильнув к друг другу или же стоя рядышком, граб, ольха и белый тополь. Но главным в лесу был краснолистый клен.

— А из этого дерева, крепкого, тяжелого, наши деды изготавливали стрелы, — сказал Арменак, приближаясь к какому-то дереву. — Посмотри, какой здоровый блеск у его листа. — Вот и весь его разговор.

Он сорвал ветку, — наверное, чтобы сделать из нее посох, — и, медленно ступая, пошел обратно. А я, пройдя несколько шагов, растерянно остановился на опушке леса.

Я был просто потрясен. Стоял и не знал, куда же мне идти. Несколько раз я поднес табакерку к лицу, чтобы почуять дух Арабо. Потом положил ее за пазуху и быстро зашагал в сторону Мушской долины, не отрывая глаз от Хлатских гор.

И чем дальше удалялся я от Красного Дерева и горы Зангак, тем глуше делался вой Гургурь. Успокоившись после гневных воплей Арацани, мои уши стали внимать мягкому журчанию Медовой речки.

Только в одном месте я сделал остановку: то был Сохгом, знаменитый своим луком и сладкой репой. В окрестностях этого села речка моего родного города вливалась в воды Меграгета — Медовой речки. Добираясь до этих краев, она прекращала свое существование, сливаясь с большой рекой, делаясь неузнаваемой и неуловимой.

Моя жизнь похожа на эту речку, подумал я.

Я шел по направлению к Хлату, удаляясь от родимого края, будто сливаясь с чем-то большим и незнакомым. Вернусь ли я когда-нибудь в Муш, бог весть.

В горах Хлата

Согорд находился в Хлате. Армяне и курды называли этот край Хлатом, а турки — Ахлатом.

От Сохгома я повернул на восток и пошел к Хлату, миновав села Азахпюр и Арагили Бун*, что в Мушской долине.

---

* Арагили Бун — букв.: «Гнездо Аиста» (арм.)

Гнездо Аиста... Название этого маленького армянского населенного пункта на протяжении многих лет, переходя из уст в уста, превратилось из Арагили Бун в Алиглбун.

На краю села меня остановила какая-то старуха.

— Куда путь держишь, парень?

— В Хлат иду.

— В Хлат? В какое село?

— В Согорд, — ответил я.

— Остерегайся песков Шамирам и воронок с мелкими колючками, лао. Странник-голубь за кормом пойдет, в западню попадет, — предупредила старуха и рассказала старую историю, случившуюся в песках Шамирам.

Правителем горы Немрут был некий спесивый, надменный князь. Однажды этот князь велел нагрузить караван верблюдов песком из Ванского моря и пригнать их на вершину Немрута, чтобы вознестись на небо, одним ударом меча повергнуть бога и сесть на его Место. Отец небесный, рассерженный, обратил верблюдов в камни на том самом месте, где дорога сворачивает к селу Шамирам, а гору Немрут проклял и поразил громом — на ее месте образовалась гигантская воронка, из которой по сей день поднимается желтый пар. Бесстыжий князь был наказан, а господь, сжалившись, наполнил воронку холодной родниковой водой, чтобы землепашец мог возделывать свои поля.

— У бессовестного нет бога, у бесстыжего — совести, — заключила старуха и ушла.

Несмотря на то что алиглбунская старуха предупредила меня насчет «каменных верблюдов», я все же заблудился — чудом только меня не поглотили немрутские пески. Село Шамирам лежит в маленькой низине у подножья Немрута. Рядом возвышаются четыре больших холма, а чуть подальше находится еще один, пятый, остроконечный холм; вытянув шею, он смотрит на Немрут. Ни дать ни взять верблюд. А ну как сейчас эти пять окаменевших верблюдов поднимутся и пойдут на меня; у меня прямо мурашки по телу побежали, я ускорил шаги, чтобы быстрее попасть в Согорд. Но вместо этого очутился на поле, усеянном колючками и сухим кустарником.

Струящиеся из-под ног ручейки песка и бесконечные воронки так и затягивали. И впрямь, я был в этих краях как странник-голубь — на каждом шагу меня поджидала западня. Один из моих башмаков потерялся в песках. Я попытался найти его, но не смог и стал уже жалеть, что пустился в такое чреватое трудностями путешествие.

Насилу я одолел пески и верблюжьи колючки. Но тут передо мною встало новое препятствие. Жандармы султана поймали старика касурца и, связав его волосяной веревкой, куда-то вели. Они хотели выпытать у него, где прячутся фидаи. Из их разговора я понял, что начальника жандармов звать Галиб, а имя мученика — староста Хечо.

— Где ты видел Сероба и его людей? Когда? — орал жандарм.

— В прошлом месяце видел. Пристали они ко мне: отведи, мол, к горе Куртык. Ну я и отвел их к Куртыку.

— А от Куртыка куда они пошли?

— К Косура-горе.

— А от Косуры куда их повел?

— От Косуры к Хатавину пошли.

— По дороге они курили?

— Да вроде бы и курили.

— Окурки на землю бросали?

— Нет, эфенди. Размяли в руках и развеяли по ветру.

— Там, где они стояли, земля была или трава росла?

— Трава, эфенди, трава.

— Во что они были одеты?

— В чохах* все были. Кой у кого на голове папаха была.

---

* Чоха, чуха — верхняя одежда типа армяка.

— Куда дальше пошли?

— Откуда же мне знать? Одна гора Хатавин — десять дорог, поди разберись, по какой пошли.

— Ты меня знаешь, рес Хечо, — заорал жандармский начальник. — А я и тебя знаю, и деда твоего знал, и прадеда! Не шути со мной, староста!

— А чего мне бояться? Самое большее — голову отрубишь, горстка крови оросит землю... Что я, всем фидай дед родной, что ли, чтобы места их знать?

— Ты как наш подданный обязан был поймать врагов султана и сдать их нам.

— Это же птицы, эфенди, как их поймаешь? Фидай не ведают границ. Да они через сто аширетов, через тысячи гор перелетят и сядут на нужную им гору. А завтра, глядишь, еще куда-то полетели. Рука у султана длинная, пусть он и ловит их.

— Значит, ты не хочешь сказать нам, где отряд Сероба?

— Убьете — и то не скажу.

— А может, на Немруте?

— Ну да, так бы они и дали тебе и твоим красноголовым башибузукам мучить меня.

Хечо говорил смело, кричал на них, можно сказать, да еще и трубкой об землю в ярости постукивал.

— А когда Сероб на Куртыке был, что он сказал крестьянам?

— Сероб сказал: «Вы в стране султана без хлеба можете прожить, без оружия же — вам нельзя».

— Еще что сказал?

— Еще сказал: «Я родом из благополучной семьи. Но надо, чтобы и счастливые иногда плакали — чтобы несчастные утешились. И поэтому я первым делом наш большой дом, наш очаг в хлатском Хче разрушил, чтобы матери моих врагов, когда захотят проклясть меня, не могли сказать: «Да разрушится дом того, кто наш дом разрушил».

— И ты не хочешь показать нам место этого бунтовщика?

— Я вам его слова поведал, а где он — не знаю.

— Быстро укажи его место, не то испечем тебя в этих песках.

— Не скажу.

По приказу Галиба жандармы снова начали пытаться старосту, потом, привязав к шее большой камень, зарыли живьем в песках. Засыпали песком по горло. Голова только торчит, страшно смотреть. Потом принесли охапку верблюжьих колючек, рассыпали возле старосты, сунули ему в рот трубку, сказали: «Кури теперь». Подпалили колючки и удалились.

Когда они спустились в ущелье, я пополз к страждущему соотечественнику своему, землепашцу Хечо, ногами-руками раскидал огонь, снял камень с его груди...

Вскоре я увидел, как старик выбрался из песков и, сердито попыхивая трубкой, спустился в ущелье. А я с табакеркой Арабо за пазухой продолжил свое восхождение.

Наконец с большим трудом я одолел гору Немрут, оставив позади пески Шамирам и каменных верблюдов с колючками.

На Немруте

Село Согорд располагалось на высоком склоне Немрута. Я нашел нужный мне дом и постучал в дверь.

— Кого ищешь? — спросили изнутри.

— Родника Сероба.

— Тебе в горы надо идти, — сказали. — И сам он, и Сосе в горах.

Потом они увидели, что разутый я, кинулись обувь мне искать, ничего подходящего не нашли. А я что имел при себе, оставил у них, чтобы налегке шагать. Я только хлеба у них немножко взял и пустился в путь.

Бедный мой отец, откуда ж ему было знать, что его сапожник-сын останется однажды без обуви.

Я прошел мимо кладбища, которое было отделено от села каменной стеной, и стал взбираться в гору. На мое счастье, гора была покрыта синими цветами первоцвета и ласкающей глаз свежей зеленью.

Родника Сероба я нашел в каменистой лощине Немрута сидящим на скале. Сероб был более крепкого сложения, чем Арабо, выше его и куда как лучше вооружен. У Арабо была всего-навсего простая берданка, а Сероб держал в руках мосинскую винтовку. На нем был кожаный патронташ, перекрещивающийся на груди. Лицо смуглое освещенное большими глазами. Голова обвязана серым платком, концы которого свободно болтаются.

— Что, пришел пташек посмотреть? — спросил Родник, смерив меня взглядом с головы до ног.

В те дни «пташками» именовали тех армянских селян, которые, взбунтовавшись, уходили в горы, — имея в виду их бродячий образ жизни.

— Нет, пришел сам пташкой стать, — смело ответил я и, вытащив из-за пазухи табакерку с табаком, протянул ему.

Сероб взял табакерку, понюхал и говорит:

— Красного Дерева табак. Куришь?

— Нет.

— А что же делает эта коробка у тебя?

— Табакерку мне Арабо дал, а табак я в Красном Дереве взял.

— Ты знал Арабо?

— Ровно год служил у него, — с гордостью подтвердил я.

— Как звали его коня?

— Тилибоз.

— Ну раз так, оставь табакерку себе, а табак мне дай. — С этими словами Родник Сероб вытряхнул табак в свой кисет, а табакерку вернул мне.

— Молод ты еще, чтоб братья за оружие. — Ясное дело, Родник Сероб хотел отправить меня обратно.

Дай, думаю, скажу, что оружием пользоваться я умею, но тут он вдруг поглядел на ствол своей винтовки и говорит:

— Ежа можешь поймать?

— Отчего же нет, — отвечаю, — чего проще.

— Ну так пойдёшь принеси мне ежа. Я тут же поднялся на холм, поймал несколько ежей и вернулся к нему.

— Молодец. Мне один был нужен, а ты сколько приволок. Ну-ка почисти салом ежа ствол.

У Родника Сероба ствол был длинный, кольчатый. Я тут же при нём освежевал ежа, отделил сало и стал чистить ствол. С большим усердием я работал, понравилась ему моя готовность.

Когда ствол заблестел, Сероб спросил:

— Значит, ты хочешь остаться у меня?

— После Арабо единственное мое желание быть с вами, — сказал я.

И я остался в горах Немрута у Родника Сероба.

О землеробе этом давно уже шла слава защитника простолюдинов. Он и его жена Сосе с шестнадцатью солдатами особенно отличились в знаменитой битве при Бабшене, с той поры в народе о них слагали песни.

Сероба и всю его семью преследовали люди султана. «Как бы сделать, лесенки такой нет — подняться да богу пожаловаться. Хотим не хотим, а в горы должны податься, чтобы честь свою и жизнь защитить», — сказала как-то Сосе и ушла в горы в отряд мужа.

Сосе я увидел на следующий день на заре. Мы с Серобом пришли к какой-то горной речушке, а на противоположном берегу в это время показались вооруженные мужчины — человек семь-восемь. Они закатали штанины, перекинули постолы-трехи через плечо и вошли в воду. Один из них держал за руку идущего следом молодого солдата — другой рукой он удерживал над головой оружие, — пытался противостоять волнам. Холодная вода захлестывала выше колен. Молодой солдат, дойдя до середины реки, остановился и еще немного закатал штаны. Два-три солдата при этом отвернулись, а тот, кто держал его за руку, прикрыл лицо рукавом.

Молодым солдатом оказалась Сосе, одетая в мужское платье. Все вышли из воды мокрые. Сосе отделилась, спустила брючины — а лодыжки синие-синие — и стала обуваться. Я заметил, как один из гайдуков, проходя рядом с Родником Серобом, покачал головой:

— Не дело это, паша, не дело.

Светловолосой, красивой женщиной была Сосе, стремительного роста, на румянном лице горделивая улыбка. Но еще краше и горделивей была она в своем наряде гайдука, с перекинутыми на грудь косами, с плотно охватывающим талию патронташем.

Родник Сероб присоединился к своим «пташкам», и отряд двинулся.

Не только Сосе, но и два брата Сероба, тоже землепашцы-ранчпары, и старший сын, убежав от султанского ига, обитали в горах. Воины Сероба были крестьяне из горных селений и долины. Имена некоторых из них в первый день даже навели на меня трепет: Лев Аваг, Усатый Карапет, Беспощадный Ованес, Молния Андреас, Лоло Аджи, Град Тадэ.

Оставшись на Немруте, я уже не расставался с «пташками» Родника Сероба, я и сам стал одним из них. Я вылавливал ежей в горах, чистил ружья товарищей, приносил для отряда хлеб и молоко — у пастухов брал.

Эти семь-восемь воинов всегда вместе держались, и Сосе тоже всегда с ними была. Иногда они группой исчезали. Я никогда не знал, куда они ушли, для чего.

Армяне-селяне частенько заявлялись в горы: «Сероб, хаснанские курды наше стадо увели, помоги нам», «Сероб, Арабо нету, ты наш защитник», «Учителя из Икны снова в тюрьму засадили, что делать, Сероб...» И Сероб, землепашец Сероб, фидаи Сероб, всюду поспевал. Всем сердечную жажду утолял. Потому и прозвище было дано ему Родник.

Однажды в февральский снежный день, когда мы находились в Согорде, воины султана вдруг окружили село. Искали предводителя повстанцев — Родника Сероба то есть. Сероб взял винтовку и покинул село, чтобы не стать причиной погрома. У него был белый балахон поверх одежды, и он спокойно пробирался по снегам. Султанские воины не поспевали за ним, потому что лошади по брюхо проваливались в снег. Время от времени Сероб оборачивался и стрелял. Три всадника султана были убиты. Сероб поднялся на Немрут и глазами искал меня, а я с мешком хлеба за спиной уже сидел на вершине горы и спокойно поджидал его. Жандармы, решив, что Сероб погиб в окрестностях Немрута, убрались восвояси.

Мы с Серобом достигли кратера горы. Широкая горловина была в клубах рыжего пара: из кратера били горячие источники.

Когда уже все — и армяне, и турки, и курды — считали Сероба погибшим, герой Согорда вновь объявился в хлатских селениях живой-невредимый, и народ начал слагать о нем легенды и прозвал его Немрутским Львом. Имя это частенько встречалось и в курдских песнях и даже дошло до слуха султана.

В сентябре этого же года снова надолго исчезла Сосе. Когда армяне Багреванда восстали против султана, Сосе поднялась в багревандские горы и руководила крестьянским восстанием.

Впрочем, воинам Сероба не нравилось то, что в их отряде находилась женщина. Сосе была храбрая. Но храбрейшему из храбрых не пристало водить с собой жену, пусть даже переодетую в мужское платье, пусть даже храбрую. Из-за Сосе несколько повстанцев уже покинули отряд Сероба, в том числе один из преданных его солдат Андраник.

Трое недовольных были самые любимые солдаты Сероба, его близкие друзья, один из них — Молния Андреас из села Шамирам, того самого, среди песков. Молния андреас всегда шел во главе отряда и отвечал за дорогу. Лицо его внушало всем ужас, он носил на голове громадную овечью папаху, а усы его доходили до ушей.

Другой был Лоло Аджи, еще его звали Аджи Гево, он участвовал в боях при Ханасаре и Бабшене. Лоло Аджи был верным телохранителем Сероба. И третий — Град Тадэ из сасунского села Фетара. Этот чуть ли не младенцем взял в руки оружие — вместе с отцом своим он участвовал в знаменитых битвах под предводительством князей Грко и Пето.

Беспокойным воином был Тадэ, страсть как нетерпеливым. Всегда он первым стрелял, не выдерживал. Битва еще не началась, а он палит.

Однажды он метнулся к скале, спрятался за нею и давай с невероятной быстротой открывать и закрывать затвор.

— Ты что там делаешь, Тадэ? — спросил Родник Сероб, приближаясь.

— Разбираю пули, паша, полую от полной хочу отделить, — ответил Тадэ и, покусывая усы, дернул изо всех сил курок.

Сероб рассердился, отобрал у него винтовку и пригрозил, что выгонит из отряда, если Тадэ будет нарушать порядок и стрелять без приказа.

— Не дело это, паша, не дело... — всякий раз говорили Молния Андреас, Лоло Аджи и Град Тадэ, когда, переходя горные речки, вынуждены бывали по очереди переводить Сосе за руку.

И вот однажды они сказали Серобу:

— Отправь Сосе в Сасун, а сам оставайся на Немруте с нами.

— Воду когда переходим, какое она имеет право оголяться при нас? стыдно нам на ее босые ноги смотреть.

— Не миновать нам беды из-за Сосе, увидишь, — сказали.

Душа Сероба была в Бабшене, а сердце в Сасуне. В сасунском селе Гели был у него старый друг по имени Тер-Кадж. Увидел Сероб, что правы его солдаты, взял Сосе и ушел в Гели.

И меня с собой взял.

Село Гели (или иначе Гелигюзан) находилось в ущелье. Речка делила село на две части. А вообще село состояло из множества кварталов, и каждый квартал имел свое название. Все дома построены были на покатом склоне горы Андок, каждый дом — на отдельной скале. Главные кварталы были — Тахврник, Харснгомер, Гарипшан, Мхитар, Тех и Гюх, что означает село.

Дом Тер-Каджа находился в Гюхе.

Постучался Сероб в дверь Тер-Каджа и сказал:

«Оставляю Сосе у тебя, а я ночь только заночую, на рассвете соберешь меня в дорогу».

Тер-Кадж сказал: « А давай-ка и ты оставайся в Сасуне. Столько времени в Хлате был, поживи-ка теперь у нас несколько лет».

И все крестьяне хутские повалились ему в ноги, говорят:

— Арабо нет, будь хозяином в стране Арабо.

И ночь Сероба сделалась неделей, а неделя — месяцем.

Видя, что Немрутский Лев запаздывает, воины его собрались и тоже пришли в Сасун.

У Сероба сын был, в Хлате жил, звали Акоп, и два брата — Мхо и Захар.

Все трое гайдуки были.

Они тоже пришли в Сасун.

Выстрел в селе Гели

После смерти Арабо своими смелыми действиями прославился в Сасуне один молодой парень по имени Геворг.

Геворг был родом из сасунского села Мктинк, что в провинции Бсанк, воевал в отряде Арабо и Сероба.

Отец его был знаменитый охотник. Сына своего он отдал в монастырь Аракелоц, хотел из него монаха сделать. И вот однажды сын уходит из монастыря, идет домой. Приходит — видит: дома на стене ружье кремневое висит, а под ним на тахте богатырь спит, лицом к стене, одет в черную абу.

— Отец мой, не иначе, — говорит Геворг, не сводя глаз с оружия. Будит великана и говорит: — Я четыре года проучился в монастыре. Дай мне теперь ружье, пойду разыщу отряд Арабо, с ним и останусь.

— Прочь с глаз, щенок, куда тебе до Арабо! — сердится отец и велит сыну вернуться в монастырь и читать свои шараканы*.

---

* Шараканы — средневековые религиозные песнопения.

Геворг, обиженный, покидает родительский дом.

Проходя по селу, он видит, как два багревандских курда зверски трясут орешину во дворе церкви, Геворг в сердцах набрасывается на них. Завязывается драка. Испуганные односельчане прячутся по домам, и Геворг, изрядно побитый, с проломленной головой, уходит из села.

Армяне, беженцы из сел Бсанка, основным своим прибежищем избрали город Алеппо, там они работали большей частью в пекарнях и на мельницах. Арабы, чтобы отличить сасунских армян от прочих, называли их сусани.

Геворг находит двух путников-торговцев, следующих в Дамаск, и присоединяется к ним, а самому ему в Алеппо нужно.

Дойдя до городских ворот, торговцы говорят:

— Вот тот город, что называется Алеппо, а мы дальше идем.

Геворг стоит у входа в незнакомый город и не знает, что делать.

Вот и Арабо, думает он, точно так же стоял, растерянный, перед городскими воротами, когда шел в Алеппо наниматься на работу.

Из-за плоских кровель показывается купол церкви.

— Как название этого храма? — спрашивает он у какого-то араба.

— Сорока Святых Младенцев.

— Кто построил?

— Один сусани.

— Строитель жив?

— Строеие есть, а кто построил, того давным-давно уж нет. Тысяча лет этой церкви. Великий халиф Дамаска, — продолжает рассказывать старый араб, — пришел однажды в Алеппо. Никто не встретил его, один только сасунский мастер-кожевенник оказал почести. Халиф растрогался и спрашивает сасунца:

«Что мне сделать для тебя, добрый человек?»

«Я родом из села Гомк Бсанкской провинции. В Сасуне это, великий халиф, — говорит кожевенник. — В нашем селе церковь была Сорока Святых Младенцев. Если хочешь сделать мне милость, дай клочок земли, я построю здесь такую же церковь для живущих в Алеппо сасунцев».

«Сколько земли тебе надо?» — спрашивает халиф.

Сасунец под мышкой держал кусок сыромятной кожи. Бросает на землю и говорит: «С эту вот шкуру бычью».

«Если сравнить с тем, что ты сделал, слишком мало просишь», — замечает халиф и, взяв у него кусок кожи, разрезает на тонкие ремешки и, связав их, получает нужную меру и дает сасунцу в самом центре города клочок земли.

И сасунец строит там свою церковь.

...Утром звонарь, направляясь к колокольне, видит:

лежит перед храмом юноша с перевязанной головой.

— Кто ты, парень? — спрашивает звонарь, разбудив спящего юношу.

— Я бсанкский Геворг.

— Странник, значит?

— Странник, и голова у меня, видишь, разбита.

Приходят на утреннюю службу алеппские армяне. Выясняется, что два-три человека знают родителей Геворга. Окружают его, спрашивают, зачем, мол, он в эти края пришел.

— Заработаю денег, куплю ружье, пойду спасу страну от султана, — говорит Геворг. Потом рассказывает про то, что случилось с ним в родном селе.

Несколько пекарей и мельников родом из Сасуна думают: от нас проку никакого не было, может, этот чокнутый что сделает? Складываются, покупают для Геворга ружье и отправляют в Сасун — обратно, значит.

— Что ж, ступай спасай армянскую нацию!

Один старый пекарь выражает сомнение.

— Этот парень, — говорит он, — явился сюда с разбитой головой. Избитый двумя курдами из-за каких-то орехов — как мажет такой человек целую нацию спасти?

— А ты поверил бы, если б тебе сказали, что какой-то несчастный кожемяка Гомка попадет в Алеппо и в одиночку целую церковь построит в центре города? Пока человеку не разобьют башку, он боль народа не поймет, — возражает ему другой пекарь.

— Храбрый, видать, парень, пусть пойдет испытает судьбу, — вступает в разговор третий.

А отец с матерью ждут Геворга неделю-другую — сына нет и нет.

— Ох, пропал-погиб наш бедный сын, — говорят они и сокрушенно хлопают себя по коленям.

У отца Геворга было несколько братьев. Один из них высказывает предположение: племянник-де отправился в Алеппо. Решают одного из братьев отправить на поиски.

— Да с добрым утром, Христос ласковый, — говорит старший брат и пускается в путь на заре.

А Геворг, разминувшись с ним, приходит вооруженный в Сасун. По дороге Геворг убивает дикого козла и с тушей за плечами входит в дом. Дом, да какой дом — крепость целая из базальта. Кладет добычу на пол и ложится на тахту лицом к стене.

Входит в дом отец, видит: незнакомый человек спит на тахте, в изголовье ружье висит, на земле убитая дичь лежит.

— Не иначе, это сын мой, — говорит отец и будит спящего юношу.

— Плохой сосед вынудит человека взять в руки оружие, — говорит Геворг.

Взяв ружье, он в тот же день уходит в горы и, разыскав отряд Арабо, присоединяется к нему.

После смерти Арабо Геворг перешел в отряд Родника Сероба. В одном из сражений он убил самого влиятельного чауша султана, за что и получил кличку «Геворг Чауш».

Чуть пониже среднего роста был Геворг, смуглый и плечистый, с горящими глазами. Волосы черные, кудрявые, брови густые, красивого рисунка. Арабо часто рассказывал о нем, но в лицо я его никогда не видел. А Сероб говорил, что он пользуется большой славой среди курдов и так бойко говорит по-курдски, что не отличишь от курда.

В Сасуне настрого запрещается умыкать девушек — чтобы не нарушать мира в армянских деревнях.

— Бороды вам повырываем, если обвенчаете умыкнувшего, — предупреждали сасунцы своих священников.

Когда Родник Сероб гостил у Тер-Каджа, пришла весть о том, что один из дядьев Геворга Чауша умыкнул женщину из сасунского села Ахбик. Сельчане нагнали виновника и привели к Немрутскому Льву. Они пришли как раз в то время, когда я чистил винтовку Родника Сероба.

Ответчик был немолодой мужчина с большущими усами, в треках из буйволиной кожи.

— Для кого умыкал эту женщину? — спросил Сероб.

— Для себя, — смело ответил мужчина, дядя Геворга.

— Где увидел ее впервые?

— В храме Аракелоц.

— Из какого села сама и почему пошла в храм?

— Из села, что в долине, а выдана замуж в Сасун.

Муж десять лет как ушел из дому, и никакой помощи от него нету. Бедная женщина обратилась в церковный приход Муша: дескать, трудно ей. Приход написал письмо варжапету Ованесу, чтобы тот принял ее в храм с условием, что она будет работать там прислугой и получать за это церковный харч.

— А ты что же в церкви делал?

— Я в церкви хозяйством ведал.

— Эту женщину из села увел или из церкви?

— Из села.

— Где находится село?

— На Цовасаре.

— Ахбикцы вас где настигли?

— На бсанкской дороге.

— У этой женщины муж есть, как смел ты умыкать ее? К тому же ты стар, а она молода.

— В нашей стране тысяча удивительных вещей происходит, паша, пусть это будет тысяча первая,
— отвечал сасунец.

— Говори правду, для себя ты эту женщину уводил или для Геворга?

— Для себя, паша.

— Не знал разве, что в Сасуне закон этого не позволяет?

— Знал, но вот же... получилось...

Человека этого отвели в сторонку. Привели женщину.

— Ты почему с этим человеком бежала? — спросил паша. — Для кого шла, для него или же для кого другого?

— Для кого же еще, паша? Муж мой десять лет меня вдовой продержал, осталась я на милость церкви.

На второй день их снова привели на допрос. Ахбикцы упорно требовали суда над ними. Сероб вызвал к себе старосту Ахбика, несколько князьев из Гели и Тер-Каджа. Они поклонились предводителю своего края и сказали в один голос:

— Поручи расправу над ними нам, паша.

В это время пришли с сообщением — дескать, Геворг Чауш только что пришел в Тахврик. Сероб послал за Геворгом двух солдат.

Село Гели длинное, кварталы его находятся на большом расстоянии, друг от друга. Чтобы позвать кого-нибудь из соседнего квартала, надо кричать во всю мочь.

К Цовасару спускалась гора Хтан неподалеку от Андока. Солдаты Сероба взойшли на Хтан и давай кричать:

— Геворг Чауш, иди в дом Тер-Каджа!

— Твой дядя женщину украл из села Ахбик, слышишь, Геворг Чауш!

Геворг Чауш взял ружье и, перейдя гору Хтан, пришел к гайдукскому своему главарю.

— В доме Тер-Каджа к тому времени набилось множество народу. Знатные князья, священник, крестьяне-землепашцы. И Сосе была тут же.

Поздоровался со всеми Геворг Чауш, повесил ружье на балку, сел.

И Немрутский Сероб обратился к нему с вопросом:

— Как же это так, что ты, самый бывалый солдат этой страны, где закон говорит, что сасунцу не должно умыкать женщину, позволил, чтобы твой дядя увел замужнюю женщину из Ахбика?

На это Геворг ответил:

— Ты мацун и сливки съел, а меня на пустую сыворотку позвал?

Сказал и посмотрел Сосе в глаза.

— Если б ты хоть немного уважал своего предводителя, таких слов я бы сейчас не слышал. Это какие такие сливки и мацун я ел, по-твоему?! — прогремел Сероб и в страшном негодовании потянулся за оружием.

Сосе схватила Сероба за руку.

Геворг поднялся.

— Мой дядя совершил это преступление тайком от меня, — сказал он, — ты в этой стране главный, ты и верши суд, как хочешь, так и поступай, твоя воля.

— Ежели моя воля, то это дело поручаю тебе, бывшему солдату Арабо, ныне моему солдату. Иди и суди, — сказал Родник Сероб и тоже поднялся.

— Мне, значит, поручаешь?

— Тебе.

Геворг Чауш, не говоря больше ни слова, взял свою винтовку, и, опустив голову, вышел из дома Тер-Каджа.

Я из любопытства последовал за ним — он напрямик к сараю пошел, где дядя его и женщина из Ахбика были заперты.

Геворг был в ярости и долго не раздумывал. Самолюбие его было задето. Он встал в дверях сарая, и принесенное из Алеппо ружье выстрелило в грудь родного дяди, Вторым выстрелом была убита женщина из Ахбика, после чего Геворг повесил ружье на шею и с сумрачным лицом удалился в сторону шушнамеркских лесов.

В отряд Сероба Геворг больше не вернулся.

Я впервые слышал выстрел с такого близкого расстояния, впервые видел такое.

А было мне в то время семнадцать лет.

Шапинанд

На следующий день Родник Сероб подозвал меня и дал приклад от разбитого ружья.

— Отнесешь мастеру Шапину, — сказал он и показал, куда мне идти — в сторону Талворика.

Что ж, сказал я про себя, ежели я из Хлата до Гели добрался, значит, и до Талворика дойду. Чем больше человек повидает белого свету, тем лучше.

Я отправился в путь по талворикской дороге, прошел кварталы Гарипшан, Мхитар и Тех и стал подниматься на Андок. Потом обошел гору Хтан, и тут кто-то окликнул меня. Гляжу, а это поливальщик деревенский.

— Куда идешь, эй!

— В Талворик, — сказал я.

— Вот дурень, — крикнул он, — тебе в Тахврник надо, не в Талворик!

Понял я, что неверно иду, вернулся и направил шаги в Тахврник. Благословен тот, кто быстро находит свою стезю.

Тахврник был одним из кварталов села Гели. Дом, который я искал, прикорнул на высоконой скале. С толстыми стенами был дом, окнами на юг обращен.

На пороге сидел человек, подперев голову рукой, в другой руке трубку держал. Я обратил внимание на то, что у него большие ноги, обутые в громадные трехи. Сутулая спина и могучие плечи придавали ему сходство с великаном. Я думал, он от моих шагов очнется, но он даже не пошевелился. Спал, наверное.

Смело подошел я к порогу. Дверь была одностворчатая, сколоченная из трех толстых ореховых досок. Толкнул я дверь, вошел в дом.

В сенях было темно. По всей длине дрова на растопку были сложены — большущие коряги, сухие поленья. Повернул я налево и вошел в ту часть дома, где находился очаг. Амбар и погреб остались по правую руку. Очаг был устроен в стене в виде полукружья и соединялся с отверстием в крыше — ердыком. Камни в очаге были еще горячие — огонь, наверное, только-только погас. Тут же стояло корытце, полное слоеного печенья, сверху покрыто зелеными ореховыми листьями. И раз уж я самозванцем вошел в дом сасунца и вижу свежеиспеченную гату, дай-ка съем, думаю.

А потом вдруг засомневался. Вдруг да не в тот дом вошел. Быстро метнулся я в сени, чтобы выскочить на улицу, да за балку задел, что-то с шумом упало. Лампадка была. Ладно, подумал я, что с того, что я съел в чужом доме кусок гаты и опрокинул в темноте светильник, не такое уж это преступление.

Потянулся я рукой к щеколде, и вдруг какой-то глухой звук дошел до моего слуха. Откуда, думаю, это? И вижу — в стене дверь; толкнул ее, очутился в просторном хлеву.

В хлеву было темно, сквозь полутьму я разглядел какого-то человека, он что-то мастерил. Луч солнца, пробившись из узенькой щели, слегка осветил хлев. Я немножко освоился в темноте. Пол в хлеву был вымощен булыжником. Местами камни от сырости блестели, особенно возле ясель, где сидел человек — солнечный блик играл у него на лице.

— Кто тут чинит приклады? — спросил я в нерешительности.

— Что у тебя, давай, мастер Шапин сделает, — отозвался из полутьмы человек, не поднимая головы.

Незнакомый мастер работал, сидя на куске войлока. В руках он держал старый затвор, который пытался вправить. Широкоплечий был мужчина, большелобый, с кругловатым лицом, усы рыжие с загнутыми острыми концами. Среди черных волос выглядывала луной плешь. Рядом с ним стоял сундук, а за спиной — седлообразный помост, который напоминал стол плотника.

Мастер Шапин был родом из Гарахисара. Совсем еще молодым бежал из родного села и после долгих скитаний обосновался в Сасуне. Я слышал, что он сын плотника и унаследовал ремесло отца. Но больше он славился тем, что изготавливал приклады и искусно чинил затворы.

— Вот, паша послал, — сказал я и, вытащив приклад из мешка, протянул ему.

— Паша, говоришь?

— Сероб с Немрута.

— Все сейчас пашами заделались. Может, и ты хочешь пашой стать? — Он взглянул на меня насмешливо.

— Нет, я простых людей сын.

— Ремеслом каким владеешь?

— Сапожничая малость.

— Хорошее ремесло, в жизни не раз тебе пригодится. А читать умеешь?

— Умею, — сказал я.

— «Пес и кот» читал?

— Да.

— Башмак мой прохудился, залатать сумеешь? — спросил он.

— Сумею, да только инструмента нет.

— У меня есть. Сядь рядом, сынок, займись делом, пока я ружье починю, — сказал он и снял с ноги башмак. В башмак песок набился, он вытряхнул и дал мне. Я понял, что он скорее испытать меня хочет, а не то чтобы всерьез починить предлагает. За спиной у него лежала большая военная сумка. Он вытащил из нее сапожный инструмент, я сел рядом с ним и принялся латать его башмак.

Мастер Шапин починил затвор, с которым до этого возился, и взялся за серобово ружье, а я с пылом занялся своим старым ремеслом. Работали мы молча и словно соревнуясь. Когда я кончил дело, он надел башмак и, положив руку мне на плечо, сказал:

— Ладно сработал, сынок, хорошие у тебя руки. А я вот пришел сюда из Тарона, чиню оружие, а иногда оконные рамы и двери мастерю. Иной раз и в роли судьи выступаю, улаживаю разные споры между крестьянами. Что делать, приходится. И где сижу — в хлеву. Нашего Чато хлев. А тут еще болезнь суставов схватила. «Ветер богородицы» называют в народе. Каждый день с палкой в руках спускаюсь в овраг, ложусь на нагретый солнцем песок, чтоб хоть немного боль отпустила. Да еще вот это малость помогает. — Он наклонился, взял с сундука маленький кувшинчик, поднес ко рту. Водка была. Отхлебнул.

Потом рассказал, как Родник Сероб вначале помог ему, в Саригамише дело было, но когда он пришел к нему в Хлат, Сероб ему оружия не дал и в отряд свой не принял.

Мне хотелось спросить, знает ли он о чудовищном поступке Геворга Чауша, но я сробел. К тому же мне показалось, он знает, но не хочет говорить со мной про это.

— В Гели, говорят, человека убили, правда это? — спросил он.

— Правда, — сказал я. — Бсанский Геворг убил своего дядю.

— Известна причина?

— Тот женщину украл. Из Ахбика.

— И женщину убил?

— Да.

— Чокнутые эти сасунцы, — усмехнулся в усы мастер Шапин и замолчал, не желая, очевидно, продолжать разговор. — Двух птиц сасунцы любят и чтят — куропатку и орла. Куропатку с курами своими в курятнике держат, а орла — на крыше. Едят репу и мацун, а мысли их — превыше божественных. Интересна, какую весть принес Мосе Имо из Европы... Снарядили мы его к королю английскому, вопросы нации поднимаем.

Я хотел спросить, кто такой Мосе Имо, но тут мастер Шапин кончил работу и обратился ко мне:

— Держи, готов приклад Сероба-паши. — Он вытер приклад грубой бумагой и сунул в мой мешок. — Твой паша держал в отряде свою жену, что по законам гайдуков недозволительно. А дядю Геворга Чауша обвиняют в том, что он женщину умыкнул. Преданный идее человек со всех сторон совершенным должен быть, — сказал оружейный мастер и посмотрел в сторону ясель, чтобы определить время. Солнечный луч перепрыгнул к тому времени на ясли. — Песок в овраге нагрелся небось, — сказал он и, взяв кувшин, снова пригубил. — Кто был в дверях, когда ты шел сюда?

— Человек в больших постолах.

— Заметил тебя?

— Нет, он спал.

— Послушай, мой мальчик, — сказал мастер Шапин и убрал пустой кувшин. — Ежели паша спросит обо мне, скажи, что я этой ночью отправляюсь в Шеник. И вот что я хочу, чтобы ты знал мое настоящее имя. Андраник меня звать. А несколько старых сасунцев зовут меня мастер Шапин, иди — коротко — Шапинанд, то есть Андраник с Шапин-горы. С этого дня зови и ты меня этим именем.

— Шапинанд, — повторили мои губы в темноте. Я взял свой мешок, попрощался с Андраником, бесшумно выбрался из темного хлева и направился к дому Тер-Каджа, где меня ждал Родник Сероб.

Фадэ и алианцы

Какой-то молодой горец с лопатой на плече шел по тропке, опоясывающей Хтан. Тот самый поливальщик был, что указал мне дорогу в Тахврник. В шапке набекрень шел вниз по течению горного ручья. На нем были старые ботинки, красноватые шерстяные штаны, закатанные до колен, волосатая грудь нараспашку, волосы на груди смешались, спутались с черной шерстью абы.

Я поднялся снизу, он спустился сверху — мы встретились с ним на краю только-только зазеленевшего ячменного поля.

— Да славится имя твое.

— Фадэ мое имя,

— Ты что здесь делаешь, на этой горе, Фадэ? — спросил я,

— Мое дело поливать водой землю, весь сущий мир, — сказал он, — и указывать путь заблудившимся.

— Чем же ты поливаешь весь сущий мир?

— А вот этой лопатой.

Он снял с себя лохматую абу, кинул на камень и сел, зажав между коленями лопату.

Фадэ был родом из Верхней деревни Талворика. Султан дал указ построить в Сасуне казармы. Одну из этих казарм решили возвести на поле Фадэ, засеянном репой. Талворикец пришел в ярость и ночью выбрал из фундамента все камни и побросал в овраг. Наутро камни были снова водворены на место, и таскать их из оврага заставили самого Фадэ. Казарма была выстроена до первых снегов.

И поливальщик Фадэ проклял войско султана и с лопатой на плече ушел из Талворика, перебрался на Хтан. Он нашел укромное местечко на этой горе, подальше от глаз людских. Вместо репы он сеял теперь ячмень.

Известен такой случай с Фадэ. На торжественное открытие казарм в Талворик прибывает наместник Багеша. Сасунцы, празднично одетые, при оружии, выходят встретить его. Один только Фадэ отсутствует.

— Где тот непокорный крестьянин, тот, что не подчинился приказу султана? — спрашивает наместник. — Приведите его сюда.

Фадэ с лопатой на плече, с закатанными штанинами спускается с горы, смело идет, встает перед наместником.

— Весь белый свет в мою честь оружие на себя нацепил, а ты почему с лопатой явился? — попрекает его наместник.

— Эта лопата — создатель всего что ни есть на земле, наместник-паша. Сколько бы снарядов и пуль ни взрывалось, все в конце концов склонится перед лопатой. Так что, выходит, я тебе еще большую честь оказал, что с лопатой пришел.

— Ты что-то задумал, я вижу.

— Храни тебя господь, паша. Я просто думаю, ежели не завтра — послезавтра этот каземат разрушится, столько камня и извести кто вынесет с моего репного поля?

— С султанским казематом ничего не может случиться.

— Не зарекайся. Поди скажи султану, что саженец репы на поле Фадэ сильнее, чем фундамент его каземата.

— Саженец репы?

— Вот-вот. Так и скажи. И прибавь еще, что мир — это мельница и у обоих у нас однажды кончится ахун*.

---

* Ахун — пшеница для помола.

— Ахун что такое?

— Когда султан, как я, посеет ячмень на Хтане, а потом потащит урожай на своем горбу на мельницу Миро, тогда-то вы все и узнаете, что такое ахун, — говорит так Фадэ и, повернувшись, уходит снова на свой Хтан, решив не спускаться в Талворик до той поры, пока не разрушится «каземат» на его поле с репой.

Здоровым, сильным человеком был Фадэ. Всегда со своей высокочтимой лопатой, в волосяной абе, с закатанными до колен брючинами, он то поднимался вверх по течению ручья, то спускался, расчищая русло.

Главной заботой Фадэ был большой ручей, который с шумом сходил с гор и, разделившись на несколько ручейков, извиваясь, катился в пропасть. Стоя на возвышении, Фадэ наблюдал, как шумные эти ручейки, подобно белым козам, вспрыгивали друг другу на закорки и бросались в ущелье. Вот он заметил — один из ручейков размыло ливнем. Пошел, подправил, встал и смотрит — что еще надо сделать.

На солнечном склоне Хтана поблескивает синяя гладь. Это ячменное поле Фадэ. Маленький тоненький ручеек, отделившись от большого ручья, пришел, уперся в заграду. Нагнулся Фадэ и рассек лопатой заграду, новый путь воде наметил, пустил ее в глубь поля.

Редко стал видеть людей Фадэ. Прохожие обычно были знакомые горцы. Он знал, кто куда идет, знал даже, кто что в мешке своем несет. Заблудившимся в пути он указывал путь, а бывало, стоит на своем Хтане и вопит что есть мочи.

Когда его спрашивали: «Когда ж ты спустишься со своей горы?» — он отвечал: «Когда султанский каземат разрушится».

Круглый год Фадэ жил под открытым небом. Он заходил в укрытие тогда только, когда снег заваливал его постель. А какова была его постель — кусок войлока вместо матраца и палас-карепет вместо одеяла.

В декабрьские холода он черенком лопаты разбивал тоненький лед на ручье, купался в ледяной воде и, подхватив постель, с лопатой под мышкой шел укрыться на ближайшую мельницу. Его излюбленным местечком была мельница хутца Миро на противоположном склоне Хтана или же знаменитая мельница Тамо на горе Цовасар. Весной, взяв в охапку постель, с неизменной лопатой он возвращался в свои владения.

Шум мельничных жерновов в ущелье да крик низвергающихся сасунских вод — вот сущий мир талворикского Фадэ. Но чего только он не видел, стоя на своей возвышенности! Он даже знал, что происходит с парящим в поднебесье орлом, когда он падает на землю ниц.

Во время нашей беседы Фадэ вдруг вскочил на ноги:

— Кто это перекрыл воду в моем ручье?

Плюнул на ладони и, схватив лопату, метнулся вверх по уклону. Через несколько минут вернулся с огромным коршуном в руках. Орел с коршуном сцепились в воздухе, и коршун, потерпев поражение, упал, в ручей, сбив течение.

— А случилось, чтобы орел сверху падал?

— Было однажды, — сказал Фадэ. — После сильной бури на ту вон скалу упал горный орел. Я пошел посмотреть. До чего же страшная вещь, когда падает орел! Крылья разбиты, а ястребы уже выклевали ему глаза. Потом зайцы решили поживиться, уволокли его к себе в скалы. После зайцев полевым мышам достался. А когда я в последний раз пошел посмотреть — тьма мошек и муравьев там копошилась.

Из-за скалы показались несколько горцев.

— Эгей, алианцы, вы куда это направились? — крикнул им Фадэ, подняв в воздух лопату.

— Идем, чтобы Шапинанда разоружить! — крикнули в ответ алианцы.

— Бедный Шапинанд, что он такого сделал? Что вы хотите от больного, немощного человека, у которого нет иного желания, кроме как посидеть у горячего тоныра* или же приложить к спине несколько горстей нагретого на солнце песка...

---

* Тоныр, тондыр — вырытая в земле печь для выпечки хлеба.

Один из алианцев все так же — в крик — стал объяснять, что между Шапинандом и сасунскими старейшинами возник спор. Из Муша прибыл человек, чтобы примирить несогласные стороны, но Шапинанд не желает уступать, сидит в Талворике в полутемном хлеву, мастерит оружие для своих солдат.

— Подите сюда, что-то скажу вам.

Алианцы подошли ближе.

— Моя лопата посильней будет или же Шапинандово оружие?

— Твоя лопата, — ответили те.

— Ну так вам меня надо разоружать, а не Шапинанда. Увидели, чушь говорит, пошли прочь.

— Стойте, еще что-то скажу.

Остановились, ждут.

— Один год на этой горе столько снега выпало, что, ежели б воробей лег на спину к задрал лапки, до самого бога бы достал. Ну мне: и взбрело в голову однажды взять лопату да и сесть-водрузиться на эти снега. Надел я свою абу, лопату в руки взял, поднялся, сел в ногах у господ бога. Достал кисет, чтобы сигарку раскурить. И вдруг слышу — голое мой из Талворикского ущелья, идет. Вот те раз, я и не заметил, как скатился в пропасть. А лопату свою в небе, значит, забыл. Весною снег на Хтане растаял и моя лопата — бамб! — упала вниз. Так-то в мире дела обстоят. Один день ты на вершине горы, а на, другой, глядишь, голос твой из пропасти доносится. А недавно коршун в воздухе сцепился с орлом. Орел посильней оказался, долбанул хорошенько коршуна, коршун свалился вниз, запрудил мой ручей. Я черенком лопаты спихнул его в сторону, вода снова потекла своим путем. Что ж вы теперь хотите, перекрыть воду в матери-ручье?

— Мы? — удивились алианцы.

— Потому что вы еще глупее, чем этот коршун. Вы собрались идти войной на орла. В такое-то время! Когда Мосе Имо еще не вернулся из страны франков и англичан. Когда Геворг Чауш, покинув отряд Сероба, оплакивает свое горе в лесах Шушнамерка — и в такое-то время вы идете отбирать у Андраника оружие?

— Не одни мы — и шеникцы с нами.

— Ну и эти — не меньшие дураки. Вы хотите перекачать воду в самом истоке нашей нации, но берегитесь — как бы

вам самим не полететь кувырком. Всех вас черенком этой лопаты спихну в сторону, и вода потечет своим путем, понятно?!

— Этот поливальщик чокнутый, не иначе, — сказали алианцы и удалились.

— Сами вы чокнутые, да еще тот султан падучий, который на моем поле каземат построил, — заорал талворикец и швырнул им вслед мертвого коршуна.

Смеркалось уже. Оставив Фадэ на его ячменном поле возле ручья, я взял свой мешок и поспешил в дом Тер-Каджа, к Роднику Серобу.

Клич Сосе

Впрочем, судьба мне на этот раз не улыбнулась.

Вскоре пришло известие, что алианцы, объединившись с шеникцами, ворвались в Талворик и, обезоружив Андраника, отвезли его в Семал. И сидит теперь там Шапинанд под замком.

В Муше власть была в руках жандармского начальника Хюсны-эфенди, а в Сасуне правил курд Бшаре Халил-ага. К тому моменту, когда Андраник был обезоружен, от султана пришел приказ — доставить ему живым или мертвым Родника Сероба.

В сасунском селе Гехашене жил князь по имени Аве. Аве был старостой в своем селе. Увидав, что немрутского героя силой не взять, Хюсны-эфенди и Бшаре Халил решили отравить Сероба с помощью Аве; за это Хюсны обещал старосте Аве кувшин золота.

Вызвал Аве, что Сероб расставил своих ребят по кварталам, а сам с Сосе живет в горах в хлеву Тер-Каджа. Стал Аве навещать Сероба, с другими князьями приходил, знакомыми Сероба, и каждый раз приводил с собой мула, груженного разной снедью, так что в конце концов полностью завладел доверием Родника Сероба и Тер-Каджа.

И вот Аве получает из Муша приказ — прикончить Сероба. Снова отправился Аве к Серобу, но на этот раз с отравленной едой. Яд Хюсны обладал таким свойством, что действовал не сразу — три-четыре дня человек находился в бессознательном состоянии, парализованным.

Сероб, ничего не подозревая, съел принесенный старостой сыр и выкурил папиросу. Аве в тот же день оповестил Халила о том, что Сероб яд принял. После этого Аве отправился в Муш и получил обещанный кувшин золота. Халил сообщил о случившемся в Багеш. В ту же ночь войско султана двинулось от Багеша к Брнашену будто бы для того, чтобы расправиться с непокорными сасунскими курдами.

Руководил войском бек Али.

Одновременно под руководством Халила пошли на Гели вооруженные курды из Хулба и Хианка. Войско султана насчитывало пятьсот аскаров, а курдский аширет — тысячу с лишним человек.

Гели был осажден в октябре 1899 года, когда все село спало. В горнам хлеву спал Родник Сероб, положив голову на приклад. Утром Сосе, взяв бинокль, вышла во двор. И видит: возле церкви Тух Манука войско движется.

— Паша, — окликает мужа Сосе, — аскары возле церкви!

Сероб вышел из хлева, взял бинокль, но с глазами что-то неладное творилось, не разглядел ничего. Вернулся, чтобы взять ружье, ноги подкосились, упал. Поднес руку к голове — волосы в руке остались.

— Горе мне! Гехашенский староста Аве яду в мой хлеб подсыпал! — закричал Сероб, ударил себя по голове и пожалел, ох как пожалел, что ночь его в Сасуне неделей сделалась, а неделя — месяцем.

На его крик сбежалось все село. Проснулся и Тер-Кадж.

Черное войско текло мимо церкви Тух Манука к горному хлеву, прятавшему Сероба.

Сосе схватила Сероба за руку, чтобы помочь ему подняться, но под его тяжестью упала сама. Тер-Кадж и его сын Адам кинулись на подмогу, но просвистела пуля-злодейка и Тер-Кадж замертво упал рядом с героем Согорда.

И вдруг как ураган объявились четверо солдат Сероба и вместе с Сосе подняли предводителя на руки, умчали к Андоку. На Андоке вершина есть под названием Амбарн и — принесли его туда. Сосе вложила ружье в руку Сероба, но рука Немрутского Льва отказалась принять оружие. Предводитель гайдуков с трудом выстрелил раза два и упал без сил.

И пали в героической схватке на Амбарни братья Родника Сероба Мхе и Захар и сын Акоп. Погибли и те четверо из семи солдат, что пришли с ним из Хлата в Сасун. Ну, Тер-Кадж, сказано, лежал мертвый возле своего жилья.

После Тер-Каджа остался один сын — Тер-Кадж Адам, после Сероба — вдова его Сосе и несколько верных солдат. И крикнула Сосе из Андока так, чтобы голос ее дошел до Талворика. Поднялась на скалу и крикнула: «Андраник, Серобу худо, с Геворгом, с Макаром идите на помощь!»

Последний раз выстрелил Сероб и отбросил в сердцах оружие.

Сосе взяла ружье героя, зашла за скалу, стала стрелять в ярости. От бессилия, от беспомощности рычал Сероб, глаза его метали молнии. На горе Амбарни умирал в одиночестве Немрутский Лев.

И во второй раз крикнула Сосе. Поливальщик Фадэ услышал ее клич и прогремел-прокричал в сторону Талворика, стоя на Хтанском отроге: «Серобу худо, эй, спешите на помощь, торопитесь!»

Но не было Геворга, и не слышал криков о помощи Андраник. Первый, удалившись в леса Шушнамерка, оплакивал свое горе, а второй, безоружный, сидел в хлевах Семала запертый.

Сосе поднялась на Хтан, дошла до поливальщика Фадэ, и они, стоя на вершине горы, прокричали в один голос: «На помощь!»

Андраник в Семале, услышав этот клич, поднялся на кровлю и заметался сам не свой от гнева. Тут откуда ни возьмись его ребята, надели на него патронташ, дали в руки оружие и двинулись с ним вместе Серобу на помощь.

В это самое время вражеская пуля насмерть поразила Родника Сероба. Прискакал сасунский правитель Халил-ага, отрубил голову мертвому герою и, взяв в плен раненую Сосе, дал приказ бить отбой. Вскоре войско султана и всякий прочий сброд покинули горы.

Впереди войска ехал всадник, вез голову Родника Сероба, воткнутую на палку. Сзади на лошади ехала раненая Сосе, два жандарма поддерживали ее с обеих сторон за руки, а лошадь за уздцы вел староста Аве. За Сосе двигался Али-бек со своим войском.

Голову Родника Сероба привезли сначала в Муш, потом в Багеш повезли. Два дня отрубленная голова была выставлена на городской площади. На третий день ее передали армянской церкви Багеша.

Епископ армянский и служка церкви похоронили голову немрутского героя в восточном крыле под старой шелковицей. Похоронили и, благословив, удалились.

Голова в Багеше, тело в Андоке,

Равный тебе в смелости найдется ли снова?

Спи в святой земле города Багеша,

Под старой шелковицей Кармракского храма.

Я покинул Сасун и отправился в Багеш. Там я разыскал церковь Кармрак и всю ночь лил слезы над несчастной могилой, где покоилась голова, немрутского героя, храбрая его головушка.

Так в слезах и заснул я на этой могиле. Разбудил меня утром турецкий жандарм. Он отвел меня в тюрьму.

В тюрьме Багеша

Багешская тюрьма находилась чуть повыше церкви Кармрак, на высоком утесе.

Многие томились в этой тюрьме, и вот, как видно, дошел черед и до меня. Жандарм, дав мне подзатыльник, втолкнул в тюремный коридор, какой-то тучный мужчина записал мое имя в особый журнал и, вверив меня все тому же жандарму, отправил в подвал.

Здесь я увидел палача из палачей — знаменитого Расима-эфенди.

Мхе Чауш и Расим-эфенди... Не было в городе Муше и в городе Багеше никого, кто бы не знал имена этих чудовищ. Первый был палачом мушской тюрьмы, второй бесчинствовал в тюрьме Багеша. Расставив повсюду хитроумные сети, они вылавливали недовольных армян, курдов и айсоров и заполняли ими тюрьмы.

С волосатыми руками, с лицом как у крысы, мерзкий толстенький человек был Расим-эфенди. Я слышал, что он, случается, без всякого суда-судилища дает заключенному лопату и кирку и заставляет рыть собственную могилу, а потом выстрелом в спину бросает того в яму.

Табакерка Арабо была при мне, и я боялся, что если меня обыщут, то не миновать и мне такой ямы.

Расим сунул руку мне за пазуху, извлек табакерку и, злорадно усмехнувшись, уставился на меня.

— Деда моего, — объяснил я.

Он внимательно обследовал табакерку и, увидев, что она не представляет особой ценности, вернул мне со словами:

— На, держи. А теперь скажи, сукин сын, ответь мне, что ты делал рано утром на могиле в церкви Кармрак? Ты знаешь, что там похоронена голова нечестивца, который причинил безмерное зло нашему султану? И запомни, щенок, враг султана — мой враг. И это, между прочим, та самая тюрьма, в которой сидел ваш проповедник Мигран-эфенди. Ваш певец, сазандар ваш горемыка Сако и Чибран-ага тоже побывали здесь — их я потом отправил в подарок Мхе Чаушу... — Он еще какие-то имена назвал, но я их не запомнил. И, не дожидаясь моих объяснений, с помощью жандарма он связал мне за спиной руки и, накинув толстую веревку на шею, укрепил ее на железном крюке в потолке. Потом, убрав из-под моих ног кирпич, зажег кальян и сел против меня. Веревка душила. Я попытался встать на цыпочки. Заметив это, он подтянул веревку. Лицо мое обдало жаром, и язык на два аршина высунулся. Ну все, подумал я, конец. Но тут он подошел, расслабил веревку, и я без сознания повалился на землю.

Наутро Расим-эфенди вошел ко мне в сопровождении жандарма и надзирателя и распорядился:

— Отведите к манаскертскому учителю Аветису.

И меня повели наверх.

Все камеры и длинный коридор багешской тюрьмы были забиты заключенными. Узники большей частью были армянские крестьяне с заросшими лицами. Проходя по коридору, я увидел, как два арестованных турка коленапреклоненно молятся, обратив лица к стене.

Меня вели по длинному коридору, и все удивленно глядели мне вслед — куда, дескать, ведут этого молоденького парня? В конце коридора была камера, особая, как я понял. Перед дверью сидел турок-надсмотрщик и смотрел через глазок.

На наши шаги он обернулся. По знаку жандарма надсмотрщик отодвинул железный засов. Я вошел в камеру, и дверь тяжело захлопнулась за мной. Это была узкая камера с одним крошечным окном. Возле стены стояла тахта, на ней лежала раскрытая книга, рядом с тахтой на полу стоял кувшин. Книга оказалась кораном. Какой-то мужчина сидел на тахте, подогнув ноги под себя по-турецки, и что-то писал. Он был так поглощен этим занятием, что не заметил меня или же не захотел заметить.

Я бесшумно прошел вперед и присел на кончик тахты. Вдруг он окинул меня холодным взглядом. Потом, обмакнув перо в чернила, продолжал писать. «Значит, это и есть манаскертский учитель Аветис», — подумал я про себя. Кому он писал письмо, о чем писал? И неужели в султанской тюрьме заключенные могут писать письма? Ну написать-то напишет, но дойдет ли написанное до адресата?

Тюрьма была переполнена, и, несмотря на это, господину Аветису была предоставлена отдельная камера с маленькой тахтой и письменными принадлежностями. Коран дали. Книги. Значит, ему дозволено читать. Выходит, что я, получив место возле господина Аветиса, попал в самые благоприятные условия.

Из тюремного окошка виднелись горы Хачик и Цаперкар, окружавшие город Багеш, и на юго-западе виднелась долина, которая простиралась до склонов Тавроса и была известна всем под названием Мушской долины.

Церковь Кармрак отсюда не была видна. Из глубокого ущелья поднималась средневековая крепость, обнесенная высокими стенами, о которые с шумом ударялась речка. Дома Багеша построены были на скалистых берегах этой речушки и на холмах, поднимающихся из ущелья.

К западу от крепости я увидел трехэтажное строение, дом с узорчатым балконом и крутыми каменными ступенями. Все дома в Багеше были из темного камня, а этот один был построен из красноватого камня и на фасаде его крупными буквами выведено было «Хачманук».

Еще несколько домов местной знати увидел я, один выглядывал из ущелья, другой стоял на возвышенности, именуемойся Авели-мейдан. Я с трудом разобрал надписи на фасадах: «Дом Рыжего Мелика» и «Дом Сароенц Арменака».

На узорчатом балконе хачмануковских апартаментов показалась молодая женщина — невестка этого дома, повидимому. Она перегнулась через перила, посмотрела в сторону ущелья, глянула на крепость, метнула задумчивый взгляд на нашу тюрьму и поспешно ушла в дом.

Я раздумывал о своей участи, и вдруг мне бросилось в глаза, что господин Аветис пишет арабскими буквами, маленькими арабскими буквами. Напишет и долго думает над следующим словом. Его поза, то, как сосредоточенно он писал, и, пожалуй, еще поразительное равнодушие, с которым он отнесся к моему появлению, навели меня на мысль, что человек этот не из простых смертных. И не из обычных узников. Да и письмо это, писанное арабскими буквами, ясно, не простое письмо, а раз так, то обязательно дойдет до места, поскольку пишется с большой мукой и заключает большой замысел.

Дом господина Аветиса был одним из богатых домов села Икна, что в Манаскерте. Этот дом каждый год давал багешскому наместнику и хасанским курдам большой откуп. Господина Аветиса уже несколько раз сажали в тюрьму. И каждый раз господин Аветис пускал в ход большие суммы

и выходил на волю, но на этот раз он сидел тут довольно прочно, так как отказался платить требуемый выкуп.

Впрочем, на этот раз он обещал багешскому наместнику и султану Гамиду услугу, куда как более важную и значительную. Окончательно убедившись, что откупам конца не будет и от султанских чиновников нет спасу, господин Аветис решил принять ислам и поступить на службу к ром-сельджукам. Тем самым он не только спасет свое родовое поместье в Манаскерте от разорения, а себя — от постоянной угрозы быть арестованным, но, возможно, еще и пользу принесет многострадальному своему народу. Султан Гамид и наместник Багеша в ту пору придавали большое значение борьбе с повстанцами. Господин Аветис, сменив веру и взяв турецкое имя, желал получить место рядового жандарма у султана.

Когда он кончил писать свое письмо, так и не поинтересовавшись, кто я такой и какие обстоятельства привели меня в тюрьму, заложив ручку за ухо и, держа бумагу перед глазами, прочел вслух: «Господин наместник, причитающуюся с меня сумму я как простой крестьянин не в состоянии уплатить, но как лицо, верное османскому престолу, считаю своим долгом посвятить себя моему отечеству и со всею верностью служить ему до конца дней моих. Прошу вас дать мне должность жандарма и отправить в центр крестьянских волнений — город Муш. Я сумею выявить там всех враждебно настроенных лиц, и вот первое свидетельство моей решимости — я перехожу в исламскую веру».

После этого, опустившись на колени, он трижды поклонился корану.

Почему меня перевели из подземелья в камеру господина Аветиса? Возможно, они хотели, чтобы я последовал примеру этого учителя и тоже стал вероотступником, приняв ислам? Что ж, я был молодым пареньком, и меня привели к опытному, искусному воспитателю.

Господин Аветис с кораном в руках спустился с тахты и постучал надсмотрщику: дескать, письмо готово. Тут же — словно они ждали наготове — в камеру вошли начальник тюрьмы и Расим-эфенди. Они повели учителя в общий зал, куда согнали всех заключенных армян. И меня туда же привели.

Вдоль стен плотной цепью стояли жандармы.

Господина Аветиса водрузили на стол посреди зала, всем на обозрение, и он, стоя на столе, прочел вслух свое послание, адресованное наместнику Багеша. Под конец, подняв коран, он трижды поцеловал его.

— Эфферим! Молодец! — сказал начальник тюрьмы и вместе с палачом Расимом-эфенди и несколькими жандармами повел господина Аветиса к наместнику.

— Изменник, народ свой и веру предал! Продажная шкура! — кричали арестанты им вслед. Я тоже не выдержал и крикнул:

— Низкий предатель!

Под надзором двух жандармов я был водворен в свою камеру. На следующее утро разнесся слух, что наместник Ферик-паша с любезностью принял господина Аветиса, окрестил его Мехмедом-Халытом и, возведя в жандармы, отправил в Муш для борьбы с армянскими повстанцами.

И, значит, мои опасения не были лишены основания. Меня подсадили к манаскертскому учителю, чтобы я последовал его примеру, стал вероотступником и пошел на службу к султану.

Но мне суждено было идти другим путем. В ту же ночь я вытащил из стены штук семь кирпичей и, сделав дыру, достаточную для того, чтобы пролезть в нее, с большими предосторожностями выскользнул на рассвете из багешской тюрьмы.

Погонщик мулов из Хута

Из Багеша в долину Муша шел какой-то человек, погоняя перед собой нагруженного мула. На мое счастье, веревки, связывающие поклажу, расслабились, и груз вывалился на землю. Что уж там было, какой такой груз, что вез этот человек, — не знаю. Но я заметил, как он в отчаянии стал озираться по сторонам, словно выискивал кого-нибудь, кто бы ему мог помочь. Я подбежал к нему, мы вместе водрузили поклажу на мула, крепко-накрепко затянули веревки и завязали их на брюхе.

Познакомились. Погонщика мула звали Еранос.

— Возьми меня в попутчики, — попросил я.

— Отчего не взять, пошли вместе, — сказал дядюшка Еранос.

Он, конечно, не подозревал, что я беглый арестант. Он просто обрадовался, что в пути у него будет собеседник. Я был голоден. У него хлеб был, он отломил мне ломоть и дал немножко изюму, купленного, по всей вероятности, на багешском базаре.

Мул шел впереди, мы следом вышагивали.

Это был большак, который вел в сторону Муша. Не знаю, кто-нибудь из вас шел по этой дороге или нет и посчастливится ли кому-нибудь из вас пойти когда-нибудь по ней. Благодаря случаю я прошел по ней до самых Хутских гор, да еще и в сопровождении погонщика мулов, который оказался прекрасным рассказчиком.

Багеш с монастырем Кармрак и с шумной речкой своей, ударяющейся о высокие стены крепости, остался в ущелье. В ущелье же остались каменная тюрьма и богатые покои Хачмануков с резным балконом.

От изюма мне захотелось пить. Погонщик сказал, что еще немножко — и мы придем к холодному роднику. И впрямь, вскоре мы оказались возле ключа с чудесной ледяной водой.

Это был исток реки Меграгет (Медовой речки).

Исток Меграгета похож на маленькое озерцо, вода в нем как слеза прозрачная, начало она берет на горе Немрут. Про эту воду сказано: «Путник, следующий из Муша в Багеш либо из Багеша в Муш, тогда только устанет, если забудет испить воду из истока Медовой речки».

Я не хотел уставать, путь мне предстоял долгим. Нагнувшись, я зачерпнул пригоршню родниковой воды. Всегда вкусна вода, которую пьешь из ключа, из самого истока.

Напился воды и погонщик.

— В старину, рассказывают, на этом месте был тоныр, — заговорил дядюшка Еранос, погоняя мула. — Попадья здешняя пекла хлеб. Подходит нищий и просит кусок хлеба ради Христа. Дает ему попадья хлеба. Нищий еще кусочек сыра ради Христа просит. Приносит попадья сыр. А нищий ради Христа поцелуя у нее просит. Попадья подставляет ему свое прекрасное лицо и позволяет нищему поцеловать себя. В эту минуту входит поп и, увидев происходящее, спрашивает жену, что, все это означает. Да вот, говорит попадья, попросил странник хлеба ради Христа, я дала ему, попросил сыра ради Христа, я принесла, под конец поцелуя попросил ради Христа, не могла же я ему отказать. Поп, не помня себя от гнева, кричит: «Ну так бросайся во имя Христа в этот горячий тоныр!» Попадья тут же бросается в тоныр. Тоныр тут же наполняется сладчайшей вкусной водой, попадья превращается в рыбку и уходит в исток, а река с того дня называется Медовой.

Под эту легенду покинули мы исток Медовой речки. Дядюшка Еранос легонько ударил мула по голове, и тот свернул на узенькую тропку. А вообще-то мул сам, можно сказать, выбирал дорогу. Это животное обладает удивительным инстинктом и хорошо запоминает путь. У мула голова покрупнее лошадиной, ушами и хвостом он напоминает осла, а ноги как у лошади. Впрочем, мул дядюшки Ераноса был маленький, ладненький и отчего-то коротконогий. Только хвост и длинные уши выдавали мула.

В разговоре выяснилось, что мой попутчик следует в сторону Маратука. Он продал в Багеше ореховые пни, закупил там шелка и ситца и теперь вез все это сасунцам.

Мы достигли горы Авзут. Начался трудный подъем. Мул шел краем каменистого леса. Из-под копыт его все время вырывались и скатывались вниз куски сероватого щебня. Чем выше поднимались мы, тем уже делалась дорога. Она тянулась сквозь густые тополя, потом незаметно сворачивала, шла вдоль багряных кустарников; и вдруг, подпрыгнув на корнях пораженной молнией орешины, исчезала под низкорослыми деревьями сливы, свисающими над пропастью.

Мул замедлил шаги. Это терпеливое животное было единственно надежным товарищем на трудных, опасных переходах.

Подъем был такой крутой, что мул все время становился на задние ноги. Из-под ног его срывались камни, но он, совершив очередной прыжок, осторожно выискивал надежное место и, упершись передними ногами в оползнь, готовился к следующему прыжку. Погонщик Еранос, увидев, что положение серьезное, пробрался вперед — теперь мы шли в следующем порядке: впереди дядюшка Еранос, сзади я, а между нами мул. Просто удивительно, что поклажа Ераносова не развязалась, — видно, крепко мы все-таки затянули веревки.

Тропинка, убежавшая под низкорослые сливы, вновь объявилась и, попетляв немного, пошла краем леса, потом снова запуталась среди грушевых деревьев и в конце концов, задыхаясь, уткнулась в голый утес.

А нам уже пора было расставаться. Еранос направлялся в Сасун, мне же появляться там было еще страшнее, чем идти по краю бездны, — ведь в Багеш я пришел из Сасуна. Объявись я сейчас в Сасуне, меня бы тут же в тюрьму уперли.

Я был поглощен этими невеселыми мыслями, как вдруг Ераноса схватила боль в пояснице. Мышцы на спине окаменели, сильно закололо в животе, и Еранос, опустив веревку, словно переломленный надвое, без сил опустился на камень. Такое часто случается с путниками, проделывающими долгий путь.

Но я не растерялся. Завел мула за скалу. Руки больного сложил крест-накрест на груди и, продев свои ладони ему под мышки, сильно надавил коленом Ераносу на грудь. Послышался хруст. Боль отпустила моего погонщика, и вскоре мы как ни в чем не бывало продолжали путь.

Мы обошли каменную гряду и прямо перед собой увидели гору Цовасар.

— Э-эй, с двумя башками гора Маратук, не скучаешь без тещи? — вдруг воскликнул дядюшка Еранос, глядя на высокую гору, которая выглядывала из-за вершины Цовасара.

Я поинтересовался, что значат эти его слова. — Ну, раз ты меня вылечил от этой напасти, расскажу тебе на прощанье историю... В Сасуне самое любимое существо Для зятя — его теща, — сказал Еранос, подтягивая веревки на муле. — Ну вот, значит, один зять, только что женившись, с тещей и сватами идет, чтобы принести жертву горе Марута, ты знаешь, мы ее еще Маратук зовем. На обратном пути зять просит тещу со сватами пройти вперед, он-де хочет наедине открыть свое сердце горе. Когда они удаляются на порядочное расстояние, зять оборачивается, долго смотрит на гору и кричит: «Эх, умереть мне за тебя, Маратук-гора, это как же ты сидишь один, да без тещи!»

Погонщик Еранос закончил рассказывать предание, и мы расстались. Он направился в Сасун, к Маратуку, а я по склонам Цовасара двинулся к Брнашену.

Силою веры

До церкви св. Ахберика оставалось совсем немного. И вдруг глазам моим открылась неповторимая картина горной страны.

Несколько сасунцев волоком хотели поднять из глубокого ущелья громадный мельничный жернов. У них было приспособление в виде колеса, сколоченного из грубого дерева с колом посередине. Кол был с отверстием. Жернов водрузили на кол, через отверстие в нем продели длинную цепь, а к цепи приладили железные прутья. Мужчины по трое взялись за эти прутья, упираясь в них грудью, чтобы не нарушилось равновесие. Еще запрягли семь волов, те тоже тащили, и на крутых каменистых склонах пропасти все вместе тужились — пытались удержать гигантский жернов, готовый каждую минуту сорваться в бездну и унести с собой людей. Человек восемнадцать — двадцать, считай, было. У всех смуглые, почти коричневые лица, все — в шерстяных головных уборах, на одежде — на спине — козлиная шкура нашта.

Среди них выделялся высокий, могучего вида старик — одежда вся запорошена мукой. Он шел позади всех и следил, чтобы жернов не соскочил с подпорки. Два дня назад горный ливень размыл старую мельницу дядюшки Миро, стронул с места верхний камень жернова и унес в

пропасть. Люди говорят, от камня в это время снопы искры летели. Этот случай еще больше укрепил веру хутцев в силу и могущество своей мельницы.

Рассказывают, Григорий Просветитель* на обратном пути из Кесарии на горе Аватамк вступил в бой с язычниками Тарона. Предание гласит, что он с одним только деревянным крестом в руках победил тьму-тьмущую огнепоклонников и, убив главных жрецов Дисане и Демитри, предал сожжению их тела, а пепел сбросил в воду с моста Фре-Батман. Оставшиеся в живых жрецы и жрицы выбежали из-под развалин своих храмов и превратились в куропаток. Просветитель преследовал их до последнего и сбрасывал в пропасть возле горы Аватамк, потом заваливал громадными каменными глыбами.

---

* Григорий Просветитель — основатель армянской церкви, первый армянский патриарх, крестивший армян в 301 году.

Только одному хромому дьяволу удалось уцелеть, за это он поклялся всю жизнь быть канатоходцем и прислуживать в церквах св. Карапета и св. Ахберика, чистить там очаги, а пепел по ночам сбрасывать с Фре-Батмана.

До сих пор народ Тарона верит, что, когда все спят, хромой дьявол с громадной корзиной за плечами приходит, собирает золу в этих двух церквах и, перепрыгивая с горы Шамирам на Цовасар, спешит через Маратук к мосту мастера Батмана, чтоб высыпать пепел в воду.

Когда-то сасунцы обнаружили в своих ущельях большие глыбы каменной соли. Будто бы это бывшие каменные книги огнепоклонников, которые Григорий Просветитель швырнул вслед убегающим жрецам. И особенно хутцы верят, что их мельничные жернова сделаны из этих скал. Вот почему крестьяне с семьёй упряжками спустились в пропасть, чтобы поднять со дна ее священный камень.

Вот они остановились передохнуть. И когда раздался голос Миро: «Вста-ли!» — пастухи вскочили на упряжки, кликнули друг друга, волю потянули цепь, и жернов снова пополз в гору. Среди них я узнал талворикского Фадэ — он сидел на первой упряжке, свесив ноги прямо в пропасть. Фадэ со своего Хтана первым заметил, как ливень уносит жернов, и, подхватив лопату, с громкими воплями поспешил на помощь. Я, недолго раздумывая, сбежал в ущелье, быстро приблизился к старику Миро и встал рядом с ним, подставив грудь под железную цепь.

Тропинка в горах, петлявшая среди сливового кустарника, растерянно уткнулась в утес, сбившись с пути. Сбился с пути и мельничный камень, унесенный в пропасть ливнем. И мы плечо к плечу, рука к руке, с верою взявшись за дело, волокли его по скалистому склону вверх — к солнечной вершине.

Волю медленно двигались вперед, плотно прижимая копыта к земле. «Еще немножко, родимые, ну же!» — подгонял их мельник Миро.

Наконец с большими трудностями жернов вытащили на вершину горы, по тряской бугристой дороге докатили до дверей мельницы; слегка наклонив, внесли на руках в помещение и водрузили на место.

Фадэ тут же пошел привел в порядок мать-ручей, и мельница с шумом заработала, зафырчала.

Хозяин мельницы, дядюшка Миро, угостил всех обедом и, узнав про мою историю, оставил меня у себя — спрятал в нижнем помещении мельницы.

Всю ночь перед моими глазами мощное течение с силой ворочало мельничный камень, и я, глядя на это, думал о разрушенной и обновленной мельнице, об этом удивительном мельнике Миро и о тех горцах, чья воля оказалась сильнее стихии. Только могучая воля могла достать со дна пропасти упавший туда жернов. И невольно я сравнивал судьбу нашего народа с мельницей сасунца Миро. Жестокий ливень истории швырнул жернов судьбы нашего народа в пропасть. Кто первым заметит смертельную опасность и криком оповестит-поднимет всех на ноги? Кто достанет поваленный камень из пропасти и снова водрузит на место?

Это должны сделать мы с верой великой в груди — если мы все объединим свои силы и сделаем нашу волю одним гигантским тягачом, невозможно, чтобы камень нашей судьбы остался лежать на дне пропасти.

Аве

На рассвете пришел на мельницу один брнашенский житель. Принес просо смолоть. Миро назначил ему очередь и спросил, какие, дескать, новости на свете. Брнашенец поведал нам о том, что Геворг Чауш и Андраник два дня назад пришли в Гехашен и убили предателя Аве.

Он свой рассказ начал издалека. Рассказал, как ему самому рассказали.

«Приходят к светлой памяти Серобу-паше, докладывают: дескать, у одного из дядьев Геворга Чауша детей нет, хочет он новую жену взять. Сероб-паша поручает дело Геворгу Чаушу. Геворг дядю убивает, но потом мается, места себе не находит. Встает, идет к Андранику. «Андраник, — говорит, — Сероб-паша моей рукой дядю моего убил из-за женщины, а сам почему же тогда с Сосе в горах кружит?» Андраник встает, идет к Серобу-паше. «Паша, — говорит, — оставь Сосе в каком-нибудь месте, навещай ее когда хочешь, но с отрядом не води». А Сероб-паша ему отвечает: «Это не твои слова — с чужого голоса поешь. Кто против того, чтобы Сосе в отряде была, пусть складывает оружие и уходит от меня». И Сероб у всех, кто против Сосе, отбирает оружие. И у Андраника. И у Геворга Чауша. Когда он так всех разоружил, гехашенский староста Аве прознал про это и — прямиком в Муш — к мутасарифу. Мутасариф ему говорит: «Ну что, староста, ты сам знаешь, Сероб-паша всех нас обжег, и еще как. С доброй ли вестью ты к нам пришел?» — «Хозяин, у него спереди и сзади стены обвалились...»

Мутасариф на радостях целый кувшин золота дает Аве, чтобы тот помог им поймать героя Согорда. Аве берет золото, берет немного желтой желчи и возвращается домой. Дома кладет желчь в сыр и несет Серобу-паше. А Сероб-паша страсть как любил сыр. Сидят они втроем:

Сероб-паша, Сосе и хутский парень, которого сызмала Сосе под крылом своим держала. Парень с Сосе только чуть-чуть пробуют сыр, а паша наедается до отвала.

Утром рано Сосе выходит на улицу, видит — из-за горы аширет Бшаре Халила движется, а со стороны Муша — аскаров видимо-невидимо. Сосе кличет мужа: «Паша, войско идет!» А паша ей: «Ружье мое неси». Берет ружье, стреляет. Но что-то на себя не похож паша — пуля в другую сторону летит. Сероб без сил валится на землю... Сосе берет ружье героя, а хутский тот паренек, приемыш ее, испугавшись, хочет убежать. Сосе кричит ему вслед: «Эй, парень, ты обет дал, что умрешь с пашой, куда же ты теперь?» Парень возвращается и говорит: «Верно. Пусть кровь моя смешается с кровью Сероба-паши». Говорит так и тоже занимает позицию. Парня аскары убивают, а Сосе ранят.

Андраник в это время в Семале был, сидел рядом с Геворгом Чаушем. Сосе кричит с горы: «Серобу худо, помогите!» Андраник слышит клич Сосе. «Эй-вах, — говорит, — пропал наш Сероб-паша». Бьет себя по голове, поднимается на кровлю, сам не свой от гнева.

Геворг Чауш ему говорит: «Да ты что, Андраник, паша нас сам разоружил, что тужить об нем?»

Халил-ага отрубает голову мертвому Серобу, несет в Муш, оттуда — в Багеш.

На следующий день Геворг Чауш и Андраник приходят в дом Тер-Каджа, берут каждый по ружью и идут по душу Аве. У Андраника кости ломит, без палки ходить не может. Андраник с Геворгом подходят к дверям Аве и смотрят в замочную скважину. Видят, старосты нет дома. ждут неподалеку. Вечером Аве приходит домой. Они следом за ним в дом идут.

Аве, увидев ребят, поднимается с места. А Андраник ему: «Боже правый, ты что же это встал перед нами? Сядь, староста Аве, сядь». — «Нет, это вы садитесь», — говорит Аве и глазами делает знак жене и дочке, чтобы накрыли стол для Геворга Чауша и Андраника.

Геворг Чауш говорит: «Староста Аве, ни твой хлеб, ни вкусная ариса* нам не нужны. Мы сыты. Ты лучше пойд и принеси тот кувшин с золотом, что тебе мутасариф дал».

---

* Ариса — национальное блюдо, сильно разваренное мясо с пшеницей.

Аве, значит, тут дрожь пробрала. Встал он, пошел в соседнюю комнату, вернулся с несколькими золотыми.

«Нет, — говорит Геворг Чауш, — пойд и, как есть, в кувшине принеси».

Аве идет и в страхе забирается в хлев.

Геворг Чауш и Андраник видят, что Аве нет, и заглядывают в хлев. В хлеву темень стоит. Зажигают свечу — Аве спрятался за двухлетку-теленка. Увидев Геворга Чауша и Андраника, Аве бежит, прячется за невестку. Геворг Чауш выволакивает его из-за невесткиной спины, ведет в комнату.

«Староста Аве, — говорит Геворг, — хватит ломать дурочку. Пойди и принеси все золото».

Что делать — Аве приносит золото.

«Аве, — говорит Чауш, — кто тебе дал это золото?»

Деваться некуда, Аве говорит упавшим голосом:

«Хюсны-эфенди».

«За что?»

«За то, что подмешал яду в еду».

Андраник говорит: «Староста Аве, ты армянского героя голову продал за один кувшин золота».

Аве, понурившись, стоит возле стены.

«А не лучше ли было бы, если бы ты не совершал предательства? Пришли бы мы к тебе, а ты нас встречаешь, и совесть у тебя чиста, и не надо тебе прятаться за теленка или невестку...»

«Грех попутал. Своею волей или же как, а случилось. Судите меня. Что народ решит, то и будет», — шепчет Аве и отворачивается к стене.

Андраник делает знак Геворгу Чаушу. Геворг заносит над Аве кинжал. Жена Аве тянется рукой к кувшину с золотом, платок с ее головы соскальзывает на землю. Глядят — староста Аве, значит, половину золота спрятал под платком жены, в чакатноце*. Геворг и старосту убивает, и жену его, и невестку. Хочет весь род Аве истребить, но у Андраника сердце помягче, поднимает свою палку и говорит: «Остальные не виноваты, не трогай».

---

* Чакатноц — старинный вид украшения из золотых и серебряных монет, надевался на лоб под платком.

А в доме, оказывается, еще и племянник Аве был, брата сын. Мальчишка через дыру в стене выбирается на улицу и с криком бежит к себе домой.

Когда все было кончено, Геворг Чауш сказал: «Пошли, Андраник». Андраник ему — куда, мол, пошли? А Чауш:

«У армян боли много. Этим одним дело не кончилось».

Возле этого села был овражек с мелким лесочком. Андраник с палкой в руках спустился в этот овражек, полежал немножко на теплом песке, потом поднялся, догнал Чауша.

И отправились они в путь вдвоем. Оба фидаи, знают небось, куда им идти. Доброго им пути».

...Я слышал из своего тайника, как брнашенец сказал громко:

— Дядюшка Миро, я свой рассказ кончил. Как быть с просом?

— Ради бога, кум Амбарцум, я твое просо без очереди смелю, — сказал Миро.

В это время слышались чьи-то тяжелые шаги — еще кто-то пришел на мельницу.

Это был Геворг Чауш.

Халил

Геворг Чауш шагал быстро, я еле поспевал за ним. Я знал, что он всегда на лошади ездит, но почему-то на этот раз он был пеший и очень торопился. По правде говоря, я немного побаивался его. На моих глазах он убил своего дядю, а теперь я сам своими ушами услышал, как он расправился с гехашенским старостой Аве. Безумный сасунец возьмет да и убьет меня в ущелье, думал я, хотя сам был такой же безумец, разве что помоложе.

Больше всего занимало меня то, как он разыскал меня. Случайная это была встреча, или же он за мной сюда пришел? Вдруг он остановился.

— Ты где был столько времени? — спросил он.

— У хутца Миро.

— А до этого?

— Неделю назад ходил поклониться могиле в монастыре Кармрак, а на следующий день — в багешскую тюрьму угодил. Сегодня я здесь, а где буду завтра — неизвестно.

— С сегодняшнего дня ты будешь со мной, — сказал Геворг Чауш и повел меня в сторону Шмлака.

Когда мы были уже на подступах к этому селу, он спросил меня:

— Ты знаешь дорогу к Теснине?

— Знаю, — сказал я, — молитвенник Арабо в этом ущелье пропал.

— Тогда слушай, Халил-ага в Муше. Завтра на рассвете он должен вернуться в Сасун через Хачасар. Это тот самый человек, что отрезал голову Роднику Серобу. Мы должны поймать его в брнашенском лесу. Не сносить ему головы.

Я ни минуты не сомневался, что голова Халила слетит с плеч, так как говоривший был Геворг Чауш.

— Что я должен делать? — спросил я.

— Иди по этому ущелью к Брнашену. Повыше Шмлака в лесу семь камней увидишь: четыре — по правую руку, три — по левую. Предпоследний валун справа дырявый. Сядь на этот камень и жди. На рассвете к тебе подойдут три вооруженных человека, бедно одетые, на деревенский лад. У одного из них в руках будет палка. Имени этого с палкой тебе не назову, двух других звать Макар и Гале. Макар приходится Гале дядей. Как только увидишь их, скажешь: «Дяденьки, сегодня пятница или же суббота?» Ничего больше не говори. Это и будет твоя помощь.

Дойдя до Шмлака, мы расстались. Геворг Чауш пошел к Верхнему Марнику, а я направился к Теснине. Я хорошо знал эти камни, о которых говорил Геворг. Гора в этом месте отвесная, а дорога все время петляет. Глянешь вниз — пропасть, задерешь голову — лес густой.

Дорога, ведущая из Шмлака к Брнашену, в этом месте называется Теснина. Я часто бывал здесь с Арабо. Особенно мне запомнились заросли боярышника в ущелье. Ягоды красные, и до того их много здесь... От самого узкого места Теснины дорога зигзагами поднималась к Хачасару.

Как только я дошел до семи камней, я тут же уселся на дырявый камень справа, как было уговорено.

Только сел — вижу: спаханский Макар идет и еще кто-то с палкой. И Гале с ними. Гале поддерживал под руку человека с палкой. Я тут же узнал его — это был Андраник. Под глазом на правой щеке у него было большое родимое пятно. Увидел я их и закричал: «Дяденьки, сегодня пятница или же суббота?»

Все трое остановились.

— Эфферим, сын мой, — сказал Андраник. — Как название этой горы?

— Хачасар.

Они оставили меня сидеть возле семи камней, а сами отошли в тень и стали о чем-то совещаться.

Спаханского Макара я узнал по спине. Это был тот самый широкоплечий старик, которого я видел в Тахврнике возле хлева Чато — он сидел с трубкой в руке, прислонившись к стене. Ну да, это был тот самый здоровила мужик в больших трухах, с налитыми кровью глазами.

Халил-ага был крупный аширетский правитель. Влияние его распространялось от Сасуна до Муша. В своей вотчине он был всему и царь, и голова. Любого жалобщика он уничтожал вместе со всем его родом, будь то армянин или курд. Это он так коварно убил Родника Сероба и выставил его голову на площади Багеша всем на обозрение. А за несколько месяцев до этого он вместе с султанским войском разорил и сжег дотла село Спахан, а жителей всех перебил и тоже огню предал.

Вот почему у старика Макара глаза налиты кровью, словно у бешеного буйвола. Он оставил Андраника и Гале, сел на камень рядом со мной, но тут же вскочил и опять подошел к ним. Подошел и говорит:

— Парни, неправильно мы место выбрали. Пошли в Свекольный Нос, наперерез ему.

Андраник не согласился. «Там, — сказал он, — негде спрятаться, к тому же Свекольный Нос возле самого Муша, перестрелка может затянуться до вечера, патронов может не хватить, а Халил за это время тысячу раз убежать сможет».

В это самое время на дороге показался Геворг Чауш.

Андраник сразу же кинулся расспрашивать его:

— Халил в Муше?

— Уже выехал.

— В Марник направился или же в Алваринч?

— Алваринч он прошел, в Верхнем Марнике сейчас.

— Что там делает?

— Собирает подать.

— Когда пойдет по этой дороге?

— На рассвете выйдет из Марника и пойдет сюда.

— Из наших кто есть с ним?

— Все предусмотрено, — сказал Геворг. — Среди его всадников будут марникский Похэ и еще несколько наших армян.

За разгром Спахана и убийство Сероба правительство пригласило Бшаре Халила в Муш, чтобы произвести его в сан паши и наградить султанским орденом.

И еще вот что было. Аширеты Халила-аги и Шеко враждовали между собой. Один из курдов Шеко незадолго до этого убил в стычке сына Халила. И сейчас Халил пришел в Муш, чтобы, получив султанскую награду, потребовать у правительства войско и пойти войной на Шеко. Курды из рода Шеко были не на шутку встревожены, они тайно связались с Андраником и попросили его помощи.

Солнце уже было в зените, когда Геворг свистнул. Подошли еще несколько мстителей. Вместе с Андраником, Геворгом и Макаром они быстро заняли позиции.

Гале, как неопытный воин, устроился за большим валуном возле Андраника.

На дворе был октябрь месяц, а день, сколько помню, пятница. Лес стоял желтый, ягоды шиповника и боярышника алыми гроздьями свисали с кустов.

Вот на дороге объявились слуги Халила, несколько человек. Они погоняли перед собой груженных ослов. Вскоре из-за деревьев показалась голова халиловского скакуна. Халил ехал, слегка подавшись вперед, концы башлыка были обмотаны вокруг шеи. За ним ехали вооруженные всадники, а рядом шел староста села Марник с тремя слугами-армянами.

Лошадь Халила вдруг остановилась и неожиданно испуганно заржала.

— Ага, на твоей дороге помеха, не видишь разве? Возвращайся-ка ты лучше в Марник, — сказал марникский староста.

— Не обращай внимания, лао, горячий жеребец, мало ли что ему ударит в голову. Поехали дальше, — сказал Халил.

Через несколько шагов лошадь снова заржала и запрядала ушами. Староста опять предложил Халилу вернуться. В это время один из слуг, по имени Похэ, легонечко толкнул старосту в бок — молчи, дескать.

— Ну ладно, дальше дорогу показываешь ты, Похэ. Проходи вперед, ты эти дорожки лучше всех знаешь, — сказал староста, придерживав свою лошадь.

Похэ поехал впереди Халила. Когда они дошли до самого узкого места Теснины, он сказал: «Ага, ты поезжай тихонечко, у меня постолы развязались, завяжу веревки, мигом тебя догоню». Глядя на него несколько человек из свиты отошли в кусты — якобы помочиться.

Откуда ни возьмись сорока на дереве закричала. В ту же секунду лошадь Халила встала на дыбы.

— Да, видно, не миновать мне сегодня беды, — сказал Халил своим всадникам и быстро повернул коня обратно.

Но они уже увязли в самом узком месте Теснины — не так-то просто было отсюда выскочить.

— Паша, ежели убьем Халила-агу, пожалуйешь мне ружье? — спросил шепотом Гале.

— От первого же убитого возьмешь себе, — сказал Андраник.

Спаханский Макар не выдержал, выстрелил раньше времени. Но в Халила не попал, только сбросил с лошади одного из его всадников. Халил в ужасе ударил коня по бокам, лошадь перешла на галоп. Макар, выскочив из укрытия, бросился за ним вдогонку.

— Несчастный, ты от меня не уйдешь! — громовым голосом крикнул Андраник, выйдя из-за дырявого камня. На его голос аширетский правитель остановил было коня, но тут же снова пустился вскачь. Андраник выстрелил — конь упал. Нога Халила запуталась в стремях. Раненая лошадь понесла его волоком. Один из халиловских всадников прицелился в Андраника. Но его опередил другой выстрел, и всадник упал замертво, не успев спустить курок.

— Отдайте его ружье Гале, — приказал Андраник двум солдатам, а сам не свой от ярости, устремился к Халилу.

При виде его Халил в страхе закрыл глаза.

Андраник с Макаром взяли Халила под мышки, подняли, освободили ноги от стремях и привели к дырявому камню. Высокий, широкоплечий мужчина был Халил, на нем было пальто — чоха, талия перетянута шелковым поясом, шея обмотана башлыком.

Геворг Чауш и Андраник поклялись, что право вершить суд над Халилом, если его возьмут живьем, дадут Спаханацу Макару.

Гале, взяв подаренное Андраником ружье, побежал Халиловым слугам наперерез. А Макар, услышав выстрелы, бросил Халила и поспешил Гале на помощь.

Андраник посадил аширетского правителя на дырявый камень, схватил его за длинные волосы; в эту минуту в Теснину прыгнул — словно с неба спустился — Геворг Чауш и побежал к ним с криком:

— Погоди, я что-то спрошу у него, не бей пока! Андраник по-курдски говорил плохо.

— Геворг, что скажу — переведи ему, — сказал Андраник. — Бшаре Халил ты будешь?

— Да, — ответил Халил.

— Серобу-паше голову ты отрубил? Халил молчал.

— Ты разорил село Спахан? Ты перебил крестьян в этом селе и предал их огню в доме Макара?

Тот по-прежнему не отвечал, молча глядел в землю.

— Ты собирався с войском султана напасть на курдов дома Шеко?

— Хватит, хватит! Пришло мое время, вижу. Прошу только, не осквернять мой труп.

— Ты мертвому Роднику Серобу снес голову, а я тебе живому снесу... Геворг, сними с него башлык! — крикнул Андраник.

Геворг снял с Халила башлык. И так как Макар запаздывал, Андраник сам опустил клинок...

Марникский Похэ побежал чтобы подхватить откатившуюся голову, но я опередил — принес, отдал ее Андранику. Потом я поискал и нашел палку Андраника. Подаю палку ему, а он мне:

— Этот Хачасар вылечил меня, сын мой. Отпустила меня боль, не нужны мне более ни палка, ни горячий песок. Единственное, что мне сейчас нужно, — это мешок.

В это время в кустах что-то зашуршало. Мы тут же направили туда наши ружья.

— Не стреляйте, паши, я свой. — Из кустов вышел крестьянин — лицо перекошено от страха, в руках мешок. Пришел бедняга в лес набрать ягод боярышника и наткнулся на эту сцену.

На Хачасаре, повыше того места, где мы были, стояли палатки кочевников. Весть о случившемся уже дошла до них.

— Вставайте, джан-фидай Халила-агу прикончили! — Люди бежали с горы на гору и скликали народ.

— Геворг, а паренек-то, видать, смелый, — про меня, значит. — Ежели б не он, голова Халила-аги скатилась бы в ущелье, ищи ее свищи. — Потом повернулся к растерявшемуся крестьянину и говорит: — Неси свои ягоды в чем хочешь. Считаю, что я у тебя одолжил мешок.

Из Теснины вышел Гале с седлом Халила в руках — богатое седло, покрыто дорогим ковром. Какая-то лохматая собака шла рядом с ним, обнюхивая землю, и вдруг метнулась в ущелье. Чья была собака, так и не узнали.

— Геворг, а ведь ты у него что-то хотел спросить, — вспомнил Андраник.

— Что ж теперь у мертвого-то спрашивать. Я закинул мешок за спину, и мы пустились в путь, держа направление на Сасун.

Конь айсорского старейшины

Быстрым шагом прошли мы горы Аваторика и повернули к селу Коп.

— Вон там живет Дуканэ Зефран, староста Шеника, — сказал Спаханац Макар, показывая рукой на дальние постройки — летние дачи, рассыпанные на склонах горы Куртик. — Там проходила битва «Семи Ложек», — продолжал старик.

В 1892 году между хошканскими вооруженными курдами и армянами произошла стычка. Побоище длилось несколько недель, а разгорелся весь сыр-бор из-за семи украденных ложек. В конце концов шеникцам удалось прогнать из своих гор хошканских курдов и отобрать у них украденные ложки.

Дядюшка Макар сказал, что сам он участвовал в этом сражении, дрался на стороне шеникцев и на спине у него до сих пор еще видны два рубца — память о тех горячих денечках.

— С того дня я не расставался с ружьем, — добавил старик.

Коп был одним из семи сел округа Арджнац и принадлежал Халилу-аге.

Староста этого села вместе со старостой Дхол-Таха, находившимся у него в гостях, сидели возле очага и курили трубки. О случившемся они еще ничего не знали.

После обычных приветствий Андраник обратился к копскому старосте:

— Что нового на свете, отец?

— Мы-то в доме сидим, а вы с улицы, новости с вами должны быть, — сказал староста. — Говорят, из Муша войско идет, чтобы расправиться с домом Шеко.

— Мы тоже слышали, но так ли это?

— Наш хозяин сейчас в Муше. Он получил три тыщи человек войска, да шестьсот всадников, да пушку, чтобы идти против Шеко. А вы зачем сюда пожаловали? Коп ведь Халила село.

— Ваш Халил сам нас пригласил сюда.

— Для чего это?

— На свидание.

— Наш Халил-ага? — вытаращил глаза староста Копы.

— Именно так.

— Наш Халил-ага получил из Полиса приказ снести тебе голову. После смерти Сероба с тобой расправиться не так уж и трудно. О свидании не может быть речи, неправда это. — Староста замолчал, нахмурился, постукивает ногой по ножке стула.

— Желаете видеть своего хозяина? — спрашивает Андраник.

— Хозяина? Как это?

— Если желаете, можете увидеть.

Староста Копы, смущенный невозмутимым выражением лица Андраника, растерянно переводил глаза с одного на другого.

— А что, староста, может, Халил-ага в Копе? — спросил староста Дхол-Таха.

— Да что ты! Ежели бы ага был в Копе, все село бы знало об этом.

— А ведь он здесь, — сказал Геворг Чауш и, взяв у меня мешок, вытряхнул его содержимое на землю. — Вот ваш хозяин!

Староста Дхол-Таха скосил глаза и увидел голову Халила с вывалившимся языком. Староста Копя вытянулся, чтобы еще раз убедиться, что перед ним голова его хозяина. Вдруг он ударил себя трубкой по голове и вскричал!

— Лучше б ты... наелся!

Я подхватил свою ношу, и мы покинули дом старосты. Мы отошли на порядочное расстояние и вдруг видим — какой-то курд бежит с горы, оглашая окрестности криками:

— Радуйтесь, люди! Радуйтесь, армяне и курды Шеко! Фидаи убили Халила-агу. В брнашенской теснине перестрелка была! Дым в небо ударил! Порохом до сих пор пахнет!

— Ты сам своими глазами видел, что убили? — К нему бежал другой курд со стороны Семи Ложек.

— Видел, видел! Сам видел, как собака слизывала с земли кровь Халила! Черное горе опустилось на дом Халила и его жену.

— Ежели жена Халила в горе, пускай выходит замуж за меня! Уж я ее утешу, — отозвался второй курд и по сочной луговой траве Мркемузана побежал к Шенику сообщить дальше радостную весть.

Вскоре сотни курдов из рода Шеко с радостными воплями вышли встречать нас. Все в ярких красочных одеждах, повязавшись цветными платками поверх шерстяных черно-белых колозов*, некоторые вооружены, но больше — без оружия.

---

* Колоз — головной убор курдов.

Впереди на коне ехал старейшина рода Шеко в окружении своих приближенных. По его знаку все спешились и, приложив руки к груди, низко поклонились Геворгу Чаушу и Шапинанду.

— Хуашбе Андраник-паша! Хуашбе Геворг Чауш! — воскликнули они в один голос и, трижды повторив приветствие, выразили нам свою благодарность за то, что видят своего заклятого врага поверженным.

И слух такой разнесся, что на шее у Андраника висит талисман Бшаре Халила и теперь его ни одна пуля не возьмет. Рассказывали о подробностях, кто именно отсек голову балакскому разбойнику. Некоторые говорили, что сам Шапинанд сделал это, иные утверждали, что Геворг Чауш. «С первого же удара кинжал по самую рукоять вошел в него...» Многие уже выдавали себя за очевидцев свершившегося. Из уст в уста передавались имена Спаханаца Макара и Гале, невероятная храбрость приписывалась марникскому Похэ, который одним тумаком заставил неосторожного старосту заткнуться и повернуть обратно, а сам повел врагов на засаду гайдуков.

Какая-то, скажем прямо — малая, доля этого восхищения досталась и мне — люди удивленно смотрели на мое юношеское дерзкое лицо, выискивая на нем следы героизма. О, если б они знали, что голова Халила в это время находилась у меня в руках, в мешке из-под боярышника!

И вдруг вся толпа запела песню, сложенную в честь армян-фидаи. «О сасунское синее небо, увижу ли я тебя когда-нибудь еще, услышу ли я эту песню в своей жизни еще раз?»

Андраник, Геворг Чауш, дядюшка Макар, Гале и марникский Похэ с детской беспечностью смотрели на толпу, словно песня эта не о них была сложена. Они стояли в старой потрепанной одежде, до того изношенной, что местами сквозь лохмотья проглядывало тело. И трудно было поверить, что хвалебная песнь славит дела этих оборвышей.

После песни сквозь толпу к Андранику и Геворгу Чаушу продрался могучего вида старик, айсор по национальности. Борода у него была окладистая и длинная — такая большая, что он спрятал ее за пазуху. У этого старика всего-то и было на свете, что один сын и один конь. Коня он подарил Андранику, а сына — Геворгу Чаушу, сказав:

— Коня звать Аслан, имя сына Абдело. Оба сасунские, рождены в Харзане. В молитвеннике Рыжего попа написано, что первым настоятелем монастыря св. Ахберика был айсор Абдело. Мой род восходит от него. Трех вещей не может отдать айсор другому: коня, сына и оружие. Но вы — не другие, вы — наши, и я дарю вам своего сына и своего коня. Мой отец был убит в войне «Семи Ложек», сражаясь против хошнакских богатеев на стороне шекинцев. Сегодня у нас большой день, потому что уничтожен наш общий враг, заклятый враг, который шел на нас с султанским войском и всем своим аширетом. Примите мой стариковский подарок от имени всех потерявших родину айсоров и курдов дома Шеко, и пусть навеки нерушима будет дружба горцев — армян, курдов и айсоров.

Высоким красивым юношей был Абдело. Но мое внимание приковала лошадь старого айсора. Аслан был жеребцом красноватой масти с белыми подпалинами, в синих яблоках. Голова у него была маленькая. И глаза — маленькие и умные. Ноги высокие и тонкие, ноздри широко раздуты. На солнце кожа его лоснилась и отливала красным. Чудо что за конь!

Попрощавшись с курдами и стариком айсором, мы в последний раз посмотрели на летние постройки Шеника и Семала и покинули долину Семи Ложек, уводя с собой сына айсорского старейшины и его жеребца Аслана.

На полдороге Андраник приказал мне прийти в Гели первым и приготовить надежное место для жеребца.

Подарок короля англизов

Едва я сделал несколько шагов в сторону Гели, как вдруг совсем близко послышались какие-то голоса. Посмотрел я и вижу — небольшая толпа поднимается в гору, а со стороны села навстречу им бегут люди с криком:

«Мосе Имо вернулся! Мосе Имо!»

Первое, что мне бросилось в глаза, — это мул моего знакомого дядюшки Ераноса; на муле сидела женщина, держа в руках новорожденного. Впереди мула вышагивали дядюшка Еранос и сын Тер-Каджа — Адам. За мулом шел широкоплечий, крепкий как дуб мужчина с большим носом и пышными усами, на голове — шапка сасунца, в руках палка, а за спиной... красивая расписная люлька.

Это и был Мосе Имо.

Мосе Имо обступили полевые сторожа, женщины, дети. Еранос, сын Тер-Каджа Адам и другие люди просили, чтобы Мосе Имо погрузил люльку на мула или же дал понести им немного, — тот не соглашался. Из самой Англии и до Сасунских гор, до родного села Гели, он нес эту люльку на спине. Даже на пароходе он снимал ее только для того, чтобы жена уложила ребенка спать.

Люлька эта привлекала внимание всех, кто видел ее;

многие бы мечтали заполучить такую люльку для своих младенцев. Но где ее возьмешь? Только гелийцу Мосе Имо и его жене княгине Алтун посчастливилось стать обладателями этой единственной на свете сказочной люльки.

— Откуда такая?

— Где это продают? — на каждом шагу на самых разных языках обращались люди к Мосе Имо.

Но Имо, кроме сасунского своего наречия, никакого другого языка не знал, и ответ его на этом наречии был неизменно один и тот же:

— Король англизов подарил.

Люди, услышав слово «инглиз», заключали, что товар английский, или же — в более редких случаях — понимали, откуда люльку везут; когда же они в конце концов узнавали, что это королевский подарок, удивлению их не было предела: одни еле сдерживали смех, другие пытались понять, какое отношение имеют к английскому королю эти крестьяне, затянутые широкими шерстяными поясами.

Но, как ни странно, люлька в действительности была подарена Мосе Имо самим английским королем.

Первыми о возвращении Имо и его жены узнали в Сасуне полевые сторожа и пастухи. Они быстро передали новость во все близлежащие села, и через некоторое время люди высыпали из домов и побежали встречать своих земляков.

Вдруг мул остановился. Погонщик Еранос сел на какой-то камень, рядом примостился Тер-каджевский Адам. Остановился и Мосе Имо и, сняв со спины люльку, осторожно опустил ее на скалу. Он тяжело вздохнул и, нагнувшись, закатал штанины до колен, Мосе Имо всегда надевал две пары брюк и обматывал спину широким поясом, потому что, по его мнению, самое главное для здоровья — это держать в тепле ноги и спину.

Ему хотелось курить. Он достал из-за пояса трубку и кисет с табаком. Тер-каджевский Адам набил ему трубку. Мосе затянулся и повел рассказ.

Когда в 1896 году консулы семи европейских государств пришли из Багеша в Сасун для того чтобы выяснить масштабы армянской резни, они решили представить прошение своим правителям, осудив султана, но османские правители подкупили этих консулов. И вот по предложению Геворга Чауша и Андраника талворикские армяне, выбрав в качестве парламентаря потомственного сасунца Мосе Имо, отправили его в Европу к иноземным королям с просьбой освободить армян от султанского ига. Вместе с Имо отправились в путь его жена княгиня Алтун, чей драгоценный пояс унесли люди султана, захватив также сундук с фамильными драгоценностями.

Итак, Мосе Имо должен был принести в качестве трофея бумагу, скрепленную печатями семи европейских государств, о том, что они готовы помочь повстанцам Сасуна. Имо и Алтун, облачившись в национальные сасунские одежды, с большим трудом добираются до Лондона и направляются в королевский дворец. Султан Гамид, узнав об этом, спешно посылает в Лондон трех своих людей, чтобы те похитили Мосе Имо и его жену, помешав им встретиться с королем Англии.

— Привезите мне Мосе Имо, получите золота столько, сколько сам он весит.

Люди султана, переодетые в европейское платье, садятся в карету и отправляются на поиски сасунцев. Наконец на одной из улиц Лондона взору их предстают краснощекий горец с пышными усами и жена его, княгиня, — идут, удивленно озираясь на многоэтажные дома, к королевскому дворцу направляются. Одежда их не оставляет сомнения, что это и есть сасунские парламентары.

Люди султана обращаются к ним по-английски и по-французски: дескать, что это вы пешком идете, пожалуйста в карету, нас за вами король прислал.

Но Мосе Имо не так-то легко провести. По запаху он сразу же определяет, что перед ними переодетые турки.

Один из людей султана хватается за руку княгиню, а двое других пытаются схватить Имо и затащить его в карету. Но у Мосе Имо под абой оружие было спрятано — выхватывает маузер и стреляет. Одного наповал убивает, другого ранит, а третий очертя голову бежит, пытаясь скрыться.

Полицейские, арестовав турок, препровождают Мосе и его жену к королевской казне. Служащий казны, решив, что Мосе Имо и его жена просят подаяния, дает им пригоршню золота и хочет высыпать это золото в передник Алтун, но Алтун бьет его по руке, швыряет золото ему в лицо и кричит: «Возьми это себе, ничтожный, один только мой пояс, который унесли люди султана, стоил дороже всей твоей казны и всего Лондона в придачу».

Наконец сасунцев приводят в королевский дворец.

— Садитесь, сейчас король с королевой выйдут, — знаками объясняют придворные короля.

Мосе Имо и Алтун садятся.

Чуть погода открывается дверь, входит король; идет, размахивая руками, следом королева торопится. Мосе Имо поднимается с места, хватается за руку и целует. Алтун целует руку королеве. Желая проверить, на самом ли деле перед ним сасунские армяне, король показывает фотографию, сделанную в Сасуне в 1896 году, с изображением трех мужчин, английскую же надпись внизу закрывает рукой.

— Это Родник Сероб, а это Арменак из Красного Дерева! — восклицает Мосе Имо, и король убеждается, что перед ним действительно сасунцы.

— Что вам нужно? — спрашивает король через переводчика.

— Мы пришли по поручению армян города Битлиса, — говорит Мосе Имо и, вытащив из черной абы какую-то бумагу, протягивает королю. — Мы народ христианский, владыка, просим, чтобы вы и шесть других христианских государств помогли своим братьям христианам, нам, то есть, избавиться от султанского ига.

Некоторое время Мосе и Алтун живут в Лондоне и считаются гостями короля. Там у них рождается дочь. Ребенка крестят в армянской церкви Лондона и в честь английской королевы дают имя Виктория. Король с королевой дарят им люльку и, вручив скрепленную печатями бумагу, желают счастливого возвращения, Мосе Имо, спрятав бумагу под абой, взваливает люльку себе на плечи и вместе с Алтун пускается в обратный путь.

Когда Имо закончил свой рассказ, один из односельчан радостно воскликнул:

— Ишалла! Вопрос наших семи вилайетов решен!

— Бумага с печатями у меня за пазухой, — кивнул Имо, затягиваясь трубкой.

Со всех сторон посыпались вопросы:

— Для чего это король закрыл надпись на фотографии?

— Боялся, что прочту, Будто Имо по-английски знает.

— Королевский дворец в Лондоне стоит или в другом месте?

— На семь верст дальше города.

— Дядюшка Имо, а что, жена короля красивая? — спросил какой-то юноша.

— Баллах! Очень гордая. Зовут Виктория.

— Имо, сколько раз поцеловал руку у короля?

— Сколько ж ты хотел? Один раз. Да и то ради армянской нации нашей, а то станет Имо целовать руку мужику!

— Нет, вопрос наших земель и впрямь решен! — крикнул какой-то старик и тоже задымил трубкой. И я задал Имо вопрос:

— Дядюшка Имо, а знает английский король, что в Битлисе тюрьма есть?

— Чтоб крыша над тобой да не обвалилась! Как же ему не знать, что на свете есть город Битлис, а в Битлисе, как в каждом городе, наверняка уж тюрьма есть.

— А как это султан узнал, что ты в Англию пошел, да сразу так своих шпионов за тобой послал? — слышался еще один голос.

— Как-никак, а тоже царь, своих назир-везирей имеет.

— А как так получилось, что ребенок ваш в Лондоне родился?

— А так вот и получилось, тут разве спросишь, как получается... — сказал Имо, опуская штанины.

И рассеявшиеся по краям дороги крестьяне стали обсуждать историческое путешествие, совершенное их односельчанином Мосе Имо. Какой-то опытный старик придал особое значение тому, что наш сасунский ребенок родился в Англии.

Мосе Имо с женой поднялись, пошли, и сын Тер-Каджа, Адам и Еранос тоже пошли. Толпа побрела к Гели. Тер-каджевский Адам, отведя меня в сторонку, сказал:

— Завтра в Гели большое собрание будет.

Сбор старейшин

И собрались на совет все именитые люди Сасуна, чтобы прочитать вслух привезенную Мосе Имо бумагу.

У подножья горы Андок, в Гели, бил ключ. Беспокойный был родник и назывался соответственно — Взрыв-родник. Рассказывали, что в этом роднике обитают огненные кони, но не всякому выпадает счастье увидеть их. Время от времени крылатые эти кони вылетают из родника, смотрят на божий свет и на солнце и быстро ныряют обратно.

Мосе Имо построил свой дом прямо возле этого родника — в надежде когда-нибудь увидеть огненных коней.

Тут-то и собрались старейшины Сасуна на совет. Каждый устроился поудобнее, заняв место на покато́м склоне Андока, напротив дома Мосе Имо. Пришло много именитых князей из Талворика и соседних провинций. И сто́ит, чтобы имена их были упомянуты здесь.

Но упомянем сначала Взрыв-родник, чудо-родник Андока с его крылатыми огненными конями. И дом Мосе Имо, смахивающий на крепость, построенный возле этого родника, лицом на восток, — будь помянут добром этот дом.

И да запомнятся в веках Геворг Чауш и Шапинанд, присутствовавшие на этом историческом совете в селе Гели. Был здесь также и спаханский Макар, пришел, занял место рядом с Андраником и Геворгом Чаушем, — помянем его. И да вспомнится Амзе, знаменитый кузнец талворикский. И старейшина Хлохинга Киро Осман, убивший Селима-бека в войне «Гяли». Помянем добром его имя. И староста Хлохинга, с прокуренной трубкой во рту, усы закрученные до самых ушей, — он тоже был здесь. И да вспомнится почтенный князь Татар, староста Верхнего квартала Талворика, который вместо бакшиша живого змееныша положил в карман Слепому Сло.

И пришли в тот день к дому Мосе Имо старосты всех кварталов Талворика в лохматых княжеских абах и расселись вокруг славного своего старейшины. И староста Дхол-Таха пришел, тот, который стукнул в сердцах своей трубкой, увидев голову Халила, вскричал: «Лучше бы ты... наелся!»

И пришел мельник Миро из Хута, тот, что вытащил из пропасти унесенный бурей жернов. И его добром помянем. И поливальщик Фадэ из Хтана с лопатой на плече, кто помог мельнику Миро водрузить жернов на место. Помянем его.

И да будут помянуты все именитые и безвестные люди сасунской страны, которые присутствовали на этом совете и чьи имена мы забыли упомянуть.

Пришли и расселись армяне перед домом Мосе Имо, смахивающим на крепость, в традиционных своих одеждах, расселись согласно своему географическому положению:

хутцы — на востоке, мотканцы — на юго-востоке, хорзанцы — на юге, талворикцы — на западе, бсанцы — по соседству с ними, староста Хулб-Хианка — на юго-западе, шатахцы — на севере, а сами коренные сасунцы — в центре.

И когда все уже восседали на своих каменных тронах, из дома вышел Мосе Имо.

У Мосе было два бога: один — Взрыв-родник рядом с его домом, другой — незримый — наверху. Имо пришел, высокий, с трубкой в руках; постоял мгновение перед своим домом-крепостью, победно оглядел всех, поздоровался со всеми, молча склонив голову. Люди ответили ему тем же. Потом он зажег трубку и, покручивая густые усы, прошел, сел у самого родника, прислонившись спиной к горе Андок.

И когда воцарилась тишина, он поднялся со своего каменного сиденья, просунул руку через абу к цветному поясу, достал сложенный вдвое конверт с золотыми краями, расправил его и поднял над головой, чтоб все видели. И все увидели бумагу большого королевства Европы, запечатанную восковой печатью.

Некоторые, не поверив своим глазам, подходили, дотрагивались до конверта и печати и, вернувшись на свое место, взволнованно разжигали погасшие трубки. Последним подошел потрогать конверт мельник Миро.

— Ты что же это сделал, Миро, запачкал конверт, не видишь, что царская бумага? — обиделся Мосе Имо, стряхивая с конверта мучную пыль.

— Пусть все цари на свете помолятся на эту мою руку в муке, — сказал хутский Миро, гордо выпрямившись на своем каменном троне.

И пока хотели послать в дом за ножницами, Геворг Чауш предложил снять печать мечом. И подойдя, сам вскрыл конверт. Из конверта извлекли бумагу английского короля, написанную золотыми буквами. На бумаге сверху был выдавлен английский лев, справа было изображение горы Арарат, чуть пониже — портрет Родника Сероба, таким, каким я видел его на склонах Немрута. Внизу, была совсем короткая запись — сначала на английском языке, потом на армянском.

Но кто должен был читать это высокочтимое письмо? Тер-Кадж был убит, а священник Степанос отсутствовал. Старейшины Сасуна потребовали, чтобы письмо прочитали Геворг Чауш или Андраник.

— Пусть этот малый читает, — послышался голос Андраника.

Таким образом, эта высокая честь досталась мне. Мосе Имо с величайшей осторожностью придерживал, бумагу на груди, а я, приблизившись, прочел вслух:

— «Досточтимые князья Сасуна, ваш посланник Мосе Имо и его жена княгиня Алтун прибыли в Лондон с просьбой освободить армян-христиан от султанских притеснений. Но вы забыли, что я король не только над христианами, но и над миллионами мусульман. В Битлисе у нас есть консул, обратитесь к нему. Король Англии».

Сасунские князья удивленно переглядывались; потом все, словно сговорившись, разом повернулись к Геворгу Чаушу и Андранику.

Письмо английского короля было словно ушат холодной воды. А Мосе Имо, который считал, что вопрос освобождения Сасуна запрятан в складках его пояса, сложив вчетверо бумагу, словно обиженный ребенок, сел на свою скалу и, понурившись, смотрел на Взрыв-родник.

Значит, напрасно было его и княгини Алтун путешествие в Европу. Напрасно он с христианским благоговением целовал руку английского короля.

— От англизмов и франков нам пользы нет, — заключил кузнец Амзе и предложил напасть на Битлис и взять в плен всех консулов, в том числе и английского. Только в этом случае Европа всерьез заинтересуется судьбой армянского народа и освободит Сасун от султанских притязаний.

Почти все князья Талворика с одобрением отнеслись к смелому предложению кузнеца.

— Завтра же и двинемся, — предложил старейшина Хлохинга.

— Завтра будет поздно, — возразил князь Татар. — Идем на консулов теперь же.

— Нет, — сказал Андраник, педнимаясь. — Я против того, чтобы нападать на консулов. Но я за вооруженное восстание. Несколько наших князей обратились к европейским королям с просьбой о помощи. Мы отправили Мосе Имо в Европу за их ответом. Вы сами своими ушами слышали, что было написано в бумаге, присланной из самого большого государства в Европе. Письмо английского короля так расстроило Мосе Имо, что он устал в воды Андока, словно оттуда только и оставалось ждать помощи...

— Никакой король не спасет нас, — продолжал Шапинанд. — Султан нам не брат двоюродный, да и король Англии не кум наш и не сват. Еще задолго до Мосе Имо наш католикос Хримян Айрик ходил в Европу все с тем же. «Пошел я в Европу, — рассказывал потом Хримян Айрик, — вижу — в Берлине стоит большой медный котел с арисой. Посланники разных народов пришли с железными ковшками, черпают арису и уходят. Болгар, серб, карадагец — каждый забирает свою долю. Дошла очередь до нас, армян. Подхожу, прошу свою долю арисы. А те, что стоят и раздают, — старейшины, значит, — спрашивают меня: а где же твой черпак? Это верно, что здесь арису раздают, но у кого нет ложки, тот пусть не подходит. Когда в следующий раз будут арису раздавать — смотри, не забудь черпак, а не то снова уйдешь с пустыми руками». Точно так же с пустыми руками вернулся из Европы и наш посланник Мосе Имо. Потому что в руках у него не было железного черпака...

Значит, что нам остается делать, князья Сасуна? Вооружиться — вот единственный наш выход. Нам надо выковать наш черпак, чтобы мы могли с полным правом подойти к общему котлу. Из вас многие, альянцы, скажем, и часть шеникцев, против вооружения, против этой самой железной ложки. В Семале народ разделился на две части:

одни, во главе со старостой Мануком, против того, чтоб вооружаться; другие, во главе с семальским священником, за оружие...

— Однажды ночью, — продолжал Андраник, — отправился я из Тахврника в Шеник, дело у меня было там. Алианцы и шеникцы, узнав про это, тайком забрались в мою обитель и унесли все наше оружие. И я со своими ребятами без оружия ушел в Семал. Семеро моих ребят со мной были. Алианцы и шеникцы боялись, что я, вооружившись, пойду против них, а я в Семале с биноклем в руках с тревогой вглядывался в Шеник, полагая, что шеникцы собираются напасть на меня. И мои опасения оправдались. Вскоре я получил весть, что шеникцы и алианцы решили пойти войной на Семал. Из-за меня. Я взял у местных жителей одно-два ружья и, покинув Семал, пришел в Гели, чтобы не стать причиной войны между братьями. И вот я здесь.

В Сасуне я начал с того, что стал починять затворы и приклады. Несколько недель был пастухом у Муро Огана... Скажи, Оган, кто пас ваших овец? — спросил Андраник, поворачиваясь к сасунцу, сидевшему за ним.

— Ты, Антуан-паша, — ответил Оган, с гордостью закручивая усы.

— Я не паша, — сказал Шапинанд. — Мои «палаты» — это хлев старосты Хечо в Ахбике; в Гарибшане — это хлев Аво; в Тахврнике — хлев Чато; в долине Муша — хлев семальца Маргара. И что мы ели — сухое просо, одно только просо. А когда и это кончилось, поковыряли мы землю вокруг хлева Сено, нашли карас, внутри сыр. Два дня — пятьдесят три человека нас было — этим сыром кормились. Люди султана прознали про мое место, захотели поймать. Семальцы набросили на меня овчину, и я, смешавшись с овцами, на четвереньках спустился в ущелье. Можно ли такого человека называть пашой? Ляжет разве паша голой спиной на пески? А я во всех ваших оврагах лежал, грел больную спину свою на песке. Нет, я не паша. Я простой солдат, я пришел в Сасун и хочу, чтобы все вы были Геворгом Чаушем, Спаханацем Макаром и Гале. Убиты всего лишь один угнетатель — Халил-Ага и один предатель — Аве. Но на троне сидит жестокий султан. И пока он сидит в своем дворце в Юлдузе, противник оружия среди армян — наш враг. Наше единственное спасение — железный черпак. Мы должны вооружиться и вместе со всеми угнетенными малыми народами нашей страны пойти против общего врага, против султана. Если армяне хотят получить свою долю арисы в этой стране, иного пути нет.

Андраник говорил громко, взволнованно размахивая руками, так что Оган из рода Муро то и дело отодвигался от него, чтобы избежать нечаянных ударов. Шапинанд обращался то к старейшинам Талворика, сидевшим поблизости, то устремлял взор на сидевших поодаль князей Хулб-Хианка и Бсанка.

— Эта сходка князей, которую мы созвали, чтоб ознакомиться с письмом английского короля, — да станет она исторической. Вооружаться — вот отныне наша программа» Повторяю, никто нам не даст арисы, не будь у нас железного черпака. — Он быстро перевел горящий взгляд с вершины Андока на князей Хут-Брнашена и Моткана и тем завершил слово.

Трудный вопрос

Не успел Андраник сесть, поднялся староста Хлохинга; все это время он молча попыхивал трубкой и, склонив голову, внимательно слушал говорившего.

— Вопрос имею.

— Староста Хлохинга спросить хочет, — слышались голоса.

— Говори, — сказал Андраник.

И все повернулись к уважаемому хлохингскому старосте.

Андраник, который пришел в Сасун из другой провинции, с трудом понимал наречие горцев. Особенно непонятно было ему, когда говорил староста Хлохинга. Как только он раскрывал рот, Шапинанд делал знак Геворгу Чаушу — переводи, мол.

Староста Хлохинга прежде всего выбил трубку о камень, набил ее свежим табаком, высек огонь из кремня и, затянувшись разок-другой, заговорил:

— Наседка сидит на яйцах, черный змей обвился вокруг гнезда и голову положил наседке на грудь. Как убить дракона-змея, чтобы и наседке не повредить, и птенцов сохранить?

Талворикец покрутил длинный острый ус и снова поднес трубку ко рту.

— Трудный вопрос задал ты, староста, — сказал Андраник. — Горе той наседке, на чьей груди черного змея голова покоится. Прежде чем ответить на этот вопрос, я расскажу вам один случай. В прошлом году заснул я как-то на поле Керо Османа. Проснулся, вижу — на груди моей змея. А Керо в это время поле свое поливает. «Керо, — говорю, — змея у меня на груди, что делать?» Пока Керо с лопатой подоспел, змея сама уползла прочь. «Ударь ее, Керо», — говорю. А Керо мне: «Если враг, до этого сидевший на твоей груди, мирно уходит, не причинив тебе вреда, его не убивают». Я от Керо научился не убивать того врага, который тебя не трогает. Ну а теперь вернемся к твоему вопросу. Если черный змей оставит наседку и удалится, мы его не тронем. Если же он станет сжимать кольцо, мы должны будем убить змея, но так, чтобы не задеть наседку с цыплятами.

— Невозможная вещь, — заметил один из семальских князей.

— Ну хоть несколько птенцов спасутся — и то дело.

— Мальчишка, горячая голова! — презрительно воскликнул староста Хлохинга. И напомнил старейшинам Сасуна о другом таком же собрании, проходившем лет десять с лишним назад в селе Ахронк, — тогда среди собравшихся были шеникский князь Грко, гелигюзанский Пето, Тер-Кадж, талворикский князь Татар, Вардан из Хианка, а также все старейшины местности Хулб. То были времена кремневых ружей, и собрание решило вооружиться ими, перебросив в талворикские и арджнацкие села порох и свинец из Тигранакерта. И что из всего этого получилось? А то, что змей шевельнул хвостом, и был убит шеникец Грко, десятки сел пострадали. Осталось у нас несколько сел. Не надо лезть на рожон. Не нужны нам ни ваша ложка железная, ни ваша ариса. Не желаем.

— Мать честная! — вскричал Андраник, вскакивая с места и выхватывая кинжал. — Ни черта ты не понял! Горцы переполошились.

— Сукин сын плешивый, кто ты такой, что пришел в Сасун и на талворикца меч поднимаешь?! — крикнул поливальщик Фадэ и с лопатой наперевес пошел на Шапинанда.

Глядя на него, повскакали с мест талворикские князья, навалились гуртом на Геворга Чауша и Андраника.

— Сядьте на свои места! — закричал Керо Осман, старый гайдук, в чьем доме не раз останавливался Андраник.

Усмиренные его криком, перестали драться кузнец Амзе и староста Татар. Поливальщик Фадэ, недовольно ворча, сел на свое место, зажав лопату между голых ног.

Разгорелся спор.

Несогласные, драли горло представители Хианка и Габлджоза, Моткана и Хут-Брнашена. Сцепились, разгоряченные, бстанцы и хорзанцы. Алианцы разделились на два лагеря. Одни требовали наказать Андраника за то, что поднял меч на сасунца, другие были недовольны поведением Фадэ, дерзнувшего прийти на собрание старейшин необутым, «лопатой еще тут размахивает». Кое-кто требовал удалить Фадэ с совета. Некоторые так разгорячились от спора, что сняв с себя абу, подложили их под себя.

От английского короля, от рук мельника Миро, запорошенных мукой, от босых ног Фадэ спорящие перешли к построенным в Сасуне казармам и снова вернулись к истории со змеем-драконом.

Этот безрассудный поступок, когда Андраник поднял меч на талворикца, мог иметь тяжелые последствия и послужил серьезным испытанием для самого Андраника, в то же время он позволил ему лучше узнать характер сасунцев. Андраник заметил, что даже верные ему Спаханац Макар и Гале решительно двинулись против него, тогда как представители других провинций медлили в нерешительности.

Когда талворикские князья по одному взмаху руки Керо Османа сели на свои места, Андраник сказал Геворгу Чаушу тихо:

— Сасунцы смелый народ, но самые смелые и единые среди сасунцев талворикцы. Ты видел, я по неосторожности задел честь одного из них, взявшись за оружие, и все тут же накинудись на меня. Но вот Керо сказал: «Сядьте на свои места», и они, уважив своего старейшину, все как один подчинились ему. С таким народом многое можно сделать. И даже тот трудный вопрос, что задал староста Хлохинга, разрешить можно. Талворикцы годятся для освободительной войны. Я в Армении нашел для себя Сасун, а в Сасуне — Талворик.

Чудеса у Взрыв-родника

— Огненный конь, огненный конь! — вдруг закричал Мосе Имо, пятась от родника. Старейшины Сасуна забеспокоились не на шутку, подумали — Мосе Имо помешался. Все знали, что в роднике водятся волшебные кони. Знали также, что иногда они предстают глазам людей, но видят их только те, кто смел до отчаянности. Иные утверждали, что видели гриву волшебного коня, но

никогда не было такого, чтобы огненный конь вышел из источника и чтобы кто-то увидел его в полном блеске.

Рассказывали, что однажды Мосе Имо вышел напиться родниковой воды, и в это самое время показался огненный конь, но, заметив Мосе, снова ушел под воду. Мосе и ахнуть не успел.

Еще одна такая история была связана с дедом Мосе Имо. Будто бы, когда строился этот дом, дед видел в роднике, огненного жеребца.

Мосе Имо знал силу своих глаз и был уверен, что, если встретится взглядом с огненным конем, заморозит его, и конь непременно выйдет на берег. Или же сам он, побежденный, уйдет в воды Андока. Да, или конь должен был взять верх, или Мосе Имо.

И вот чудо, Все увидели, как Мосе Имо пятится, не отрывая взора от Взрыв-родника, и из воды, словно по его приказу, выходит огненный конь.

Конь, увидев человека, тряхнул гривой, хотел убежать, но Мосе Имо вдруг прыгнул к нему и схватился рукой за гриву. Стал на дыбы огненный конь, и Мосе Имо повис на его гриве. Конь замотал головой и хотел было уйти в воду и унести с собой Мосе Имо, но тот встал и сказал: «Не уходи, у нас с тобой должок перед миром». И сказал Мосе Имо: «Я мечтал о тебе, огненный. Вот это вот Сасун, село Гели, а это старейшины Сасуна. Султан, как змей-дракон, обвинил нас со всех сторон и голову положил нам на грудь. Как нам быть, чтобы убить дракона, а наседку и цыплят спасти? Я прошел по всем великим землям света и дошел до страны инглизов, чтобы найти способ и спасти наседку с цыплятами. Я поглядел в глаза королей и нашел эти глаза коварными. И мне жалко, что хутский Миро святую муку со своих пальцев рассыпал на лживую бумагу короля инглизов. И сегодня, в этот поздний час, я смотрел безнадежным взглядом в исток и увидел тебя. Я поглядел в твои глаза, и ты вышел из-под Андока. Прими же мой клич сасунский и встань здесь, огненный!»

И ответил огненный конь: «Твоя печаль земная, а моя небесная. Если я останусь под солнцем, я переверну весь мир, и гора Андок снова сшибется с горой Маратук. Пусты меня, Мосе Имо, дай мне уйти».

«А как же мне своих птенцов спасти?»

И ответил конь: «Твоя рука коснулась моей гривы. В долине Семи Ложек старейшина айсоров дал Шапинанду жеребца. Ударь этого жеребца трижды по спине, и он станет сильным, как я, и проживет дольше, чем земная лошадь. А всадник на ней не будет знать поражения. Дракон будет побежден, и спасутся наседка с цыплятами. Пусты же меня, Мосе Имо, дай мне уйти. Глаз смертного ненавистен мне. А как мы ушли в подземелье, об этом рассказано в памятной книге дома Арабо. Найдите этот молитвенник и поклянитесь на нем».

«А где этот молитвенник?»

«В селе Татрак, Змо оно еще называется. Смоете скверну огнем Тахвдзора. Пусты меня, Мосе Имо, дай мне уйти».

И ушел, пятясь, огненный конь, сложил хвост в воде, как рыба, нырнул под Андок. И остался стоять Мосе Имо с пустыми руками возле Взрыв-родника. Словно видение было. Пришло и ушло.

В это время возле Взрыв-родника показался жеребец айсора, для которого я приготовил место в сарае Тер-Каджа. Я взял жеребца под узцы и подвел к Мосе Имо. Мосе Имо поднял правую руку, поглядел на нее и с силой ударил Аслана по спине. И второй раз ударил.

В ту же самую секунду жеребец преобразился. Сила огненного коня словно перешла к нему, и из простого коня стал он сказочным конем.

Старейшины Сасуна попробовали оседлать его. Первым подошел к нему Спаханац Макар, но конь сбросил с себя сасунского князя. Гале попробовал и тоже на землю скатился. Все князья по очереди попробовали — всех порасшвырял жеребец айсора.

Дошел черед Андраника. Геворг Чауш сказал ему:

«Поди оседлай своего коня». Андраник подошел к Аслану, хвост и гриву тетивою в руке собрал, трижды обвел его вокруг родника, потом отпустил хвост и гриву и взлетел в седло.

И всадник был смелый, и конь был ретивый. Всадник и конь нашли друг друга.

И погнал Алдраник своего коня и с Геворгом Чаушем спустился по склонам Цовасара в Мушскую долину, предварительно дав мне письмо чрезвычайной важности.

Мосе Имо затолкал письмо в палку, сказал мне: «В добрый путь». С этой палкой в руках пустился я на следующее утро в путь.

Мехмед-эфенди

Имя Мехмеда-эфенди гремело по всей Мушской долине. В прошении, направленном наместнику Багеша, он выразил желание стать жандармом и служить в долине Муша. Просьба его была удовлетворена. За решительные действия, направленные против врагов султана, он был назначен в скором времени помощником начальника тайной полиции. Ходили слухи о том, что его прочат на место самого начальника — Хюсны-эфенди. Хюсны был известен своим варварским нравом. Каким же, значит, чудовищем должен был быть его преемник: так ведь оно водится, что каждый следующий на этом месте должен превосходить своего предшественника.

И стали люди интересоваться, откуда, дескать, взялся этот самый Мехмед-эфенди, так продвинувшийся за короткий срок, из какого он рода и что ему, собственно, нужно в Мушской долине.

Каких только версий не существовало на этот счет! Рассказывали, что это турецкий чиновник, присланный из Стамбула; им тут же возражали — нет, мол, это бедный турок из города Битлиса, некогда продававший огурцы на городском рынке. Одни утверждали, что мать его армянка, другие твердили, что как раз мать-то и турчанка. Находились и такие люди, которые клялись, что он в родстве с самим султаном. Наконец, один крестьянин, лично знавший Мехмеда-эфенди, заявил во всеуслышание на мушском рынке, что это армянин-вероотступник, звать его господин Аветис, и родом он из Манаскерта, из села Икна. И добавил: «Да он зятем приходится тамошнему ресу Погосу».

Став помощником бешкомисера, Мехмед-эфенди прибрал к рукам всю сеть тайной полиции. Он руководил всеми сложными операциями полицейских отрядов и отвечал за продвижение правительственных войск в городе Муше и близлежащих селах. В Мушской долине и в Сасуне он был известен своей строгостью и беспощадностью.

Но было еще одно обстоятельство, о котором никто не знал. Мехмед-эфенди установил тайную связь с предводителями гайдуков. Как высший полицейский чин, он всегда был в курсе всех государственных мер и намерений в отношении армян-гайдуков. Он сообщал заблаговременно Геворгу Чаушу и Андранику о готовящемся нападении, но при этом жесточайшим образом пытал попадавших в руки полиции гайдуков, чтобы заручиться полным доверием в турецких кругах. В присутствии турецких чиновников Мехмед-эфенди изображал фанатичного мусульманина, ненавидящего армян больше самих турок. Армяне называли его «предателем», «вероотступником», «оборотнем» и считали самым заклятым врагом своим, а среди турок он снискал славу преданнейшего слуги султана. Это его вполне устраивало, он сам способствовал тому, чтобы среди армян постоянно велись разговоры, разоблачающие его как турецкого прихлебателя, потому что это служило той высокой цели, которой он себя посвятил.

Мехмед-эфенди договорился с фидаи, что он, дабы отличиться от Хюсны-эфенди и других жандармов, повяжет на шею белый шарф, чтобы гайдуки смогли издали приметить его и не стрелять. С этим опознавательным знаком на шее он прочесывал окрестности Муша и все подозрительные ущелья и пещеры Сасуна, где могли прятаться повстанцы-фидаи. Когда его лазутчики сообщали ему, что в том или ином краю объявились гайдуки, он немедленно направлял туда вооруженные отряды полицейских или же роту регулярного войска, заблаговременно предупредив об этом гайдуцких руководителей.

Внешне Мехмед-эфенди был очень похож на немца. Поговаривали, что днем он ходит в мечеть, а ночью исповедуется священнику-армянину.

Раздумывая об всем этом, я дошел до Талворикских гор и вдруг заметил, что навстречу мне идут сам комиссар Мехмед-эфенди и два его жандарма. На шее у Мехмеда-эфенди был белый платок. Это был тот самый багешский вероотступник. Я сразу же узнал его. Это был могучего вида мужчина с чисто выбритым красивым лицом, в военной одежде, с кинжалом на боку и вовсе не походил на того презренного человека, которого я видел в тюрьме. Так вот он кто, этот самый знаменитый Мехмед-эфенди! А если он узнает меня? Тогда в тюрьме он метнул на меня один короткий взгляд, но все-таки... вдруг да узнает? Мне стало не по себе. Что бы там о нем ни рассказывали, а вид жандарма всегда внушает ужас.

Построенная наспех по приказу султана казарма от весенних дождей пришла в негодность и развалилась. Наверное, Мехмед-эфенди прибыл в Сасун по этому делу:

мастеров-армян, строивших здание, должны были призвать к ответу.

Что мне было делать? При мне было письмо Андраника. Идти вперед нельзя, поворачивать назад — тоже. По левую руку от себя я увидел зажатую между двумя высокими утесами пещеру. Звалась она Орлиное Гнездо.

Это было одно из примечательных мест в Талворике и находилось близ села Харт. Спасаясь от преследователей, беглые сасунцы прятались в этой пещере. Здесь скрывался проповедник Мигран, до того как его поймали и привели в Муш. И Арабо здесь был вместе с Миграном. И я вместе с Арабо взбирался в отвесную эту пещеру раза два. Это была страшная зияющая дыра, над

ней нависал островерхий утес, Мы привязывали веревку к дереву на утесе и по веревке проникали в Орлиное Гнездо.

Да, пожалуй, это был единственный выход: спрятаться в Орлином Гнезде. Я еще раз взглянул на приближавшихся жандармов и, ускорив шаги, свернул к спасительному утесу. Но как добраться туда? Под Орлиным Гнездом скалы расступаются, образуя пропасть, а у меня нет с собой ни кусочка веревки. Хоть бы огненный конь из Взрыв-родника объявился. Перенес бы меня на недостижимую высоту, в поднебесье, выше облаков. Но в минуту опасности выход находится сам собой и, как огненный конь, встает рядом с тобой наготове: я увидел тонкую ветку, свесившуюся с утеса, схватился за нее и, раскачавшись что есть силы, прыгнул на скалу.

Орлиное Гнездо было глубокой и путаной пещерой. Не успел я осмотреться, вдруг слышу совсем близко от себя:

«Вернись!»

Я выглянул и увидел Мехмеда-эфенди, стоявшего на самом верху утеса. Не иначе, он получил приказ арестовать меня, а может быть, подозревает, что в пещере прячутся фидаи. Меня удивило то, с какой быстротой добрался он до Орлиного Гнезда, ведь только что я видел его внизу. Да, видно, ошибся я, забравшись сюда. Как же мне теперь уйти от Мехмеда-эфенди?

Несколько лет назад правитель Муша и наместник Багеша подтащили сюда горные пушки — со стороны Габлджоза и Бсанка подошли — и обстреляли Орлиное Гнездо, хотели выкурить оттуда прятавшихся там армянских князей-повстанцев. Сейчас я видел следы этого обстрела. Само Орлиное Гнездо уцелело, но кругом было множество обломков. Для меня, конечно, пушек тащить сюда не будут. Достаточно нескольких выстрелов, и я полечу в пропасть, став поживой для орлов и ползучих гадов. Это мог сделать сам Мехмед-эфенди, который был в двух шагах от меня.

— Брось мне свою палку, — услышал я строгий голос.

— Нет у меня никакой палки.

— Если не хочешь распрощаться с жизнью, сейчас же брось мне палку.

Я вытащил незаметно письмо Андраника и бросил вверх пустую палку. Он проверил ее и увидев, что она пустая, быстро вложил в нее что-то и с сердитым видом швырнул назад: дескать, надо же, обманулся в своих ожиданиях. Палка упала мне прямо в руки.

Он еще немного постоял, наклонился, погрозил мне кулаком и, поправив кинжал, пошел обратно. Когда он скрылся с глаз, я снял затычку с палки и нашел свернутую в трубочку бумагу. Черным по белому было написано:

«Не думай, что я не узнал тебя. Ты тот самый парень, что сидел со мной в тюрьме в Багеше. Достаточно было одного взгляда, чтобы запомнить тебя навсегда. Тебя звать Смбат, ты спешишь по поручению Геворга Чауша и Андраника в Татрак — за молитвенником. Возвращайся поскорее и сообщи Андранику и Геворгу, что комиссар Мехмед-эфенди прочесывает горы. Я пришел в Сасун по делу арсеналов, но мне приказано найти их обоих. За голову каждого обещана тысяча османских золотых. Говори всюду, что Мехмед-эфенди верно служит султану, вылавливает повстанцев, забивает ими тюрьмы и отправляет их на виселицы. Это нужно для дела. Письмо уничтожь». Письмо я

уничтожил.

Я провел эту ночь в Орлином Гнезде, а наутро, затолкав письмо Андраника в палку, осторожно выбрался из Орлиного Гнезда и поспешил в село Татрак.

Змо

Если идти по сасунской дороге, увидишь село Татрак. Гора Чанчик надела коленом на ее затылок, а возле ног ее раскинулся маленький лесок с аллеей из пирамидальных тополей.

Шел я, шел и уперся в это село.

Тут я и увидел Змо. Змо — они ведь повсюду есть. Мир не может существовать без Змо.

В воротах одного богатого дома стоял староста села — на голове черная войлочная шапка, талия затянута самым что ни на есть ярким поясом, и кисет за пояс заткнут.

Со всех сторон к старосте спешит народ, все больше женщины. До чего же хороши были здешние невестки! Они шли кто с поля, кто по воду, кто с родника, но, сойдя с дороги, все сворачивали к дому старосты, у всех на лице было недовольство и возмущение. Шли по одной и группами, с полными кувшинами и с пустыми, с вязанками сена на спине, с вилами и серпами в руках. Подошли близко, обступили старосту плотным кольцом.

— Ну что там стряслось, невестушки, жалуетесь на что? — спросил староста, с опаской оглядывая толпу.

— Велим тебе выставить Змо. Не было еще в мужской стране подобной потаскухи, староста. Избавь нас от нее! — крикнула одна крестьянка, смело выступив вперед.

— Прогони ее из нашего села! — потребовала другая, опуская кувшин на землю.

— Змо шлюха! — слышался еще один голос. — В своем доме святую книгу держит, чтобы грехи свои замаливать.

— Молитвенник! Из дома Рыжего попа!

— Ославили на весь мир наше село, — затараторили со всех сторон женщины!

Более или менее складно определила поведение Змо одна женщина по имени Финджо: Змо самая беспутная женщина в селе, но громче всех вопит о чужих грехах. Обзывает людей, натравливает их друг на друга, всех в селе перессорила. Идут, скажем, невестки по воду, а Змо им вслед: «Бесстыжие, одна из вас сегодня блудила, которая же?» Идут доильщицы в горы — кричит вслед: «Эй, приглядывайте за той малявочкой, не то худо будет, ославит она нас!» Несут жены обед в поле мужьям своим, остановит какую-нибудь и говорит ей шепотом: «Ахчи*, до чего же твой пострел похож на, нашего ночного сторожа Антевана...» А то вдруг потянет кого-нибудь за платок да завопит: «Жена деверя, подколотная змея!»

---

* Ахчи — простонародное обращение к женщине.

— Надоела она нам, староста, сил нет. И снова:

— Дай продохнуть от нее!

— Гони ты ее из села!

— Да молитвенник отбери!

— Ее сила в святой книге!

— Или мы, или Змо, выбирай, староста!

Староста сердито поискал кого-то глазами.

— Где глашатай? — спросил он.

Глашатай явился.

— Парень Мхто, поди-ка приведи эту бесстыжую сюда.

— Кого это?

— Змо, кого же еще! Скажи, староста зовет.

Пошел глашатай Мхто вперевадку и вскоре вернулся, и женщина с ним пришла. Это и была Змо.

Двух детей имела Змо, но мужа у нее не было. Одного сына звали Канон, другого Анканон. Канон означает — закон, законный, выходит, а Анканон — незаконный, значит.

Мальчишки эти, когда вперед хотели идти, пятились, когда пятиться надо было — вперед шли, зад и перед путали, то и дело падали и расшибались, но духа не теряли.

При виде Змо молодые невестки стыдливо опустили головы, а пожилые женщины отвернулись. Змо пришла с насурьмленными глазами, лицо в красной краске, на ногах зеленые чувяки, а на голове желтый платок.

Пришла, встала перед толпой, бросила на женщин презрительный взгляд, уперла руки в бока и говорит:

— Ну так я пришла, староста, зачем звал?

— Вижу, что пришла. Подойди ближе. Змо сделала несколько шагов.

— Слушай, Змо, вот уже три тысячи лет село наше Татрак стоит в долине Муша на этой прохладной горе, по дороге в Сасун. Но такого беспутного существа, как ты, наш край еще не видел.

— Полегче рот свой раскрывай, староста.

— И впрямь бесстыжая! — рассердился староста. — Не хватит тебе наше село позорить? Народ весь, видишь, собрался, требуют гнать тебя из села.

— Вот эти шлюхи?

— Молчи! Скажи-ка лучше, что тебе сделали эти смиренные молодые невестки, эти невинные армянские женщины, для чего ты день и ночь поливаешь их грязью? Это что же получается — воровка ты сама, потаскуха сама, а их обзываешь? Что же ты им свои клички даешь? Насколько мне известно, ни свадьбы у тебя не было, ни мужа. А у них свои законные мужья, и брак их записан в нашей церковной книге. Достойные, прилежные люди, чтущие свой дом и род. Трудлюбивые, все село как один-единый улей работает. Да погляди ты, что это за женщины! В присутствии мужчин воду отвернувшись пьют. Так зачем же смущаешь покой нашего замечательного народа, наших славных людей? И без того у нас мучителей немало. Может, ты жена султана, так иди садись рядом с ним. А если ты возлюбленная бека, ступай к своему беку, что тебе делать среди нас, тружеников. Погляди на смуглые эти, пригожие лица. У всех свой естественный цвет, и пахнут наши невестки цветами и травами наших лугов и полей, а ты... что за пакость размазала по своему лицу, что это за краска на нем? Откуда ты эту погань сюда принесла? Душою нечистая, с виду сатана, а в доме святую книгу держишь! Отвечай мне перед всем народом — куда тебя отправить, как нам от тебя избавиться?

— Прогнать Змо, прогнать из села! Не хотим ее, не желаем! — закричали женщины в один голос.

В это время на горе Чанчик показалась бедно одетая женщина и, оступаясь на каменистом склоне, сошла в село.

Самой бедной жительницей села была Фидо, муж ее давно умер, дом стоял пустехонький. Топлива у нее никогда не было. Обед готовила у соседей. Детей своих кормила похлебкой из крапивы. Набирала в поле крапиву, тем и пробавлялись.

Пришла Фидо, в переднике крапива, в руках нож держит. Увидела, что все женщины кричат: «Не хотим, не желаем!» — и сама еще издали стала кричать: «Не желаем, не хотим!»

Староста ее спрашивает:

— Тетушка Фидо, эти люди знают, для чего они горло дерут. А ты что кричишь, ты-то чего хочешь?

— Не знаю, почему они так кричат, но зря народ голосить не станет. Где весь народ, там и Фидо.

— О Змо разговор, — объяснил староста. — Народ хочет прогнать ее из села. А ты что скажешь?

— Да разве ты не знаешь, староста, что Змо шлюха? Креста на ней нет. Двое детей у нее, оба полоумные. Позавчера я чуть глаза ей не выколола! Говорит мне: «Фидо, ты что каждый день в горы таскаешься? Смотри, там под деревьями фидаи прячутся. Ежели понесешь, кто ребенка твоего крестить станет?» Это мне-то! Нет, староста, или я останусь в селе, или Змо. Побойся, бога ради. Ты что же, спрашивается, свои грехи на меня взваливаешь, а?! Возьму да и пожалуюсь на тебя самому главному фидаи — Роднику Серобу!

— Родник Сероб давно уж мертв.

— Геворгу Чаушу пожалуюсь. Тебе дело говорю, староста, — или я, или Змо.

— Не велика беда, уходи, — фыркнула Змо. — Одной нищенкой меньше будет.

— Лучше нищей быть, чем бесстыжей, — и Фидо плюнула в лицо Змо, повернулась и ушла.

— Получила? Ну что теперь скажешь? — обратился к Змо староста.

— Что говорить-то, староста? Разгони их всех, тогда и скажу, — ответила Змо, вытирая лицо.

— Ступайте, невестушки, ступайте по домам. Посмотрим, что Змо мне скажет.

И все женщины, старые и молодые, разошлись, пошли по домам.

— Ну, староста, чтоб тебя землей засыпало, — сказала Змо, когда все разошлись. — Я-то думала, ты умный человек. Ты и сам знаешь, что беспутней меня на свете нет бабы. Что же мне еще остается, как не обзывать всех? А святая книга... так я ею грехи свои замаливаю.

— Как она к тебе попала?

— Один знакомый курд нашел в ущелье Красного Дерева. Ночью пришел ко мне и принес в подарок молитвенник.

— Когда это было?

— Тому уж семь лет.

— За то, что призналась, оставляю тебя в селе, но книгу у тебя отберу. Это молитвенник «Кочхез» из дома Рыжего попа, тот самый, что Арабо потерял в брнашенском лесу. В нем пергаментные листы и серебряный оклад, седьмого века эта книга.

— И обернута в платок. На платке нарисована соха, мужчина с сохой, поле пашет.

— Быстрее иди домой, принеси мне эту книгу.

— Воля твоя, староста.

— Парень Мхто!

— Чего желаешь, староста?

— Пойдешь с Змо, возьмешь молитвенник «Кочхез», принесешь мне.

— Иду, староста.

Мхто принес молитвенник, и я, попрощавшись с селом Татрак и его старостой, взял книгу дома Арабо и пустился в обратный путь.

Вот вам и Змо. Я увидел ее в селе Татрак. Такие Змо повсюду есть. Мир не может существовать без Змо.

Но ведь я должен смыть скверну с молитвенника Арабо, так мне наказал огненный конь из Взрыв-родника. В конце молитвенника был ишатакаран — памятные записи. На первой страничке этих записей я прочел: «Если увидишь меня у мерзкого человека или в кощунственном месте, смой с меня скверну тахвдзорским огнем». Я вспомнил, что в Хутском краю есть село с таким названием, и, не долго думая, направил шаги в сторону Хута.

Село это находилось над самым обрывом, тянулось вдоль глубокого оврага. Напротив возвышалась гора Маратук. Тут же протекала брнашенская речка. В селе этом жили армяне вперемешку с курдами из рода Шеко. Дома армян были каменные, добротные. Земля была полюбовно поделена между армянами и шекоевскими курдами.

Вдруг я услышал за собой чьи-то шаги. Какой-то мужчина обогнал меня — на меня он не обратил никакого внимания. Под мышкой он держал белый холщовый мешок и какой-то инструмент, какой — я не разглядел. Он шел, чуть подавшись вперед, не отрывая глаз от земли, словно бы отсчитывал свои шаги.

На лице его было выражение крайнего отчаяния. Видно было, что его мучает совесть. То ли он уже убил кого-то, то ли шел убивать, такая в нем была решимость.

Он пересек просяное поле и постучался в первую же дверь. Дверь ему открыла женщина из хутских армян.

Мужчина сложил к ногам женщины кусок холста, который держал под мышкой, и что-то вроде молота и опустился на колени.

— Вот та кувалда, которой я убил вашего мужа, и вот тот саван, в котором я хочу лечь в землю. Я совершил преступление, которому нет прощения, и потому я сам своими ногами пришел к вам и саван с собой принес. Я хочу пролить свою кровь взамен пролитой мною крови. Вверяю вам свою жизнь. Убить меня или миловать — вам решать.

— Мое горе велико, но я армянка и не оскверню своего порога бесчеловечным поступком, — ответила женщина. — За смерть моего мужа я бы потребовала десятки жизней даже через много лет, но раз ты сам с саваном пришел в мой дом, готовый принять от меня смерть, мне нечего сказать. Прощаю тебя.

— Если прощаешь, позволь мне причаститься перед твоим очагом и взять из него огня, чтобы разжечь мой угасший очаг.

— Для причащения лучше пойти в дом деда Хонка, — сказала уроженка Хута. — Я в этом году еще не обновила свой огонь.

Мужчина взял свой саван и инструмент, и они пошли на северную сторону села.

Я понял, что мне нужен тот же самый дом, вернее — огонь из его очага, и решительно последовал за ними.

Дом деда Хонка стоял, опершись о скалистый холм. За домом виднелся лесок.

Семья деда Хонка в Тахвдзоре происходила от знаменитого рода хутца Ована. Перед этим домом, согласно преданию, захоронена соха пахаря Ована, и каждый год, перед тем как отправиться на

весеннюю пахоту, землепашцы приходят к этому дому в знак уважения к памяти хлеботорба Ована.

Об очаге этого дома рассказывали чудеса. Говорили, будто впервые огонь в этом доме разжег сам пахарь Ован, высек его своим кремнем и поднес к очагу. И с того самого дня огонь этого дома считается священным и почитаем не только тахвдзорцами, но и жителями окрестных деревень, армянами и курдами.

Возле очага всегда сидит самый престарелый член семьи — следит, чтобы огонь в нем никогда не гас. Если огонь слабеет и вот-вот должен сойти на нет, страж огня спешит в лес за хворостом или же, притащив громадную, долго тлеющую корягу, бросает ее в очаг. На протяжении тысячи лет сменяли друг друга мужчины и женщины — до глубокой старости стерегли они огонь, некогда зажженный землепашцем Ованом. Ныне за стража здесь был дед Хонка, белый как лунь, и борода белая-белая.

У хутцев было принято раз в году обновлять огонь в очаге. Происходило это всегда 14 февраля. В этот день каждая семья разжигала перед своим домом или на кровле праздничный костер — назывался он «тэрындэз», — и, взяв из него несколько горящих головешек, люди заменяли ими старые головешки в очаге.

Мужчины из дома деда Хонка первые разжигали костер «тэрындэз» перед своим домом. Это был сигнал — следом разжигали свои костры все остальные жители села. Первым через огонь в костре прыгал сам дед Хонка, потом

сын его ткач Акуп, потом внуки Симон, Давид и Мушег. К вечеру по всему селу ярко пылали костры. Когда огонь затихал, сын и внуки деда Хонка, выхватывая из костра горящие головешки, кидали их на свои поля, приговаривая: «Слава верхнему полю, да уродится в нем много хлеба!» Или же: «Слава просяному полю, да пребудут в нем колосья большие-пребольшие!» Под конец прямо с кровли кидали последнюю головню в заснеженную стену своего хлева — чтобы их упрыжженный был сильным, чтобы коровы обильное молоко давали.

На одной из свадеб дома Хонка играл знаменитый Натора Арен, тот самый, что за год до этого во время жертвоприношения на горе Маратук дал обет и двадцать четыре часа непрерывно дул в свирель, — семь свирелей из самшита загубил, подыгрывая для пляски «Зовынд». И это еще более прославило патриархальный дом деда Хонка.

Огонь в очаге деда Хонка ярко горел, когда мы переступили порог дома. Рядом с очагом на лисьей шкуре сидел дед с белой бородой. В доме, в отдельной закуточке, рядом с насестом, разгоряченный работой, вертел свой челнок ткач Акуп.

При виде пришельцев — женщины в, черном и мужчины с саваном в руках — глава старинного рода поднялся.

— Дед Хонка — святой нашего села, и этот огонь — священный огонь. Покайся в грехах перед этим очагом, — сказала женщина совершившему убийство.

— Большой грех я совершил, дед, и пришел расплатиться за пролитую кровь собственной кровью. Клянусь этим священным огнем, убийство это не было преднамеренным, так случилось. Если хотите, убейте меня, а если жизнь даруете, дайте заодно и уголек от вашего огня, чтобы я снова зажег огонь в своем очаге, — сказал горец, складывая к ногам старца свой саван и кувалду.

Дед Хонка, зная про это убийство, наклонился и, взяв из очага головню, протянул ее пришельцу,

— Ступай, разожги огонь в своем очаге.

Мужчина принял головню, поднял с земли саван с кувалдой и вместе с женщиной в черном вышел из дома деда Хонка, унося с собой огонь Тахвдзора.

Дошел черед до меня. Я ведь тоже за этим огнем пришел сюда. Не будь я невольным свидетелем этой сцены, навряд ли поверил бы, что есть на свете огонь, который может снять скверну. Значит, правду говорил огненный конь Взрыв-родника.

Молча протянул я молитвенник «Кочхез» деду Хонка.

— Сколько лет уже, как осквернена сия книга? — спросил дед, догадавшись, в чем дело.

— Семь лет.

— Мужчина осквернитель или женского рода особа?

— Женщина дурного поведения по имени Змо, из села Татрак.

Дед Хонка положил книгу Арабо в корзину и подвесил под самый ердык*.

---

* Ердык — отверстие посреди потолка, служащее одновременно окном и дымоходом.

Семь дней синий дым из тахвдзорского очага окуривал книгу. На седьмой день дед Хонка спустил корзину и отнес, положил ее на камень, под которым была захоронена соха хутца Ована. На рассвете дед позвал своего сына, ткача Акопа, и внуков Симона, Давида и Мушега и, вызволив из корзины молитвенник «Кочхез», по очереди приложил его к груди каждого, после чего положил себе на грудь, и в таком положении они семь раз дошли до дремучего бора — впереди дед, за ним сын и внуки.

Потом он сорвал семь разных цветков и семь листьев с семи разных деревьев и заложил их между страницами на равном друг от друга расстоянии. Когда небо затянули облака, он дождался, пока семь раз вспыхнет молния и озарит страницы, при этом он сказал семь разных заклинаний, ему одному понятных. Последнее, что он сделал, — зашел в дом и высыпал цветы и листья из книги в огонь.

И когда книга полностью очистилась от скверны, я взял ее и поспешил к монастырю Аракелоц.

Битва в монастыре

Стояла душная осень.

Оба моих любимых героя со своими солдатами засели в монастыре Аракелоц. Багешский Али-паша с трехтысячным войском окружил монастырь, решив выловить гайдуков. И уже было несколько тяжелых сражений между горсткой гайдуков и многочисленным войском Али-паши.

Прослышал я, что из Муша парламентареры должны пойти в монастырь, и среди них священник Хесу. Поведут переговоры от имени султана с Андраником и Геворгом Чаушем. Всего парламентареров должно было быть — два высокодолжностных турецких чиновника и один армянин, известное духовное лицо.

В мирской одежде войти в монастырь было невозможно, поэтому я переоделся служкой и с молитвенником «Кочхез» под мышкой встал на дороге, по которой должны были пройти парламентареры с отцом Хесу.

Жду я, жду. Наконец парламентареры показались. Все трое на лошадях. Впереди — начальник полиции Багеша Мухти-эфенди с белым флагом в руках, за ним Мехмед-эфенди с белым платком на шее, на покрасневшем лице свежий шрам. Последним ехал архимандрит Хесу на гнедой лошадке. Хесу был мужчина крепкого сложения, на широкой груди окладистая белая борода.

— Святой отец, — обратился к нему я, — я из здешних монахов, ходил в село Татрак, чтобы разыскать там утерянный молитвенник рода Арабо. Вернулся вот, хочу войти в монастырь, но божий храм осажден.

— Идем, сын мой, идем со мной, — сказал Хесу и взял у меня молитвенник.

Я молча присоединился к парламентарерам. Увы, я нашел свое старое пристанище изменившимся. Накануне резко похолодало, снег завалил вход в монастырь.

К югу от монастыря было большое гумно. Здесь я в детстве пускал голубей — они летели на колокольню. Все это пространство заполнено было сейчас вооруженными всадниками. Увидев, что осажденные не сдаются, Али-паша и его сотники привели из Муша мастеров-армян и на расстоянии двухсот шагов от ограды построили каменные баррикады, решив таранить стены монастыря.

Возле часовни парламентареры спешились. Женщина-гонец с поднятыми руками прошла в монастырь и вернулась с ответом Андраника: «Можете войти». Оставив лошадей возле часовни, три парламентарера направились к монастырю.

Впереди по-прежнему вышагивал Мухти-эфенди с белым флагом в руках. За ним Мехмед-эфенди шел. Шествие замыкал отец Хесу. Я шел рядом с Хесу в одежде молодого послушника.

Со стороны монастыря слышался залп — на снег попадало несколько десятков фесок. Сидевший на дереве аскяр упал мне прямо под ноги. Сначала феска упала, потом он сам.

Монастырь Аракелоц имел два входа: одна дверь поменьше, другая — двустворчатая с аркой. Двустворчатая дверь намертво была забита. Перед малой дверью было множество искусственных заграждений, и вокруг были вырыты окопы. Девять армянских солдат защищали вход в монастырь — на каждого воина приходились три позиции. Они стреляли, быстро перебежали на другую позицию, снова стреляли, потом перебежали на третью позицию, создавая видимость

большого войска. Неподалеку от них две женщины и один вооруженный священник строили новые укрепления.

Всего же осажденных было около тридцати человек, и было у них на всех про всех тридцать семь винтовок, из них две кремневки. Пули, выпущенные из тысячи вражеских винтовок, со свистом впивались в стены монастыря;

в ответ летели считанные пули осажденных.

При виде белого флага в руках начальника жандармов в войске протрубили «отбой», и мы, пройдя сквозь ряды аскяров, победно приблизились к входу.

Мухти-эфенди, сняв феску, трижды поклонился монастырю и, поднявшись на цыпочки, постучал древком по маленькой двери.

— В монастырь нельзя, — послышался угрожающий голос.

— Мы от султана, парламентареры! Паша поручил нам войти в монастырь под прикрытием белого флага! — прокричал начальник жандармов.

Дверь открылась. По обе стороны входа стояла стража — четверо мужчин могучего сложения. У каждого в руке по зажженному полену, от которого они то и дело прикуривали, с усов их свисали сосульки. Вода с сосулечек с шипением капала на огонь. Мухти-эфенди в ужасе попятился.

— Почему опаздывают, приказ ведь дан, — послышался голос Андраника откуда-то сверху.

— Приказ дан, да гости боятся входить, — доложил один из стражи, с головешкой в руках двигаясь к лестнице»

— Бояться нечего, пускай входят — или же скатертью дорога. Если бы мы хотели их убить, мы бы их возле часовни прикончили. Гайдук обманом человека не убивает. Откройте дверь, проведите сюда людей султана.

Исполины отвели в стороны свои факелы, и мы прошли вперед. Когда закрывали дверь, Мехмеду-эфенди по неосторожности прищемили ногу.

— Стой, ногу мне сломал! — заорал помощник начальника жандармов, с трудом вытянув ногу и поправляя белый платок на шее.

Внутри монастыря картина была не менее ужасающая. От входа и до главного зала выстроились вооруженные люди. Три великана стояли на каменной лестнице, ведущей вверх. На груди первого было написано «Гром», на груди второго — «Молния», на груди третьего — «Гроза».

Сопровождающий нас стражник взял у того, кого звали Грозой, факел и повел нас к дверям, охраняемым двумя высоченными мужчинами в военной одежде. Тот, что стоял справа, прикладом открыл перед нами дверь, и мы вошли в зал.

Зал был чисто прибран, горел очаг. Вдоль противоположной стены стояло несколько десятков сундуков, сложенных друг на друга. Верхние сундуки были раскрыты, из них защитники монастыря брали пули. Возле ящиков валялись мешки с порохом и пустые гильзы.

Андраник сидел возле мешков с порохом, спиной к ящикам, в левой руке — ружье, в правой — бинокль. Лицо напряженное, взгляд решительный, но спокойный. Несколько солдат, числом

более пяти, стерегли боеприпасы. Одного из них я узнал, это был марникский Похэ. Главного парламентаря султана, Мухти-эфенди, охватил ужас. Сложенные друг на друга тяжелые ящики с оружием, мешки с порохом и вооруженные исполины с надменными непроницаемыми лицами. У Мухти-эфенди отнялся язык, и он чуть не выронил из рук белый флаг.

— Можете чувствовать себя в полной безопасности, — заметил Андраник.

Бешкомисер взял себя в руки и, шагнув вперед, кивнул предводителю гайдуков. Он и Мехмед-эфенди приветствовали Андраника по-турецки, а мы с отцом Хесу — по-армянски.

— Целуй, — сказал отец Хесу, протягивая Андранику руку.

— Мне еще надо подумать, целовать тебе руку или нет. А кто этот молодой служка?

— Из учеников отца Ованеса, принес молитвенник «Кочхез» в дар монастырю. Если не желаешь целовать мне руку, поцелуй хотя бы эту книгу, сын мой, — сказал Хесу, приблизив к лицу Андраника молитвенник Рыжего попа.

— Я поцелую твою руку, раз она держит этот молитвенник, святой отец, — сказал главный фидай и поцеловал руку Хесу. Потом взглянул на меня и едва приметно улыбнулся. — А теперь садитесь, — обратился он к парламентарям.

Бешкомисер прислонил белый флаг к столу, покрытому зеленой скатертью, и занял место перед главой гайдуков. Рядом с ним сел Мехмед-эфенди, рядом с Мехмедом — архимандрит Хесу.

— Курить можно? — спросил Мухти-эфенди.

— Но только осторожно, рядом наш арсенал.

Один из воинов подбежал к печке и голой рукой выхватил горящий уголек.

— Господи, чувяком возьми, чувяком! — воскликнул начальник жандармов со своего места.

Солдат с угольком в руках подошел к нам и дал всем прикурить. Мухти-эфенди снова начало трясти от страха.

— Господа, военный совет защитников монастыря поручил вести переговоры мне, — сказал Андраник. — Кто уполномочен говорить от имени султана?..

Глава жандармов рукою указал на Мехмеда-эфенди. Мехмед встал и, придав лицу суровое выражение, обратился к Андранику со следующей речью:

— Господин паша, мы находимся здесь по приказу султана. Нам надо договориться. Все равно вы в наших руках, и, если война эта затянется, я должен буду снести вам голову и подарить ее падишаху, чьим слугой я являюсь.

— Твоя голова последует за моей, вдобавок мои ребята вытянут твой язык через затылок, понял?!

— И Андраник выхватил из-за пояса кинжал.

Мехмед-эфенди продолжал как ни в чем не бывало:

— Представляя здесь султана, Али-пашу, Ферика-пашу и наместника Багеша, мы хотим выяснить, почему вы и Геворг Чауш со своими солдатами оккупировали монастырь и не покидаете его...

— Господин парламентар, — заговорил Андраник, — наши предки построили этот монастырь как олицетворение нашей веры, и мы пришли сюда с сасунских гор как паломники, но ваше войско под предводительством Мухамед-Али-паши окружило нас — мы были вынуждены прибегнуть к самообороне.

— Вам должно быть известно, — сказал Мехмед-эфенди, — что в глазах султана вы неблагонадежные люди, поэтому вас будут преследовать, где бы вы ни были. Если хотите сохранить голову на плечах, вам следует сдаться. Наш милостивый султан простит вас и отпустит по домам.

На это Андраник ответил, что в стране султана огонь в их очагах давно погас и им некуда возвращаться. Оружие же они сложат тогда только, когда их требования будут по справедливости удовлетворены.

Мехмед-эфенди пожелал узнать, каковы именно эти требования.

— Да, скажи, чего ты добиваешься и что просишь? — воодушевленный смелым поведением своего помощника, заговорил Мухти-эфенди и дрожащей рукой достал бумагу и карандаш, чтобы записать.

Андраник коротко изложил эти требования: полное равенство всех наций мусульманского и христианского вероисповедания в Османской империи и восстановление армянской государственности под покровительством России и великих европейских держав.

— И вы всё еще связываете надежды с Европой? Не проучили они вас еще? Мы, люди султана, знаем по опыту, что Европа только на словах защищает христиан, но никогда на деле. Если мы уничтожим всех армян до единого, Европа и пальцем не шевельнет. Совсем недавно вы обратились к неверным царям за помощью. И что же? Ваш посланец вернулся с позолоченной люлькой. Вот и вся их помощь.

— Законное право раба и подданного — стремиться к свободе. Приведите в исполнение все наши требования, и мы покинем монастырь, — решительно объявил гайдукский предводитель. — А если нам будет отказано, мы не сложим оружие и будем продолжать нашу войну.

— И вы, со своей горсткой солдат, выдвигаете такие неприемлемые требования?

— Это требования всех христианских и нехристианских народов, находящихся под вашей властью, комиссар.

— А я думаю, будет лучше, если вы найдете приемлемую грань для мирного соглашения. В противном случае вы все погибнете в осаде.

Андраник показал на сложенные во всю длину стены сундуки и сказал:

— Мы все учли, когда вооружались. С того дня, когда мы взяли в руки оружие, мы приняли смерть. Но сначала мы пустим в ход все, что есть в этих сундуках, до последнего патрона, а уж затем умрем. Что нам смерть? Мы, бунтовщики, похожи на грибы: вместо одного упавшего вырастают тысячи.

— Господин паша, насколько нам известно, вы сын плотника и сами тоже плотник. Почему вы оставили свою родину — гору Шапин — и, придя в Сасун, так упорно пытаетесь свергнуть с престола нашего добросердечного султана?

— Это верно, мой отец был плотником, но однажды он пришел домой с окровавленной головой. Чьих рук это было дело? Кто это сделал? Люди султана. За что? За то, что был христианин. Судите сами, мог после этого сын несчастного плотника заниматься как ни в чем не бывало своим ремеслом? Не от хорошей жизни вооружились мы и поднялись в горы. Кто погубил шеникского героя князя Грко? Что послужило причиной, что героиня Шаке бросилась в пропасть? Кто разорил — камня на камне не оставил — село Спаханк? Кто вздернул на виселицу учителя Маргара? Кто препроводил в тюрьму Миграна Тамаджяна со сломанной ногой? Кто похитил невинную дочку Миро из Карса? Кто сжег пахаря Ованеса в печи? Кто убил настоятеля церкви св. Ахберика? Кто отрубил голову герою Согорда Роднику Серобу? И вы еще спрашиваете, почему мы себя считаем обездоленными?!

Андраник говорил разгоряченно, прислоняясь спиной к сундукам, рука на рукояти кинжала.

— А кто убил Халила-агу?

— Халил-ага снес голову нашему герою и поплатился за это своею собственной головой. Вы зовете нас разбойниками, но мы честные фидаи, а разбойников правительство должно искать в своем окружении. Мы не причинили мирному населению никакого зла, Халил был преступником, и я этой вот рукой отсек ему голову. Так будет со всеми преступниками. Рано или поздно все тираны слетят со своих тронов. И мы, доверившись нашим горам и крепостям, сделаем все, чтобы самый кровавый среди этих тиранов свалился как можно скорее — я говорю о султанине Гамиде.

— А я, господин паша, от имени этого самого султана предлагаю вам сегодня же сдать оружие Али-паше и покинуть монастырь. На руке нашего правителя возникла большая опухоль — действующие в Сасуне гайдуки, и прежде всего Андраник и Геворг Чауш. Вам следует сдаться без промедления, в противном случае султан будет вынужден удалить эту опухоль хирургическим путем, применив нож.

— Похоже, что мы друг друга не понимаем, — сказал Андраник. — Мы пересекли сотни миль и пришли сюда с саванами в мешках. Мы не сдадимся Али-паше и не сложим оружие. Если вам в этом монастыре холодно, мы можем помочь вам выйти отсюда.

— Это ваше последнее слово? В вашем положении следует быть сговорчивее...

— Я все сказал и более говорить не намерен, — резко оборвал военачальник и, поднявшись с места, подошел к амбразуре.

Внизу священник-гайдук и женщины-фидаи рыли траншеи. Священник вытер рукавом пот с лица и с силой вонзил кирку в землю.

Вошел солдат с пышными усами и сообщил, что аскяры Али-паши, надев фески на штыки, провоцируют гайдуков на перестрелку. Стрелять или нет?

— Стрелять! Но не по фескам! — Андраник поднес бинокль к глазам.

Несколько красных фесок попадало на снег, следом повалились на снег подбитые аскяры. Мухти-эфенди, молча делавший записи в своей записной книжке, побледнел и, видно, почувствовал себя совсем уже дурно.

— Возможно, Мухти-эфенди хочет пойти в нужник? — спросил Мехмед-эфенди, заметив беспокойное состояние бешкомисера. Он сказал это так, словно заранее знал отрицательный ответ и то, что он сам следом за этим сделает.

— Нет, мне не надо, — сказал Мухти-эфенди.

— Значит, ты оставайся здесь и поговори с отцом Хесу, пока я справлю нужду и вернусь. Пошли, сын мой, покажи, где тут у вас нужник, — сказал Мехмед-эфенди, и мы вместе вышли из помещения.

Я проводил его в комнату, где находились лишь Геворг Чауш и три члена военного совета. Сам я остался стоять в дверях, а Мехмед вошел в комнату, и я увидел, как они с Геворгом Чаушем обнялись.

— Эфферим, молодцы, так и держитесь, спасение армян в оружии, — сказал Мехмед-эфенди, положив руку Чаушу на плечо. — Чауш, — продолжал он, — сколько вы еще думаете пробыть в монастыре?

— Пока патроны не кончатся.

— Лучше не медлить, уходите как можно скорее. Али-паша решил обстрелять монастырь из пушек, жалко губить такую красоту.

Через приоткрытую дверь я слышал, как торопливо говорил Мехмед-эфенди, — беспокоился, наверное, как бы бешкоглисер не заподозрил чего. Была минута, когда они молча глядели друг на друга, и я на лице Мехмеда-эфенди прочел: «Я бы тоже хотел быть вместе с вами. Ваша борьба — это капля дождя, упавшая на стены крепости, но недаром турок говорит: «Тамла, тамла, селав олу» («Капля по капле, вот тебе и ливень»). Ну а я, если не открою вам дверь этой крепости изнутри, — даже ливень не в силах будет уничтожить эту проклятую силу».

— Держитесь, — сказал Мехмед-эфенди, — этот белый платок на моей шее пусть будет опознавательным знаком, чтобы вы всегда знали, куда плывет мой парус. Я стал вероотступником, чтобы помочь моему страждущему народу. Мне смешно слышать тех армян, которые считают меня предателем, принявшим ислам. Пусть проклинают меня, пусть ругают, потом они узнают, кем был на самом деле манаскертский учитель Аветис, — с этими словами Мехмед-эфенди снова расцеловался с Геворгом Чаушем и велел ему зайти в нужник после его ухода. — Я оставляю там сверток, — сказал он.

После его ухода Геворг подозвал меня к себе.

— Хорошо, что ты так ловко переоделся, — сказал он. — Этой ночью или самое позднее через день мы покидаем монастырь.

— Но тот священник и две женщины копают новые траншеи, — сказал я.

— Только что получено распоряжение прекратить все работы. Наши патроны и хлеб на исходе.

— Как на исходе? Столько ящиков — до потолка.

— И все пустые, кроме двух верхних. Мы нашли тут порожние сундуки из-под свеч. Андраник велел сложить их друг на дружку, чтобы создать видимость больших запасов боеприпасов. А на самом деле стрелять нечем. Дорога в Сасун отрезана, и наши не могут прийти нам на помощь. Сегодня мы забили последнего теленка. У нас нет даже топлива, уже балки и деревянные топчаны пошли в ход. Запасы воды давно кончились, растапливаем снег. А вчера утром умер отец Арабо.

— Отец Арабо? Он был здесь?

— Жил в монастырском хлеву. Девяносто пять лет ему было. Я спросил его, откуда он родом. «Брнашенец я, — ответил отец Арабо, — из домов Рыжего попа». Давно уже лежал больной. Могилу ему пастух вырыл. Похоронили возле звонницы, рядом с одним из наших солдат.

Положение тяжелое. Архимандрит Ованес и его люди шьют нам сейчас белые балахоны. У меня для тебя боевое поручение. В подвале в темной келье привязана лошадь Андраника, седло спрятано в колодце, под камнем. Немного погодя спустись туда остороженько и с монастырским пастухом вместе подумайте, как вывести коня из окружения после того, как последний наш солдат покинет монастырь. А сейчас беги к отцу Хесу, чтобы не вызвать подозрения султанских представителей.

Когда я вернулся, Мехмед-эфенди стоял рядом с бешкомисером и застегивал пояс.

— Ох, погодите, я свой маузер оставил в нужнике! — воскликнул он и быстро повернулся, чтобы выйти за маузером.

— Не ходи, тебя убьют, выйдем скорее отсюда, — сказал Мухти-эфенди, хватая его за руку, и, взяв со стола белый флаг, сопровождаемый взглядами Андраника и его воинов, пошел вместе с Мехмедом-эфенди и архимандритом Хесу к выходу.

Я увидел, как они быстро спустились во двор, съели, согласно обычаю, по маленькому хлебцу, что выпекали в монастыре монахи, и пошли под прикрытием своего белого флага к часовне Богородицы. Тут они сели на коней и погнали их в сторону Муша.

Я спустился в подвал. Нашел келью, где был привязан Аслан. Пастух спал тут же в яслях. Темная, облачная ночь была. Небо все обложено облаками. Встал я рядом с Асланом и припал к узкой щели в стене. Затаив дыхание, пытался я что-нибудь разглядеть в темноте. На замерзшем снегу лежали аскяры Али-паши — кто забылся во сне, а кто и беспробудным сном уже спал.

В монастырском дворе показался Андраник со своими солдатами. Он отдавал какие-то распоряжения, показывал, как выйти из монастыря. «Ребята, поняли, что вам следует делать?» — спросил он. «Да, паша, все поняли и готовы выполнять задание», — ответили они.

Потом Андраник вызвал во двор воспитателей и сирот. Когда они все собрались, я услышал, как он объясняет им свой план действия. Воспитателям он сказал, что должен избить их перед сиротами и арестовать для виду, чтобы освободить от всякой ответственности после ухода гайдуков. «Я запру вас на замок, — сказал он, — и только матушка-настоятельница будет знать место ключей».

Сказано — сделано. Он запер всех сирот и воспитателей. Потом вызвал матушку-настоятельницу — явилась одна из женщин, рывших траншею в монастырском дворе.

— Матушка, вот ключи, гляди, куда я их бросил;

когда мы уйдем, закроешь дверь на засов. Никому не открывай, пока не придут Ферик-паша и отец Ованес. Если турки кричать станут, грозиться, ты не бойся. Если приставят лестницу и заберутся во двор, все равно дверь им не отпирай, чтоб не разграбили монастырское добро... Геворг, Сейдо, Кото Акоп, Молния, Гром, наденьте свои белые рубахи.

Настала полночь. Из маленькой двери один за другим вышли вооруженные люди, все в белых накидках, и головы белым обмотаны. То были солдаты Геворга Чауша и Андраника.

По очереди подходили они, целовали монастырскую дверь и, прошептав короткую молитву, бесшумно удалялись с мешком за плечом. Бешеный ветер, ударившись им в лицо, перепрыгивал через костры аскяров и с гулким грохотом уходил в горы Алваринча. Вот перевалили через Алваринч Сейдо, Цронац Мушег, маркинский Похэ, Молния Андреас и Аджи Гево. И священник-гайдук с молитвенником Рыжего попа под мышкой. Впереди всех шагал Андраник, далее — Геворг Чауш. За ним — Кото Акоп. А вон тот — Гомса Исо.

По ту сторону монастырских стен слабо блестели в тумане единичные огоньки аскярских костров. Мне показалось, турецкая стража следит за всем происходящим, но не стреляет, опасаясь за свою жизнь.

Лишь в последнюю минуту слышалось несколько выстрелов. — Ягуди Барсега убило, — сказал чей-то голос.

На рассвете монастырскую дверь отперли, и усталый сединами отец Ованес отправил мальчика-сироту к Али-паше с известием о том, что Геворг Чауш и Андраник со своими гайдуками ночью покинули монастырь. Али-паша со своим заспанным войском бросился в монастырь, кто пеший, а кто на осле.

Я с детства страсть как любил приключения, в келье, где я прятался, увидел турецкую военную форму; тут же я переоделся и, достав из колодца седло, выждал минуту, когда в дверях было мало народа, приладил седло на лошади и, быстро приблизившись к монастырским дверям, в одно мгновение вскочил на Аслана и помчался в полутьме к скале Арабо, крича на ходу:

— А ну, а ну, в какую сторону убежали гяуры?

— Кто это? — громко спросил турецкий стражник, охраняющий дорогу.

— Из тридцать пятого полка, ночная стража, — быстро отозвался по-турецки Шапинанд, узнав издали своего коня.

— Будьте внимательны. Андраник-паша и Геворг Чауш со своими фидаи этой же ночью должны покинуть монастырь. Если увидите что подозрительное, стреляйте в воздух, — предупредили аскяры Али-паши.

— Как раз за этим-то мы и едем, будьте покойны, — бодро откликнулся Андраник, подзывая меня к себе рукой. Чей-то сдавленный голос вдруг прокричал:

— А вы кто?

Фидаи направили на него ружья.

— Не узнаешь? Я же сотник ваш, вот уж час смотрю, как вы тут дрыхнете. Так вы должны преследовать фидаи? — И Андраник сказал, обращаясь к Геворгу Чаушу: — Мехмед-Чауш, вот этот спал, не так ли?

— Да, эфенди, этот спал, — ответил Геворг.

— Аллах-аллах, не знаю, что вы за люди!

— Заткнись, не то пристрелим как собаку, Аскяр от страха завопил не своим голосом!

— Фидаи убежали, ловите!..

Со всех неприятельских позиций раздались выстрелы. Свист пуль, завывание ветра, метель — все это проносилось над нашими головами, но мы, сжав зубы, сквозь туман и снег пробирались к скале Арабо, к самой высокой точке Аваторика на Цирнкатаре. И чем выше мы поднимались, тем злее делался ветер. Наконец дошли мы до Орлиного Гнезда. Взошло солнце. Вот тогда-то мы и распрощались.

— Геворг, береги этого парня, поручаю его тебе, — сказал Шапинанд. Перед нами лежал освещенный солнцем зимний Тарон.

— Он отличился сегодня, вывел твоего жеребца из окружения, — сказал Геворг Чауш.

Я передал уздечку Андранику. Тот наклонился, поцеловал меня в лоб, потом обнялся с Геворгом Чаушем и, вскочив на Аслана, поскакал по снегу и скрылся за горою. Куда он ушел, мне не сказали.

Много времени спустя пришла весть, что он через Кавказ перебрался в Болгарию.

Клятва и последовавшее за этим наказание

А Геворг Чауш привел меня в село Мокунк к крестьянину по имени Игнатиос. Перед тем как войти в дом, Чауш сказал: «Все, что будет, держи в тайне. Забудь лицо, которое увидишь, слово, которое услышишь, и порог, который переступишь».

— Уже забыл! Забыто! — завопил я.

Мы прошли мимо амбаров и вошли в дом. В комнате перед столом стоял молодой священник, на столе лежала книга.

— Знакомься, это тот самый священник, который рыл окопы в монастыре. Из Хасгюха, звать Тер-Кербоб. Боевое имя Тер-Поторик, или Буря, одно и то же.

Действительно, это был тот самый бородатый священник, орудовавший в монастырском дворе киркой.

К комнате примыкал хлев. В хлеву сквозь полумрак я разглядел трех мужчин в волосатых абах. Тот, что стоял к нам спиной, молча курил трубку.

— Кто твоя возлюбленная? — спросил Геворг Чауш, заглянув в хлев. — Кого любишь больше всех?

— Жену, — ответили из хлева.

— Сына, — насмешливо возразил Тер-Поторик.

— Родину! — воскликнул я.

— Молодец, сынок, — сказал Геворг Чауш, довольный моим ответом. — Потому ты не должен иметь никакой другой возлюбленной. Твоя возлюбленная — Армения, — продолжал Чауш. — Она в цепях. Ты должен разбить эти цепи и освободить ее. Армения — это легендарный конь, которого злые духи веками держат в подземелье. Ты должен освободить этого коня так же, как освободил жеребца Андраника, запертого в подвале монастыря Аракелоц. Все то, что ты до сих пор делал, — это только небольшая разминка перед большим делом. С одного раза, — сказал он, — невозможно освободить народ, который шестьсот лет томится под чужеземным игом. Надо идти к цели постепенно. У тебя не должно быть личной жизни, дабы служить общему делу.

— Я пришел причаститься. Если не смогу стать мучеником, пусть стану хотя бы малым утешением, простым утешением для моей родины, — добавил я.

После этого Чауш велел мне поклясться на кресте, молитвеннике и сабле.

Тер-Поторик снял с книги покрывало. На столе лежал молитвенник «Кочхез», тот самый, что я принес из Тахвдзора в монастырь Аракелоц.

— В старину армяне клялись на этой книге. Она была потеряна, и ты ее нашел, — сказал Тер-Поторик и зажег по обе стороны книги две тоненькие свечи. Затем достал большое распятие и положил на книгу. Поверх распятия Чауш положил свою саблю.

Двое из мужчин пришли, встали по обе стороны стола, а третий, тот, что курил, отвернувшись к стене, так и не вышел из хлева.

Опустившись на колени, я поклялся.

— Клянусь своей честью и народом, — сказал я, — отдать все силы делу освобождения Армении от султанского ига. Отныне подушкой мне будут армянские горы. Мое высшее желание — умереть за Армению. И да буду я достоин поцелуя огненной пули!

— Клятва принята, — послышался голос Тер-Поторика. Он взял в руки распятие и замер так. А я поднялся с колен и поцеловал сначала саблю, потом молитвенник и под конец распятие.

— Имя твое?

— Крещен Мамиконом, а бабка звала Смбатом.

— Забудь оба эти имени. С этого дня твое военное имя Махлуто. Повтори свое новое имя, — сказал Тер-Поторик.

— Махлуто.

Мне приказали стать носильщиком. Для этого надо было быть сильным и выносливым — таким я и был.

— Ты можешь быть отличным носильщиком, — сказал Геворг Чауш.

— Что я должен нести? — спросил я.

— Главное — доставить груз на место, не повредив его. Эту работу не всякому доверишь. Нужны надежные люди, а их у нас мало.

Слова эти воодушевили меня. Значит, я числился в списках преданных людей. Первое, что мне поручили, — это перенести тяжелый ящик из садов Муша в Мокунк.

Когда я благополучно доставил свою ношу в Мокунк и спустил ее на землю, я расправил усталые плечи и почувствовал себя безмерно гордым. Это было первое поручение, данное мне после принятия клятвы фидаи, и выполнил я его в память Родника Сероба — так я сам про себя решил.

На следующий день мне приказали отнести этот ящик в Сулух. «Хотят приучить меня к длинным переходам с грузом», — подумал я.

— Не доходя до Сулуха, увидишь молодого человека по имени Джндо из села Артонк, — предупредил меня Геворг Чауш.

— Курд? — спросил я.

— Армянин, но на голове колоз будет. Взял я свою ношу, пустился в путь. Я уже порядком отошел от Мокунка, как вдруг до моего слуха донесся женский крик:

— Махлуто, и ты фидаи стал?

Я оглянулся, чтобы увидеть, кто же это меня окликает, но тут рядом со мной возник щупленький мужичонка с короткой бородой в крестьянской одежде, с бурдюком за спиной. Подойдя сзади, он изо всех сил ударил меня по спине посохом.

— Сукин сын, ты кто же — носильщик у фидаи или обычный прохожий?!

Взгляд его был таким угрожающим, что я прямо-таки растерялся. Я дал клятву верно служить освободительному делу своего народа. Я стал гайдуком, а по закону гайдук не должен вступать в разговоры с незнакомой женщиной. Гайдук не может жениться, пока родина в опасности. Все это я знал.

Кто была окликнувшая меня женщина? Откуда она шла и куда направлялась? Лица ее я не разглядел. Может, и она была связана с фидаи? Но как она узнала мое новое имя? А может, это была Змо? И какая-то дрожь охватила меня. Но даже если Змо — как могла она узнать про мое новое имя?

Как бы то ни было, получалось так, что я совершил тяжкое преступление, оглянувшись на женский голос. Мне хотелось оправдаться, сказать, что я не знаю, кто эта женщина, но не успел я даже рта раскрыть, как на меня посыпались удары. Бог ты мой, как он меня лупил! Сколько силы было в этом тщедушном теле! О, какая тяжелая вещь быть гайдуком! Поклясться на священной книге — и подвергнуться такому суровому наказанию! Видно, напрасно старался белобородый старик из Тахвздора! Семь молний озарили этот молитвенник вспышкой. И что же? А то, что, наверное, это была не та книга, на которой мне следовало клясться, и теперь господь наказывал меня за этот грех. Почему меня не засыпало песками Немрута, почему я не бросился с моста Фре-Батман в

сасунскую речку? Лучше бы я умер в подземелье багешской тюрьмы или бы бросился с Орлиного Гнезда в пропасть! Вот и черный день мой настал, думал я.

Удар за ударом сыпались на меня, меня избивали самым безжалостным образом. Палка опускалась то на спину мою, то на голову, гревала босые ноги. Я опустил свою ношу на землю, мне хотелось закричать, но я сдерживался, гордость не позволяла мне этого делать. А он, объяснив мое молчание равнодушием, еще сильнее колотил меня. Кровь во мне закипела, в глазах потемнело. Подумать только, и все это из-за какой-то неизвестной женщины. Да, этих Змо всюду хватает. Попробуй принести клятву или совершить какой-нибудь святой обряд, а сатана тут как тут, глядь — обхватил твои колени.

Я уж не помню, как снова поднял свою ношу и поплелся к Сулуху. Кажется, тот же самый мужчина помог мне подняться. Веки мои были окровавлены, я не мог их разлепить и ничего не видел. Уж не ослеп ли я? Ужас, самый настоящий ужас обуял меня.

И вот в этом состоянии меня нашел другой мужчина, он подставил плечо и принял мой груз.

— Ты Джндо, наверное? — спросил я.

— Да, из села Артонк, что в долине Муша.

Я протянул руку и нащупал колющий на его голове.

— Джндо, — воскликнул я, — сейчас ночь или день?

— День, — ответил Джндо.

— Если день, почему же я ничего не вижу?

— Наверное, ноша была тяжелой, устал.

Джндо привел меня в Сулух, в дом некоего Месропа. Меня здесь уложили в постель и накрыли одеялом. И вдруг я вижу: входит тот самый мужчина, что давеча избивал меня. Увидел меня, распорядился, чтобы я оставался у Месропа, а сам вместе с Джндо ушел.

Избитый, истерзанный душою и телом, валялся я, беспомощный, в доме сулухского Месропа.

И вспоминал. Вспоминал, как выскочил в окно, убежал с урока, как на следующий день покинул на рассвете родной город.

Я вспомнил учителя Мелкона, вспомнил слезы на его глазах, и учителя армянской истории, господина Сенекерима, который пришел к Фре-Батману умыться на заре холодной речной водой.

И своего дядюшку Бдэ вспомнил.

Я весь горел, жар мой не понижался. Решили искупать меня. Поставили в хлеву корыто с горячей водой, сунули меня в это корыто, выкупали на славу, потом снова уложили в постель и накрыли несколькими одеялами. Всюду на свете есть добрые старухи. Злые тоже есть, но добрых куда больше. Юхабер — так звали мать Месропа. Юхабер подозвала одного из своих внуков и велела ему пойти ночью в лесок возле церкви св. Степаноса и принести ивовых веток с утренней росой на листьях. И еще раз предупредила, чтобы осторожно нес, не стряхнул росы с листьев.

Вскоре Хуршуд — так звали внука — вернулся с охапкой зеленых ивовых веток. Обложили меня этими ветками и снова накрыли одеялами. Ивовые листочки постепенно нагрелись, и к утру головная боль меня отпустила, жар спал.

На следующее утро я был совершенно здоров. Когда я открыл глаза, увидел Геворга Чауша; он стоял возле моей постели, смотрел на меня и громко смеялся.

— Кто это тебя так отделал? — спросил он.

— Какой-то дервиш, одетый крестьянином, с бурдюком на спине.

— Этот дервиш — фидаи Арменак, он присутствовал на твоём посвящении.

— Какой еще Арменак?

— А что в хлеву стоял и курил, отвернувшись.

— Грайр-Ад?

Геворг Чауш приблизил палец ко рту, что означало «молчи».

Мог ли я возразить что-либо человеку, который на моих глазах убил, не моргнув, своего великана дядю? Не мог.

И я промолчал.

Утес

Мужчина, присутствовавший на моем посвящении, а после так жестоко меня избивший, был известен среди фидаи под именем Утес. Он возглавлял все гайдукские отряды, поднявшиеся в Таронском краю на борьбу с султаном. Это он ввел обряд принятия клятвы на сабле и кресте. Это он потребовал от Андраника и Геворга Чауша найти знаменитый молитвенник рода Арабо, чтобы клятва гайдука стала еще более могущественной.

Гайдук должен уметь хранить тайну и, не задумываясь, приносить себя в жертву, считал Утес. Армянин-фидаи — олицетворение человеческой чистоты и целомудрия, проповедовал он. У фидаи один только идеал — в муках служить делу освобождения армянского народа. Он должен умереть от пули, на виселице или же в тюрьме, если верен своему долгу. Зачем ему плотская любовь, когда есть высшая любовь — любовь к Родине? Земная любовь может только помешать фидаи не колеблясь пойти на смерть. Утес утверждал, что терпение и выносливость так же необходимы фидаи, как умение владеть оружием. Ведь если человек, став фидаи, забывает про собственную особу, что для него страдания и тяжелые условия? Утес был строг как к себе, так и к другим. Гайдукское послушание — высшая святость для него, нарушение гайдукской дисциплины — высшее преступление. Надо пробудить армянина-крестьянина, говорил он, объяснить ему, что он раб, укрепить его веру в будущее и, перестроив на новый лад армян Тарона и Сасуна, обратить их всех в гайдуков. Утес был против внезапных вылазок, был сторонником единого народного

наступления. Армянина определяет истинная глубокая вера. Перед нами поколение сильных, убежденных в своей правоте людей, призвание которых служить армянской освободительной борьбе, а не объединяться в мелкие группировки из эгоистических побуждений. Так говорил Утес.

Этот неистовый, похожий на дервиша проповедник обходил село за селом, возбуждая ненависть ко всему, что дурно и губительно, и пробуждая любовь ко всему, что возвышенно и полезно для родины и общего дела.

У Утеса были сподвижники, которые так же, как он, отсидели срок в султанской тюрьме. Одним из них был мушец Кото Акоп, который был заключен в крепости Синопа и Акры. Другого звали Карнена Мкртыч. Это по их указанию, Утеса и Карнена Мкртыча, сасунцы в свое время разоружили Андраника, разрешив таким образом возникший между ними спор.

Утес был всегда один, одетый, как бедный крестьянин, без оружия и, как правило, передвигался ночью. С посохом в руке, с бурдюком за спиной, под покровом ночной тьмы, он переходил из провинции в провинцию, из деревни в деревню, подготавливая массовое народное восстание среди армян.

Султанское иго он считал самым большим злом на свете. Из горького опыта своих земляков он знал уже и то, что стучаться в двери европейских держав и ждать от них помощи, по крайней мере, наивно; окончательно же он утвердился в этом после печального похода Мосе Имо в Англию. Гайдуки в борьбе с султаном, говорил Утес, должны надеяться только на самих себя, установив связь со здоровыми революционными силами, день ото дня крепчающими в борьбе с романовской династией.

«Мы наивно верили, что Англия и рыцарская Франция нам помогут, но обе эти державы нас обманули, у обеих совесть перед нами нечиста. Армяне, я говорю вам — Европа лжива. Не верьте ей никогда», — убеждал Утес.

Народ в Тароне любил этого скромного, мужественного человека, который был словно выходцем из старых мушских преданий.

Заглядывали ли вы когда-нибудь в темную пещеру? Замечали ли вы, сколько там таинственных закоулков? Таков был русоволосый, низенького роста, щуплый человек этот. Он был словно темная, таинственная пещера. Едва возникнув, он тут же исчезал. Днем он прятался в чьем-нибудь хлеву, а по ночам совершал большие переходы — с посохом в руках, с бурдюком за спиной.

Но каково было мое изумление, когда я узнал в избившем меня тщедушном мужчине с маленькой бородкой того самого крестьянина Арменака, у которого я несколько лет назад взял коробку табаку в Красном Дереве. Ему не было дела до того, что я сидел в тюрьме и, подвергая свою жизнь опасности, вывел жеребца Андраника из окружения.

Но вот я неосторожно оглянулся на окликнувший меня женский голос, и он подверг меня за это жестокому наказанию.

И вот что примечательно: бил он меня той самой палкой, которую отломил в моем присутствии, провожая меня до околицы. Я помню, он еще сказал, что из этого крепкого дерева наши предки в древности делали стрелы.

Геворг и золотые монеты

Но дать клятву фидаи и подвергнуться строгостям еще мало. Для того чтобы стать настоящим гайдуком, нужно иметь оружие. Мне вспомнились слова Родника Сероба, обращенные к армянскому крестьянину: «В стране султана вы можете остаться без хлеба, но без оружия ни в коем случае».

Но где взять-то его?

Чтобы раздобыть одну-единственную винтовку, Геворг Чауш дошел до самого Алеппо. А мне куда податься?

Я подумывал пойти в Муш и совсем было уже решил попросить денег у моего деда Ованеса или же у дядюшки Бдэ и купить на эти деньги винтовку.

Я пребывал в этих размышлениях. Но тут Геворг Чауш сказал мне строго:

— Не время еще тебе идти в Муш. — И, взяв меня с собой, туманной ночью пришел в Сулух.

Геворг знал в долине Муша каждую нору и каждый камушек. Дорогу он мог найти с закрытыми глазами.

То, что он убил своего дядю, расправился со старостой Аве, с Халимом-агой и в особенности битва при монастыре Аракелоц — все это создало ему такую славу, что султанских чиновников при одном его имени бросало в дрожь.

На северной стороне горы Сим есть маленькая деревушка под названием Фетар, лицом она повернута к долине Муша. Как-то раз пришел сюда из Муша один бек по имени Юсуф, принес подделанную бумагу — дескать, село это — поместье его дедов. И построил этот бек в Фетаре двухэтажный дом и десятки лет подряд взимал с армянских селян большую подать. Геворг Чауш пригрозил раз Юсуфу — не тронь, мол, невинных людей, землепашцев фетарских. На следующее же утро Юсуф арестовал жалобщиков и, придя в Фетар с войском и жандармами, разорил деревушку, камня на камне не оставил, после чего спокойно вернулся в Муш.

Геворг Чауш с несколькими гайдуками забрался в усадьбу Юсуфа-бека, убил злодея, забрал награбленное золото, раздал все крестьянам Фетара, а на груди убитого оставил записку: «Убит через жестокость свою».

Геворг вел большую работу, чтобы восстановить дружбу между армянами и курдами, пошатнувшуюся в дни правления султана Гаида. Вообще надо сказать, что Геворга боялись и почитали одновременно. Ему приписывалось, кроме всего, огромное обаяние, даже турецкие шейхи и те клялись его именем, таков ореол был вокруг его имени.

Случалось, когда он приближался к армянским селам, колокольцы начинали звенеть и люди поздравляли друг друга: Геворг Чауш, дескать, пришел.

Известны случаи, когда он ночью неожиданно заявлялся в курдское поселение и стучался в дверь старейшины со словами: «Вы что дрыхнете, что заставляете Геворга Чауша ждать перед

закрытыми дверьми, что в дом не зовете? А ну принимайте гостя!» И глава целого аширетства, объятый ужасом, открывал дверь, смиренно приветствовал Геворга, целовал стремя его коня.

Обычно Геворг долго не задерживался в таком доме. Он говорил беку, мол, проходил мимо села и решил проведать своих друзей, узнать, как их здоровье.

Но этот наш ночной визит был несколько иным.

Некий сборщик налогов по имени Фатим прославился своей неслыханной жестокостью и обидами, которые он причинял армянам и айсорам, навещаясь в их села. Хитроумными запутанными дорожками Геворг привел меня в полночь к жилью этого сборщика налогов. Постучался в дверь:

— Фатим-эфенди!

В ответ ни звука.

У Фатима был слуга-армянин по имени Амти. Этот Амти и спрашивает из-за дверей:

— Кто там?

А я ему в щелку тихим голосом:

— Геворг Чауш пришел, открывай.

И Геворг спросил:

— Фатим-эфенди дома? Видеть его желаю.

— Дома, но спит, — шепчет Амти в щелку.

— Поди разбуди его, скажи, что у порога его сам Геворг Чауш стоит. Специально из Муша пришел, чтобы повидать его.

Амти ушел, и мы услышали, как он пытается поднять со сна хозяина:

— Фатим-эфенди! — И снова: — А Фатим-эфенди!

— Ну что там, чего тебе?

— Геворг Чауш пришел, желает тебя видеть.

— Геворг Чауш? — изменился в голосе ага.

— Он самый.

— Тот, что убил агу Фетара? — промямлил Фатим-эфенди заплетающимся языком.

— Другого Геворга Чауша нет, — ответил слуга.

— Где он сейчас?

— Стоит перед нашими дверями.

— Спроси, что ему нужно?

Амти возвращается, говорит нам:

— Фатим-эфенди спрашивает, чего желает Геворг Чауш.

— Скажи ему, что Геворг Чауш велит дать четыреста золотых.

Амти пошел к хозяину.

— Геворг Чауш требует четыреста золотых. — И от себя добавил: — В наказание за то, что взимал податъ с народа и мучил людей незаконным образом.

— Почему так много просит?

— Не знаю, он сказал — четыреста.

— Ладно. Я дам эти деньги. Но возьми с него слово, что он про это никому не скажет.

Я увидел в щелку, как Фатим-эфенди встал с постели, накинул на себя халат и со светильником в руках ушел в какой-то закуток, потом вернулся с мешком в руках. Протянул его слуге и говорит:

— Ровно четыреста золотых. Не забудь про условие.

— Геворг-эфенди, — сказал слуга, подавая нам мешок с золотом, — Фатим-эфенди просил никому не рассказывать об этом случае.

— Что ж, можно, — сказал сасунец и, пожелав Амти спокойной ночи, притворил дверь сборщика налогов.

Я подхватил мешок, и мы пошли обратно.

Геворг Чауш знал, у каких несчастных отобрал сборщик налогов эти с трудом заработанные деньги.

«Дядюшка Улианос, не спишь? Держи свои двадцать золотых, купишь себе завтра упряжку», «Айсор Саак, вижу, детишкам твоим не спится от голода. Вот тебе пятнадцать золотых, купи молока деткам», «Кум Мартирос, вот тебе десять золотых, подправь балки в погребе, вот-вот обвалятся»... Так, следуя из села в село, поднимался Геворг Чауш на кровли самых бедных домов и бросал в ердык горсть золота.

Подошли мы к последнему селу. Здесь на отшибе стоял чей-то дом. Я увидел веревку, привязанную между тополями. На ней белела пара мужского белья и пара шерстяных носков. Год назад хозяин этого дома ушел и не вернулся, бросил жену и ушел из села. Жена его каждую субботу стирала одежду мужа и развешивала во дворе, чтобы прохожие думали, что в доме есть мужчина. А иногда, забравшись на кровлю, принималась пришивать пуговицы к рубашке или же делала вид, что латает протертое место.

Когда ее спрашивали: «Салви, а где же Мкро?» — она отвечала: «Только что с поля пришел, отдыхает». Или же говорила: «В горы Мкро ушел, скоро вернется». Или же: «Воду вот грею, Мкро купаться будет». Изю дня в день придумывала Салви разные отговорки, смущенно пытаясь скрыть отсутствие мужа, в надежде, что когда-нибудь Мкро вернется домой. Соседи догадывались, что Мкро давно уже нет дома, но делали вид, что верят Салви. Кое-кто из них видел, как поздно ночью, когда все село спит, Салви плачет одна, сидя возле лучины.

Геворг бесшумно приблизился к развешанному на веревке белью и сунул в карман штанов пятнадцать золотых.

К рассвету у нас осталось всего десять золотых.

— А это тебе за труды твои, поди купи себе оружие на эти деньги, — сказал Геворг и вложил последние монеты в мою ладонь.

Через два дня с винтовкой в руках предстал я перед Геворгом Чаушем.

Фидаи

Обрадовался Геворг Чауш, увидев в моих руках оружие. В тот же день повел он меня к горе Бердак.

Родник Сероб облюбовал горы Немрута, а Геворг Чауш со своими гайдуками избрали своим пристанищем Алваринч, Марник и Бердак.

Извилистыми мудреными тропинками прошли мы и попали в густой лес. Здесь была обитель армян-фидаи. Мы вышли на опушку, окруженную дубами. Геворг велел мне встать под деревом и ждать его.

Гайдуки сидели на пнях и камнях, кое-кто отдыхал, прислонившись к стволу дерева. Многих из них я знал в лицо.

Рядом со спаханским Макаром сидел племянник его Гале, в руках его было ружье, подаренное ему Андраником в Шмлакской теснине. Рядом с ними сидели горцы — Фетара Манук, Фетара Ахо и Фетара Исро. Борода Каро и Орел Пето сидели поодаль. Чоло прикорнул рядом с шеникцем Мануком. Перед ними полулежал лачканский Артин — гайдук с лицом как у тигра. Он не отрывал глаз от ружья шеникца Манука. Артин жаловался, что револьвер его старого образца, слишком тяжелый, и уговаривал Манука поменяться с ним, отдать, ему свое ружье.

К спору Артина и шеникца Манука прислушивались марникский Похэ и еще один парень из Муша по имени Муко. Два других гайдука играли под деревом в шашки. Один из них был мой знакомый Джндо из Артонка, другой — крестьянин из Хасгюха по имени Бамбку Мело. За их игрой следил молодой гайдук из села Алваринч — Сейдо Погос, один из героев битвы при монастыре. Следить-то за игрой следил, а вообще внимание его было приковано к лачканскому Артину и шеникцу Мануку. А те все не унимались, спор разгорался пуще прежнего.

«Дом ваш богат, так ведь? А раз так, с чего это ты взял оружие и сделался гайдуком?» — наседал лачканский Артин, на что шеникец Манук отвечал: дескать, когда люди хотят принести жертву в монастыре Марута или св. Карапета, они не какую-нибудь худую козу выбирают, а жирную и ухоженную. Следовательно, победно заключил он, на жертвенный стол нынешней борьбы попасть достойны сперва имущие, состоятельные армяне.

Вдруг я заметил, как рядом со мной незаметно возник молодой гайдук с красивым лицом и с длинными ресницами. Он был почти одного возраста со мной, наверное, даже ровесник мне, с небольшими густыми усами и бровями вразлет. Родом он был из деревень Муша, звали его Тигран. Это был тот самый воин, который поднес парламентарам султана горящий уголь, когда те курить захотели, приведя в ужас главного участника переговоров Мухти-эфенди.

Тигран обнял меня за шею, похлопал по спине и пошел к спорщикам.

Один из фидаи, присев на корточки, сердито щелкал затвором ружья. Это был Град Тадэ, которого я видел в отряде Родника Сероба. Он умел отличить с маху холостой патрон от боевого и был нетерпелив, всегда стрелял первым. Тадэ был участником многих сражений. Как-то, не выдержав жестокой гайдуцкой дисциплины, еще в бытность свою в Хлате, Тадэ взял ружье и подался в горы. Но в конце концов одиночество прискучило ему, и он присоединился к отряду Геворга Чауша.

Еще один гайдук из отряда Родника Сероба был здесь — Аджи Гево, один из тех семи солдат, что бежал вместе с Андраником в Семал.

Знакомый мне курд по имени Хасано пришел, встал за Геворгом Чаушем и, приложив руку к груди, поклонился мне. Хасано когда-то обменяли на армянского воина и с тех пор он был одним из верных телохранителей Геворга Чауша. Когда нужно бывало отправить нарочного к хутскому старейшине курду Гасиму-беку, Хасано всегда шел впереди всех, чтобы предупредить нападение соплеменников.

На краю опушки совсем еще молоденький гайдук счищал кору с веток. Он был выходец из хнусского села Харамик. В его обязанности входило разжигать бездымный огонь из сухого хвороста. Он должен был многие годы выполнять эту работу и, только выказав большую находчивость и смелость в бою, мог получить право носить оружие. До сих пор он еще ни в одном сражении не принимал участия, ни разу не был ранен. Фидаи в насмешку окрестили его Бриндар, что означало раненый.

Неподалеку от Бриндара сидел, облокотившись о старое седло, гайдук по имени Барсег. Среднего роста, с рыжеватыми усами, глаза чуть-чуть косят. Барсег был конюхом Геворга. Одновременно в его обязанности входило следить за тем, чтобы фидаи при переходах не курили, а уж если все-таки закурили, то чтобы прикрывали огонек рукой и не бросали окурки на землю. В своем селе Барсег возделывал табак и всегда имел при себе понюшку измельченного табака. Бывало, Барсег свернет сигарку и протянет товарищу.

Гайдук с черными усами, припав головой к плечу Аджи Гево, не сводит глаз с меня. Лицо знакомое. Пытаюсь вспомнить, где я его видел. Господи, неужели это Франк-Мосо? Ну да, он самый. Тот самый молодой землепашец из села Норшен, чья жена опростоволосилась приготовив яичницу, в споре, когда определяли границу между двумя селами. Мне еще досталась тогда похлебка, сваренная женой бердакца. «Какая там еще граница, какой еще раздел! Все эти наши перепалки — следствие одного большого всеобщего безобразия», — сказал опечаленный Франк-Мосо, отбросил прочь моток веревок и, отобрав у меня колышки, бросил их вслед за веревками, после чего взял да ушел в бердацкие леса — решить там наболевший вопрос своей нации.

Потому же не выпускал оружия из рук — еще со времен битвы в Хатавине — Арха Зорик.

Здесь же были Ахчна Ваан, Курава Шмо и Цурхач Азарик. У этого последнего все криво-косо было: крестился криво, шапку на голову надевал криво, пояс на нем сидел криво. В противоположность Граду Тадэ он всегда стрелял с опозданием, и из двух его пуль одна всегда уходила неведомо куда. Азарик нес при переходах тяжелую ношу и следил за тем, чтобы гайдуки в лунные ночи держали ружья прикладами вверх, чтобы не выдать себя блеском металла.

А Шмо? Бедняга Шмо с золотушными ушами! Ах, когда, наконец, когда свершится правосудие, и люди услышат долгожданное: «Вставайте, свобода»? Шмо считал, что мир устроен крайне несовершенно. «Да и каким может быть белый свет, сотворенный богом за какие-нибудь шесть дней, — жаловался Шмо, — еще и человека создал, вот уж кто самое несовершенно творение божье».

В горах среди камней Курава Шмо случайно обнаружил редчайший сорт урартийской пшеницы с непривычно большими зернами, всего несколько колосков. Он подивился разуму творца, который на маленьком этом клочке земли столько камней собрал, а в Мушской долине, напротив, одного камушка и то не оставил, чтобы пахарь, осердясь на непослушного быка, мог поднять его с земли и запустить в скотину. Шмо для пробы тайком посеял эти зерна и получил удивительный урожай. Он сдержал свою радость и никому ничего не сказал, чтобы, не дай бог, весть не дошла до слуха султана. Он даже на мельницу эту пшеницу не отнес, чтобы никто не смог взять себе редких зерен. Он решил, что зерно это бросит в освобожденную землю Армении и первым долгом, конечно, посеет его в родной Мушской долине.

И он с нетерпением ждал, когда же возвестят свободу. И Абдело был тут же, сын айсорского старейшины. Фидаи звали его Абдело из Семи Ложек, родом-то он из долины Семи Ложек был. Рядом с Абдело отдыхали полулежа молодые гайдуки — Цронац Мшик и Аврана Арам.

Из старых солдат был здесь также сасунец Каме Гаспар. Гаспар редко бывал на Бердаке. Поручения ему давались совершенно особого рода: этот талворикец был занят тем, что угонял у богатых армян скотину и продавал ее курдам, после чего угонял скотину у богатых курдов и продавал ее армянам, — таким хитроумным способом сколачивалась кой-какая сумма, идущая на нужды освободительного движения.

Эти люди составляли основное ядро гайдукского отряда Геворга Чауша после смерти Родника Сероба. С сегодняшнего дня это были мои товарищи, и с ними должна была проходить моя гайдукская жизнь. Первый испытательный срок я прошел, и не было больше прежнего беспечного и бездумного юноши.

Сидевшие вокруг меня гайдуки почти все были закаленные крепкие мужчины с обветренными от стужи и зноя лицами. Иные седовласые были, как, например, Спаханац Макар, — этот чуть ли не с пеленок принимал участие в сражениях. Они все были одеты в широкие штаны и цветные рубахи с красным или желтым узором. И все опоясаны кожаными патронташами. Поверх патронташей, чтобы скрыть их, все без исключения носили безрукавки-абы. На боку висел маузер-десятка и кривой дамасский клинок. На голове — шапка-арахчи. У каждого за спиной мешок и веревка чтобы лазать по скалам.

Геворг Чауш представил меня отряду и рассказал, как я вывел из осажденного монастыря жеребца Андраника, а до этого разыскал и с большими трудностями вынес из села Татрак молитвенник дома Арабо, тот самый знаменитый «Кочхез», на котором гайдуки теперь приносили клятву, и сам я был первым, кто поклялся на этой книге. Как особое мое достоинство он отметил и

то, что именно мне доверили старейшины Сасуна читать вслух письмо английского короля, привезенное Мосе Имо из Англии. И что я как сознательный мушский юноша дал обет служить освободительному движению. После этого Геворг Чауш распорядился выдать мне патронташ.

Мне принесли пару широких лент с гильзами, которые я тут же надел на себя крест-накрест. Поверх я надел лохматую абу. Потом закинул за спину мешок-ранец, в котором был один приклад, две уздечки, одно седло, две пары толстых шерстяных носков, пара трехов и один костяной гребень. К мешку был прилажен маленький мешочек, а в нем — притершая поджаренной просяной муки и кусочки сухой пахты — обед на худой день.

Когда я взял в руки ружье, мне показалось — мне подарили весь белый свет.

Но это было еще не все. Мушец Тигран вдруг оглядел меня издали оценивающим взглядом и, взяв у конюха Барсега три аршина белого полотна, быстро приблизился ко мне.

— Держи, это твой саван, — сказал он и на глазах у всех сложил втрое кусок полотна и сунул в мешок.

В отряде только у некоторых были саваны, я потом уже узнал про это. Саван имели марникский Похэ, Цурхач Азарик и юноша хнусец, разжигавший бездымный огонь в лесу. Мне, наверное, потому дали саван, чтобы я сразу же свыкся со своей судьбой.

Саван! Какое страшное слово.

Все испытующе смотрели на меня, чтобы увидеть, как приму я этот кусок полотна.

Вот так я стал фидаи.

Геворг Чауш показал мне на пень рядом с Градом Тадэ и Аджи Гево, и я пошел и сел на отведенное мне место.

После всего этого Чауш подозвал к себе юношу с белым как молоко лицом, который, сидя поодаль, зашивал свой мешок.

— Иди сюда, Мисак, — сказал Геворг Чауш, — спой песню, послушаем.

Мисак был одним из телохранителей Геворга Чауша. Родился он в Мушской долине в селе Аладин, почему и звали его Аладин Мисак.

Почти все гайдуки умели петь. Фетара Манук был известным исполнителем «Беривани». Аджи Гево бесподобно насвистывал «Лоло». Хороший голос был у Бороды Каро. Но когда пел Аладин Мисак — это было что-то особенное. Он пел до того чарующе, что Геворг, случалось, посылал его до самой Абаханской долины — чтобы заворожить песней курдских беков.

Мисак подошел, сел рядом с Геворгом Чаушем на бревно, приставил руку к уху и запел.

Сначала он спел песню фидаи.

У фидаи нет никакого богатства. У него нет своего дома. Фидаи не имеет права задерживаться на одном месте больше семи дней. Он постоянно в движении. Когда все спят, фидаи бодрствует. Он лишен сладкого утреннего сна. Никто не должен знать, в каком направлении ушел-растворился в полутьме фидаи, из какого оврага вышел и на какую гору взобрался. Если фидаи пришел в село,

его пристанище там — темный угол сарая или хлев армянина-землепашца. Зимой, в самую стужу, он ищет пещеру, чтобы перезимовать в ней до весны; он разрывает мерзлый снег и прячется в сугробе, оставив небольшую щель для света и воздуха.

У фидаи нет могилы. Предел его желаний — умереть в бою с песней свободы на устах, получив пулю в лоб.

Вот о чем пел Аладин Мисак.

Геворг Чауш словно хотел посредством этой песни приобщить меня к тем большим будням, которые отныне должны были стать смыслом моей жизни.

Потом по просьбе Спаханца Макара Аладин Мисак спел песню про Арабо.

«...Арабо, Арабо, участь фидаи — огненная рубашка. Из тысячи избранных одному выпадает честь надеть эту рубашку. Ты был самым первым в Мушской долине, кому эта честь выпала.

Арабо убили в ущелье Гялараша; он умер, не достигнув своей цели, но народ не верит, что он мертв, народ думает, что он жив и живет в горах Сасуна. От Марникских гор к Шмлакскому ущелью ведет дорога; там, к юго-востоку от Муша, возвышается загадочная вершина — Смбакасар. На этой горе есть старая крепость. Эй, славный путник, если ты поднимешься к этой крепости, знай, что в ней жил Арабо, копыто его коня касалось этих камней. Именно здесь, на этой горе, воскликнул Арабо, впервые глянув на Мушскую долину: «Я увидел Мушскую долину, мне смерти больше нет!»

Северный и западный склоны Смбакасара обрывистые, под ними лежит пропасть. «Эй, путник, ты что же заблудился между Пынтыхмером и Марником? Когда будешь подниматься на Смбакасар, ты услышишь далекое глухое ржанье. Не пытайся понять, откуда доносятся эти звуки — из-под земли, из пропасти или же с неба. Марникские юноши, что с зажженными свечками, поджигая солому, идут в крепость Пстик, не разгадали эту загадку. Не разгадаешь ее и ты. Чем выше ты поднимешься, тем сильнее будет слышаться ржанье коня. Народ верит, что это конь Арабо подает голос. И смелые фидаи, храбрые фидаи дважды в год поднимаются к этой крепости, чтобы услышать ржание Тилибоза. Арабо, Арабо, ты был первым избранныком в долине Муша, надевшим огненную рубашку фидаи».

Песня об Арабо перевернула мне душу. Неужели я провел год с этим легендарным всадником, неужели он сажал меня в седло своего сказочного коня?

Геворг Чауш тоже был взволнован. И старик Макар, я видел, расстроился.

— «Трнки!» — прокричал гайдукский предводитель, спрыгивая с пня.

Мы сняли с себя мешки-ранцы, прислонили оружие к деревьям и пустились в пляс.

Где еще на свете видели такую пляску!

Сначала все выстроились-встали сплошной стеной. Потом повели плечом, взметнулись, наклонились и устремились вперед. Поглядите, как пляшет Фетара Исро, оруженосец Геворга Чауша, вот идут стеной артонский Джндо, мушец Тигран и Бамбку Мело. Раз — и ноги выбрасываются вперед, и мгновенно, подтянувшись, откидывается назад стопа. Геворг Чауш, курд Хасано и марникский Похэ пляшут рядом. И меня затащили в цепь. За моей спиной сплелись руки

ализрнанского Муко и Цурхача Азарика. Вот пристроились к цепи конюх Барсег, Аладин Мисак и Сейдо Погос.

А вот и Франк-Мосо подбежал.

Подошли Цронац Мушик и Аврана Арам, Бриндар помешал угли костра и вместе с Арха Зориком и Ахчна Вааном кинулся в пляс. Не выдержали, разорвали цепь, втиснулись золотушный Шмо и айсор Абдело.

Начался «Цаппар».

Здесь главными плясунами были сасунцы. Но не пляска, не пляска это — сама стихия! Встали парами лицом к лицу, опустили на колени, поднялись, покачиваясь и кружась, — общий радостный стон: та-ак — и снова с силой хлопнули друг друга в ладони и — на колени, рывок вверх и со стоном — хлопок руками. Да так ладно. Только раз дал осечку Орел Пето. Борода запоздал подставить руки, и Пето, трижды покрутившись и обойдя Спаханаца Макара и Града Тадэ, с силой хлопнул ладонями о два соседних березовых ствола.

Усталые, повалились все под деревья, попадали на свое оружие, на мешки свои, на саваны.

Первая ночь

Этой ночью Геворг Чауш поставил меня часовым в лесу.

Возле деревьев, растянувшись на земле, спали гайдуки. Каждый в обнимку со своим оружием. Некоторые пристроили камни вместо подушек и, чтобы помягче было, подложили под голову мешок. Лежит на спине великан Спаханац Макар. Устал от «Цаппара». Вот он присел возле костра, достал шампур полуготового мяса из огня, стряхнул золу и принялся есть. Стукнул Гале по спине, легонечко толкнул Фетара Манука и, пройдя рядом с лачканским Артином, устало растянулся рядом. Лежит спокойно, голову на приклад положил. А ружье старое-престарое, приклад сам Андраник дважды чинил еще в Тахврнике, в полутемном хлеву Чато.

У ног Спаханаца Макара разлегся Чоло. А на коленях у Чоло покоится голова Аладина Мисака. Борода Каро и Орел Пето уже спят, натянув на головы лохматые абы. Фетара Ахо лежит так, словно шепчет что-то на ухо марникскому Похэ, но это переговариваются шепотом лачканский Артин и шеникский Манук. Манук крепко обнял свою винтовку.

— Эх, была бы у меня твоя винтовка! — в последний раз вздыхает лачканский Артин и обиженно отворачивается. На затылке у него светлая серповидная рана, уже затягиваться начала.

Ализрнанский Муко, мушец Тигран, споханский Гале, Манук Ахо из Фетары — не счесть их ран. О, если обнажить спину дядюшки Макара! Вы увидите старые рубцы еще со времен знаменитой битвы «Семи Ложек».

А шеникский Манук? А Чоло? А Борода Каро? А ну встань, Исро из Фетары, посчитаем твои раны. Исро — оруженосец Геворга Чауша. В тот день, когда Геворг Чауш освободил его село Фетара от злодея Юсуфа, Исро сделался воином Геворга Чауша и не одной раной освятил свое тело.

Марникский Похэ отодвинулся от синеглазого Ахо, повернулся на левый бок, словно говоря — чем я хуже тебя, не уступлю тебе в храбрости, это я провел Халила в теснину.

И Джндо, и алваринчский Сейдо — все подряд в ранах. И даже айсор Абдело, который совсем недавно пришел в отряд. И Бамбку Мело, и конюх Барсег, и Франк-Мосо — все, все до единого. Впервые рубаха Града Тадэ окрасилась в красный цвет на склонах Немрута, когда он был еще воином Родника Сероба. Курд Хасано дважды подвергал свою жизнь смертельной опасности, бросаясь на выручку Геворгу Чаушу.

А может, думаете, Аврана Арам не был ранен? Или даже Цурхач Азарик? И у этого спина исполосована. Он сделал из своего савана мешок, забрался в него и спит. Кто знает, сколько ему еще жить, потому что коротка жизнь гайдука, — сегодня он есть, а завтра его нет.

Лунный луч запутался в волосах мушца Тиграна и блесит, как бусинка, затерявшаяся в колючках. Рядом с Тиграном лежит алваринчский Сейдо, с другой стороны — ализрнанский Муко. Улыбается во сне Сейдо. Наверное,

битву в монастыре вспоминает. Муко придерживает рукой ружье. Год назад он продал упряжного быка и купил это ружье.

Орел Пето лежит, прижав к груди ружье. Он смотрит на Бороду Каро и словно говорит ему: «Эх, Борода, Борода, не знаешь еще, что стрясется со мной и с тобой».

Арха Зорик и Цронац Мушик спят спина к спине. Зорик подложил под голову правую руку, прикрыв шрам от раны, полученной в Хатавинском сражении. Левая ладонь Мушика покоилась на лбу у Ахчна Ваана, рядом с Вааном лежал Бамбку Мело.

Ло-ло-ло! Душа Аджи Гево в Манаскертских горах.

Когда это было, бог весть, он покинул свое село, пошел разыскал отряд Родника Сероба. Он как сон помнит горы Манаскерта и любит повторять зов пахаря «ло-ло». Гайдуки так порой и кличут его — Лоло Аджи.

Раньше полуночи вернулся Каме Гаспар. У этого тоже свое «ло-ло» имеется. Он вспоминает, как красноголовые аскяры поймали его на хозванской дороге и, привязав к шее пятипудовый кувшин с маслом, погнали по горам, пытаясь, где находятся тайники фидаи. Аскяры ночью разожгли костер, поставили вооруженного часового стеречь Каме, а сами, усталые, завалились спать. Сасунец тихонечко выпростал руки, стукнул аскяра по шее, дернул к себе его винтовку и побежал. Так и ходит с тех пор с этим ружьем да с суровой памятью о том случае — рубцом от аскярского клинка на спине.

Каждый из этих гайдуков — целый музей старых и новых ран. Даже Аладин Мисак несет на себе памятные отметины, вдобавок у него не хватает пол-уха. А сейчас спит Аладин, прикрыв спину абой, голову положил Чоло на колени, спит безмятежно.

Дальше всех лежит Курава Шмо. Золотушный Шмо прилег между двумя корягами, головы не видно, только одно ухо торчит, и кажется — это дупло коряги. Ах, как сердит Шмо на этот мир и,

приложив ухо к земле, все прислушивается, ждет, когда же наконец возвестят свободу, дескать: «Пахарь Шмо, ты что же лежишь на холодной земле Марникского края, гляди-ка, я пришла! Вставай, достань припрятанное зерно, иди засевай поля своей Армении, желанного своего Айастана».

Бриндар прикорнул возле бездымного костра. Это единственный солдат без единой раны. Он лежит спиной к костру, словно стесняясь своих товарищей. Перед ним лес, лунные блики играют на стволах деревьев. «У деревьев и то есть раны, — думает Бриндар, — один я обделен...»

Неподалеку от своих оруженосцев, Исро и Хасано, под большим дубом, лежа на боку, спит сам Геворг Чауш. На груди у него крест-накрест проходят ленты патронташа,

на спине их целых три ряда. Одну руку он держит на бинокле, другую — на своем «Арабо». «Арабо» — так он называет свое ружье в память об Арабо, чьим солдатом он был. В мешке своем предводитель гайдуков держит просяную муку, молотое просо и куски сухой пахты — на черный день для всего отряда. Обычно эту сумку несет вместо него марникский Похэ, который даже внешне похож на своего командира.

Каждая рана на фидаи — знак отличия, память о бесчисленных сражениях. А уж сколько было этих сражений у Геворга Чауша — не счесть! Битва при Спахане, при Хоцоце, при Татраке. Сражение в княжеском ущелье и в Сурб Ахберике. В Шмлаке, в ущелье Боярышника. Всего месяц прошел, как он расправился с подлым родом предателя старосты Аве из Гехашена, пощадив лишь малютку-хромоножку.

Ровно тридцать шесть солдат у Геворга Чауша. Лежат, спят каждый на свой лад. И усы у каждого на свой лад — у одного топорщатся, у другого лихо закручены, у третьего повисли уныло.

Вот мои любимые уроки. Вот тот алфавит, который мне предстоит выучить.

Спят повстанцы. Кто спит, а кто только-только отходит ко сну.

Но неужто сон берет гайдука?

Глядите, вот проснулся дядюшка Макар. Прошел рядом со мной тяжелыми шагами, направился к роднику, испил воды, вернулся назад, покручивая мокрые усы. Вот он присел возле погасшего костра, поворошил еще теплую золу — несколько кусочков печени оставалось на шампуре, сдул с них золу, съел. Потом поправил на спине ленты патронташа, проверил оружие и посмотрел на небо.

Денница показалась.

Сейчас проснутся синеглазый Ахо и Фетара Манук. Встанут ализрнанский Муко и Абдело-айсор. И Борода Каро встанет, и Орел Пето. Поднимутся курд Хасано и Сейдо Погос. А вот проснулся Джндо. Сидит, закинув ногу на ногу, голова обернута платком, конец которого свисает на правое ухо; на груди крест-накрест патронташ, ружье рядом наготове.

Пора проснуться мушцу Тиграну, Бамбку Мело и марникскому Похэ. Арха Зорик поднял голову, посмотрел на Джндо из Артонка, покосился на Аврана Арама и Цронаца Мушика; мельком взглянув на предводителя, остановил свой взгляд на лежавшем рядом Ахчна Ваане.

Сейчас и они проснутся. Встанет Франк-Мосо, лачканский Артин и Гале. А когда проснется Чоло, Аладин Мисак, глядь, тоже на ногах уже. Встанут Фетара Исро, Град Тадэ, шеникский Манук. И Цурхач Азарик. И Бриндар. И Лоло Аджи.

А Каме Гаспар, еще затемно поднялся, выбил золу из трубки, ушел — растворился в ночи.

Вот кто-то чихнул, но не человек — в той стороне пасутся привязанные кони Геворга Чауша и других гайдуков. Они всегда наготове, они оседланы, и хурджины через седло перекинуты. В любую минуту гайдуки могут вспрыгнуть на коня и умчаться в неведомое.

Волшебное решето

Я уже вторую неделю дежурил, как вдруг Геворг Чауш сказал, чтобы я отправился в села долины Муша — за решетом, муку мол, надо просеять. Я был крайне удивлен. Речь шла о такой пустяковине, что мне даже сделалось неловко оттого, что Геворг Чауш дает мне такое задание. Самолюбие мое было задето.

О буднях фидаи я знал еще очень мало. И я решил, что, наверное, у нас где-то запрятана мука в большом количестве и надо спешно испечь хлеб, вот и понадобилось решето. Еще я слышал, что накануне больших сражений фидаи выпекают много хлеба и прячут его в разных местах. Но по дороге меня одолели сомнения. Может, меня снова хотят испытать и снова подошлют какую-нибудь женщину, чтобы та заговорила со мной?.. Решето-то, известное дело, по женской части. Лучше бы мне поручили таскать мешки с мукой. Это да, это я бы с радостью сделал — перетаскал куда угодно и сколько угодно самых что ни есть тяжелых мешков. А то решето! Что может почувствовать мужчина, которому поручено отправиться за решетом? Ведь я гайдук, в мешке у меня свой собственный саван лежит. Но что поделать, бывает в жизни такое, когда воин вынужден рыскать по селам в поисках решета.

Я многие дома обошел, но никто мне решета не продал.

Я стал вспоминать, в каких селах у меня живут знакомые или же родственники. Возьму-ка да одолжу у них. Как это я раньше не подумал! В Тергеванке у меня тетка родная живет, сестра матери. Хлеб ее выпечки славится на всю округу. Пойду-ка прямо к ней, попрошу решето — и быстренько к своим в Марникский лес. А можно и в Бердак пойти — разыщу того бердакца, чей обед с самиром я ел при дележе земли, когда границу между их селами определяли.

Тергеванк был селом известного фидаи Мхо Шазна. Дом моей тетки стоял на самом краю села, дверь не была заперта. Мушцы, отправляясь на работу, никогда не запирают своих дверей.

Я вошел в дом. Первое, что мне бросилось в глаза, — это висевшее на стене большущее решето тетушки Рехан. В доме ни души не было. Я взял решето и преспокойно вышел из дому, оставив дверь, как и прежде, открытой.

Гордо вышагивал я по дороге, торопясь предстать с таким чудесным решетом перед Геворгом Чаушем. Не доходя до Бердака, я услышал выстрелы. Смотрю — несметное число курдов и турок

одолевают фидаи, а наших всего несколько человек. Двух из них я узнал: один был Геворг Чауш, другой — Гале. Неравная была битва, трудно приходилось Геворгу и Гале. Я побежал им на помощь. На бегу я заметил, что за большой скалой залегли марникский Похэ, алваринчский Сейдо и мушец Тигран. Бамбку Мело тоже был с ними. Он и Джндю по очереди стреляли из одного ружья.

Всего несколько часов назад я расстался с ними на биваке, и вот, пожалуйста — самое настоящее сражение. Я подхватил ружье одного из убитых солдат и поспешил к своим товарищам, не выпуская, впрочем, из рук решета. Только я подбежал к Геворгу Чаушу и Гале, раздался сильный залп. То ли чтобы отвлечь врага, то ли хитрость какая мне пришла в голову, я и сам уж не помню, но я поднял над головой решето и потряс им в воздухе. Раздался второй залп. Я водил туда-сюда решетом, и каждый раз в ответ на мое движение звучал новый залп. И вдруг густой туман опустился на гору. Подняв руку в тумане, я снова потряс решетом. Никакого звука. Что это? Более тысячи турок и курдов сломя голову бежали прочь. В минуту по всей Мушской долине разнеслось, что рядом с Геворгом Чаушем возник человек исполинского вида с новым невиданным оружием в руках, и оружие это никакая пуля не берет, а с виду похоже оно на щит. Человек водит им в воздухе, и с неба огонь сыплется. И вот даже бог вышел на подмогу фидаи и напустил на гору туман, а в тумане этом только и видно, как стоит новый воин Геворга Чауша — не воин, а великан — и все водит в воздухе рукой с неведомым ужасным оружием.

И что не только у Геворга Чауша, но и у всех других гайдуков талисман волшебный есть — вот в чем загадка, вот почему их пуля не берет. И люди стали слагать песни о Геворге Чауше и о легендарном герое, который настолько храбр, что ловит вражеские пули решетом.

Эта удивительная история, связанная с решетом моей тетушки Рехан, дошла до слуха самого султана Гаида, проникла во все уголки Османской империи как одно из проявлений беспримерной храбрости армянских фидаи.

Туман тем временем сгущался, так что мы могли благополучно покинуть гору Бердак. Я в последний раз победно повел в воздухе своим решетом, и мы двинулись в путь. По дороге мы заметили, что Гале тяжело ранен в плечо. Марникский Похэ и Артонка Джндю повели его через хутские горы в сторону Сасуна.

Алваринчский Сейдо с моим чудодейственным решетом в руках свернул к своей пещере, Бамбку Мело пошел с ним, а мы с Геворгом Чаушем направились в Фархин.

В Фархине у Геворга было много своих людей, они рассказали, что турки весьма озабочены появлением нового оружия у армян и в связи с этим в Фархине созвано тайное совещание.

Предводитель гайдуков оделся турецким офицером, а мне велел переодеться аскяром, и вечером мы с ним пошли на военное совещание.

Собравшиеся на совещание один за другим подошли, поздоровались с переодетым Геворгом, приняв его за турецкого офицера, и попросили принять участие в совещании.

Они только спросили:

— Откуда идете?

— Иду из Вана, направляюсь в Полис, — ответил Геворг.

— Слышали, наверное, о Бердакской битве и что у Геворга Чауша новое оружие появилось?

— Да, — отвечал Геворг Чауш, — и султан этим весьма озабочен.

— Наверное, потому вас и вызвали в Полис?

— А про это уж только мы с султаном знаем, — отрезал Геворг.

— Ну садитесь, садитесь, ваше присутствие очень важно и почетно для нас.

— Сегодня мы обсудим только один вопрос, — сказал председатель. — За голову Геворга Чауша обещана тысяча червонцев, — так распорядился сам султан Гамид. Кто из вас берется доставить голову Геворга Чауша? — обратился к офицерам председатель.

Офицеры обалдело переглянулись. Никто, однако, не проронил ни звука.

— Так кто ж доставит голову Чауша? — снова раздался голос председателя.

По-прежнему все молчали. Тут Геворг Чауш поднял палец:

— Я доставлю вам голову Геворга Чауша!

— Вы?.. Не думаю.

— Не думаешь?.. Так на же тебе голову Геворга Чауша! — вскричал предводитель гайдуков. — Вот она! А эту тысячу золотых пойдя положи своей жене в штаны!

Что тут сделалось! А Геворг Чауш встал и не спеша удалился, и я следом за ним.

Возвращаясь из Фархина, мы узнали, что марникский Похэ и Артонка Джндю доставили раненого Гале в шатер Гасимбека, предоставив его заботам гасимбековской жены Джемиле, пообещавшей вылечить раненую руку Гале.

Новое поручение

История с решетом так воодушевила Геворга Чауша, что он уже решил, будто я на все руки мастер. И вот вызывает меня, так и так, мол, отправляешься на этот раз в далекие края.

— Куда это? — говорю.

— В Город-крепость, а может, и подальше.

Городом-крепостью он называл Карс. Чауш сказал, что я должен отправиться туда за патронами. Объяснил, кто на какой улице, на каком углу будет меня ждать. Дал несколько полезных советов, предупредив, что если я услышу: «Осел забрел в просо», — это будет означать: берегись, здесь люди султана.

Что ж, это было достойное мужчины поручение, и я с готовностью вызвался выполнить его.

Моим товарищем в пути должен был быть мушец Тигран, тот самый молодой гайдук, отмеривший мне три аршина холста на саван. Тигран был храбрым воином, родом из села Варденис, что в долине Муша. Он был хороший ходок, свободно говорил по-курдски и лучше меня знал местные обычаи и всю историю края. Одно только было плохо: он быстро загорался и очертя голову лез в самое пекло, не думая о последствиях. Тигран утверждал, что родом он из Сасуна и в жилах его течет сасунская бесстрашная кровь, но так как он жил в Мушской долине, то обрел соответствующе вспыльчивость мушца. Одно его вечно смущало: брови вразлет и румяные щеки — они делали его несколько женственным, и поэтому он то и дело свирепо закручивал вверх свои густые усы, стараясь казаться суровым и грозным.

Мы переоделись крестьянами и пустились в путь. Я без оружия, а у Тиграна под рубахой маузер был. Дорогу мы наметили трудную, до сих пор никто не ходил еще так в Карс — мы намеревались через горы Возма, Мокса и Шатаха попасть в Беркри, а уже оттуда в Город-крепость.

Чтобы скоротать время, а отчасти, конечно, желая поразить меня своими знаниями, Тигран принялся рассказывать, как три тысячи лет назад эллинский полководец Ксенофонт спустил свое войско в долину Муша, проведя его по горному перевалу возле Битлиса и дойдя до самого Тигранова села.

У Тиграна в этих краях жил знакомый карчканец. Он предупредил нас, что выбранная нами дорога не лишена опасности, хотя и предпочтительна. Карчканец оказался лудильщиком, он искал себе подручных, которые согласились бы в поисках работы обходить с ним здешние села. Так мы с Тиграном сделали подручными лудильщика. Тигран должен был драить посуду, а я — раздувать мехи.

На следующее утро Тигран взял большой медный котел. Карчканец подхватил мешок с хлебом и лудильный свой инструмент, и мы направились к Возму.

Возм был большим армянским селом, расположенным на невысоком каменистом холме в ложбине. Село это было окружено курдскими поселениями. Все жители происходили от одного старинного героического рода. Они настолько блюли чистоту своего рода, что брали в жены только девушек своего села.

Возмцы, все до единого, были ремесленниками, выделявали войлок. Еще с XV века Возм был колыбелью армянских воинов. Когда барварские курды взяли возмцев в кабалу, один из возмских смельчаков по имени Лато собрал своих земляков, объявил войну курдским богатеям и одержал верх. Курды признали Возм независимым армянским поселением и послали Лато соответствующую бумагу — признаем, дескать, свободными, да.

Карчканец повел нас в дом этого самого Лато. Вся семья Лато занималась расчесыванием шерсти. Сам Лато и все мужчины в доме были одеты в лохматые абы и в широченные шаровары, заправленные в длинные шерстяные носки до колен.

Тоныр у них находился на втором этаже и был подвешен над хлебом. Нас угостили пловом из пшена. Во время еды Лато сказал: «Кант, на хаскаше не блесит». Хозяйка дома ответила: «Дик, блесит-то церковь». Карчканец потом объяснил нам, что это тайный язык жителей Возма и что муж с женой сказали друг другу: «Жена, плов-то у тебя без масла», — на что жена ответила: «Муж, с маслом-то ныне трудно».

И еще одно удивило нас: в этих краях у людей не было привычки пользоваться постелью. Семья ложилась вокруг тоныра, натянув на себя куски войлока. И мы переночевали тем же манером, укрывшись войлоком, который собственноручно изготовил Лато, подбавив в него медвежьей шерсти. Под голову мы положили набитые соломой круглые подушки, до того твердые и тяжелые, что их с трудом можно было поднять.

Встав с петухами, мушец Тигран взял большую медную посудину, насыпал в нее песку, накрыл песок мокрой тряпкой и стал драить старый дырявый котел Лато. Я разжег огонь и взялся за мехи.

И пока карчканец наносил полуду на первый котел, Тигран уже драил четвертый. В дом Лато набилось множество народу. К полудню мы перелудили всю их посуду.

Карчканский мастер сказал: «Сегодня старика нет дома», что на тайном языке возмцев означало: «Сегодня наши дела идут хорошо». И мы, благополучно покинув Возм, направились к Моксу.

Море цветов было перед нами. Несколько мокских девушек, вышедших в поле собирать крапиву, сидели на скале, свесив ноги, ели хлеб и разговаривали. И были они одна другой краше и все в красных чувяках.

— Братец, а братец, помоги нам разнять ноги, а то спутались, видишь, — смеясь обратилась к мастеру-лудильщику одна из девушек, самая шустрая, видать.

— Чувячки-то все красные, не разберем, помоги нам, братец, — подхватила ее подружка.

— Нас трое, который вам приглянулся? Говорите!

— Вон тот, подручный!

— Нет, сам мастер! — воскликнула третья краснощекая их подружка.

— Другой подручный, румяный который! — Девушки совсем развеселились.

Карчканский мастер подошел к ним и легонечко ударил прутом по ногам.

— Ох, братец, вот уж помог, вот уж спасибо тебе! — расхохотались мокские девушки, быстро убрав ноги.

Мокс лежал в ущелье, на берегу реки.

Мы прошли Мокс и по горному переходу через Арнос двинулись к Шатаху. Мокцы и шатахцы, мы заметили, одеты были как сасунцы. В полночь мы добрались до Чмука и переночевали в доме тамошнего старосты. У старосты посуды в доме было видимо-невидимо, тьма-тмущая. Лет сто, пожалуй, было старосте Карапету, и был он так богат, что мог сразу принять в своем доме и приютить сто, а то и поболее всадников. Два дня лудили мы его посуду, еле управились. Мехи испортились, и я вынужден был дуть во всю мощь моих легких.

Староста Карапет остался очень доволен нашей работой и с большими почестями проводил нас до следующей деревни. Провожатые наши, трое мужчин в лохматых абах и шерстяных шароварах, победно вышагивали впереди нас и били в барабаны. А кожа на этих барабанах, надо сказать, была из медвежьей шкуры выделана и издавала сильный шум. А на одном барабане кожа не очень хорошо была выделана и под барабаном, прыгая туда-сюда, болтался медвежий хвост.

Один из барабанщиков, по имени Гило, был соседом старосты Карапета. Этот Гило, говорят, голыми руками волков и медведей брал в Шатахском лесу.

На полпути Гило вдруг остановился и показал нам на пещеры Меднкара, здесь в свое время залег с горсткой гайдуков герой Ханасарской битвы знаменитый Сако.

— Кто был Сако? — спросил я.

— Из села Сев Кар, что в российской Армении.

— Что же он из такой дали сюда пришел и в пещере жил?

— Дервиш он был, безумец, горячая голова, на поле битвы оружие в руки брал, а в тюрьме — саз. В наших краях о нем сложили песню: «Ежели встречу где севкарца, полюблю через тебя».

— А мы разве не безумцы? — воскликнул мушец Тигран, закручивая усы, и приказал бить в барабаны.

Под сильнейший барабанный бой вошли мы в Тах — это центр Шатаха. В Тахе мы оставались три дня. Перелудили множество посуды. Потом прошли Цахкаванк и по знаменитой долине Жениха двинулись дальше. Оказывается, за это время слава о нас как о знатных лудильщиках дошла до горских курдов. Вдруг смотрим — явились и уже ведут нас в свои горы.

Что ж, мы и там времени даром не теряли: я раздувал мехи, Тигран чистил посуду, а карчканский мастер наносил полуду.

Прознал про нас князь курдов, знаменитый Муртла-бек, тот самый, что хотел с возмским Лато создать независимое курдско-армянское государство. Ханумы бека приходили по очереди, приносили свои дырявые котлы, самой разной величины и формы, и уходили с обновленной посудой, радостные и довольные. Одна из них, ханум по имени Чалхи, даже влюбилась в нашего мушца Тиграна.

— На следующий год снова приходите, — сказала Чалхи, прощаясь с нами.

— А как же, на то мы и мастера, непременно придем, ханум, — сказал Тигран, вздыхая.

Взяли мы каждый свой инструмент и двинулись дальше.

Не успели мы отойти немного, нас схватили.

— Куда идете? — был нам вопрос. — Кто такие?

— Не видите, мастеровые мы, лудильщики, — обиженно заговорил карчканец. — Я мастер, это мои подручные. Идем котлы лудить. Ханум старосты Генджо нас вызвала.

— Откуда идете?

— От Муртла-бека.

Бойкая речь карчканского мастера подействовала на султанских всадников. Решив, что мы не представляем опасности, они затрусили дальше на своих конях.

По дороге я думал про себя: дескать, вот и подручным лудильщика стал. И усмехнулся, глядя на мушца Тиграна с тяжелым медным котлом на спине. На что только не идет фидаи во имя высокой цели своей!

Ханум старосты Генджо приняла нас очень любезно. Мы провели в ее шатре целую неделю. Надо же, эта ханум тоже влюбилась, не в Тиграна, правда, а в мастера нашего, в карчканца. Пока все шло удачно. Вообще я понял, что любое ремесло может пригодиться в жизни, даже раздувание мехов.

В Ван мы не вошли. Город с его садами остался на западе, мы обошли его с восточной стороны. Карчканец довел нас через Айоц Дзор до самого Арчака и пошел обратно — потащил на себе весь лудильный инструмент:

и мехи, и полуду, и большой медный котел.

Большие хлопоты

Мы с мушцем Тиграном миновали село Алюр и двинулись к селу Пстик. Вдруг мой Тигран заметил гончарную мастерскую и говорит:

— Давай зайдем купим в дорогу бхбхик. И начал расхваливать ванских гончаров: дескать, их посуда самая лучшая в мире. Бхбхик — маленький кувшин:

когда пьешь из него, вода булькает — бхк! бхк! Пристал Тигран — купим да купим бхбхик. Я ему говорю: не станут они продавать, для этого на базар надо идти.

— Не твое дело, я кого хочешь уломаю, — заартачился мой товарищ.

Словом, не знаю, как и получилось, а согласился я, подумал, что глиняный кувшин для воды действительно очень бы кстати нам в пути пришелся.

Лучше бы мы не заходили в эту мастерскую. Гончарная напоминала нору крота с круглой крышей, внутри вдоль стен расставлена была всевозможная глиняная покуда — миски, карасы и кувшины. Были кувшины совершенно новенькие, только что обожженные, было множество с круглыми ушками-ручками. Все изготовлено из красноватой глины. И были ковши, дивно разукрашенные.

Сам гончар, коротконогий, тугой на ухо мужчина, почему-то вообразил, что нам нужна большая посудина для соления и приволок нам один из самых больших своих карасов.

Тигран подмигнул — видишь, мол, дела идут хорошо, тут не только маленький кувшин, но и громадный карас продадут тебе.

— В этой посуде соления бесподобные получаются, а уж каурма тем более. Вмещает одного теленка и два овечьих курдюка.

— Нам бхбхик нужен, дядюшка, — сказал мушец Тигран.

— Что, пожалуйста? — И старик, приложив руку к уху, подошел поближе.

— Говорю, бхбхик нужен нам. — Бхик? Вот вам бхик, самый большой хороший карас.

Тут Тигран как закричит:

— Да не бхик нам нужен, а бхбхик!

— Говорите по-человечески, не то ничего не разберу. Что вам нужно?

— Нам нужен кувшин.

— Кувшин для воды?

— Да, чтоб воду пить! — прокричал я ему в самое ухо.

— Ну так бы и сказали, люди божьи. Что ж вы с больших карасов начинаете? Вы, наверное, каурму и соленья уже съели, а теперь холодной водичкой запить хотите. Понял, — усмехнулся гончар и поволок карас на место, потом вернулся с маленьким кувшинчиком в руках. — Такой годится?

— Очень даже, — сказал я. — То, что нужно. Тиграну тоже кувшин понравился, удобный такой, как раз чтоб в дорогу с собой брать.

— Но только с одним условием возьмем, — сказал я.

— Что за условие? — удивился гончар, прищурил глаза и сердито подставил нам другое ухо. — Говорите громче.

— Я дуну в кувшин; который не лопнет, тот и возьму.

— Воля твоя, — сказал старик, — я за свой товар отвечаю. Работа васпураканца сама за себя говорит. Дуй.

— Ежели лопнет, не куплю, — предупредил я еще раз. — Убыток за твой счет.

— Согласен, — сказал мастеровой и смело протянул мне кувшин.

— А можно ли узнать твое имя? — сказал я. — Зовут меня Чуро Назар. А можно узнать, из каких вы краев?

— С мушской стороны.

— Так я и думал.

— Значит уговорились, дядюшка Назар? — прокричал я ему в ухо.

— Уговорились, — согласился старик.

Я повертел в руках кувшин. Бесподобной красоты был этот кувшин. Я поднес ко рту горлышко и дунул что было сил. Кувшин разлетелся. В руках осталась одна ручка.

Чуро Назар очень удивился и, чтобы сгладить неприятность, быстро принес второй кувшин, очевидно, лучше обожженный.

Я снова дунул, и снова кувшин разлетелся.

— А не мастеровой ли ты сам?

— Да, — сказал я, — именно так.

Чуро Назар принес третий кувшин. И от третьего одни черепки остались. То же самое и с четвертым произошло.

Видя, что кувшины его тают на глазах, Назар сердито показал нам на дверь. А мушец Тигран уперся: нет, мол, мы должны купить кувшинчик в дорогу.

— Уходите скорее! — крикнул ванский гончар, испугавшись, что односельчане узнают про случившееся и он потеряет всех покупателей. — Вы что же, пришли перебить все мои кувшины?

— А разве мы виноваты, что они у тебя плохого качества? — И Тигран взял в руки пятый кувшин и подал мне.

— Положи обратно мой кувшин! Веспураканский армянин первый в мире изготовил глиняную миску и таких вот дикарей, как вы, научил пить воду из миски, а не из шапки.

— Это кто же из шапки пьет воду?

— А все мушцы, сам своими глазами видел.

— Да когда мушцы делали посуду из глины, вы еще рыбу тарех варить не умели, — разгорячился Тигран. — Воины Ксенофонта впервые сладкое вино пили из мушских карасов. До сих пор, когда хотят купить хорошую посуду из глины, идут в Мушскую долину. Название такое слышал — село Авзут?

— Не слышал и слышать не хочу. Мой мир — Веспуракан и наше село Пстик.

— Что ж ты обижаешься? Мы же уговорились — который не лопнет, тот и возьмем. Разве мы не так что сделали? — сказал я. — Мы путники, а путникам в пути нужна надежная крепкая посуда.

— Нет у меня для вас никакой посуды, убирайтесь, пока живы! — снова разозлился Чуро Назар и, подняв кувшин, собирался запустить им в нас.

Оказывается, в село уже дошла весть — дескать, пришли два незнакомца пахлевана* из Муша. Пришли и бьют кувшины ихнего гончара.

---

* Пахлеван — борец.

— Тигран, — сказал я, — пожалуй, пора уносить ноги, а не то из-за этого дурацкого бхбхика застрянем тут.

Мы вышли из гончарной и быстрым шагом пошли прочь. А гончар, стоя в дверях, посылал нам вслед проклятия.

— На дикарей этих поглядите! Вместо того чтобы на мозги налегать, они на легкие свои налегают. Жалко, что ваши варварские уста коснулись нашей благословенной урартской глины.

Мушец Тигран не выдержал, повернулся и сделал движение к гончару. Чуро Назар, увидев это, в страхе кинулся в мастерскую и закрылся изнутри. Но еще долгое время доносились до нас его вопли и проклятия.

И вдруг я вижу — нас преследуют.

— Осел забрел в просо, — сказал я и, увлекая за собой мушца Тиграна, побежал от преследователей.

Искатель клада

Перед Беркри есть большое ущелье. Мы давно уж прошли его и теперь шли по усеянному цветами полю, держа направление на север. В поле, на равном расстоянии друг от друга, раскидано было несколько холмов, длинные тени от них падали на нашу дорогу. В конце поля виднелся холм побольше. На его макушке торчали гребешком четыре утеса.

Геворг Чауш предупредил меня: ежели, мол, весной в открытом поле мне попадется человек и поинтересуется, что я, дескать, делаю в этих краях, — я, рассеянно оглядываясь по сторонам, должен ответить: «Ищу цветок брабиона». Спрашивающий решит, что я сумасшедший, и оставит меня в покое.

О цветке брабиона я слышал в детстве. Блаженной памяти моя бабушка рассказывала, что в девичестве, будучи в доме Рыжего попа, она видела в селе Куртер очень старое евангелие, в котором было написано:

«В горах Бингёла есть вершина, сделав столько-то шагов от этой вершины, три дня постящийся и молящийся, прошедший весь путь босиком, найдет цветок брабиона, приносящий счастье. Человек, если потрет этим цветком глаза свои — услышит прекрасные голоса, если коснется им ног своих — станет самым быстрым и неутомимым путником, а вдохнув его аромат — все наслаждения земные получит».

Кто не мечтал найти этот цветок! Мальчишками сколько раз собирались мы отправиться на Бингёл, чтобы найти волшебный этот цветок. А сколько, народу до нас пыталось найти его и обрести бессмертие! Бабушка рассказывала, что два престарелых мушца, опираясь на палки, потащились к Бингёлу, да так и не вернулись, и никто не знал, что с ними случилось.

Где только не искали этот цветок — и на склонах Цирнкатара, и среди скал Свекольного Носа! Неделями искали, месяцами, годами и не находили. Отправившийся на поиски чудесного цветка считался безумцем, потому что цветок этот невозможно найти. Его попросту нет на свете.

Мушец Тигран отстал немного — он непременно хотел узнать, кто это нас преследует. Дойдя до первой скалы, я остановился в тени и стал ждать. Какой-то мужчина с палкой и киркой в руках, нагнувшись, что-то измерял на земле. Увидев меня, он закричал не своим голосом:

— Отойди, не мешай, не тронь тень, не смей...

— Какую еще тень?

— Тень от этой скалы, она нужна мне! «Сумасшедший», — подумал я.

— Отойди же! Не видишь разве? Тень от первой скалы упала на вторую, от второй на третью, а от третьей тень падает по-другому. — Сказав это, он побежал и воткнул железный прут возле самых моих ног. От прута упала тень. Отмерив восемь шагов от конца этой тени человек быстро переместил прут. Потом лег плашмя на землю и смотрит на скалы. Встал, посмотрел на прут, снова лег и снова встал. Я понял — он хотел выстроить все тени в одну линию. Он явно что-то искал. Меня разобрало любопытство, и я уже нарочно шагнул к железному пруту.

— Говорят тебе, убирайся! — сердито закричал мужчина и бросился на меня с кулаками. Но я успел отбежать.

Станным и подозрительным показался мне этот тип со своим прутот и киркой. Что за ужимки, что за поведение такое непонятное! Мне показалось, он разыгрывает нас, а на самом деле просто следит, шпионит за нами.

— Что ищешь, парень? — спросил он у меня сердито.

— Цветок брабиона, — ответил я. — Три дня пост держу.

— На что он тебе, этот цветок?

— Счастье свое ишу.

— Несчастный, уж не мушеч ли ты?

— Мушеч, — кивнул я.

В это время показался Тигран с переметной сумой — хурджином — и трехами через плечо.

— И товарищ твой мушеч?

— Ну да, что ж тут такого... — сказал Тигран, приближаясь.

— Оба вы сумасшедшие. Поститься, молиться, из Муша до самого Беркри дойти и искать цветок брабиона на васпураканской земле. Ступайте в Бингёл, там он растёт. — И, помолчав, добавил: — Если б его так легко было найти, стал бы я разве мерить здесь тени?

— А ты что ищешь? — спросил его мушеч Тигран.

— Клад.

— Клад?

— Вот именно! Клад! — заорал удивительный этот человек, вытаращив глаза.

— Ты ванский, наверное?

— Ванский, да! А также из села Алюр! Ванец клад ищет, а мушец — несуществующий цветок. Заболтался я с вами, тени-то мои убежали, — сказал он, быстро переместил железный прут и давай снова что-то про себя высчитывать-соображать.

В одной из скал было круглое отверстие. Он смотрел, смотрел на это отверстие, потом вскрикнул и побежал. Остановился, обернулся, снова стал что-то считать-прикидывать. Вернулся, передвинул вправо прут, отсчитал семь шагов от тени и, встав на карачки, стал быстро копать землю. Копают и не обращают на нас никакого внимания. Он копает, а перед ним гора земли растет. Я слышал, что алюрцы народ жизнерадостный, с пытливым гибким умом, и что в погребках их всегда вдоволь отменного домашнего вина. Что один из апостолов, дойдя до этих краев и отведав здешнего вина, воскликнул: «Куда еще нам идти, братья? Разве найдешь лучше место?» По-армянски это звучит так: «Айл ур ертанк...» и т. д. По двум начальным словам называли это село — Айлур. Со временем название стали произносить иначе: «Алур», или «Алюр». Жители этого села, говорят, очень расчетливы. Они начитанны, практичны и заняты тем, что выискивают в древних книгах разные полезные советы и следуют им.

Наш кладоискатель был, видно, из этой породы.

Мушец Тигран подошел к нему и сказал, вспомнив недавнюю историю с гончаром:

— Братец наш из Вана, ты, наверное, хочешь найти для нас кувшин?

Тот испуганно посмотрел на нас, решив, что мы вознамерились отобрать у него клад. Лег всем телом на яму и закричал:

— Ваше место в Бингёле, слышите? В Бингёл идите!

— Но чтоб дойти до Бингёла, нам нужен кувшин для воды — бхбхик.

— Здесь нет кувшина, здесь клад зарыт! Клад, слышите?! Вся земля васпураканская — клад! Господи, сколько лет прожил на земле — одного умного мушца не встретил! Сказал и, не меняя положения, продолжал рыть под собой землю. Руками. Вдруг лицо его просияло. Очевидно, рука его коснулась в земле того самого клада. Он вздрогнул всем телом, но, метнув на нас испуганный взгляд, только крепче прижался к земле.

— Ваше место в Бингёле, в Бингёле вода бессмертная, а также хороша для пищеварения! Даже слишком хороша! Горе тем богачам, которые пьют воду Бингёла! — воскликнул ванец-кладоискатель и неожиданно расхохотался, дико вращая глазами.

Вначале мы думали, что этот подозрительный человек преследует нас, но, глядя на его ужимки и странные движения, мы поняли, что это дьявол, одетый в мужскую одежду. Мушец Тигран предложил воткнуть ему в тело иглу, чтобы он нас не сглазил. Но у нас с собой не было ни одной иголки, да и времени, чтобы заниматься всякими там сатанинскими делами, тоже не было.

И мы решили смыться отсюда подобру-поздорову. Это был единственный выход освободиться от васпураканца. Один бог ведает, о чем он думал и что замышлял, возлежа на своей яме. Мы потихонечку надели наши трехи и были таковы.

В мастерской шорника

О Городе-крепости я был много наслышан. Это название связывалось у меня с Арабо. Улицы здесь были покрыты булыжником.

Город-крепость был построен на плоскогорье и окружен естественными укреплениями. Над ним возвышалась огромная крепость. Путники, побывавшие в Городе-крепости, рассказывали, что по ночам на макушке крепости черти варят смолу в больших карасах.

Дома в городе были сплошь из черного камня, крыши железные, окрашенные в красный и зеленый цвета. Через весь город протекала река Синам. Два моста через эту реку имели даже названия — Каменный мост и Чугунный мост. Последний вел к Сарыкамышу.

Мы прошли Каменный мост и двинулись к улице Лорис-Меликова. Здесь, на дороге, ведущей к крепости, стоял памятник русскому солдату. Двуглавый орел сердито клевал зеленое полотно с красным полумесяцем под ногами бронзового солдата.

Возле памятника нас встретил мужчина с Георгиевским крестом на груди. Звали его странным именем — Сраб. Сраб был родом из села Вардаблур, что в Лори. В 1877 году он участвовал в знаменитом сражении на Алачских высотах и вместе с победоносным войском Лорис-Меликова вошел в Город-крепость. У Сраба были черные брови и необыкновенно синие глаза. После войны он остался жить в Городе-крепости и был занят тем, что поставлял оружие гайдуцким отрядам.

— Мне было восемнадцать лет, когда Лорис-Меликов погнал пашу Мухтара. Гром наших пушек доходил до Дорийских гор, — сказал лориец Сраб и повел нас через городской сад в маленькую мастерскую. На вывеске у входа были нарисованы деревянное седло и голова лошади:

седло красного цвета, голова лошади — черная.

В мастерской Сраб познакомил нас с двумя мужчинами.

— Из страны пришли, — сказал им Сраб шепотом и быстро вышел из мастерской. Страной здесь называли наш край.

Один из армян был эрзрумец, другой — игдирец. Имя эрзрумца было Аршак, но звали его все Дядя. Нацепив передник мастерового, он чинил старое седло. Он был чуть выше среднего роста, усы тронуты сединой, глаза светлые, молчаливый; работал, склонив голову и что-то бормоча под нос. Стол его был завален деревянными и железными стременами, подковами, гвоздями, чересседельниками, а за спиной висели вожжи, кнут, уздечка, а также три чучела — лошади и двух ослов.

Игдирца звали Дро*. Это был молодой человек среднего роста, смуглолицый, с небольшими усиками и бородкой. Он беспрестанно курил и разгоряченно спорил с молодым александропольским офицером, одетым во френч, у которого из-под офицерской шапки выбивались черные шелковистые волосы. Речь шла, насколько я понял, об освобождении Западной и Восточной Армении. Два-три раза до моего слуха дошли имена Андраника и Геворга Чауша.

---

* Дро — армянское название Дрозда.

* Дро — главарь дашнаков, ратовавших за «независимую Армению».

Дро был офицером русской армии. В споре он явно держал верх — александрополец постепенно сдавал позиции.

Аршак работал молча, не обращая внимания на спорящих. Время от времени его изрытое оспой лицо освещала мягкая улыбка. Он напоминал человека, чей конь нетерпеливо топчется у порога, а сам он спешит привести в порядок сбрую, чтобы без промедления пуститься в путь, но куда? Может быть, в Карин, а может, к Сасуну?

— Поскольку ты согласен со мной в идейном отношении, давай выпьем за будущее — за освобождение, — сказал Дро молодому офицеру. — И Аршак пусть выпьет с нами.

— Будущее трудовой Армении куется в Сасунских горах, поэтому я предлагаю выпить прежде всего за Геворга Чауша и его фидаи, из которых двое находятся сейчас с нами, — заметил Аршак и, отложив седло, вместе с нами подошел к офицерам.

— Выпьем! — воскликнул офицер-александрополец, поднявшись.

Наполнили стаканы.

— За Андраника и Геворга Чауша! — прогремел игдирец. — Вот уж про кого сказано — горячая голова! Выпьем за наших гайдуков!

— Уж горячей, чем у тебя, не найдешь головы, — заметил Аршак. — Прежде чем пить за гайдуков, научился бы ценить их по достоинству.

— А сам я не гайдук разве? И кто он, наконец, этот шапиндарахисарец? — разгорячился Дро. — При помощи Геворга Чауша и нескольких сасунцев убил Халила в лесу и думает, что спас родину. Да я, если хотите знать, в двадцать лет отправил в преисподнюю царского губернатора. Взрыв — и княжеская карета с Нагашидзе взлетает в воздух среди бела дня! И не в каком-нибудь глухом лесу, а в самом центре Тифлиса. Теперь скажите, кто настоящий гайдук — я, Геворг Чауш или же Андраник?

— Результат недурной, но это не самый верный способ борьбы, — заметил молодой александрополец.

— Ваш Андраник тоже этот путь избрал.

— Неправда, — возразил Дядя. — Его битва при монастыре — это уже организованная борьба. Тридцать гайдуков стояли против трехтысячного войска.

Тут игдирец снова распалился и заговорил о чем-то по-русски с молодым офицером. Дядя остался недоволен таким поворотом дела и, поставив стакан на стол, вернулся к своему седлу.

Миссия, с которой шли мы в Город-крепость и за результат которой отвечал я собственной головой, заставляла меня быть рассудительным, а мушкетер Тигран, который заметно нервничал, не смог себя сдержать и потянулся к револьверу, спрятанному под абой. Особенно оскорбило его то,

что они в нашем присутствии заговорили на непонятном языке. Тигран решил, что они продолжают уже по-русски ругать Геворга Чауша и Андраника. Игдирец заметил неосторожное движение Тиграна и сам тут же выхватил свой маузер.

Бог знает, чем бы все кончилось, не появившись в эту минуту лориец Сраб и с ним пятеро армян, офицеров царской армии. Как и полагается, сабли у них висели до самой земли. Следом за ними вошли несколько молодых офицеров, говоривших между собой по-русски. Все они были в кокетливо сдвинутых набекрень форменных шапках с белым кантом. Я запомнил одного из них, Самарцева из Ростова-на-Дону, и на всю жизнь врезались в память имена трех других офицеров — Томасбеков, Силиков, Бек-Пирумов.

При виде их Дро опустил свой маузер, мушец Тигран — свой револьвер, я — стул, а Дядя — седло.

Узнав, что мы из самого Муша, русские военачальники и молодые офицеры принялись нас обнимать, и все мы стоя выпили за освобождение Армении.

О, какой это был радостный день, какие прекрасные минуты! Глядя на этих офицеров, я понял, что и в русской Армении есть героическое поколение и что у всех нас одна забота — наша Армения.

В крепости выстрелила пушка. Дро и лориец Сраб достали большие карманные часы, стали переводить стрелки. И шорник Аршак занялся тем же, и все офицеры. Нам объяснили, что три раза на дню в Карсе на цитадели стреляет пушка и жители города сверяют по ней часы.

Лориец Сраб отвел меня и мушца Тиграна в какой-то дом в ущелье, рядом с каменной грядой Слан. Там мы и заночевали.

Наутро Сраб сказал:

— Пойдем через ущелье, нам надо попасть в Александрополь.

В тот же день мы покинули Город-крепость.

Обет, данный на склоне горы

Александрополь возведен на равнине, против горы Арагац. Семь церквей в нем. Семь церквей и один знаменитый базар. Местные жители называют свой город Гюмри.

В первый же день нашего пребывания в Гюмри с нами случилась беда — похлеще, чем история в гончарной мастерской.

На северо-западе Александрополя находится большая крепость, за ней — ущелье, называющееся Черкес. Лориец Сраб вместе с одним александропольцем, по имени Подвальный Ваго, пошли к этой крепости за пулями для нас, а мы с мушцем Тиграном решили пройтись, посмотреть город.

Так же, как и в Городе-крепости, здесь было множество армян-военных, и у всех сабли свисали до пят и поражали нас своим блеском. Глядя на них, мушец Тигран вдруг возьми да и вытащи свой маузер — привязал к поясу и загордился, возомнил, что он уже в свободной Армении. Сначала мы

пришли в городской сад, где гуляло множество народу. Почему-то все вытаращились на нас, в особенности на Тиграна уставились, на деревянную рукоять его маузера поверх черной лохматой абы.

Куда-то мы зашли перекусить, — кажется, это было на Александровской улице, возле «Семи ран». Потом снова пошли бродить по городу. Прошли мимо церкви Спасителя, спустились в квартал Кузнецов и вернулись назад. Это был уже второй настоящий, благоустроенный город после Карса. Опустился вечер. Всюду зажглись фонари — на столбах, на фасадах домов, в витринах магазинов. В нашем краю такого не было. В особенности поразили нас цветные огни в витринах. Мы остановились возле одной из них. За стеклом были разложены громадные куски сахара. И сахара в стране султана не было.

В это время подходит к нам какой-то гюмриец и говорит, дотронувшись до Тигранова маузера: «А то, чем стреляют, внутри?» Тигран быстро оборачивается и, выхватив маузер, палит в воздух, потом спокойно дует на ствол и продолжает как ни в чем не бывало рассматривать витрину.

— Вай-вай-вай! — кричит пьяный гюмриец, растянувшись на тротуаре от страха.

— Ну что, ослиная башка, понравилось? — говорит другой гюмриец, который, оказывается, стоял неподалеку и все видел.

Нас могли арестовать за стрельбу, но тут, к счастью, подоспели лориец Сраб и Подвальный Ваго — они затолкали нас в фазтон и увезли к казармам под названием «Казачий пост».

Возле казарм находились бахчи. Здесь нас поджидал молодой гюмриец по имени Мастер Григор. Рядом стояли три навьюченных осла. Не знаю, что сказал извозчик Григору, но только тот ответил, ухмыляясь: «Будь спокоен, парень, чертей я подковал, теперь чертенят ищут».

Я и сам был горячий мушец и не мог так уж винить Тиграна за этот выстрел. И все же гайдук должен быть осорожен. Особенно в чужом городе. Да, случился непорядок, надо было уносить ноги.

Пустив вперед ослов, мы двинулись в путь. Вдруг совсем близко от нас послышался глухой шум, следом раздалось сильное шипенье, и наши осла пропали в клубах белого пара.

— Пар это. В нашей стране все двигатели на пару работают, — объяснил нам Подвальный Ваго, глядя на поезд, проходивший совсем рядом.

— Да что ты говоришь, парень! Ежели б так, дзитохценские бани давно бы до Америки дошли, — сказал Мастер Григор, выволакивая осла на дорогу.

Подвальный Ваго и Мастер Григор ушли огородами, а мы трое — я, мушец Тигран и лориец Сраб — погнали осла к Кохбу. Кохб славился своей солью. Мы добавили к нашей поклаже несколько мешков с солью и двинулись через Игдир к Оргову.

На склоне Масиса показался родник Сурб Акопа. Как только Тигран узнал, что мы у подножья Масиса, снова в нем заговорил сумасброд мушец. Пристал — давайте, мол, поднимемся на вершину Масиса. Неизвестно, говорит, придется ли нам еще когда-нибудь побывать в этих краях, а тут до вершины священной горы, можно сказать, рукой подать. И Тигран стал уговаривать лорийца Сраба постеречь осла, пока мы с ним поднимемся на вершину.

Стояла осень, для восхождения самая удобная пора. И, честно говоря, предложение мушца Тиграна пришлось мне по душе, хотя, конечно же, думать о восхождении на Масис в нашем положении было полнейшим безумием. Ведь главное для нас было благополучно доставить ящики с патронами Геворгу Чаушу.

— Послушай, Тигран, — сказал я, — давай-ка мы от этого дела откажемся, не нужно нам сейчас на Масис идти, бог с ним.

Наш провожатый добавил, что Масис вовсе не та гора, чтобы спокойно привязать осла, подняться на вершину и тут же спуститься. На вершине бушуют ветры, даже летом там сильнейшие бури. И он стал вспоминать о многих местных и чужеземных путниках, которые, вздумав подняться на вершину, пропали без вести, дойдя до границы вечных снегов.

С большим трудом нам с лорийцем Срабом удалось отговорить Тиграна от опасного восхождения. Мы дали ему слово, что, когда настанет свобода, мы все трое, если будем живы, пойдем устанавливать знамя свободы на этой вершине.

— Даже если из нас останется в живых только один, он должен выполнить этот обет, — не унимался Тигран.

— Давайте руки! — воскликнул лориец Сраб и первый протянул свою.

И мы трое, соединив руки, молча опустились на колени перед нашей великой горой.

Мы пришли к тому месту, откуда явственно виднелась та извилистая тропа, по которой шли мы из села Алюр в Город-крепость, в Карс то есть. Опасно было возвращаться той же дорогой. Сраб посоветовал нам пройти возле Хой-Салмаста. Он проводил нас до склонов Малого Масиса, до самого города Маку.

Город Маку сидел на дне глубокого ущелья. По обе стороны городка возвышались громадные скалы, пытаясь сомкнуться где-то в небесах.

— Смотрите, человека со скалы сбросили, — показал лориец Сраб. В самом деле, вдали катился по склону человек. — Наверное, фидай, а может, преступник. В этой стране так наказывают преступников. По приказу сардара узника выводят на вершину скалы, связывают руки и ноги и сталкивают в пропасть. А вон тот красивый шатер, видите, на самой вершине горы, — это летняя резиденция сардара.

— Ну уж нас-то непременно спустили бы с этой скалы, будь мы здешними жителями, — заметил мушец Тигран.

— И в первую очередь тебя. Как раз твое место эта пропасть, — сказал я. — В городе Гюмри стреляешь средь бела дня; забыв про дело, рвешься на Масис.

Невольно все трое мы оглянулись.

И увидели Масис... Покуда есть Масис, мечта армянина жива!

Мы в последний раз перекусили вместе с лорийцем Срабом. Он проверил напоследок нашу поклажу и отправился обратно в Карс. На прощанье он сказал нам:

— Давайте валите с тахты султана, оружием мы вас обеспечим. А надо будет — и сами на подмогу придем.

Послышался отдаленный гром. Это выстрелила в Карсе пушка. Жители Города-крепости сверили, наверное, свои часы.

Мы пошли по дороге, ведущей к церкви Тадэ.

Кто пел в лунную ночь

Если вы подойдете к городу Маку со стороны Малого Масиса, то неподалеку от него, на горном склоне, увидите одинокий храм с двумя куполами.

Это церковь Цорцора, или, иначе, храм Тадэ.

Он действительно стоит один-одинешенек, этот храм, на живописном склоне, где, согласно преданию, погиб апостол Фадей, по нашему — Тадэос.

Возле церкви притулилась старая часовенка, а на южной стене храма высечены солнечные часы.

Мы были еще на горе, когда послышался вечерний звон колоколов в храме. Мушец Тигран сдернул с головы шапку и перекрестился. Потом из ущелья донесся лай собак, заглушив мягкий колокольный звон.

В церкви мы увидели старуху управительницу, мельника, пастуха и молодого архимандрита с тяжелыми набрякшими веками.

Мы вошли в храм, когда архимандрит Гинд, взглянув на солнечные часы, в последний раз ударил в колокол.

Мы с Тиграном выстояли службу перед алтарем. Потом архимандрит быстренько подмел веником в храме и, заперев железную дверцу на замок, повел нас в свою келью.

Мы поставили ослов в хлев, а сами переночевали у архимандрита. Наутро мы переоделись курдами и, выбрив волосы на голове на манер абаханских курдов, покрыли головы войлочными колозами.

Гинд только словечко сказал — и сразу же объявился абаханец-проводжатый.

— Идите с миром, — благословил нас молодой священник, и мы, оставив ослов в Цорцоре и взвалив на себя весь груз, снова двинулись в путь.

Мы прошли просторный церковный двор, где было несколько замшелых могил, и, поправив на голове непривычные колозы, спустились в Аварайрскую долину. Справа на пригорке мы заметили совсем старенькую крохотную часовенку, вокруг — море красных цветов. Абаханец сказал, что это могила Вардана Мамиконяна и что цветы эти растут только здесь, в Аварайрской долине, называются они «цветы Вардана», и каждый путник, проходя мимо, берет на память один цветок.

Мы зажгли по свечке перед часовенкой и, взяв на память по цветку, в последний раз обернулись и посмотрели на солнечные часы храма Тадэ.

И вдруг дорога раздвоилась — одна в сторону Персии повела, другая свернула на запад. Абаханец избрал вторую; он поднял в воздух палку и воскликнул:

— Вот наша дорога, идемте!

Это была очень старая дорога. Тысячи людей мечтали пройти по ней. В свое время здесь прошел Родник Сероб со своим солдатом Андраником. Дорога эта видела Арабо, Грайра-Ада, Дядю, Севкарского Саака. Мы шли в Тарон, в легендарную страну Сасунского края, которую называли Гедан Гялмаз, то есть страна, из которой вряд ли сможешь вернуться. Но мы-то сами были из тех счастливых, что родились в этой стране, — мы возвращались туда с тем, чтобы никогда больше не покидать ее. Так мы думали.

Пройдя совсем небольшой отрезок пути, наш провожатый вдруг свернул с большака и повел нас через скалы. Перелезая со скалы на скалу, мы добрались до какой-то заснеженной вершины. Это был пик на границе между Персией и Турцией.

Храм Тадэ остался в ущелье. Долго еще виднелась одинокая часовенка, утопающая в море цветов. Наши свечи там, наверное, уже погасли.

День мы провели среди снегов возле ручейка, а к вечеру начали спуск.

Ночь выдалась лунная. Только мы ступили в Абаханскую долину, вдруг издали донеслась знакомая песня: кто-то пел песню Хатавинской битвы. Отряд фидаи из бывших солдат Родника Сероба под предводительством Ловкого Акона ранним утром 1896 года направлялся в Хлат. На горе Хатавин отряд вступил в сражение с султанским войском. Фидаи, заняв склоны Хатавина, держали под огнем гамидовских конников. Битва продолжалась от рассвета до заката. Враг понес большие потери, а отряд Ловкого Акопа, и без того маленький, совсем поредел. Двое из гайдуков — Аракел и Мушег — спрятались в последнюю минуту на мельнице.

Об этой битве курды сложили песню. Пели ее обычно лунной ночью. Но кто пел сейчас? Кто был этот ночной певец? Кто околдовал Абаханскую долину сладкозвучной своей песней? Умолк ветер, умолкли шаги, не спала только луна на небосклоне да голос, летящий над полем.

И чем ближе подходили мы, тем знакомей и роднее делался голос певца. И вдруг мушец Тигран воскликнул радостно: «Да никак это наш Мисак поет!»

И точно, это был он, Аладин Мисак. Надев на голову курдский колоз, он громко, в голос, распевал по-курдски, сидя на скале.

Геворг Чауш, уверенный, что мы вернемся этой дорогой, выслал нам навстречу своего певца, чтобы тот оградил нас от всяких неожиданностей и благополучно провел через опасное место.

Лунной ночью звучала песня Мисака в Абаханской долине, и мы в курдской одежде, под сенью героической песни несли боеприпасы своим товарищам.

Две ночи подряд Аладин Мисак, дожидаясь нас, распевал в поле эту песню. Он повел нас по Абаханской долине, и наш маленький караван благополучно пересек ее под его непрерывное

пенье. Последняя песня была тоже курдская — «Думан». Кто такой Думан? О чем пелось в этой песне?

Гайдук Никол был родом из карабахского селения Хачен. За год до Хатавинской битвы Никол с отрядом, направляясь в Ван, укрылся от преследователей в каком-то сарае, прямо на границе с Персией. Гамидовские всадники обложили сарай соломой и подожгли. Но Никол выскочил из пламени и, отстреливаясь, под градом пуль добежал до вершины ближайшей горы. Курды были ошеломлены, видя, как, прорвавшись сквозь туман и клубы дыма, гайдук исчез на горе. Вскоре стало известно, что он убил по дороге двух беков. Курды, потрясенные увиденным, окрестили этого героя Думаном и сложили о нем песню.

Вот как закончил Аладин Мисак свою песню: «Этим утром, рано-рано, самый большой фидаи по имени Думан, а на деле Божий Огонь, решил расправиться с нами».

Но сгинул, рассеялся хаченский Думан. Луна, что всю ночь вместе с нами слушала песню Аладина Мисака, соскользнув с абаханского небосклона, ушла за каменный мост Банти-Маху.

На рассвете на нас напали. Наш провожатый был убит.

Бедный абаханец, он не вернется больше в свой монастырь. Ушел на несколько дней и не вернется никогда.

Он даже ношу свою не успел опустить на землю. Рожденный курдом, он верой и правдой служил армянской церкви Цорцора и архимандриту Гинду.

Мы похоронили его возле каменного моста Банти-Маху, что означает «В тюрьме смерть», под высокой скалой, которая, как страж, возвышается над широкой Абаханской долиной.

Аладин Мисак взял ношу абаханца, и мы, пройдя ущелье Беркри, направились к Сипан-горе.

От царства змей до Бингёла

Аладин Мисак сказал, что где-то поблизости мы должны встретиться с опытным провожатым из Хнуса. Действительно, вскоре мы увидели этого человека. Он встретил нас возле тех самых скал, где с таким усердием искал клад давешний ванец.

Рыжий Давид был старым проводником. Одевшись курдом, он беспрепятственно проникал в самые отдаленные уголки страны и несколько раз добирался даже до Кавказа.

Давид совершал эти переходы только ночью. Был он бесстрашен, быстр и зорок. Его глаза были приспособлены к ночной тьме; казалось даже, он, как волк, в темноте лучше видит. Он знал в этой стране каждый камушек. Когда он кого-нибудь сопровождал, всегда шел впереди и почти никогда не разговаривал во время перехода. Он мог по лаю собак, по журчанию ручья, по плеску родника, по шуму листьев безошибочно определить, где, возле какого села находится.

Мы дошли до склона горы Сипан. Здесь я встретил когда-то красивую Мави, я тогда любил бродить по горам.

Рыжий Давид повел нас через Манаскертские горы к склонам Дзернака. Только дважды мы останавливались в пути. Раз — когда он засомневался, правильно ли идет, потому что темень стояла непроглядная. В нескольких шагах от этого места у него была спрятана подкова от русской лошади; он проверил, подкова была на месте, — значит, мы шли правильно. И второй раз он остановился — пошарил под каким-то камнем и вытащил пару трехов. Они были поновее тех, что были у него на ногах. Он переобулся, а старые сунул под камень, и мы пошли дальше.

А возле какого-то хачкара он остановился и прочел:

«Я говорил — это я,

Тот, кто сказал — это я,

Стал таким, как я».

— О чем говорит эта надгробная надпись? Если под этим камнем лежит мужчина, то почему у него есть могила? Нет, мы не хотим быть, как ты! — вдруг с пафосом воскликнул мушец Тигран. — Мы из тех, у кого не бывает могилы!

— Приближаемся к деревьям Каина и к роднику Авеля, — объявил Рыжий Давид, взмахнув посохом. Ночью мы подошли к селу Хачмелик.

— Налево от нас камень Жажан, — предупредил наш проводник, показывая налево.

Мы напрягли зрение: из тумана на нас глядела большая черная человекоподобная скала, водруженная на узенький холмик земли.

— Это то место, где убили Аджи Хайдара.

— Теперь приближаемся к царству змей, — предупредил проводник, вытаскивая из мешка молитвенник.

В окрестностях села Харамик виднелись большие каменные гряды. Как только взошло солнце, на этих грядах показались черные змеи — тьма-тьмущая. Рыжий Давид сказал, что они не жалят. На рассвете они выползают на свет божий, а к вечеру скрываются. И все же это были змеи, и они преграждали нам дорогу. Они лежали, свернувшись клубками, на камнях или же, подняв головы, смотрели на нас. К вечеру они, действительно, все разом пропали, и мы могли беспрепятственно идти дальше.

Пройдя царство змей, мы очутились в Харамике. Наш гайдук Бриндар был из этого села. Мы зашли в его дом, переоделись в свою одежду и, пройдя села Арос и Хачалуйс, стали спускаться в Мушскую долину. По дороге нам встретились всадники из войска султана. Рыжего Давида, который шел впереди, поймали, а мы успели спрятаться в высокой траве.

Мы слышали, как допрашивали Рыжего Давида:

— Кто вы такие? Почему твои товарищи убежали? Куда вы шли?

— Шли в Город-крепость, серпы хотели купить, — сказал Давид.

— Почему же ночью?

— Четников боялись, потому и ночью шли. Когда всадники удалились, Рыжий посвистел нам и повел нас другой дорогой к Черному мосту.

Он первым вошел в село, чтобы договориться о ночлеге. Его долгое время не было. Мы увидели неподалеку покинутый сарай. Не дождавшись Рыжего Давида, мы зашли в этот сарай. Тигран и Аладин Мисак завалились спать, а я остался сторожить. Солнце уже было совсем высоко, когда пришла какая-то женщина с корзиной за спиной. Она стала ключом отпирать дверь сарая. Увидев нас, испугалась и хотела убежать. Но я схватил ее за руку и говорю: «Не бойся, матушка, мы армяне. Путники мы, давно уже в пути, притомились. Принеси нам, матушка, кусок хлеба да разузнай, нет ли поблизости гамидовских всадников — султанских, то есть воинов».

Женщина положила в корзину соломы и вышла. Совсем немного времени прошло — смотрим, идет обратно и опять с корзиной за спиной, а в корзине — капуста, кувшин с мацуном и хлеб, и все это прикрыто капустными листьями.

— Не можешь ли ты принести нам еще воды, забыл попросить сразу, — сказал я.

Честная была женщина, и имя под стать — Азнив*. Молча вышла из сарая и через несколько минут вернулась с кувшином воды. Сказала, что в селе двадцать пять вооруженных всадников, кого-то ищут вроде. Наполнила снова корзину соломой и вышла. Перед уходом сказала:

«Сынки, еду я вам принесла тайком от всех, даже дома не сказала о вас».

---

* Азнив — честный, порядочный.

Непривычно молчалив был Аладин Мисак. Ни слова не проронил. Мушец Тигран — тот, наоборот, был страшно возбужден, беспокоился, отчего это не идет Рыжий Давид.

Вдруг слышались какие-то голоса. Я высунул голову, чтобы посмотреть, не случилось ли чего с Давидом, и тут с меня слетела шапка. А я и забыл уже, что голова у меня спереди выбрита. Нагнулся, поднял шапку и вижу:

идут курды — горцы, наверное, — кричат, толкуются и, приняв меня за своего, машут мне руками — иди, дескать, к нам. Двое из них направились к нашему сараю. Но я не растерялся, быстро прикрыл за собой дверь и сам поспешил им навстречу. Нельзя было, чтобы они прознали про наш тайник. Из их разговора я понял, что они направляются в Бингёл.

— В Бингёл идете? — спросил я по-курдски.

— В Бингёл, в Бингёл, — хором ответили мне.

— И я с вами, — сказал я.

Это была единственная возможность отвести их от сарая, а по пути, подумал я, что-нибудь сообразим. Но так получилось, что я не сумел от них оторваться и дошел с ними до самого Бингёла. На восточной стороне этой горы расположены летние дома армян, а на западной живут курды. Выяснилось, что мои курды идут в Бингёл, чтобы принести льда своим хозяевам.

И вышло, что я тоже иду с ними за льдом. Продажей снега и льда занимались обычно жители села Мжнкерт. Летом, в самую жару, они шли за снегом и льдом в окрестности Бингёла и торговали льдом на базаре Хнуса.

Из царства черных змей да в бингёльские благословенные горы. А ведь было время — я мечтал попасть в Бингёл и найти цветок брабиона. Найти его и обрести счастье. Я вспомнил ванца-кладоискателя: «Идите в Бингёл, в Бингёл идите, в Бингёл».

И вот я в Бингёле. Где та вершина, от которой если пройти столько-то шагов, да в такую-то сторону, да при этом поститься, непременно найдешь бессмертный цветок.

Курды все разбрелись, время от времени они перекликались, и то тут, то там возникал их красочный наряд. Вскоре я потерял всех из виду.

В Бингёле тысяча родников, и все они похожи один на другой; здесь легко заблудиться: ты можешь отойти от одного родника и через пять минут вернуться к нему же, полагая, что нашел новый родник. Но что мне родники, мне был нужен бессмертный цветок. Только как его найти?

В Мушской долине говаривали: «Гранат из ущелья Салпа хорош, а в Бингёле — вода». Гранаты из Сална я никогда не ел, но воду Бингёла попробовал. Я испил воды из семи разных родников, из каждого по глотку, а возле последнего лег и проспал до утра. Когда я проснулся, моей арахчи не было, взамен ее обнаружил возле себя курдский колоз. Кто это сделал, кто подложил его мне, я так и не узнал. Что ж, сказал я себе, кто-то позаботился обо мне, с колозом на голове мне легче будет вернуться к Черному мосту.

Повертел я в руках подарок — колоз, напялил его себе на голову и огляделся.

На вершине горы был снег. Я дошел до снежной черты и остановился. Глазам моим открылся весь Бингёл. Благословенная, с сочной луговой травой, сказочная страна. Под ногами моими — снег и птицы, над головой — синее небо и райские птицы.

«Ну, раз колоз мне дали, наверное, и осел где-нибудь меня дожидается — лед с горы свезти». Только я это подумал, смотрю — маленький караван медленно спускается по склону горы. Один из верблюдов опустился на колени и ни за что не хотел встать. «Пожалуй, с этим караваном я и спущусь с Бингёла».

Я быстренько отломил большой кусок льда с фиалкой на краю и побежал к каравану. Я положил лед на упрямого верблюда, погладил его горб, и вдруг он вытянул шею и разом встал, а я очутился у него на горбу. Медленно покачиваясь на своем верблюде, я пристроился в хвост каравану.

Погонщик каравана был армянин из Мжнкерта и вез лед для жителей Хнус-Берда. Он обрадовался, что я пригнал его верблюда, и дал мне опилок, обложить лед, чтобы тот не растаял по дороге.

Вот так, с чужим колозом на голове, сидя на чужом верблюде, под звон колокольцев спустился я с Бингёла.

В Хнус-Берде стояла немыслимая жара. Мжнкертцы и хнусцы мигом раскупили весь лед.

— Лед из Бингёла? — спросил какой-то мужчина, подбегая к нам.

— Из Бингёла, но уже весь, — ответил хозяин каравана.

— Больной у меня, просит льда бингёльского. Хотя бы несколько кусочков.

Я отдал ему весь свой лед.

— Где ваш больной? — спросил я у него.

— В Шапатине.

Мжнкертский погонщик каравана двинулся в обратный путь, а я, поблагодарив его, направился с моим новым знакомым к Шапатину.

Мы прошли села Арос и Эльпис. Харамик с его каменными грядами остался где-то выше.

— Вчера мы видели в этих краях тысячи черных змей, куда они все подевались?

— Они показываются раз в год, в ночь на Вознесенье. А сейчас они все попрятались, — ответил мой попутчик.

— Вы не знаете, в вашем селении стоят войска? — поинтересовался я.

— Нет, никого нет.

— Что, и эти у вас в год раз показываются?

— Нет, эти чаще приходят — раз в месяц. Вчера их двадцать пять человек у Черного моста было. Этой ночью убрались; говорят, в Вардовские горы.

Поздно вечером, пройдя Шапатин, я добрался до Черного моста. Мушец Тигран и Аладин Мисак ждали меня в том же сарае. Рыжий Давид спал, растянувшись на соломе. От моих шагов он тут же проснулся.

Все они чрезвычайно были удивлены, увидев меня в чужом колозе, вдобавок в руках я держал фиалку.

— Где тебя носило? — спросил мушец Тигран сердито.

— С Бингёла иду, — сказал я.

— Мне не дал подняться на Масис, а сам дошел до Бингёла! — закричал он.

— Так вышло.

— Что это за цветок у тебя? Не брабиона ли?

— Я дошел до самой высокой вершины в Бингёле, но цветка брабиона не нашел. А это горная фиалка.

Из Хнус-Берда в Муш вел большак. Рыжий Давид сказал, что по большаку идти опасно. Он повел нас мимо озера Назик, привел к склонам Гургур, а сам вернулся в Хнус.

От пастухов мы узнали, что село Шамирам окружено большим войском, а дорога перекрыта. У подножья Гургур есть пещера — про нее только местные жители знают. Мы спрятали туда наш груз и, взяв у пастухов хлеба, поднялись на Немрут. Две ночи провели мы на вершине Немрута. Я нашел ту скалу, возле которой увидел впервые Родника Сероба. Я вспомнил Родника Сероба и, вытащив из-за пазухи табакерку Арабо, свернул первую в своей жизни сигарку.

На рассвете третьего дня мы извлекли из пещеры ящики с боеприпасами и двинулись в Мушскую долину. Вдали виднелись Цирнкатар и Свекольный Нос с Медовыми Скалами. Где-то в той стороне была и гора Бердак. Там ждал нас Геворг Чауш со своими гайдуками.

Только мы приготовились взойти на склоны Тавроса, началась снежная вьюга.

Вьюга на Тавросе

Вы знаете, что такое вьюга на Армянском Тавросе? Бог мой, с какой силой там дует резкий холодный ветер! Каждую минуту снежный ураган может сбросить тебя в пропасть. Но я несу груз, я обязан доставить его до места. К тому же я не один — со мною мушец Тигран и Аладин Мисак. Мы все связаны клятвой. Тигран идет впереди, за ним осторожно продвигается вперед Мисак, шествие замыкаю я. Мы идем между скалами, нащупывая дорогу палками. Иногда тычемся друг в друга, падаем, поднимаемся, ноги наши скользят, но мы идем, надеясь выбраться из этого снежного лабиринта.

Я иду и думаю: этот тяжеленный груз, что давит мне на плечи, должен взорвать тахту султана. Все сейчас заготавливают порох против султана — и салоникий турок, и македонец, и грек, и армянин, и араб, и курд, и айсор...

Ревет Таврос. Буря срывает примерзший к земле снег, поднимает его с самого дна ущелья и с силой швыряет мне в лицо. Такой буран, что на расстоянии двух шагов ничего не видать. Меня покрыла ледяная корка. Ветер бросает меня из стороны в сторону, хочет скинуть в пропасть. Я подставил грудь вьюге, упираюсь палкой в землю, пытаюсь устоять. Но силы мои на исходе...

Только что явственно было видно долину Муша, но сейчас все заслано снегом. Не видно больше ни Марникского леса, ни Родника Проса.

Но где Аладин Мисак? Я вижу, как снежный вихрь крутится вокруг какого-то черного предмета и пытается сдвинуть его с места. Наверное, это и есть Аладин Мисак. Но нет, это всего лишь небольшая скала. Куда же делся Мисак? Неужели его сбросило в пропасть? Я зашел за скалу, нагнулся и посмотрел. Нет, вот он идет, склонившись в три погибели под тяжким грузом. А вон и мушец Тигран. Один удар молнии — и весь наш груз вместе с нами взлетит на воздух. Но молний, слава богу, нет, а только ветер, завывая, мечется по склонам Тавроса.

Паяно, паяно, паяно...

Нет, это не Аладин Мисак поет, это буря затянула свою песню.

Тавросская буря.

Самая прекрасная в мире гора — и в такой ярости. Не видно ни белой спины ее, ни зеленых боков, ни кудрявого подножья в цветах.

Весною здесь эдемов сад. А сейчас погляди что делается. В ярости Таврос. И как же похож народ Тарона на свою гору! У таронца в груди те же прекрасные цветы. Но не приведи бог он разбушует, тогда лучше ему на глаза не попадаться: в такие минуты он страшней всех молний и гроз.

Но о чем это я? Я забыл про своих товарищей.

— Тигран! — крикнул я.

Ни звука.

— Тигран!

Жуткая мысль пришла мне в голову. Неужто мой товарищ скатился в пропасть? Ну конечно, вот же она, прямо под ногами, полшага — и тебя нет.

Мой голос услышал идущий впереди Аладин Мисак и тоже стал кричать, звать Тиграна. Но Тиграна не было. Неужели так должен был закончить жизнь этот замечательный гайдук, мой славный, мой верный товарищ?

Дуй, дуй, яростный ветер Тавроса, Махлуту все равно сильнее тебя, Махлуту выносливый гайдук, а гайдуку не нужны ни слава, ни покой!

Он победит тебя, вьюга.

Новый порыв ветра, сорвавшись с вершины горы, с силой ударился мне в спину и, подхватив мой колоз, умчался прочь. Я упал, и Аладин Мисак упал. Какое-то время нас будто припилило к земле. Белая вспышка молнии осветила нижние склоны Гургур, после чего раздался оглушительный гром. Когда мы пришли в себя, то увидели мушца Тиграна — он стоял на склоне горы с моим колозом в руках и ждал нас как ни в чем не бывало.

Наконец буря улеглась. Снег, смешанный с дождем, увенчал наше затянувшееся суровое путешествие, и мы, продрогшие, выбившиеся из сил, кое-как дотащили наш груз до Марникского леса — к биваку фидаи.

Пещеры Ццмака

На склонах горы Алваринч было несколько старых пещер, которые носили название пещеры Ццмака, или пещеры Геворга. Местность здесь была каменистая, и можно было не бояться оставить следы.

Нам было приказано спрятать боеприпасы в этих пещерах.

Когда мы, с грузом за спиной, приблизились к пещерам, первый, кого мы увидели, был мужчина в огромной бараньей папахе.

— Молния Андреас, — предупредил меня мушец Тигран.

На наши шаги Андреас обернулся. По правде говоря, мне стало не по себе от вида этого человека. Андреас был верным и бесстрашным солдатом Родника Сероба, я помнил его еще по Хлатским горам. Это он отрезал у одного солдата ухо за нарушение дисциплины. Он первый потребовал, чтобы Сосе удалили из отряда, потому что считал, что присутствие женщины может ослабить боевой дух гайдуков.

Андреас был одним из семи солдат Андраника, тех самых, которых разоружили алианцы и шеникцы; потом они с Андраником бежали из Шеника и несколько дней скрывались в Семале.

После гибели Сероба с Андреасом что-то произошло. Он, как и прежде, был беспощаден к врагу, но стоило даже самому отъявленному злодею поклясться при нем именем Сероба — отпускал восвояси. Зимой и летом — круглый год — он был в седле, с ружьем наготове. Вид его наводил ужас. У него были страшные свирепые глаза и острые, как стрелы, усы, доходящие чуть не до самых ушей. Даже ногти у него были такие твердые и крепкие, что он их, говорят, стачивал о скалы. Когда он хотел напиться, опускался на колени перед родником и всем лицом, по самые уши, окунался в воду. А когда он пил, вода так и булькала в его горле; он пил ее с такой жадностью, что казалось, сейчас осушит весь родник. Его лошадь и он пили воду из родника одновременно. Случалось, лошадь, увидев в воде отражение хозяина, пугалась и испуганно фыркала.

Уже смеркалось, когда с Андреасом мы дошли до последней пещеры, приходившейся прямо против Скалы Арабо. Естественно было бы, если бы первым в пещеру вошел Андреас, а уж после мы с Тиграном и Мисаком. Так оно и вышло. Андреас лег на живот и ползком пролез в узкую щель, и, как ни странно, не головой вперед, а ногами. Мы последовали его примеру и тем же манером проползли в пещеру, подтягивая за собой наш груз.

В самой же пещере было достаточно просторно. Мы разглядели несколько ниш. В углу валялся кусок войлока, рядом — охапка сухой соломы и старая поношенная аба.

— Алваринчский Сейдо тут прячется, — объяснил Молния Андреас. — Сейчас Сейдо ушел в село за своим сундуком.

И хотя воздух здесь был тяжелый и невозможно было вытянуть ноги из-за тесноты, все же ночь мы провели в этой пещере. Груз наш мы разместили в одной из ниш.

На рассвете пришел Сейдо с большим сундуком. У него был свой потайной вход. Через него он втащил в пещеру сундук, уложил патроны, после чего мы выбрались на волю. Я помнил Сейдо еще по легендарной битве при Бердаке. У него была осанка и поступь чисто княжеские, хотя был он, до того как пойти в гайдуки, пастухом. Он попрощался с нами и с ружьем в руках пошел в сторону Медовых Скал. Мы увидели, как он миновал Скалу Арабо и двинулся к самой высокой точке Свекольного Носа. Там он устроился в укрытии, за кустами. Это было его излюбленное место. День и ночь с ружьем наготове сидел он здесь и просматривал дорогу, соединяющую Франк-Норшен и Алваринч. Он почти безошибочно угадывал, кто идет по ней — мирный селянин

или враг ненавистный. Месяцами, годами выслеживал он добычу и сверху — р-раз! — вершил свой суд. Молния Андреас облюбовал пещеры Геворга, а алваринчский Сейдо — норшенские дороги.

Я все еще смотрел на Свекольный Нос, как вдруг Андреас исчез. Как сквозь землю провалился.

— Тигран, где Андреас? — Не знаю, — и растерянно пожимает плечами.

Кинулись мы с ним к пожелтевшим кустам — как раз в ту секунду прибежали, когда Андреас, приподняв за уши какого-то мужчину в курдском колозе, допытывался грозно:

— Следил за нами, говори?! Поклянись памятью Родника Сероба!

— Клянусь памятью Родника Сероба, я не шпион... Я пришел за кохбской солью.

— А где Кохб, в какой стороне?

— Кохб далеко... Я слышал, вы из Кохба соль привезли.

Андреас продолжал допытываться:

— Кто ты и знаешь ли ты, что такое гром небесный?

— Я... я... клянусь Родником Серобом...— пробормотал незнакомец и вдруг обмяк в руках Андреаса.

Кинжал и крест

Курд, испустивший дух в руках Молнии Андреаса, был из людей Аджи Феро.

Кто же был сам Аджи Феро?

Курд по имени Птрхе, голодный и раздетый, вместе с несколькими такими же оборванцами спустился когда-то с Брнашена в Мушскую долину. Первым селом, попавшимся им на пути, был Колосик — в старину здесь были выгоны домов Рыжего попа. Пришельцы поселились в хлевах армян-землепашцев. Потом житель села Хасгюх Парехян Тонапет позвал Птрхе работать к себе мельником, а товарищи Птрхе пошли в пастухи и подпаски. Прошло несколько лет, и Птрхе, явившийся в Мушскую долину с одной-единственной шкурой козла, основал в Колосике ветвь Балахского аширета, став здешним старейшиной.

Аджи Фарыз, или же Аджи Феро, был сыном этого самого Птрхе. После смерти отца Аджи Феро под покровительством османских чиновников прибрал к рукам весь Колосик и большую часть Хасгюха, распространив свое влияние на все курдские поселения в Алваринче, Шмлаке, Эриштере, Мкрагоме и Крдагоме. Захватив земли, граничащие с Хасгюхом, он построил возле родника Севак большой двухэтажный дом с хозяйственными пристройками, окончательно сделав этот край своей вотчиной.

Присвоив Колосик, Аджи Феро запретил колосикским армянам пасти свою скотину на здешних выгонах и собирать хворост в лесу. С колосикской горы, с семи ее родников, в хасгюхские поля сбегало семь ручьев. Аджи Феро не разрешал здешним жителям пользоваться водой из этих ручьев. В колосикском ущелье у крестьян было семь мельниц. Аджи Феро спалил их все дотла и рядом построил свою собственную мельницу.

Короче говоря, этот самый Аджи Феро был приближенным султана. По приказу начальника мушской жандармерии он посылал вооруженных курдов в тот или иной армянский дом; армяне, ничего не подозревая, этих курдов принимали, усаживали за стол, угощали, а курды, откушав, убивали хозяина дома и возвращались в Балак. По личному приказу Аджи Феро были убиты два настоятеля из церкви св. Ахберика (Казар и Петрос), двое старост из Алваринча (Ваан и Смбат) и несколько отцов семейств, почтенных крестьян-землепашцев из Хасгюха, Шмлака и Мкрагома.

Достаточно было Аджи Феро сообщить людям султана, дескать, в таком-то селе появились фидаи, — тут же из Муша или Багеша выходил отряд, и зачастую с пушкой.

У Феро был один брат Али и двое сыновей — Хасан и Махмуд. У него было множество слуг, известных своей жестокостью. Даже его пастухи преследовали фидаи.

Второй богатей и султанский приспешник в Хасгюхе и Колосике был Сло Онбаши. Сло Онбаши был из хаснанских курдов. В Муше он несколько лет был погонщиком ослов, а потом ему сразу дали большую должность. Через Хасгюх проходила шоссейная дорога. В селе была почтовая станция (кордон), на которой всегда находилось двенадцать жандармов. Путники, следующие из Муша в Багеш, меняли здесь лошадей. Сло Онбаши был главным смотрителем на этой станции, и все называли его Кордон.

Оба они, Аджи Феро и Сло Онбаши, через своих слуг установили слежку за фидаи. Особое усердие и рвение выказали в этом деле жандармы Партка Чахо и Амид Онбаши, огородник Шакир, пастух Ипо и слуга Сло — немой Хасо.

На следующий день, после того как мы спрятали в пещере патроны, Аджи Феро сам пришел в Алваринчские горы узнать, что стало с его слугой, которого он отправил шпионить за нами. Могли ли мы, избежавшие стольких опасностей и преодолевшие столько трудностей, мириться с тем, чтобы какой-то разбойник посягнул на наши с таким трудом доставшиеся нам патроны... Вот почему мы не задумываясь решили уничтожить негодяя.

— Ты что за нами следишь?! — заорал Молния Адреас и, оторвав Аджи Феро от земли, поднял его в воздух и сжал в своих ручищах.

— Я не слежу, я пришел узнать, что случилось с моим слугой, он пошел занять у вас соли.

— За солью в Муш идут, а не в Марникский лес. Твой слуга умер.

— Вы убили его!

— От страха он умер, от страха, понял?

— О, какой у тебя ужасный вид, мне тоже страшно. Ты же зверь!

— Это вы нас сделали зверьми!

И когда балакский богатей уже испускал дух в руках Андреаса, а мы с мушцем Тиграном вытащили наши клинки, чтобы ускорить его конец, вдруг откуда ни возьмись священник здешний — запыхавшийся Тер-Керб с крестом в руках.

Следом бегут, торопятся староста Муко и священник из Тарзу.

— Не делайте этого, ради Христа, на коленях вас прошу! — крикнул Тер-Керб и упал на колени.

— Отец Керб, ты божий человек, не вмешивайся в наши земные дела. Наша месть справедливая. Дважды уже твои крестьяне хотели прикончить этого негодяя, и каждый раз ты мешал этому. Убери свой крест, прошу тебя, — сказал мущик Тигран.

— Умоляю, отпустите Аджи Феро. Он добрый курд, и Христос хочет, чтоб такие жили, — вмешался староста Муко.

С той же просьбой обратился к ним священник из Тарзу.

— Христа ради! — снова крикнул Тер-Керб, подняв крест.

И мы отпустили. Кинжал склонился перед крестом.

— Ступай, Аджи Феро, даруем тебе жизнь. Ступай и, сколько будешь жить, будь благодарен армянскому кресту и этим добрым людям, которые спасли тебя от верной смерти, — сказал Молния Андреас и опустил курда на землю.

Кто задул огонь

Каждый гайдук знал, что, выходя из села и направляясь на восток, он должен пойти сначала на запад и, только отойдя на порядочное расстояние, повернуть на восток — чтобы запутать след.

Град Тадэ хоть и оставил Хлатские горы и присоединился к отряду Геворга Чауша, но был все тем же нетерпеливым, беспокойным стрелком. К месту и не к месту — он сердито щелкал затвором и неожиданно стрелял. Геворг Чауш отправил его однажды по делу в Сасун. Тадэ по дороге заблудился, и вместо того чтобы идти на север, направился на юг. Он был вооружен, и, зная его несдержанность, мы подумали, что он может наломать дров. Поэтому, взяв трех гайдуков, я кинулся догонять его.

Франк-Мосо был замыкающим. Он шел последним и волочил за собой ветку, которая заметала наши следы.

Проблуждав довольно долго, мы напали наконец на след Тадэ. Мущик Тигран и Чоло пошли за ним, а мы с Франком-Мосо решили немного передохнуть.

Мы устроились под раскидистым деревом, вернее я влез на дерево, а Мосо лег на землю. Мы решили, что сначала он поспит, а я посторожу, потом он меня посторожит, а я посплю. Если бы я нечаянно заснул, то непременно бы упал на Мосо, и он бы тут же проснулся. Постепенно у меня отяжелели веки. Вдруг слышу — Мосо кричит не своим голосом.

— Махлуто!

Я сразу спрыгнул на землю. В тени дерева стоял незнакомый человек и тяжело дышал.

Мы подошли к нему — это был молодой курд, юнец, можно сказать.

— Не убивайте меня! — взмолился он. — Я пришел к вам за помощью!

— За какой такой помощью?

— За помощью, хозяин, от самого села бегу.

— Это еще почему?

— Хочу честь свою спасти.

— Ну, раз о чести заговорил, значит, порядочный человек, — сказал Франк-Мосо и дружески похлопал парня по плечу. — Как звать тебя?

— Амино.

— Из-за земли спор, из-за пастбища, что там?

— Какая земля, какое пастбище, о чести речь идет, о моей чести.

— Ну, рассказывай тогда, в чем дело.

— В наших краях есть обычай — незамужние девушки повязывают платок на шею овце. Парень, который снимет платок, в тот же день должен посвататься. Неделю назад, когда отара пришла в село, я снял с одной овцы красный платок.

— И посватался?

— В тот же день.

— Ну и что?

— Завтра моя свадьба.

— Ну так и играй свою свадьбу, кто тебе мешает?

— Но, хозяин, у нас бек есть, позвал он меня вчера, сказал, что невесту после свадьбы он поведет к себе, что первая ночь его будет. Моя бабушка сказала: пойді разыщи армянских фидаи, они тебе помогут.

Все было ясно. Ничто так не близко сердцу фидаи, как защита простого народа, его чести.

Когда вернулись ребята, я объявил им, что мы идем на свадьбу.

— Невеста смуглая, черноволосая? — спросил я курда. — Какая из себя?

— Светленькая.

— Роста какого?

— С меня.

— Чоло за невесту сойдет, — подумал вслух мушец Тигран, и я подумал, что, пожалуй, это удачная мысль.

— Колоз найдется? — спросил я юношу курда.

— Колоз? — удивился курд, — Сколько угодно.

— Светильник?

— И это найдется.

Чоло стоял уже рядом со мной готовый, спрятав под абу кинжал и обрез. А Град Тадэ нетерпеливо щелкал затвором: дескать, вот как пристрелю я сейчас этого бека.

Амино объяснил нам, где находится дом бека, после чего мы распределили роли и еще раз уточнили, кто что будет делать, кому сторожить на кровле, а кому нападать на бека. Чоло должен был изображать невесту. Самую ответственную часть мы поручили Тадэ. В решающий момент он должен был задуть огонь в светильнике. Мы с Тиграном должны были помочь Чоло выбраться из дома бека. Ну, а Франк-Мосо должен был предстать как крестный отец.

Мы договорились о месте встречи и вместе с Амино пустились в путь, будто бы идем на свадьбу. Проходя мимо какого-то села, Амино отлучился ненадолго и вернулся с пятью белыми колозами и клубком веревок. Франк-Мосо и Тадэ вместе с Амино я отправил вперед, еще раз все обговорив.

Когда мы добрались до места, свадьба уже шла полным ходом.

Алибег-ага, хозяин хозяином, сидел рядом с женихом, поглядывая на невесту масляным взглядом, — впрочем, лицо невесты было скрыто покрывалом. Справа от невесты гордо восседал Франк-Мосо с белым колозом на голове. Позади невесты в качестве телохранителя стоял Град Тадэ со светильником в руках. А мы с Тиграном и Чоло встали за дверью — руки под абами на оружии. У Чоло колоз был сдвинут на ухо, смешно так.

Когда свадьба подошла к концу, мы, чтоб не бросаться в глаза, зашли за дом.

Постель Алибега-аги была готова принять чужую невесту. Алибег первым встал из-за свадебного стола и вышел из дома, за ним последовала невеста в сопровождении гостей. Франк-Мосо шел рядом с женихом, позади них шел Град Тадэ, высоко подняв светильник, как было условлено.

Возле дома Алибега Тадэ улучил минуту и задул огонь. Чоло в темноте отдал свой колоз жениху и, быстро сняв с невесты фату с покрывалом, накинул все это себе на голову и последовал за беком в дом под видом невесты.

— Доброй ночи тебе, Алибег-ага, не очень мучай невесту, так и быть, эта ночь твоя, остальные все мои, — сказал Амино и, надев колоз Чоло на свою невесту, повел ее к себе домой.

Мы с Тиграном поднялись на кровлю Алибега. Заглянули в ердык. Алибег уже разделся и лежал в постели, возбужденно покручивая усы в предвкушении ночных утех.

Чоло подошел к постели и прямо в одежде забрался под одеяло. Бек протянул руки к Чоло-невесте; Чоло выхватил обрез из-под абы — и как даст беку по голове!

— Помогите! На помощь! Это не невеста! Это джан-фидаи! Под фатой невесты джан-фидаи! — в ужасе завопил Алибег.

— Молчи! Я не стану тебя убивать, но чтоб после этого ты не смел осквернять молодым их первую ночь, — пристращал армянский фидаи курдского богача.

На крик Алибега прибежали его слуги, но из ердыка уже свесилась веревка, и Чоло, с фатой на голове, разом оказался на кровле, а Град Тадэ, стороживший нас на улице, тут же растворился в темноте.

— Кто загасил огонь?! — слышались удивленные выкрики.

И пока гости пытались понять, что случилось, мы были уже далеко от села. Фата с накидкой остались на кровле бека. Тадэ с Франком-Мосо поджидали нас в условленном месте.

Пересчитали мы свои колозы. У Франка-Мосо колоза не оказалось. Уронил, должно быть, в темноте. Тигран похвалил Чоло за храбрость, а Тадэ пожурил: раньше времени, дескать, задул огонь.

— Верно, поспешил ты чуток, — согласился Чоло.

И Франк-Мосо подхватил: да, мол, поспешил Тадэ, и потому он, Мосо, потерял свой колоз. Увидел я, что сейчас мы все перессоримся, и говорю: «Град Тадэ, говорю, вопреки своему нетерпеливому характеру, все сделал как надо и ничуть не поторопился, и это ему мы обязаны чем, что операция прошла так удачно».

Мы сложили оставшиеся колозы и веревку в мешок Франка-Мосо и направились к Черному Камню. Весть о том, как мы спасли невесту курда, мгновенно облетела все курдские села.

На следующий день мы узнали, что с Алибегом случился удар, а Амино со своей возлюбленной бежал в сторону Фархина, пообещав прислать Геворгу Чаушу свинца и серы, чтобы он продолжал бороться с безжалостными беками.

Лекари с черной горы

Свет прорезал тьму, когда мы добрались до Брнашенских гор. Деревья здесь были высокие, они поднимались вместе с пригорками и спускались вместе с оврагами. Но вот макушки деревьев одна за другой осветились солнцем, и весь лес вспыхнул, заиграл, залитый светом.

Из-за листьев посыпались снопы света. Задрав головы, мы восхищенно оглядывались. И вдруг смотрим — на верхушке высоченного тополя что-то чернеет.

Мы все трое задрали головы и давай гадать-прикидывать, что бы это было.

Чоло решил, что это орел, а мушец Тигран — нет, мол, бурдюк.

— Да что же бурдюку делать на дереве? — изумился Франк-Мосо.

— Пастухи из Аринока подвесили, внутри — не иначе — шашлык запрятан.

И точно, на верхушке тополя раскачивался самый настоящий мешок из сыромятной кожи. Казалось, он вот-вот упадет, но нет, мешок из козлиной шкуры бесшумно покачивался среди ветвей, словно орел, расправляющий крылья перед полетом.

Бух! Что-то тяжелое упало сверху. Мы подумали, что упал мешок, но тут послышались стон и громкие ругательства — кто-то крыл на все лады курда-правителя Аджи Феро, того самого, которого мы отпустили с миром по просьбе Тер-Кероба.

Мы подбежали. Под деревом лежал, распластавшись, дядюшка Еранос — погонщик мулов, мой старый знакомый. Смотреть на него было страшно, живот его был весь распорот, у несчастного кишки из чрева вывалились. Обеими руками он держался за живот и кричал от боли.

Бедный, бедный дядюшка Еранос. Много лет назад я вылечил его от боли в пояснице, но сейчас помочь ему было выше моих сил. И никто из нас не мог помочь — ни Франк-Мосо, ни мушец Тигран, ни Чоло.

Чоло предложил отнести его как можно скорее к брнашенским пастухам. Отнести, но как?

Град Тадэ вызвался нести Ераноса на закорках. У него был опыт в подобных делах. Раненым, больным, усталым — всем он подставлял плечо.

Мы с осторожностью приладили ему на спину погонщика мулов. Тадэ тут же двинулся в путь, стараясь ступать как можно осторожнее. Я придерживал погонщика за правую ногу, а мушец-Тигран — за левую. Чоло шел рядом, отгоняя налетавших птиц. Ну а Франк-Мосо, как всегда, заметал следы. Иногда он забегал вперед и придерживал ветки, чтоб они Ераноса не задели.

По дороге дядюшка Еранос обронил несколько слов шепотом, и мы поняли, что случилось.

Начальник жандармерии Хюсны-эфенди, заметив, что Еранос то и дело сопровождает на дорогах Багеша подозрительных людей, запретил ему появляться в этих краях. В последний раз Ераноса видели в деревнях Манаскерта. Он вез с Хутских гор орехи, выменяв их на зерно. Происходило это после знаменитого путешествия Мосе Имо в Англию.

В конце концов Еранос был вынужден поступить на службу к архимандриту Ованесу. Он возил из лесу хворост, но тут возникло новое препятствие в лице Аджи Феро — тот запретил ему рубить лес в этих краях. Ераносу пришлось ходить за хворостом в Брнашенские леса. Он сорвался с дерева, когда обрубал ветки, и ему распорол живот снизу доверху. Остальное мы уже видели.

Довольно быстро дошли мы до выгона. Там мы увидели рослого пастуха, который, озабоченно поглядывая на отару, мерно перебирал четки.

— Ходедан это, — сказал Чоло, узнав пастуха. Чоло сказал, что жена этого пастуха, по имени Баяз, уроженка Мушской долины. Что свадьбу они сыграли такую, что звуки зурны до самой Марута-горы доходили.

Хутские пастухи вели счет своей скотине либо на пальцах, либо на четках. То ли от наших шагов, то ли еще от чего, пастух, которого звали Ходедан, сбился со счета и начал считать снова, захватывая на этот раз по две костяшки и произнося вслух: два по двадцать, три по двадцать. Под кустом он

заметил трех отбившихся коз. «Одна коршуну, одна с обрыва и третья долой», — тихо пробурчал он себе под нос, загибая три пальца, но счет все равно не получался, коз не хватало.

На выгоне был еще один пастух — помоложе, Тонэ, так звали молодого пастуха, сидел у костра и зашивал трехи толстой ниткой из крученой козьей шерсти. Увидев нас, он не растерялся, отложил трехи, с достоинством поднялся, вымыл руки, уложил погонщика мулов Ераноса на войлок и осторожно стал заправлять ему кишки на место. Потом он потер края раны какими-то растениями, раскалил на огне большую иглу и прямо на наших глазах той же черной ниткой стал зашивать человеку живот. Много всякого я видел на свете, но чтобы сапожной иглой зашивали живьем рану, да еще и ниткой, скрученной из козьей шерсти, — такого я и вообразить себе не мог.

— Помрет, — покачал головой Франк-Мосо.

— Выживет, — сказал Чоло.

Честно говоря, я тоже не рассчитывал, что дядюшка Еранос выкарабкается из этой скверной истории. Пастух снова подержал иглу над огнем.

— Будьте спокойны, — заметив наше беспокойство, усмехнулся брнашенец Тонэ. — Не впервой мне. Ведь что у человека живот, что у козы — все одно. — Он сделал последние стежки над пупком. Потом нагнулся, зубами перекусил нитку и, взяв нож, сделал маленькую зарубочку на своем пастушьем посохе, пониже тех зарубочек, которые обозначали забитых коз. Что ж, этот человек вел свой счет таким образом.

Непослушные козы то и дело разбегались. Пастухам не столько приходилось обороняться от волков, сколько бегать и собирать коз. Ночью козы могли вдруг выбежать одна за другой и разбрестись по горам. Поди ищи их потом в потемках.

Из лесу вышли еще два пастуха, гоня перед собой отбившихся коз. Один из них волоком протащил мимо нас страшного бородатого козла и швырнул его у костра. Один рог у козла-вожака был совсем раздроблен, а ноги перебиты.

Этот яростный козлище уже целый год убегал от стада и уводил за собой сотни непокорных коз. За этим черным бородатым идиолом, словно заговоренные, почему-то обычно бежали только белые козы, толкаясь и скатываясь с обрыва, словно пенящиеся воды водопада. Этой ночью он увел их к самому ущелью Красного Дерева, на этот раз он и сам разбился. Пастухи, пригнавшие коз, валились с ног от усталости.

Волкодавы, обступив раненого козла-вожака, яростно лаяли на него. Словно чувствовали, что черный этот бородач самый лютей их враг, почище всяких волков.

Погонщик мулов тихо застонал возле костра. Собаки, оставив козла, набросились на него.

Пришел Ходедан, он в третий раз запутался со счета и был сильно не в духе. Он отогнал собак, внимательно обследовал рану, остался доволен, кивнул и велел дать больному теплой воды с мятой.

— Давал уже, — сказал Тонэ.

— Еще дай. Нашего леса мята — спасение в таком деле.

Этот пастуший бог с сожалением посмотрел на поверженного козла, потом перевел взгляд на нас. Мы все поняли и не дали ему зарезать козла.

И тогда пастух Тонэ побежал к тополиной аллее. Он угостил нас тем самым шашлыком, который он собственноручно подвесил на самый высокий сук.

И такая кругом царила прохлада, такой ветер реял в сказочных Брнашенских горах!..

Погонщик мулов Еранос не умер. Через пять дней пастухи вытащили из шва нитки, и он живой-невредимый вернулся в монастырь, а мы спустились с горы Хачух и через ущелье Красного Дерева все направились к Бердакским лесам.

Один из пастушьих волкодавов спустился с нами в ущелье. Это был тот самый пес, который в этой теснине слизывал кровь Халила с земли, я узнал его.

Мы оглянулись в соко-высоко на макушке тополя раскачивался кошель хутского пастуха. Как только мы дошли до места, Франк-Мосо первым делом отдал колозы Молнии Андреасу, чтобы тот спрятал их в своей пещере. На всякий случай.

У архимандрита Хесу

В этот год выпало так много снега, что, как сказал бы сасунец Фадэ, «если бы воробушек лег на спину и вытянул вверх лапки, он достал бы до самого бога».

На горе Сурб Ахберик мы вырыли в снегу просторную пещеру и некоторое время жили в ней. Когда же мороз усилился, я отправил Гале, Фетара Манука, Чоло и Асо в Сасун к Спаханацу Макару, а сам направился к монастырю св. Карапета, решив переждать там самые лютые один-два месяца.

Я знал, что в монастыре есть вооруженная стража, но мне необходимо было попасть туда, потому что там, я знал, находился Геворг Чауш, от которого долгое время не было никаких вестей.

Дорога к монастырю св. Карапета красивая-красивая, извилистые крученые тропинки ведут к нему. Но сейчас все покрыто снегом. Заснежено все — все пригорки, все холмы и райские леса. Луны не видать. Не видать и гор — Глака и Аватамка. Только белый снег слабо высвечивает в темноте мой путь.

Придерживая под абой обрез, я медленно продвигался вперед.

Я прошел церковь св. Ована, миновал гору Хомзо и двинулся к Дзиарету. На другой день я заметил купола церкви, которые возвышались над заснеженной оградой. На мое счастье, разыгралась страшная буря. И это помогло мне смело продвигаться вперед, не боясь быть замеченным. Так стихия, сама того не ведая, подчас приходит на помощь человеку.

Я подошел к монастырю со стороны горы Аватамк, обойдя ворота с той стороны горы, где были замучены семь отшельников. У меня был знакомый пастух здесь, однажды мы с Чоло зарезали

его теленка для отряда. И сейчас, когда я, усталый и продрогший, стоял на улице, единственным моим желанием было очутиться в теплом хлеву пастуха Саака.

В келье настоятеля зажегся огонек, а выюга между тем забирала все круче, и часовой-аскяр еле удерживался на кровле. Я уллучил минуту, бросился к монастырской ограде, и, прижавшись к каменной стене, смотрел, как снег заметает мои следы. Потом передохнул немного и, слепив снежок, кинул его в освещенное окно.

Геворг давно еще договорился с отцом Хесу, что это условный знак. На всякий случай я бросил еще один снежок. Окно бесшумно приоткрылось, и на землю медленно опустился конец веревки. Я обвязался веревкой и стал быстро подниматься. Двое мужчин тянули веревку вверх. Один был сам архимандрит Хесу, облаченный в рясу, другой — отец Степанос.

Ветер в последний раз обдал меня снегом и отступил, ударившись об ограду. Еще несколько секунд — и святой отец заключил меня в свои объятия, прижав меня, продрогшего, к своей теплой бороде. Это был тот же крепкий старик с ласковой отеческой улыбкой на лице, таким я его и запомнил со времен битвы в монастыре.

Геворг Чауш учился в этом монастыре, а я здесь был уже дважды, причем в первый раз мы с Геворгом зашла сюда по пути в Фархин. Я запомнил широкий монастырский двор, где каждый год в дни праздника — Вардавар* и на пасху собиралось множество народу поглазеть на канатоходцев. Я тогда не знал даже, где живет настоятель, и, поди же ты, в такую тяжелую для меня минуту он сам, своими руками, втащил меня в свою келью.

---

* Вардавар — праздник Преображения.

В келье отца Хесу было тепло. В печке потрескивали дубовые полешки. Со стен и с потолка свисали связки засушенного медвежьего шиповника, лесной груши и диких яблок. В углу стоял кувшин с горчицей, на столе — печеные грибы и хлеб из проса.

Сам обходясь малым, отец Хесу был чрезвычайно щедр, когда речь шла о спасении его народа. «Желтое золото посильнее всех пушек, — любил повторять он. — Дайте мне золото полной мерой, и я без всякого кровопролития посажу на трон армянского царя». Именно так, пустив в ход золото, отец Хесу в свое время подкупил множество влиятельных султанских чиновников и курдских беков. «Пусть амбары у армян опустеют на время, это лучше, чем умереть, ухватившись за полные мешки, — говаривал Хесу. — А того, кто не склонится перед золотом, следует уничтожить», — проповедовал отец Хесу; он и в самом деле сумел расправиться с несколькими влиятельными богачами, которые стояли у него на пути.

Таков был этот удивительный святой отец, родом из Сасуна. Простой народ, будь то армянин или курд, боготворил его и считал вторым Геворгом Чаушем в монашеской рясе.

Отец Степанос подбросил в огонь хвороста и поставил на стол полную миску дымящейся похлебки.

Но я пришел сюда ради Геворга Чауша, а его что-то не видать.

— Где он? — спросил я.

Молодой Степанос увидел, что я ищу глазами Геворга, и закрыл было своей ладонью мне рот, чтоб я молчал, но, поймав взгляд святого отца, быстро отвел руку.

— О ком это ты? — спросил Хесу.

— Да я о Сааке, пастухе, — ответил я, сообразив, что тут кроется какая-то тайна и святой отец не во все посвящен.

— Небось, дрыхнет твой Саак сейчас, — усмехнулся Хесу. — Значит, так... Хотя над нами стража поставлена, смотрят в оба, но ты поживешь у меня... ну и к Сааку будешь навещаться, разумеется.

— Об этом-то я и мечтал, когда шел сюда, — очутиться в теплом хлеву Саака, — сказал я.

И вдруг Степанос как бухнется на колени перед отцом Хесу:

— Прости, святейший, меня, грешного! Я должен тебе открыть тайну. Вот уже целый месяц Геворг Чауш прячется в моей келье.

— Что ж ты не говорил мне об этом?

— Чтобы ты спокойно спал по ночам, не хотел тревожить тебя, святейший. Я знаю, что ты любишь Геворга Чауша. Если б ты знал, что он здесь, у тебя не было бы минуты покоя. Ведь ты сам только что сказал, что за монастырем следят. Я спрятал его, чтобы ты понапрасну не терзал себя.

— Как он сюда попал?

— Войско султана рыскало по селам, все вверх тормашками перевернуло в поисках Геворга. А нашим в это время туго приходилось. У спаханского Гале отморозило нос и уши, Фетара Манук чуть ног не лишился. Геворг через пастуха нашего Саака дал мне знать, что болен и находится возле горы Глак. Я послал ему теплую одежду и передал, чтобы он осторожно пробрался к монастырю. В условленный час он точно так же, как Махлуту, ударил снежком в окно, и мы с пастухом подняли его на веревке в мою келью. Ровно месяц как Геворг Чауш в монастыре, и уже совсем здоров.

— Иди и приведи Геворга сюда, — сказал старый священник.

Степанос тут же вышел и вскоре вернулся с Геворгом Чаушем.

Мы обнялись. Святой отец в честь такой необыкновенной встречи достал из шкафа тыкву, полную вина, и предложил выпить за нас с Геворгом.

— Прощаю тебя, Степанос, — сказал святой отец. — Молодость всегда смелее и сильнее. Будущее на челе у молодого и за спиной старика. Чего доброго, из-за этих фидаи мы со всем нашим монастырем погорим в один прекрасный день, но, с другой стороны, зачем церковь, если святой гибнет... Давайте выпьем за Геворга Чауша и его верного гайдука. — Придерживая бороду рукой, он осушил чашу.

Выпив вино, Геворг, как ребенок, радостно воскликнул:

— Отменное вино!

— И впрямь, — подтвердил я.

Мы с Геворгом, пользуясь гостеприимством святого отца, прожили в монастыре два месяца. Геворг жил в келье Степаноса, а я — у отца Хесу. Нас то и дело прятали в шкафу, каждую минуту ожидая разоблачения.

Когда началась оттепель и горы вокруг церкви св. Карапета зазеленели, мы решили покинуть наше пристанище. Первым должен был уйти Геворг Чауш.

В тот день в монастырь наведались солдаты — сборщики налога. Хесу пошел распорядиться, чтобы их накормили.

Геворг мне в это время и говорит: «Когда святой отец вернется, похвали монастырское вино, и я от себя добавлю. Посмотрим, может, раздобьется — даст нам на дорожку тыкву с вином?»

Пришел отец Хесу.

— Убрались, — сказал он. — Накормил и спровадил.

— Да, святой отец, — сказал я, — а теперь Геворга надо проводить. Вчерашнее вино отменное было.

— Да, почтенное было вино, — подхватил Геворг. Святой отец с усмешкой покосился на Геворга, помолчал и сказал:

— Хоть до ночи расхваливайте — вина больше нет. Все высосали безбожники, до последней капли.

Геворг ушел, а через неделю покинул монастырь и я. По той же самой веревке, которая подняла меня два месяца назад вверх, я с осторожностью спустился вниз. Когда Хесу подбирал веревку, его синеватая тиара упала на землю. Султанский стражник мог потом заметить ее, поэтому я быстро сунул тиару за пазуху. Потом взглянул вверх: отец Хесу улыбался и рукою делал знак: все, мол, хорошо, с богом.

Я уже отошел на порядочное расстояние. Оглянулся и увидел, как пастух Саак выгнал телят из хлева, чтобы они затоптали мои следы на снегу.

Маленькие отряды гайдуков, покинув свои зимние тайники, двинулись к зеленым склонам Тавроса. Снова засверкали клинки и заржали кони. Из Сасуна пришел Спаханац Макар со своими смельчаками.

Из Ласточкина Оврага поднялись лачканский Артин и курд Хасано. По склонам Смбабберда поспешили к пещерам Бердака марникский Похэ, Бамбку Мело и ализрнанский Муко. Из темных хлевов вышли на солнце айсор Абдело, мушеч Тигран и Аджи Геву.

Аладин Мисак и Град Тодэ тоже пришли — каждый из своего укрытия.

И Бриндар пришел. Пришли Ахчна Ваан, конюх Барсег и Франк-Мосо.

И Джндю двинулся к Черному Камню. Алваринчский Сейдо, обняв ружье, оседлал Свекольный Нос. Конь Молнии Андреаса взвился на вершине горы, увидев отражение своего хозяина в родниковой воде.

Подарок Геворга Чауша

В одно весеннее утро меня подозвал к себе Геворг Чауш и, протянув ружье, сказал:

— Отнесешь это в Хут, преподнесешь от моего имени Нор Мелику.

Нор Мелик был старейшиной горских курдов, настоящее курдское имя его было Гасимбек. Он был прямым потомком старейшины Мирзабека, чей дом носил название Дома Семи Седел. Мирзабек правил в Тароне.

Гасимбек с 1905 года стараниями Геворга Чауша и отца Хесу был тайным сподвижником фидаи-армян и получил кличку Нор Мелик. Он очень способствовал налаживанию армяно-курдских отношений. Геворг и Гасимбек даже обменялись слугами. Одного верного своего слугу Гасимбек отправил к Геворгу Чаушу, а Геворг в ответ послал одного из своих воинов-телохранителей. Гасимбек прислал Геворгу курда Хасана, посланца Геворга звали Черный Гукас. У Гасимбека были друзья в армянских селах так же, как и у Геворга Чауша были друзья-курды. Они наносили друг другу визиты, и всякий раз впереди шествовал слуга-курд, чтобы предотвратить неожиданное нападение соплеменников.

У Гасимбека были враги среди других курдских аширетов; самым непримиримым его врагом был хаснанский аширет. И Гасимбек, помогая армянам-фидаи, преследовал еще и свою особую цель — держать в страхе своих противников, хаснанских курдов.

Геворг Чауш частенько гостил у этого бека и сейчас, отправляя ему в подарок ружье, хотел еще более укрепить связь между гайдуками и этим влиятельным курдом. И хотя я относился с некоторым недоверием к Нор Мелику — не очень-то я верил в его искренность, — тем не менее я с готовностью вызвался выполнить это поручение, так как и сам был сторонником армяно-курдской дружбы, — что и говорить, против султана надо было действовать сообща. Кроме того, я видел в этом поручении знак особого ко мне расположения со стороны Чауша. Из конюха я был переведен в гонцы, был грузчиком и стал самым доверенным лицом Геворга Чауша.

Ничто так не дорого гайдуку, ничто так не желанно, как оружие. Только смельчак знает, что значит нести оружие храброго в подарок другому храброму.

Понятно, что я должен был идти не один, а в сопровождении свиты. Со мной в этом качестве должны были отправиться шеникец Манук и Чоло.

И я тронулся в путь на коне Геворга Чауша. В руках у меня ружье для Нор Мелика, и ствол его был обернут в белую холстину. Впереди ехал слуга Геворга — Хасано, а по правую и левую руку от меня ехали Манук и Чоло.

Хасано хорошо знал все здешние дороги, с ним мы были в безопасности. Его присутствие означало, что хутский старейшина — наш друг. Мы пробирались сквозь густые леса, взбирались на вершины гор, огибали громадные утесы.

Этой дорогой увозил Муса похищенную Гюлизар. Мы перевалили через гору Зангахбюр и выехали на красивую лесную опушку. Хасано сказал, что на этой опушке Нор Мелик каждую весну разбивает красный шелковый шатер для своей жены.

Наконец мы увидели маленькое селение Хвнер с белым гасимбековским домом. Крученая тропинка, сбегая с плоскогорья, вела прямо в покои бека.

Послышался лай собак. Хасано прикрикнул на них, и мы торжественно приблизились к белым чертогам Нор Мелика.

Хутский бек был на охоте, и я со своей свитой вынужден был ждать его возвращения.

О жене Гасимбека, Джемиле, ходили легенды: и красивая, дескать, и умная. И вот вместо мужа нас встретила эта самая Джемиле. Хасано, который был долгое время слугою в этих покоях, издала смиренно поклонился своей бывшей хозяйке.

Положение мое было не из легких. После того как я стал фидаи, мне второй раз приходилось разговаривать с женщиной. Но, думал я, на этот раз меня не накажут, так как я здесь с особым поручением и вынужден вести себя согласно правилам приличия.

Джемиле вышла к нам в окружении слуг в желтом платье, перехваченном серебряным поясом, шею украшали жемчужные нити. Она с удивлением посмотрела на меня, на то, как независимо восседал я на лошади.

— Здравствуй, госпожа, — сказал я. — Я посланец Геворга Чауша, а эти люди сопровождают меня. Наш верный Хасано благополучно доставил нас сюда. — И добавил: — Не смотри на нас так удивленно, вид наш, быть может, ужасен, и мы здесь нежданные гости. Но желанные, надеюсь.

— Кто говорит эти слова?

— Обыкновенный разбойник, бездомная птица, обитающая среди скал. И стоило ли тебе так наряжаться для встречи столь незначительного лица, каковым являюсь я...

— Кто б ни был ты, добро пожаловать в наш дом, — сказала Джемиле и обняла мою лошадь за голову. — Мы любим небесных птиц, и наша судьба в руках фидаи.

Она помолчала, отступила на шаг и продолжала:

— Почему ты зовешь себя разбойником или бездомной птицей? Я хорошо знаю, что мир — это большое колесо, и все мы — спицы в нем. То мы наверху, и тогда мы беки, а то, глядишь, внизу оказались... и тогда мы разбойники-качахи. Но ведь главное-то ось, на которой все и вертится.

— Ханум, — сказал я, восхищенный ее ответами, — это правда, что мы похожи на птиц в небе, и все же я — несчастная птица, поверженная.

— Ты храбрый фидаи, и мне известна твоя история. В этом доме я неделями лечила рану спаханцу Гале и выхаживала многих раненых фидаи. А Геворг Чауш — наш постоянный гость и бесценный друг.

— Вот потому-то я и здесь, ханум, — ввернул я. В ответ на это Джемиле подошла ко мне и подарила нарядный жилет с серебряными пуговицами.

— Возьми этот подарок от Джемиле, — сказала она, — он сшит ее руками. А теперь сойди с лошади, — и приказала слугам отвести лошадь на конюшню.

— Прости меня, ханум, — сказал я, — приняв от тебя этот дорогой подарок, я не могу тут же войти в ваш шатер, пока не найду и не принесу тебе равного подарка, — только тогда я буду считать себя вправе спокойно сесть рядом с тобой. А теперь возьми это ружье, его прислал Геворг Чауш мужу твоему Нор Мелику в знак дружбы. Я отдаю оружие моего храброго предводителя храброй жене храброго Нор Мелика.

— Войдите, прошу вас, — сказала Джемиле, смиренно показывая на дверь. — Это дом брата Геворга Чауша, а я сестра Геворга. В Хуте и Моткане различия между курдом и армянином нету. Многие курды разговаривают на армянском языке, не на своем. Среди нас кто-то армянин, а кто-то курд, для одного святая книга — библия, а для другого — коран, но все мы одно, и брнашевский монастырь и церковь богородицы в Маруте — места нашего паломничества. Войди же, мой добрый Хасано, проводи наших гостей в диванхану Гасимбека.

Я протянул было ей ружье, но тут в небе мелькнула какая-то птица. Ханум посмотрела на небо.

— Пальни, — сказал шеникский Манук, — покажи свою удадь.

Пока шеникец говорил, Чоло быстренько подал мне пулю, и я метким выстрелом сбил летящую птицу. Она упала прямо к ногам Джемиле. Чоло подбежал, поднял птицу и подал мне.

— Это и будет мой подарок тебе, ханум, — сказал я и протянул хозяйке ружье и птицу. В это время коротко протрубил рог: то хутский бек, сойдя с горы, спешил к своему шатру. Впереди ехал его слуга — наш Черный Гукас, тот самый, которого фидаи обменяли на Хасано;

за ним шел сам Гасимбек, а за ним — с десяток слуг в белых колозах и с добычей в руках.

Госпожа приблизилась к мужу и церемонно вручила ружье Геворга Чауша беку. Нор Мелик поцеловал ствол и поклонился всем нам.

— Много приветов Геворгу Чаушу передайте. Было время — он воевал со мной. Но это раньше было, а теперь мы с ним друзья, и он мой брат, — сказал бек. — Наш общий враг — султан. Но есть у меня и другие враги — хаснанский аширет, что сидит в Сасунских горах, хайдарские курды — они правят в горах Косуры. Пусть это оружие еще более укрепит наш союз и поможет в борьбе против султана и моих врагов.

Джемиле с убитой птицей в руках молча пошла к дверям.

— С охоты иду, но удачная охота, я вижу, была здесь, — лукаво улыбнулся Нор Мелик, коротко взглянув на меня и переведя взгляд на жену. Потом он воскликнул: — Добро пожаловать в дом друзей.

— Поздно уже, бек, я выполнил поручение Геворга Чауша и должен вернуться. — Я попрощался с Нор Меликом, раздарил его слугам всю, какая у меня была, мелочь и удалился со своей свитой в Хутские горы. Слуга Гасимбека, Черный Гукас, бывший фидаи, проводил нас до границы с Брнашеном и, расцеловавшись с Хасано, вернулся в Хвенер.

И опять впереди нас шел Хасано.

По дороге Чоло спросил:

— Ты кого же сразил — ханум или птицу?

— Обоих, — усмехнулся шеникский Манук.

— Но ведь это твоя пуля такая удачливая оказалась, а раз так, держи этот жилет с серебряными пуговицами, подаренный мне ханум, — отныне он принадлежит тебе. — И я отдал Чоло дорогой подарок Джемиле.

Тайная свадьба

Вскоре после этого в Алваринче была большая битва, в ней погиб марникский Похэ. Восемь ран он получил. При нем был мешок Геворга Чауша, и сначала думали, что убит Геворг.

Монастырское вино крепкое было, но еще крепче, еще хмельнее считалось вино Алваринча, и все фидаи были строго-настрого предупреждены держаться от алваринчских карасов подальше.

Геворг Чауш с восемью солдатами спустился с горы в Алваринч. Алваринчский староста чин чином принял и проводил их. Но хмельней вина оказалась красавица Ханик. Геворг с полдороги вернулся в село и ночью пришел к Ханик. Ханик всех восьмерых воинов напоила допьяна, а сама уединилась с Геворгом. На рассвете село было окружено врагами. Марникский Похэ и семь других воинов спящими были убиты, а Геворга чудом спас один хутец, спрятав его в заброшенной башне.

Такая вот случилась беда.

После этого случая Геворг сделался молчаливым и задумчивым. Гале и Фетара Манук, чтобы отвлечь его от печальных мыслей, уговорили поехать в леса возле церкви св. Карапета.

Как и всем фидаи, Геворгу Чаушу закон гайдуков запрещал жениться. А Геворг когда-то был влюблен в девушку-сасунку по имени Ехсо, или Егинэ, которую насильно выдали замуж за юношу по имени Пчук.

И вот в те дни, когда Геворг со своим отрядом находился в лесу возле церкви св. Карапета, Егинэ, убежав из Сасуна, пришла в монастырь св. Ована к дяде своему архимандриту Мкртычу.

Вышло так, что я пришел в этот монастырь, чтобы договориться с пастухами, попросить у них еды для ребят. Главный пастух по имени Саргис был родом из села Гомер. Стоя в дверях хлева, я объяснял Саргису, как доставить нам еду, и вдруг вижу — быстрыми шагами приближается к монастырю женщина.

— Ехсо это, — объяснил Саргис.

Я отвернулся, чтобы не заговорить с ней случайно. Прикинулся паломником.

— Мой дядюшка где? — спросила Егинэ пастуха.

— В монастыре, — сказал Саргис. Я увидел, как молодая женщина окинула меня взглядом и вошла в храм.

— Обет какой дала? — спросил я.

— Обет любви, — сказал пастух, с беспокойством глядя ей вслед.

— Вон отсюда! — послышался вдруг гневный голос отца Мкртыча. И мы увидели, как отец Мкртыч вытолкал

племянницу из храма.

— Дядюшка, я пришла в храм просить твоего благословения. Что ж ты меня гонишь? — И Егинэ, рыдая, повалилась ему в ноги.

— Я обрею тебя, негодная.

— Я Геворга люблю, дядюшка.

— А Пчук? Ведь ты его жена.

— Геворг — моя любовь.

— Геворга невеста — его винтовка.

— Ну что будет, если один фидай вместо ружья меня обнимет?

— Бесстыжая!

— Я не бесстыжая. Любить — разве грех? Где ты спрятал Геворга, дядюшка, приведи его ко мне, я скажу ему словечко и умру со спокойным сердцем.

— Не дожدهшься. Смотри, брошу тебя на съедение собакам и воронам! Возвращайся скорей к Пчуку.

— Мне к Пчуку возврата нет, дядюшка. Я полюбила Геворга с того самого дня, когда он вернулся из Алеппо. Приведи его сюда, умоляю.

Теперь стало ясно, что вся эта история связана с Геворгом Чаушем, с самым строгим поборником дисциплины среди фидай, предметом всеобщего нашего восхищения, человеком, который жесточайшим образом наказал своего дядю и убил незнакомую женщину, даже заставил избить меня за то, что я случайно оглянулся на женский голос, окликнувший меня. Неужели такой фидай мог скрывать от нас свою тайну? Ведь старик Макар привел его в этот лес, чтобы утешить его, чтобы он забылся после страшного алваринского побоища. Возможно ли, чтобы Геворг, обманув Макара, пришел в эти края, имея в мыслях встречу с Егинэ?

Множество других самых разных догадок вспыхнуло в моем сознании. Может быть, это враг рукою женщины хочет погубить Геворга Чауша? Возможно, то коварная стрела в образе женщины, и она должна поразить Геворга и лишить нас самого смелого гайдука?

Егинэ последний раз взмолилась, обратившись к Мкртычу: «Целую ноги твои, дядюшка, не губи нашу любовь. Пусть этот храм будет покровителем нашей любви, пусть он даст исцеление нашим сердцам».

И так жалобно взывала Егинэ, что святой отец сел и написал записку Геворгу Чаушу: «Ехсо опозорила твое имя. Пришла в храм и говорит о своей любви к тебе. Как мне поступить с этой безумной?»

Письмо отнес пастух Саргис и в тот же день вернулся с ответом Геворга: «Поступайте, как знаете, я обручен со своей винтовкой».

Едва посыльный вручил ответ отцу Мкртычу, вдруг два всадника соскочили у монастырских дверей со взмыленных лошадей.

Один был Гале, другой — Фетара Манук.

— Святой отец, — обратились они к священнику, — только что Геворг в присутствии отца Степаноса сказал нам: «Пусть Ехсо умрет, сраженная рукою своего дядюшки, а меня похороните в церкви св. Карапета».

— Уведите, вам я поручаю несчастную Ехсо, — сказал отец Мкртыч, в полной уверенности, что эти двое явились убить его племянницу.

И упала Егинэ на колени перед Гале и Фетара Мануком:

— Я знаю, вы пришли убить меня, но дайте мне перед смертью увидеть Геворга.

— Я твой брат, и я исполню твое желание, — сказал Фетара Манук и, посадив Егинэ на своего жеребца, поспешил вместе с Гале в сторону церкви св. Карапета.

Они везли Егинэ, чтобы убить ее в лесу как порочную женщину, осмелившуюся набросить тень на святой храм и на честь всех фидаи вместе с их предводителем. Отец Мкртыч поручил пастуху Саргису посмотреть, где убьют дочь его сестры, а после вырыть могилу недалеко от монастыря. Я тоже был того мнения, что этой женщине не уйти живой из рук Гале и Фетара Манука. Честно говоря, я не мог избавиться от мысли, что это дьявол в образе женщины, что она пришла по приказу султана поразить всех фидаи в самое сердце, лишив их Геворга Чауша. Именно поэтому я считал, что она заслужила смерть. Каково же было мое удивление, когда мы вместе с Саргисом, достигнув леска возле церкви св. Карапета, увидели следующую картину: среди ночной тьмы, под неясным лунным светом стояли Геворг Чауш и Егинэ, Егинэ маленького росточка была и встала на пенек. Перед ними стоял с раскрытой книгой в руках отец Степанос. Сзади стояли Гале — он держал крест — и Фетара Манук с саблей в руках.

— Обвенчай их, святой отец, я отвечаю за это перед народом, — слышался голос Гале.

— И я тоже, — прибавил Фетара Манук. — Поспеши, святой отец.

Отец Степанос, ни звука до этого не проронивший, совершил обряд венчания и даже спел вполголоса: «Вот рука Евы, вот рука Адама», после чего по знаку священника Гале убрал крест, а Фетара Манук разнял руки Геворга Чауша и Егинэ и медленно опустил меч на землю, проведя его между невестой и женихом.

Еще один человек был свидетелем этого необычного венчания в лесу. Он стоял за деревом, взволнованно пыхтел трубкой, и дым колечками поднимался к луне.

Человек этот был старик Макар.

Мы с пастухом Саргисом бесшумно подошли и встали рядом.

Опасный гайдук

После битвы в монастыре Спаханац Макар изменил свое отношение к Геворгу Чаушу. Макар был недоволен и открыто говорил о том, что Геворг неосторожен, кружит все больше на лошади, тогда как фидаи передвигаются пешком: так безопаснее. Макару не нравилось и то, что Геворг доверяет курдским бекам, заходит ночью в их дома, певцов к ним засылает — улестить чтобы — и даже подарки кой-кому делает. И все это — когда курдские беки на каждом шагу предают армян. «Из змеиного яйца голубка не вылупится», — все чаще повторял Макар.

Весьма дерзкой выходкой, достойной осуждения, считал он появление Геворга на тайной сходке османских офицеров в Фархине.

Гибель восьми гайдуков в Алваринче Макар опятьтаки объяснял беспечностью Геворга. А теперь еще это неожиданное венчание в лесу. Все это окончательно подорвало веру Макара в своего предводителя. В свое время гайдуки осудили Родника Сероба из-за Сосе. А Геворг сам, собственноручно, застрелил своего дядю, тоже гайдука, за то, что тот умыкнул женщину. И вот теперь этот же самый Геворг, нарушив обет фидаи, женился тайком от всех. В такое-то время, когда Армения полонена. И то, что вменялось в вину немрутскому герою, позволительно стало Геворгу Чаушу? Так, что ли? Геворг Чауш проводил свои дни главным образом в лесах близ Гомера, Красного Дерева и церкви св. Ована. Кое-кто из фидаи заметил, как их предводитель тайком наведывается в Алваринч. Да, видно, не давали покоя бывалому гайдуку алваринчские карасы с вином и красавица Ханик.

Еще одно серьезное обвинение выдвигалось. Спаханац Макар, происходя от старинного талворикского рода, считал Сасун сердцем Армении, а Талворик — сердцем Сасуна. Он был из тех фидаи, кто считал, что оружие для фидаи должны изготавливать сасунские кузнецы-армяне и не стоит его привозить из Дамаска или еще откуда-нибудь. Восточную Армению, за исключением Карабаха и Зангезура, Макар презрительно называл «страной красоток».

Положение было серьезное. Ведь это я, пробираясь сквозь снег и вьюгу, принес-доставил отряду оружие из «страны красоток». Это я дошел с мушкетером Тиграном до Карса и Александрополя, выполняя приказ Геворга Чауша. Так что упрек Макара отчасти и ко мне был направлен, хотя он и любил меня за то, что я совсем еще юным пареньком пошел в фидаи, искренне желая отдать себя священной борьбе за свободу.

Да что я — весь отряд лихорадило, все потеряли сон и покой.

Но вот однажды, когда все мы были в сборе, пришел к нам на лесную нашу стоянку Утес. И был он на сей раз неузнаваем — ни бурдюка за плечами, ни лохмотьев дервишских.

Он был одет в одежду фидаи строгих тонов, а в руках держал оружие.

Против бывшего воина Арабо, того самого предводителя гайдуков, знаменитого Геворга Чауша затевался бунт, Утес пришел наказать зачинщиков бунта и восстановить единство среди повстанцев.

Кто же был самый главный зачинщик? Спаханский князь Макар. Опустив головы, молчаливые стояли фидаи под дубами. Все здесь были. Один только Чоло отсутствовал... И никак не верилось, что найдется такой, кто осудит Макара и свершит над ним суд.

Но Утес принял решение — обезоружить спаханского князя.

— Если ты тот Макар из Спахана, что свыше двадцати лет носишь оружие, если ты нарушил дисциплину фидаи и погрел честь своего начальника, приказываю тебе сдать оружие. Брось его на землю, — сказал Утес, обращаясь к князю-сасунцу.

Макар стоял сумрачный рядом с Гале — крупная, вся седая уже голова, налитые кровью глаза, губы белые, усы спутались.

Он стоял растерянный, ни слова не говорил.

— Ты, спаханский хозяин, — продолжал Утес, — опасен всем нам сейчас. С тобою несколько талворикских князей только, а с Геворгом Чаушем — весь Тарон и вся Армения. О какой еще «стране красоток» толкуешь ты? Нет такой страны, чушь это. Есть одна Армения, один армянский народ. И я, и Геворг Чауш, и еще некоторые наши фидаи бывали там. И мы никогда не забывали, что гнездо наше — наша земля армянская и что никогда наше яичко не падало в чужое гнездо. Конечно, всюду есть такие негодные курицы — те, что бросают яйцо где попало, — таких кур хозяйка мигом ощипывает и спускает в тоныр. Ты сам из села, знаешь, о чем говорю. Да будет тебе известно — мы не враждуем со своими братьями; напротив, рука об руку должны действовать мы, чтобы освободить страну от султанского ига и занять достойное место рядом с другими свободными народами. А ты этими своими вредными речами наносишь урон нашему делу. Один кузнец Амзе не в состоянии обеспечить оружием всех повстанцев. И поэтому, хотим того или не хотим, мы должны обращаться за оружием в Дамаск или же, как вы говорите, в «страну красоток». Что касается женитьбы Геворга, я согласен, это позорное пятно, но ошибка Геворга не освобождает тебя от ответственности. Повторяю: сложи оружие, если клятва фидаи свята для тебя.

Макар молча отстегнул кобуру, снял с себя кинжал, снял патронташ, что десятки лет с честью носил, и, поглядев с обидой на товарищей, отделился от них, поцеловал оружие и бросил к ногам Геворга Чауша и Утеса.

Быть лишенным оружия — самое тяжкое наказание для фидаи. И мы, сдерживая жалость, смотрели на своего старшего товарища, подвергшегося этой тяжелой участи. Смотрели на широкоплечего седовласого князя спаханского: склонив голову, он стоял перед нами безоружный.

Утес приказал обезоружить также дружков Макара — лачканского Артина, Гале и шеникца Манука. Первые двое безропотно подчинились, а шеникец Манук воспротивился приказу, прижал к себе ружье и говорит: «Не дам! Лучше пулю в лоб получить! Ты что, с моей честью играешь?!»

Князь Макар молча поглядел на Манука; тяжело ступая, приблизился к нему, отнял ружье, ударил Манука прикладом по спине и сердито бросил его оружие на землю.

Утес приказал мне и артонскому Джндо пойти ночью в Шеник и разоружить Чоло — он лежал там раненый.

Послышались шаги — великан в громадных трехах прошел рядом с Геворгом Чаушем и двинулся к лесу. Вот он обнял ствол могучего дуба, медленно опустил постаревшую голову на грудь. Это был князь спаханский Макар. Он плакал, как ребенок, отверженный и одинокий. На всех нас подействовали его слезы; угрюмо потупившись, стояли мы опечаленные.

Сердце Геворга Чауша и без того было переполнено. Он подошел к старому Макару, обнял его и опустился перед ним на колени.

— Ударь меня, отведи душу, дядюшка Макар. Грешен я, знаю, и бог не простит меня. Но воинский грех тяжелее всякого другого.

— Ох, сынок мой, родимый! — прорвало Макара, и он обнял Геворга, прижал к груди его голову.

Оба они были сасунцы и теперь плакали как дети, горькие проливали слезы, потрясшие суровых солдат.

Ровно месяц спаханский Макар был лишен права носить оружие. Он был наказан за нарушение фидаистской дисциплины и за неподчинение гайдукскому своему предводителю.

Сулух

Возле деревни Сулух есть старый мост. На одиннадцати сводах держится. А течет под ним речка Арацани. Река в этом месте довольно широкая, весной же, когда она разливается, ее невозможно одолеть вплавь.

26 мая 1907 года мы с Геворгом Чаушем отправились в Сулух. Днем раньше прибыли сюда алваринчский Сейдо и остальные фидаи. Утром 27 мая сидели мы все в доме моего знакомого сулухца Месропа. Того самого Месропа, чья мать вылечила меня ивовыми прутьями.

Один из наших ребят видел накануне во сне Геворга Чауша в епископском одеянии, на голове — корона в жемчугах. Вдруг, говорит, Геворг исчез, осталось одно только одеяние.

— Небось, ночью голый спал, вот и приснилось невесть что, — рассмеялся Геворг.

Шеникец Манук и ализнанский Муко разогрели воду, и мы с мушцем Тиграном отвели видевшего сон в хлев и посадили в корыто. Пришел Геворг Чауш, вылил на него кувшин холодной воды. Фидаи вскочил и, выхватив из моих рук ковш с горячей водой, плеснул Геворгу на голову. Стали мы все водой друг друга обливать. Один только спаханский Гале не принимал участия в нашем веселье, сидел себе в комнате и спокойно попыхивал трубкой. Вдруг вбегает в хлев хозяин дома, бледный как покойник, и говорит: «Со стороны Муша войско движется».

— Большое? Малое? — спрашивает Геворг.

— Все поле в Хопере черное.

Взял Геворг Чауш бинокль, поднялся на кровлю, а я отдал приказ подготовиться к бою. Все забегали. И только Гале продолжал сидеть спокойно. На редкость медлительным был Гале. Рядом могла пушка выстрелить, а он и бровью бы не повел.

— Эй, Гале, вставай, ты что расселся? — говорю.

— А что, куда торопиться-то? — отвечает Гале, разжигая потухшую трубку.

Пришел Геворг Чауш, озабоченный.

— Сам Скопец Бинбаши идет на нас, — объявил он и распорядился немедленно седлать коней и покинуть Сулух, потому как невозможно десятку людей вступать в бой с целой армией.

Но где взять столько лошадей?

И тут алваринчский Сейдо решительно заявил, что не оставит село. К нему присоединились еще несколько фидаи и курд Хасано.

Гале продолжал невозмутимо курить свою трубку.

Геворг увидел, что мы окружены и боя не миновать, сдернул с плеча винтовку и на ходу стал распределять позиции, где кому встать.

Мне он приказал залечь в старых развалинах за селом. Сам занял высоту, с которой обозревалось все поле Хопера. А защиту моста поручил курду Хасано и еще одному парню из Мушской долины.

Нескольких ребят он отправил к недостроенной церкви — откуда хорошо просматривался большак.

Я взял с собой алваринчского Сейдо, ализранского Муко, мушца Тиграна и пошел к развалинам. Несколько сулухцев присоединились к нам. А Геворг со спаханцем Гале, сулухцем Месропом и его сыном Хуршудом, прихватив десяток местных смельчаков, залегли на кровле.

За церковью устроился шеникец Манук с несколькими вооруженными крестьянами. Хасано со своими ребятами поспешили к мосту.

Скопец Бинбаши был из кубанских татар, хотя кое-кто утверждал, что он кабардинец. В 1878 году он участвовал в русско-турецкой войне как доброволец. Воевал и под Шипкой. В йеменской и македонской войнах стал сотником. Последние годы жил в Муше и подавлял волнения в Сасуне. Он был самым влиятельным военачальником в Багеше. Вообще-то Скопец не имел ничего против фидаи. Он даже симпатизировал Геворгу Чаушу и любил повторять: «Если б я был армянином, то уж как Геворг Чауш». Каждый раз, когда поступал приказ выступить против гайдуков, Скопец через Мехмеда-эфенди или других доверенных людей предупреждал Геворга, чтобы тот принял меры и скрылся.

И вот этот старый воин, кого природа жестоко наказала, поскупившись хотя бы единым волоском украсить его лицо, двигался сейчас с несметным войском к Сулуху.

Это был первый случай, когда Скопец не предупредил Геворга Чауша.

Кругом была голая равнина, и я со своих развалин видел, как движется по большаку рота за ротой в четыре колонны. В глазах моих почернело. Впереди войска вышагивал Скопец Бинбаши

собственной персоной, с ружьем на плече, с саблей наголо. Рядом с ним аскяр — телохранитель, наверное. Войско поравнялось с нами. Слышался тяжелый топот ног — тысячи ног. Пыль столбом стояла. А вот и конница показалась, устремилась к церкви св. Геворга.

Но тут раздались выстрелы с кровли. Следом мы ударили. Неприятельский рожок протрубил тревогу, и султанское войско, наслышанное о «новейшем» оружии гайдуков, в ужасе бросилось врассыпную. Аскяры залегли в ямах. Кое-кто ползком добрался до наших развалин. Кое-кто мертвым прикинулся. А два-три аскяра забрались на стену и нацелились на нас. Один из них даже свесился, хотел схватить за дуло ружье Сейдо.

— Сдавайся! — заорал турок хриплым голосом.

Мой выстрел свалил его. И второго та же участь постигла.

Скопец Бинбаши вдруг повернулся на месте и с ружьем в руках растянулся на земле. Попытался было встать.

Не смог. Перевернулся и скатился в канаву — голова во рву, ноги на большаке.

Увидев падение Бинбаши, султанское войско обратилось в бегство, оставив тело своего тысячника на сулухском поле.

Так бесславно кончил жизнь самый смелый воин султана Гамида.

Трубач-аскяр вскочил на лошадь и хотел было уже бить отбой, но пуля ализрнанского Муко поразила его и, пролетев через трубу, вылетела из затылка. Трубач растянулся рядом с тысячником — голова на большаке, ноги в канаве.

Вдруг мы заметили, что на кровле Геворга Чауша подозрительно тихо. Не видно Гале, а один из сулухцев, встав на колени, склонился над раненым — кто-то из наших ранен, значит.

— Геворга подбили, — прошептал Сейдо.

Я кинулся туда. Гале, ослепший на оба глаза, лежал возле колодца. Геворг Чауш, раненый, сидел рядом. Пуля врага пробила навывлет грудь Геворгу, другая застряла в левом колене, когда он перезаряжал ружье.

К вечеру мы были вынуждены оставить Сулух: из Муша на нас двигались новые силы.

Сойдя с кровли, я в последний раз зашел в дом, где лежали Геворг Чауш и Гале. Шеникец Манук скорбно сидел возле них. Сейдо с кремневкой на плече стоял, облокотившись о стену. Он был ранен в руку. Мушец Тигран и ализрнанский Муко сидели тут же.

— Гале кончился, а Геворг еще жив, — доложил шепотом шеникец Манук.

Я приказал срочно покинуть Сулух. Все встали.

— Геворга привязать к спине лошади, а Гале бросить в реку, — приказал я.

Все чувствовали, какое это тяжелое решение, но другого выхода у нас не было. Шеникец Манук взял своего старого товарища за руки, поцеловал его окровавленное лицо; ализрнанский Муко взял Гале за ноги, и они, раскачав, бросили его в Арацани. Только мгновение видели мы, как

приняли мутные воды Арацани тело нашего героического товарища. Никогда еще не был Гале таким быстрым — течение подхватило его, умчало. Куда унесло, куда умчало — бог весть.

Сулухец Месроп привел нам лошадь. Мы привязали Геворга к спине этой лошади.

Шеникец Манук пошел впереди, следом двинулся я с несколькими гайдуками. За нами — алваринчский Сейдо, взявшись раненой рукой за уздечку. С одной стороны лошади шел мушец Тигран, с другой — ализрнанский Муко. Шествие замыкали жители Сулуха во главе с Месропом.

Темень стояла непроглядная. Аскяры подумали — мы из их войска, пропустили нас; под конец только сообразили, в чем дело, стрельбу подняли. Попали в лошадь Геворга. Я успел подхватить Геворга и потащил его на себе. Лошадь скатилась в Арацани.

Курд Хасано, который с несколькими ребятами охранял мост, сильным огнем обеспечил наше отступление. И мы, по очереди неся Геворга Чауша на спине, доставили его в село Хашхалтах.

Я подошел к Геворгу Чаушу, последний отрезок пути его нес Сейдо.

— Рана у тебя легкая, Геворг, — обнадежил я товарища, помогая опустить его на тростник.

— Мое дело конченное, и это божья кара, — слабым голосом прошептал гайдукский предводитель.

— Из-за одного человека не стоит всех подвергать опасности. Оставьте меня здесь, а сами идите дальше. Ехсо и Вардгеса оставляю вам.

Возле Хашхалтаха Медовая речка, соединяясь с Драцани, образует треугольник. Мы решили оставить Геворга в зарослях тростника, но не одного, а с сулухцем Месропом. Мы оттащили Геворга в глубь зарослей, устроили ему подстилку из тростника, устлали ложе свежей травой. В последнюю минуту Геворг показал глазами на свое оружие и бинокль. Бинокль я взял, а оружие оставил при нем.

Два солдата попробовали глубину реки в этом месте. Вода доходила до подбородка, а местами покрывала с головой. Два пловца перевели шеникца Манука, а потом меня и остальных гайдуков.

На нашей дороге лежало небольшое село Сндзнут. Мы спрятались в часовенке при кладбище. На рассвете в часовенку пришел сельский звонарь. Увидев нас, он страшно удивился и сказал, что в селе войско султана и потому нам не следует выходить из часовни. Звонарь поднял каменную плиту в алтаре, и мы спрятались в подполе, тесно сгрудившись. Шеникец Манук был опытный человек, самый бывалый среди нас; он почувствовал, что звонарь, видать, трусливый и может выдать нас, и потому не дал звонарю уйти, стащил его к нам и медленно опустил каменную плиту.

Звонарь думал, что мы беглые каторжники, и в качестве новости поведал нам, что вчера в сулухском поле была большая битва между султанским войском и фидаи. И что в битве этой погиб сам Скопец Бинбаши.

— От чьей пули? — спросил шеникец Манук.

— Геворг Чауш убил его.

Воодушевленный нашим вниманием, звонарь поведал, что на поле брани осталось много сотников, тысячников, а уж воинов султанских, polegших на поле брани, не счесть.

— Все поле сулухское в трупах, — сказал он, — а конники султана рыщут по селам, Геворга Чауша хотят найти, ранен он, говорят, и жену его с ребенком приказали найти.

Фидаи, усталые, заснули, а звонарь продолжал рассказывать, сидя на коленях у шеникца Манука.

С наступлением сумерек мы покинули часовню. Перед тем как уйти, мы связали звонаря и закрыли его в часовне, чтобы он не знал, в каком направлении мы уходим.

Я отправил своих гайдуков с шеникцем Мануком в Красное Дерево, приказав ждать меня в кленовом леске. Алваринчского Сейдо я поставил замыкающим. Впереди должен был идти Хасано. Я вручил им бинокль Геворга Чауша, свою сумку, одежду и оружие и, одевшись турком — погонщиком быков, пошел обратно в Сулух. Я переплыл вновь реку Арацани и добрался до тростников в ту минуту, когда аскяры выносили оттуда тело Геворга Чауша, чтобы везти в Муш.

Сулухца Месропа среди них не было.

Геворг Чауш умер 28 мая на рассвете, сжав в руке сорванные в агонии травинки.

Аскяры отправили меня за подводой. Я пошел в село и, взяв из первого армянского дома подводку с упряжкой быков, вернулся в заросли тростника. Я обнял мертвое тело своего любимого предводителя, положил в телегу и, медленно погоняя быков, повез Геворга Чауша к Мушу.

Я доехал до местечка Сломанные камни. Это рядом с Мушем. В Муш я не вошел.

Мехмед-эфенди вышел с оркестром встретить тело Геворга Чауша. Он увидел меня на подводе, сердито выругался в адрес фидаи, но, сняв шапку, молча встал рядом с телегой, словно в траурном карауле.

Он по-прежнему был в жандармской своей форме, с белым платком на шее. Накануне в Муше с почестями и музыкой похоронили Скопца Бинбаши. Тот же военный оркестр проводил тело Геворга Чауша на кладбище возле Сачки-Дурана. Здесь хоронили всех фидаи, которые после смерти попадали в руки султанских чиновников. У меня на глазах Геворга опустили в могилу, и солнце Тарона закатилось.

Мехмед-эфенди, облокотившись на облучок, стоял рядом со мной, внимательно следя, чтобы не было беспорядков.

— Ступай, мой сын, — тихо сказал мне Мехмед-эфенди, когда рядом с нами никого не было. — Ты то монах, то погонщик быков. Господь с тобой. Битва в Сулухе потрясла весь Муш. Всю ночь я оплакивал в одиночестве Геворга, но днем я должен изображать жандарма, такова моя участь, что поделаешь. Есть приказ султана найти и уничтожить всех фидаи, велено хоть из-под земли достать жену и ребенка Геворга Чауша. Для этого специально вызван в Муш Мхе-Чауш. Возвращаясь к своим, придумайте что-нибудь, чтобы спасти Ехсо и ребенка Геворга. Хотя бы у поливальщика Фадэ спрячьте на первое время. Он живет среди снегов и облаков, туда солдаты не сунутся.

Я погнал пустую телегу в Сулух. Печально возвращался я той же дорогой. На мосту я остановился. Волны Арацани, как черные буйволы, толкаясь, катили вперед. Я оставил быков на мосту и с криком: «Ах, чтоб дом твой рухнул!» — бросился в обезумевшие волны. Я переплыл Арацани и снова добрался до села Сндзнут, пошел к знакомой часовне.

Звоняря давешнего там не было.

Той же ночью я прошел горами в Красное Дерево.

Макар и Манук

После смерти Геворга Чауша его отряд остался на мое попечение. Мало было воинов наших, но все закаленные в боях верные парни.

Добравшись до Красного Дерева, до лесочка кленового, я первым делом распорядился спрятать жену и сына Геворга Чауша в монастыре св. Карапета.

Вскоре мы узнали про приказ наместника Багеша и управляющего Муша объявить по всей стране розыск. В приказе было сказано: если кто посмеет спрятать семью преступника, будь то целое село, монастырь или церковь, — все без различия подвергнется уничтожению.

А еще через два дня пришел к нам архимандрит Хесу. Я глазам своим не поверил — святой отец плакал. Он просил забрать из монастыря семью Геворга Чауша. «Правильно ли из-за одной женщины и ребенка подвергать опасности целый монастырь и село?» — сказал старый священник.

Что делать? Надо было спасать Егинэ и Вардгеса любой ценой. Собрались мы все, стали совещаться.

Артонка Джндо предложил переправить Егинэ и Вардгеса в Хут к курду Гасимбеку и его жене. Хасано и Аладин Мисак проводят их. Хутский бек, можно сказать, названный брат Геворга, он сам себя так называл еще совсем недавно.

Фетара Ахо и Град Тадэ предложили отвезти Егинэ к архимандриту Мкртычу, родному ее дяде. А один из фидаи сказал: «Кто совершил этот позорный обряд, кто обвенчал их, тот пусть и отвечает теперь за их жизнь», — и предложил поручить дело спасения Егинэ Фетара Мануку и отцу Степаносу.

Спаханац Макар, опустив голову, молча перебирал четки. Рядом с ним сидели шеникец Манук, Борода Каро и Чоло.

Я прочел на лице дядюшки Макара: «Верно, что я был против женитьбы Геворга, я взбунтовался против него и понес за это наказание, но жена Геворга моя дочь, свет моих очей Ехсо. Геворг — половина моей души. Теперь, когда Геворга нет, его честь — моя честь, его наследник — мой наследник. И если Макар не поможет Егинэ, значит, нет у Макара совести».

И поднялся с земли спаханский исполин, надел на себя оружие, опустил тяжелую руку на мое плечо и сказал:

— Я пойду спасать Егинэ и малого Вардгеса. Отведу их в Сасун. Живой вернусь — честь нации спас, значит; а умру — не велика потеря. Дед Макар стар уже. Одна у меня только просьба будет: положите меня рядом с Геворгом, если что.

Следом поднялся шеникец Манук.

— Я Макара одного не пущу, и я с ним пойду. Фетара Ахо и гелиец Пето тоже поднялись на ноги. И мушец Тигран присоединился к ним. Ахо поглядел на небо — ничего хорошего небо не предвещало.

Расцеловались, попрощались мы со своими товарищами. Дядюшка Макар так с нами прощался, словно никогда больше не должен был увидеть нас. Фетара Манук тоже был печален. Он затанул свою знаменитую «Беривани».

Макар с ребятами поднимались по горной тропинке, а мы стоя глядели им вслед. Вдруг шеникец Манук бегом вернулся и как закричит:

— Чоло, Чоло, не оставь моих деток сиротами!

Чоло не выдержал, заплакал, как малое дитя.

Через день Ахо и гелиец Пето вернулись. И Пето рассказал:

«Спаханский Макар отправил шеника Манука в монастырь за женой Геворга Чауша и мальцом, а сам с ребятами прошел Куртык-гору и на рассвете вышел к Фетаре. И вдруг видим — идет шеникец Манук, ведет Егинэ и малого Вардгеса на руках несет. Дядюшка Макар обрадовался и говорит: «День в Фетаре проведем, отдохнем, а ночью отправимся в путь». Только он это сказал, а Ахо нам говорит: «Это что за черная полоска на горе, овцы это или же козы?» Но не овцы это были и не козы. Что же тогда? Послали мы одного крестьянина, чтоб поближе подошел, посмотрел, в чем там дело. Крестьянин вернулся и говорит: «Не овцы и не козы, османское войско это, ищут жену Геворга Чауша и ребенка, а еще тех фидаи, которые увели их из монастыря».

Старик Макар, который думал день в Фетаре провести и передохнуть, надел трехи и встал. Он приказал мне с тремя ребятами залечь возле Торчащего Камня у Амре Гяли, а сам решил продвигаться вперед по склону. Шенику Мануку он велел двигаться следом. Надо было без выстрелов пройти сквозь войско.

— А как же быть с Егинэ? — спросил шеникец Манук.

— Сынок, аскаров много, а судьба у меня, видать, черная, — сказал дядюшка Макар. — Мы Егинэ с мальцом с собой взять не можем. Парня отдай первой попавшейся армянке, даст бог, спасется ребенок, а Егинэ не должна живой достаться врагу, нельзя допустить надругательства. Убей ее и догоняй нас.

Мы с Фетара Ахо были уже возле Торчащего Камня и вдруг видим, враг открыл огонь — взял в кольцо Макара с Мануком. Стали мы сверху стрелять, а окруженные ребята — снизу. Расчистился маленький кусок, и дядюшка Макар с Мануком добрались до нас. Враг был внизу, у подножья, а мы все — на вершине Амре.

Но верно сказал князь Макар — судьба у него была черная. От монастыря св. Ована подошло свежее войско и перекрыло все подходы к Амре. Мы вынуждены были отойти по единственной свободной тропе.

Быстро мы шли, а Макар старый, ноги уже не держат. Дошли мы до шалаша одного знакомого курда, взяли у него хлеба и пошли дальше. Макар, видим, совсем выбился из сил. Взяли у того же курда осла, посадили на осла Макара. Надо было одолеть Чанчик-гору — тогда бы мы вышли к Шенику.

Макар ослабел, даже с осла падал, он попросил нас пристрелить его, а самим подумать о своем спасении. Но у кого рука поднимется на дядюшку Макара? Сняли мы с него оружие, сняли патронташ, думали — легче ему станет. Но нет. А враг быстро догонял нас, уже в нескольких шагах был. Первая пуля достала спаханского князя. От раны Макар разгорячился, поднялся с земли и пошел — с нашей помощью, правда... Уж не помню как, но добрались мы до вершины Шеника.

Внизу лежала долина Семи Ложек, а чуть подальше начинались раздольные луга Мркемозана, Хошканский старейшина курдов Рзго-ага должен был быть где-то неподалеку. Рзго был старым знакомым спаханского князя. Макар попросил оставить его в летнем доме Рзго, а самим идти дальше, пока войско нас не настигло.

Шеникец Манук не согласился оставить раненого Макара у курдов. «Я дал слово умереть с тобою, дед», — сказал Манук и остался с Макаром.

А мы пошли дальше. Я издали уже увидел, как пошел Манук к палатке старейшины, чтобы распорядиться насчет Макара. Вдруг один из курдов Халил-аги, находившийся тут же, в ярости опустил топор на шенинца Манука. Манук не растерялся. Выхватил ружье, двух-трех курдов уложил наповал, еще нескольких ранил, а сам, раненный в руку, побежал в сторону Шеника, родного своего села. Макар остался один. Курды Халила набросились на раненого, к тому же безоружного старика, и прикончили его топорами и кинжалами.

Манук бежал вниз, к Шенику, и стрелял, призывая на помощь односельчан, но село было окружено войском, подошедшим из Семала. И шенинцы, поднявшись на свои кровли, беспомощно смотрели на земляка своего Манука. И тогда гайдук в гневе разбил о камни винтовку и, вспрыгнув на скалу, под которой зияла пропасть, выстрелил себе в лоб и упал, как орел, в бездну.

Один турецкий офицер, увидев эту героическую и красивую смерть, воскликнул: «Жаль, джигит, что тебя армянка родила!»

Отстреливаясь, мы дошли до ущелья Ласточек — это возле самого Семала. Мы были спасены. Но не было больше с нами дядюшки Макара и шенинца Манука...»

...Когда гелиец Пето закончил свой рассказ, нам всем показалось, что мы слышали сказку о какой-то легендарной битве, случившейся давным-давно с неведомыми богатырями.

— А что стало с Егинэ и младенцем, ведь Макар собирался отвезти их в Сасун? — спросил я.

— Ну да, шеникец Манук привел их из монастыря, чтобы Макар отвел в Сасун. Но я же рассказал, как все получилось. Шеникец Манук отдал ребенка какой-то старухе, а мушец Тигран, переодевшись женщиной, повел Ехсо в Мушскую долину.

В медвежьей берлоге

Прятаться в пещерах стало опасно. В глубине леса я нашел замечательное укрытие. То была медвежья берлога. Я уже три месяца не брился. Волосы мои спутались с бородой, всем обликом своим я походил на медведя еще более, чем сам хозяин леса.

Наклонился я, заглянул в берлогу. Большой серый зверь, положив голову на лапы, спокойно дремал в глубине берлоги. Он поднял голову и увидел меня. И был поединок между мною и этим зверем. Я убил медведя, и, вытащив его тушу из берлоги, подвесил на дерево. Потом набрал листьев и травы и, выделав медвежью шкуру, постелил ее в берлоге.

И вот я лежу в своей новой обители на мягкой медвежьей подстилке и все думаю, ломаю голову — что же стало, думаю, с Егинэ и Вардгесом, с женою и сыном Геворга Чауша? После гибели спахакского Макара и шеникца Манука я перед богом отвечаю за их жизнь.

Прошла неделя, другая — мушец Тигран не показывался. Тысяча разных догадок возникла у меня. Может, думаю, их нашли и убили по дороге, может, арестовали и препроводили в Багеш, а может, Тиграм убил Егинэ и теперь не смеет показаться мне на глаза?

И вот однажды, под вечер дело было, перед моим пристанищем возник мужчина в женском платье, на руках младенец, рядом Егинэ, жена Геворга Чауша.

Мужчиной в женском платье оказался Тигран. В женском платке, повязанном на манер мужских женщин, под самым носом, он и в самом деле был похож на женщину, не отличишь. У него был крайне усталый вид.

Я знал, что Тигран способен на самые неожиданные поступки, и все же увиденное мною превосходило все прежние его выходы.

Я развел огонь, и мы вместе поужинали остатками медвежатины. А потом мушец Тигран рассказал:

«По приказу дядюшки Макара шеникец Манук отдал младенца Вардгеса одной фетарской старухе. Но Егинэ села рядом и не уходит, не может расстаться с ребенком. Я тяну Егинэ за руку: пошли, мол. А фетарская старуха ей: не ходи, Егинэ, тебя убьют. Егинэ встала на колени передо мной и говорит: Тигран, или ты умрешь, или спасешь жену Геворга и его ребенка. А убьешь меня, вся нация будет считать убийцей матери». Ужасное было положение. Я знал, что все дороги перекрыты, что надежды на спасение нет. И я подумал: ладно, будь что будет! Оделся женщиной, взял Егинэ и Вардгеса, пошел к Мушу. Потому еще женщиной оделся, чтобы свои же не убили, увидев гайдука рядом с женщиной.

Пошли мы прямо через султанское войско. И смех, и грех. Опустил я голову и иду. Вдруг чувствую — конец уса высунулся из-под платка. Какой-то аскарь хотел схватить меня за руку, а тут откуда ни возьмись — Мехмед-эфенди. Как закричит на аскаря: «Не видишь, что ли, странница с ребенком!» Аскарь убрал руки, и мы благополучно выбрались из окружения».

...Только Егинэ с ребенком прилегла на шкуру, перед нашей берлогой слышались шаги. Я схватил ружье и высунул голову из берлоги:

— В чем дело? — спросил я по-турецки.

— Тут женщина не проходила с ребенком?

— Нет, здесь одни медведицы живут, да и тех уж нет. С кем имею честь разговаривать?

— Мехмед-эфенди я, не узнаете, а рядом со мною Мхе-Чауш стоит, — прозвучал ответ. — Наконец мы вас нашли. До того уж вам туго пришлось, что в медвежью берлогу спрятались. Прячьтесь не прячьтесь, мы вас и из-под земли достанем, ни одного фидаи в живых не оставим.

— Ты вероотступник Мехмед-эфенди, я знаю тебя... — Да, это я, а рядом со мной еще более жестокий кровопийца, знаменитый Мхе-Чауш, — прерывая меня, с особым ударением сказал Мехмед-эфенди, словно бы нагоняя на меня страху, а на самом деле давая понять: кончайте-ка вы, мол, этого Мхе-Чауша, я для этого его сюда привел.

Мхе-Чауш был из хианских курдов. Известный палач Мушской долины, встав во главе банды головорезов, он упорно преследовал фидаи и сейчас во что бы то ни стало хотел найти жену и ребенка Геворга Чауша и тем самым выслужиться перед султаном. Жандармский начальник Мехмед-эфенди изловчился и привел его прямо под гайдукскую мстительную пулю. Какой честный человек не порадовался бы смерти этого чудовища! Один выстрел — и нет Мхе-Чауша. Уничтожать таких извергов — долг и обязанность всех поколений во все времена.

На мой выстрел Мехмед-эфенди и трое вооруженных головорезов кинулись было в берлогу.

— Мхе-Чауш, я трижды за тебя отомщу! — крикнул начальник тайной полиции и, приказав бандитам отойти, один ворвался в берлогу.

По всей стране вероотступник Мехмед-эфенди слыл жестоким и не ведающим человеческих чувств убийцей. Рассказывали, что он один идет в тайники фидаи и убивает всех, кто под руку попадется. Один, дескать, делает дело целого отряда.

Головорезы тут же убрались прочь, унося с собой мертвого Мхе-Чауша и ничуть не сомневаясь, что начальник жандармов перебьет всех спрятавшихся в берлоге фидаи.

Мехмед-эфенди несколько раз выстрелил в воздух;

после каждого выстрела он стонал и выкрикивал проклятия, изображая предсмертные стоны убитых. Потом, схватив мушца Тиграна, стал делать вид, что бьет его, но при этом тихонько приговаривал по-армянски: «Бессовестный, слуханное ли дело, чтобы фидаи женщиной вырядился, усы платком прикрыл! Оденься немедля мужчиной и уводи отсюда Егинэ. Насчет младенца я распорядился, его переправят в Ван. Оба мы вынуждены притворяться — ты вон надел женское платье, чего не сделал бы ни один армянский мужчина, а я изменил вере, и это самый великий грех на земле. Но мы с тобою герои, и народ наш, думаю, не плюнет нам в лицо».

Мехмед-эфенди снова начал палить в воздух и, выбравшись из берлоги, давай сердито водить клинком по траве, будто бы кровь вытирает, потом решительно двинулся к поджидавшим у скалы головорезам. Те обступили его.

— Эфенди, нельзя же всех подряд убивать, — сказал один из них. — Все только и говорят о том, какой вы жестокий.

— А сами они не жестокие разве? Только что на ваших глазах убили Мхе-Чауша! А где наш Скопец Бинбаши? — театрально заговорил начальник жандармов. — Гяуры, с одной стороны, салоникиские турки — с другой, так и норовят свергнуть султана. Бомбы копят, собирают оружие. Против кого? Против меня и тебя. Вали и мутасариф велели отыскать жену и ребенка гяура и мы их отыщем... Но пойдём-ка отсюда, хватит, — и Мехмед-эфенди поправил на шее белый платок.

— А как быть с Мхе-Чаушем, — оставить здесь или же взять с собой? — спросил перепуганный курд.

— Положите в какую-нибудь яму, он погиб в бою. Курды спихнули тело Мхе-Чауша в ближайший ров,

засыпали его землей и пошли следом за начальником

жандармов.

Артонк

Ах, Геворг Чауш, что же это ты сделал с нами? Зачем ты пил алваринское вино, зачем совершил тяжкий грех? Как быть мне теперь, скажи? Послать Аладина Мисака с мушкетером Тиграном, чтобы как-нибудь переправить Егинэ в Ван, или же попробовать спрятать ее в Артонке?

Артонк в полчасе ходьбы от Вардениса. Красивое село Артонк, и ты, Геворг, наверное, не раз бывал здесь. Алваринский Сейдо с Джндю пойдут сегодня туда.

Нет, давай-ка я и Аладина Мисака следом пошлю. Так мы и сделаем, Геворг. В Чхуре находится Артонк, и там живет гордый народ, до того гордый, что когда они абы надевают, то только одну руку продевают; получается, что накидывают абу на себя, и вид у них при этом горделивый такой.

И пустились в путь алваринский Сейдо и артонкский Джндю, пошли к Чхуру, и аба на Джндю была надета на манер артонкских жителей. А за ними следом поспешил в Артонк певец мой Аладин Мисак.

Была осень 1907 года. С Кавказа в Муш прибыл молодой деятель по имени Завен. Он пришел заключить союз с Нор Меликом — соглашение между армянами и курдами. Местом переговоров назначили Артонк. В один день с алваринским Сейдо и артонкским Джндю прибыл в Артонк хутский бек со своими слугами, и среди них слуга-армянин, которого прислал ему в свое время Геворг Чауш.

И сели переводчиками алваринский Сейдо и артонкский Джндю между кавказским Завеном и курдским беком.

Что кавказский Завен ни говорил, Нор Мелик соглашался. И взялся курдский бек с десятью тысячами своих курдов да с помощью армян-повстанцев свергнуть султанскую власть в Муше и поставить там править армян и курдов.

И союз был заключен.

После чего обе стороны, выпив за удачу, обнялись и пожелали благополучного исхода делу.

Когда курд увидел, что Завен и Джндо опьянели, он отпустил их спать.

Радостный, в приподнятом настроении, лег в постель алваринчский Сейдо. А когда они заснули, Нор Мелик позвал своих слуг и велел убить всех троих.

Долго ждал своих товарищей Аладин Мисак. В тревоге ждал, когда товарищи выйдут из дома. В полночь слуга-армянин в слезах выбежал из дому и молча прошел рядом с ним.

И понял Аладин Мисак, что артонский Джндо, алваринчский Сейдо и кавказский Завен убиты. И, прислонившись к стене, песней оплакал смерть товарищей и оплакивал их до самого утра.

«О наивные фидаи, как могли вы довериться хутскому беку? Когда ветер дул вам в спину — вы пришпоривали коней, когда сбоку дул — вы натягивали поводья, когда спереди дул — вы спешили и поворачивались к ветру спиной, и лошади смиренно следовали за вами. Как же вышло, что вы не поняли, откуда дует ветер. Давно утекла та вода, что под мостом Сулуха бежала. Какая лошадь ступает в свой след? Прошли те дни, когда Нор Мелик был дружен с фидаи и красивая Джемиле лечила в своем доме руку раненого Гале. Тогда хутский бек приходился братом Геворгу Чаушу. А Джемиле называла себя его сестрой. Имя Геворга наводило страх на противников бека, вот и дружил он с гайдуками. Но умер Геворг, и кончилась его власть, как всякая власть кончается, когда нет хозяина.

Хутский бек сказал, что он устроил эту бойню, отомстив за убитого Геворга, но это была ложь, он осквернил память Геворга.

Увы, давно рухнул тот мост, который вы пришли наладить. Один конец моста опирался на коварную грудь мирзабековского рода, а другой — на честное сердце сасунского дома.

Мирзабековский род происходил от прославленного рода Аладина-паши. Коварными были люди этого дома, и Аладин-паша давным-давно проклял своих предателей родичей.

В мирзабековском доме даже родные предавали друг друга. Ведь что рассказывает старая песня о них. Однажды семь братьев пришли в село и хотели поставить своих лошадей в конюшню. Первый брат завел свою лошадь в конюшню, но дверь была низкая и разбила седло, и брат не предупредил остальных. Второй брат потянул лошадь — то же самое случилось с ним, но он тоже не предупредил следом идущих. И с третьим повторилась та же история, и с четвертым... Так все семеро лишились седел. И с тех пор род этот прозвали «Малайхафт» — Коварный Дом Семи Седел, или, по-другому, Род Семи Седел.

О горе, алваринчский Сейдо, и артонский Джндо, ведь человек из «страны красоток» впервые пришел в Мушскую долину и ничего про здешние дела не знал, но вы-то опытные были, вы-то про все знали, как же вы попали в сети, расставленные Домом Семи Седел?

И особенно ты, алваринчекий Сейдо, ты, который день и ночь с ружьем в руках сторожил на Свекольном Носу, ты, который прошел сквозь все битвы и любил повторять: «Еще дашнаков, еще гнчаков в нашей стране не было, а мы уже революционерами были». Как же ты, светлая голова, землепашец честный, дал провести себя Семи Седлам?

Оплакивайте все артонкское горе, оплакивай Варденис, и Азахпюр, и Арагил.

Оплакивайте смерть алваринчского Сейдо, артонкского Джндо и кавказского Завена!»

С этой песнею двинулся из Артонка к Хвнеру Аладин Мисак. Он дошел до прохладного леска, того самого, где каждое утро хутский бек разбивал красный шатер для своей красавицы Джемиле.

Аладин Мисак пел. И занялась заря, встало солнце над леском и над всем белым светом. Но не вышла из своих чертогов красавица курдянка, и верный слуга-армянин не вышел на порог. Из Артонка вернулся Нор Мелик и тем самым оружием, что прислал ему в подарок Геворг Чауш, убил ночью слугу Змнтлика-Саака и жену свою Джемиле. Ах, горе, Геворг Чауш, зачем ты выпил хмельного вина из карасов Алваринча и совершил грех в горах Сасуна!

Сасун-Эрменистан

Мы еще сидели в медвежьей берлоге, когда пришла весть, что салоникское войско вошло в Константинополь и власть сменена. И было обращение ко всем армянам-фидаи оставить горы, сдать оружие и вернуться в свои села, заняться мирным трудом.

По указанию Мехмеда-эфенди я отправил Егинэ с мушкетером Тиграном в Ван, а сам, взяв оружие и бинокль, с Аладином Мисаком направился в сторону монастыря Аракелоц.

Я был похож на дикаря. Я весь зарос, и кожа моя задубела от ветра и стужи, Аладин Мисак тоже не лучше меня был. На боку его висел мешок с горсткой сухого листа вместо махорки и куском просяного хлеба.

Повыше нас на тропке показались курды. Остановились, поглядели на нас, — наверное, поняли, что гайдуки, — и вдруг закричали хором: «Идите, идите сюда, свобода!» Один из них подошел к нам вплотную и, не обращая внимания на наше оружие и страшный вид, крикнул: «Фидаи свалили султана Гамида с тахты! Сасун Эрменистаном станет, армяне, курды и турки — братья!»

С ближайших сел и дорог слышались отдельные выстрелы. Чем ближе подходили мы к монастырю, тем сильнее делался радостный шум. Неужели это тот самый край, где шли кровопролитные бои между горсткой гайдуков и султанским войском всего лишь несколько лет назад? Мимо часовенки Богородицы под звуки военной музыки текло черное войско, нацепив на штыки белые ленты. К Мушу двигалось. А со склонов Чанчик-горы и Цирнкатара спускались группы сасунцев.

Они тоже спешили в Муш.

Вскоре монастырь и его окрестности обезлюдели. На кладбище монастырском остался одиноко стоять согбенный старичок с палкой в руках. Встав у хачкара Давида Непобедимого, он молча смотрел в огромную зияющую яму у ног. То был настоятель монастыря отец Ованес. Яму эту он вырыл собственноручно. Возле ямы лежал могильный камень с надписью: «Здесь покоится архимандрит Ованес. Аминь». Была высечена дата рождения, дата смерти отсутствовала...

— Святой отец, — сказал я, — неужели эта радость не нашла отклика в вашем сердце? Забудьте про эту яму, ведь над Арменией взошла заря.

— Моя заря — в этой яме, — не поднимая головы, прошептал настоятель монастыря.

Оставив старика возле ямы, мы с Аладином Мисаком поспешили к фидаи. Мы нашли их в лесу возле монастыря св. Карапета. Все они спустились с гор и сидели теперь вразброс на пнях и камнях, поджидали меня. Не было только лачканского Артина.

Я сообщил им, что Султана Гамида свергли и завтра в Муше большой праздник, а мы приглашены участвовать в торжествах и публично должны сложить оружие.

Я заметил, что товарищи мои выслушали это сообщение потупившись, каждый словно заглядывал в невидимую разверзшуюся перед ним яму.

— Вы все знаете отца Ованеса, — продолжал я. — Это такой добряк, что полонники обращаются к нему, называя «Святой Аракелоц», будто перед ними сам храм, а не человек. Вчера, когда мы с Аладином Мисаком проходили мимо кладбища Переводчиков, мы увидели отца Ованеса возле большущей ямы. А когда я сказал ему, что над Арменией взошла заря, святой отец ответил, что его заря в этой самой яме. Глядя на ваши мрачные лица, я вспомнил отца Ованеса. Что вы повесили головы? Или перед вами тоже яма? Гляньте, у всех нас одичалый вид, а дикари упрямые бывают. Вопрос поставлен просто — нас зовут спуститься с гор, сложить оружие и вернуться к своим делам. Ремесленник вернется к своему ремеслу, землепашец — к своему плугу.

— Я свое оружие не сложу и из гор не уйду, — заговорил первым Фетара Ахо. — Передо мной нет никакой ямы, но моя заря настанет, когда народ наш армянский свободно вздохнет.

— Мы своей цели достигнем, когда на нашей земле власть будет армянская и мы не будем пленниками всяких беков и ага, — ввернул Франк-Мосо.

— Конституцию приняли, чтобы опять на голове у народа сидеть, — недовольно пробурчал Борода Каро.

— Плевать мне на все! — коротко заключил Чоло. — Без Сейдо на кой мне конституция?

— Ты скажи салоникским правителям, что, пока фидаи жив, он с оружием не расстанется. — Говоривший был Аджи Геве.

— Ах, когда же придет тот день, когда я посею чудесное зерно на полях свободной Армении!! — вздохнул Курава Шмо.

— Никогда не придет этот день, ежели мы оставим оружие, — бросил Каро.

— Сегодня фидаи есть, а завтра он падаль, пожива для ястребов и коршунов. Давайте положим конец этой бродячей жизни, сдадим оружие, пойдем по домам, — предложил ализрнанский Муко.

— Сорок лет продержались фидаи! — Перед ализрнанским Муко встал разгоряченный Молния Андреас. — Мы же дали слово умереть с оружием в руках, как же тебе совесть позволяет говорить такое?!

— Я домой не пойду. Снова хозяйство заводи, то-се, не по мне это... Лучше я в горы подамся. В случае чего, всегда можно пойти к себастиюцу Мураду или же к Дяде, на худой конец. — Град Тадэ взял свою кремневку и пошел прочь.

Я спросил Фетара Манука, что он намерен делать. Манук ответил:

— Трудно поверить, чтобы турок позволил в Сасуне или Муше Эрменистан образовать. Недаром говорят: бойся врага, который не дает тебе того, что ты у него просишь, и говорит, что любит тебя.

— Ударь его топором в ответ на его ложь. Враг, который не дает тебе того, что ты просишь, и скалит зубы, — такого остерегайся. Враг, который дает тебе то, что ты просишь, — этому верь, этот друг, а не враг.

— Значит, ты не веришь, что что-то изменилось? — спросил я.

Манук в ответ только выругался, как Чоло, и натянул на плечи лохматую абу.

— А если я потребую сдать оружие и вернуться домой?

— Я домой не вернусь, я в этой стране больше не останусь. Пойду в Россию, в «страну красоток». Там меня никто не знает, — сказал Манук.

— А ты, Исро?

— И я...

— Чоло, ты?

— Я в горы пойду, пастухом.

Франк-Мосо сказал:

— Я вернусь в Норшен, к своей Какав. Побуду пока в нашем селе писарем или рассыльным, пока на пятки не наступят.

— А я подамся в Америку, — сказал Бамбку Мело. — А как народу станет худо, вернусь, снова ружье в руки возьму. Жизнь, она не кончилась ведь. Фидаи еще понадобятся.

— Америка? А чем хуже наш Хасгюх? Вот послушай, что я тебе расскажу. Один зиланский курд увидел впервые мельницу и спрашивает удивленно: что, мол, это такое? «Это святой», — отвечают курду, в шутку, конечно, говорят, а тому невдомек, поверил, значит. Повалился на колени и давай целовать крутящийся жернов, а потом как закричит: «Этого святого надо почитать издали!» — и кровь с лица вытирает. Смекаешь, к чему рассказываю? Америка твоя — как этот жернов, ее издали лучше любить, — сказал я.

Некоторое время гайдуки молчали. Бамбку Мело смотрел вверх головы Франка-Мосо на верхушку тополя, там сидела сорока. Молния Андреас с острыми, как стрелы, усами, достигающими до самых ушей, мысленно был уже в горах Хлата, а Аджи Геву с потухшей трубкой в руках насвистывал свое «ло-ло». Чоло приводил в порядок походный мешок. Борода Каро и Ахо

уговаривали Фетара Исро не сдавать оружие. Фетара Манук сидя рядом с Аладином Мисаком, неотрывно смотрел в одну точку. Айсор Абдело, опершись на кремневку, ждал моих распоряжений. Задумчив был конюх Барсег, в последний раз следивший за тем, чтобы фидаи прикрыли ладонью оговьки папирос. Рядом с ним, насупившись, разбирал ружье Ахчна Ваан.

Все были недовольны, никто не верил в мир.

Но, пожалуй, тяжелее всех было Бриндару. Сколько сухих деревьев ошкурил он, чтобы разжечь бездымный огонь для фидаи, сколько груза перетаскал с места на место, чтобы удостоиться в конце концов права носить оружие и выказать наконец свою храбрость... И что же? Объявили хуриат, и фидаи должны сложить оружие. С каким же лицом Бриндар вернется домой, что скажет землякам, чем похвалится перед ними? Не скажет же он, что все эти годы разжигал огонь в Марникском лесу и ни разу из ружья не выстрелил. И прозвище-то какое — Бриндар, раненый то есть, а на самом деле ни одной раны, ни одного рубца, позор да и только. И он решил податься в Константинополь, поступить куда-нибудь учиться, а уж как сложится после этого жизнь, там видно будет.

Мое положение было самое трудное. Распуская фидаи, я оставался ни с чем.

Мы разбились на три группы.

Ализрнанский Муко, Франк-Мосо и Ахчна Ваан решили сложить оружие и вернуться домой. Бамбку Мело надумал идти в Хасгюх, а оттуда в Америку. Молния Андреас решил податься в Хлат. Аджи Гево ушел в Марникские горы, насвистывая свое «ло-ло».

В нерешительности был Курава Шмо, потом и он ушел в те самые скалы, где нашел редкое зерно, — он решил тайком высевать это зерно и ждать того счастливого дня, когда можно будет засеять им поля освобожденной Армении.

Фетара Ахо, Чоло, Борода Каро и Орел Пето во главе с Фетара Мануком ушли в Сасун, в горы. И Исро с ними ушел.

Каждый пошел искать свою зарю. А я с Аладином Мисаком и остальными гайдуками (с нами были также курд Хасано и айсор Абдело) вместо того чтобы идти в Муш, направился к Татраку.

Саженец репы

Возле села, где жила Змо, на дороге, ведущей в Муш, показался мужчина с лопатой на плече. То был Фадэ. Он участвовал в празднике по случаю принятия конституции и в приподнятом настроении возвращался из Муша в Сасун.

— Султана с тахты спихнули, слышали? — завопил он, увидев нас. — Талворик станет Эрменистаном! Этой же ночью все казематы взорвут к черту! — Фадэ был уверен, что отныне на свете не останется ни одного ружья и он прямо с завтрашнего дня пойдет возделывать дедовское поле.

У Фадэ по-прежнему шапка была сдвинута набекрень, а штаны закатаны до колен.

— Где проходил праздник? — спросил я.

— У мушского хана Аслана-Каплана, перед правительственным домом.

— Кто стоял на помосте?

— Все там были. Салех-паша, Сервет-бей, Мехмед-эфенди, Аджи Феро, Сло Онбаши, Расул-эфенди.

— А кто речь держал?

— Салех-паша.

— Что паша сказал?

— Он сказал, что конституция — для всех и всех согреет в равной степени.

— Если султана действительно сбросили с тахты, а тахту сломали, — заметил я, — все перечисленные тобой люди должны были оказаться под обломками, а не на помосте, где место одним героям. Что еще сказал паша?

— Салех-паша выпил за армян-фидаи и так закончил свою речь: «Яшасын эрмени фидайлар! Яшасын хуриат!»* Тут все закричали «ура», громко так кричали, кто как мог.

---

* «Да здравствуют армянские фидаи! Да здравствует свобода!» (турецк.).

— А Гасимбек, тот, кто убил Джндю, тоже на помосте был?

— Громче всех он кричал.

— Еще что было?

— А то, что архимандрит Хесу расцеловался с Салехом-пашой.

— Значит, и Хесу там был?

— Он пришел позже и стоял между Мехмедом-эфенди и Гасимбеком. Когда Салех-паша сказал: «Теперь между турком и армянином нет разницы, все мы равны перед законом, все мы братья», — они с Хесу обнялись и расцеловались.

— Фадэ, — сказал я, — ты мудрый человек, скажи, чем все это кончится?

— Да все этой же лопатой моей. Царь, священник, кум, сват, ружье, пушка — все на кончике этой лопаты сидят. Вода шумит, лопата звенит — вот вам и жизнь, — сказал Фадэ.

Он стоял спиной ко мне. Задрав голову, он смотрел на родные горы. Вдали на солнечном склоне Хтанской горы поблескивало озеро — это было маленькое ячменное поле Фадэ. С шумом

сбегали с гор ручейки, как белые козлята, прыгивающие со скал. Те самые ручейки, которые не раз вводил в берега поливальщик Фадэ. Попадая в тень, они мгновенно чернели и начинали походить на диких черных козлов, а потом, попав снова на свет, алели, освещенные солнечными лучами, и становились похожими на красных сказочных коз.

Взгляд Фадэ скользнул к серому зданию каземата, построенного на его поле.

— Завтра этого здания здесь не будет, — торжествующе сказал Фадэ.

— И ты веришь, что все арсеналы уничтожат?

— Этой же ночью султанское войско должно покинуть Сасун.

— Если снесут каземат, что посеешь на этом поле?

— Репу. Все ручьи сюда пушу, чтобы отшибить дух пороха. А потом все поле засею репой.

— А что, тюрьмы тоже, сказали, снесут?

— Не будет отныне в этой стране ни тюрем, ни войска, ни казематов. Все фидаи, объявленные вне закона, с сегодняшнего дня свободные люди. Арестантов выпускают на волю.

— Ты сам, своими глазами видел это?

— На городской площади, примыкающей к мушской тюрьме, судья-турок прочел имена политических заключенных и через узкую дверь вывел всех на площадь.

— Ты кого-нибудь узнал? Кто первым вышел?

— Первым был Тер-Поторик.

— Дальше?

— Вторым карнинский Согомон шел, седой весь; затем — семалец Кятит Манук.

— Еще?

— Дальше шли авранский Арам, Цронац Мушик, Бдэ Мисак и Мамиконян Зорик из Архи, этот на сто один год был заключен. Зорик из бус красивую феску для сына тюремщика связал, на феске мечеть и минарет, и молла молится, «аллах» говорит. Зорик, когда из тюрьмы выходил, протянул тюремщику и говорит: «От архинского Зорика, на память».

— А ты что делал на этой площади?

— Вах, как это что делал? Да разве же можно такой вопрос задавать тому, кто эту лопату в руках держит? Позвали мусор с площади собрать.

И, поправив лопату на плече, гордо зашагал к Талворику поливальщик Фадэ. Пошел сажать на месте каземата репу...

Впущенные из тюрьмы заключенные разошлись по домам. Были отпущены также многие крестьяне, обвиненные в содействии гайдукам.

В тот же день орда султанских воинов, рота за ротой, покинула Сасун. Только они скрылись из виду, гелийские крестьяне за одну ночь снесли здание каземата. В груды обломков были превращены казармы в Семале и в Ишхандзоре. Вихрем слетел с горы поливальщик Фадэ и вместе с земляками своими талворикцами давай крушить каземат в Верхнем селе — расчистили поле, все камни до последнего скинули в ущелье и пустили на поле воду. Омыла, очистила затвердевшую землю вода. Лопата перелопатила освобожденную землю; вспахали ее, провели борозды, а через несколько дней из-за пазухи земли показался вечный вестник весны — зеленый росточек.

Я со своими фидаи приближался в это время к селу Татрак.

Смерть лачканского Артина

Повыше Татрака в ущелье еще одно село есть. Сидит под зеленой скалой, притаилось, на челе — поле красного проса и поле гороха. Входя в село, мы увидели старика. Он направлялся к нам.

— У нас в доме больной фидаи лежит, — сказал мне старик.

— Кто? — спросил я.

— Не знаю, но только худо ему очень. Просил принести ружье.

Пошли мы со стариком. Аладин Мисак осторожности ради стал в дверях, а я вошел в дом.

Он лежал в хлеву, под головой его была подушка, укрыт он был старым одеялом, из-под которого выглядывала нога в прохудившемся носке. Рядом лежал мешок, на мешке — старые, ссохшиеся трети.

Я узнал его сразу. Это был лачканский Артин.

Увидев меня, он отвернулся, словно застыдившись, что нарушил обет фидаи.

Фидаи и постель — слуханное ли дело?

Гайдукам полагался саван, но сасунцы никогда не брали его. Сасунец предпочитал умереть на поле брани и почитал за благо быть похороненным в горах без савана и даже без священника. А тут...

Я мог тут же наказать этого гайдука и одной пулей спасти его честь. Но как, как тут выстрелишь?! Ведь это мой товарищ, двадцать лет бок о бок сражались мы.

Артин был из самых старых солдат. Храбрый, отчаянный сасунец, он участвовал в битвах при Кураве, Шеник-Семале, Лачкане, Гомере. Лицом он напоминал тигра и дрался как тигр, особенно с той поры, как шеникец Манук отдал ему свой маузер. Спор между ними длился месяцами, наконец шеникец Манук уступил ему свой «смит-и-вессон», а сам стал обладателем его прекрасной винтовки. Один только месяц лачканский Артин лишен был права носить оружие — когда он восстал против Геворга Чауша вместе со спаханским князем Макаром.

Когда султана объявили вне власти, Артин с товарищами решил водрузить знамя свободы на вершине Андока. Но им не удалось дойти до цели, они добрались только до Чесночного Камня. Я смотрел и не верил глазам: человек, не знавший подушки, всю жизнь проведенный в боях, лежал беспомощный в неприглядном сельском домишке, вернее — в хлеву, откуда не было видно ни Мушской долины, ни Сасунских гор.

— Я болен, Махлуто, а ружье мое не при мне. Человека вот за ружьем отправил. Неужели я заслужил такое? Убей меня, Махлуто. Я должен умереть от пули. И, знаешь, несколько раз выстрели, будто бы бой. — Вдруг он оживился, что-то вспомнив. Даже присел в постели. — Ты помнишь, Махлуто?

— Что?

— Ту песню, которую мы пели?

— Помню, как же, — сказал я, лишь бы успокоить его.

— Ну так спой вместе со мной.

И лачканский Артин тихим голосом затянул старую песню фидаи, отбивая такт рукой: «Вот град пошел...» И снова: «Вот град пошел... Всех за-щи-тит... хра-брый мсти-тель фи-даи...»

Он устал, видимо, и следующие слова пропел совсем тихо, почти неслышным голосом.

Мы пели вместе, глядя друг на друга. Он схватил меня за руку и хотел было приподняться, еще что-то вспомнил, видно.

— Помнишь, как мы поднимались на гору Пшпуш и встретили курдов? Перестрелка началась, и твое ружье скатилось в овраг. Град Тадэ вместо тебя спустился в ущелье и принес твое ружье, честь гайдука спас.

Этот случай вовсе не со мной произошел, а с кем-то другим, но он продолжал вспоминать бессвязно и все говорил: «А помнишь?..»

— А помнишь Кятина Манука? Помнишь, ночью буря была, а гамидовцы все полегли, перестреляли мы их. Помнишь, как мы Медовую речку переплыли, лошади в пене были. Торчащий Камень помнишь? — Вдруг он засмеялся. — А старосту Татара помнишь? Из Верхнего квартала, тот, что змееныша в карман слепому Сло положил, старейшине Хианка... «Сул-тан хотел всех нас по-бить... прос-нись, сыно-чек, пора тебе в бой...»

Артин стал свистеть и прищелкивать пальцами. Я понял, что он ждет старика с ружьем.

— Все, никто нас не тронет больше. Кончилось это, — сказал я. — Конституция. Вставай.

Он повеселел.

— ...я на эту конституцию. Скажи ребятам, пусть не сдают Оружие. Севкарского Сако помнишь?.. Позапрошлой зимой мы с Чоло и Гале были у Гасимбека в Хутских горах. Гале умер. Махлуто, продолжай, ты же с нами был.

— Да что вспоминать, настало время для радости, — подбодрил я его.

— Казармы все еще стоят в Сасуне?

— Нет, — сказал я. — Снесли уже. Фадэ засадил поле репой.

— На Андоке знамя есть?

— Нет, но будет. Вставай.

— Да что же они в эту стужу пустились в дорогу... Бедные ишхандзорцы... Это не Мурад сидит на Чесночном Камне?..

Он уже бредил.

Я вышел из хлева. Через некоторое время слышались выстрелы. Старик, значит, принес ему ружье, и лачканский Артин испустил дух под звуки выстрелов — будто бы на поле боя.

Выстрелили в воздух и мы с Аладином Мисаком, оповестив мир о кончине храброго гайдука.

Так умер старый солдат Геворга Чауша, герой-фидаи, сасунец с лицом тигра.

Ализрнанский Муко

После объявления хуриата Франк-Мосо, как сказал, сложил оружие и вернулся домой. Он стал писцом в своем селе и быстро разбогател. В селе его стали звать Мосо-ага. Но через три года он спалил свой дом и, взяв оружие, ушел в горы. Бамбку Мело тоже недолго прожил в Хасгюхе. Он продал свое оружие и отбыл в Америку.

И ализрнанский Муко поначалу вернулся было в село, в родной Ализрнан, но косурские курды, узнав, что Муко вернулся, предложили ему службу при ружье и лошади. Муко принял их предложение и пошел к косурским курдам из хаснанского аширетства вооруженным слугой.

И поскольку была объявлена свобода, по селам и городам свободно пошли гулять песни и устные рассказы о храбрых фидеаи, сражавшихся против султана. В рассказе про героическую битву в Сулухе особую роль отводили ализрнанскому Муко.

Вот как рассказывал об этой битве Цахик Амбарцум:

«Для того чтобы рассказывать о храбрецах Муша, нужно на семь дней запастись едой, водой и табаком, сесть в доме, закрыть дверь и ердык. Я буду рассказывать, а вы слушать.

В Сулухской битве светлой памяти Геворг Чауш и ализрнанский Муко бились рядом. Мутасариф сказал Бинбаши:

— Бинбаши, наши сборщики налогов принесли весть, что Геворг Чауш со своими ребятами до Сулуха дошел. Собери-ка свое войско да ступай в Хоперское поле.

Бинбаши ответил:

— Мутасариф, я этой ночью сон видел — лежал я, убитый, на Хоперском поле. Лучше не посылай меня против Геворга Чауша.

— Но у тебя — тысяча, а у Геворга десять-пятнадцать человек всего.

— Все равно, если я пойду, один из нас будет убит.

— Убит будет Геворг. Стягивай свое войско на Хоперское поле.

И стянул Скопец Бинбаши свое войско на Хоперское поле.

А Скопец Бинбаши и Геворг друг другу как братья были, тайный союз между ними был.

Геворг поднимает бинокль к глазам и видит: едет Скопец Бинбаши на скакуне, а все поле до Сулуха черным-черно от султанского войска.

— Нелюдь! — кричит Геворг. — Что же ты вышел против меня, что с тобой сегодня случилось? Ведь ты другом мне был! — И на глаза Геворга слеза набежала.

Прицелился Геворг в Скопца, да промахнулся.

Ализрнанский Муко и говорит:

— Господин Геворг, разреши мне.

— Стреляй, разрешаю.

Муко выстрелил, скопец с лошади и скатился. Помощник Скопца саблю выхватил, забрался на лошадь Бинбаши и кричит своим — вперед, мол.

Султанское войско не слушает его, поворачивает назад и наутек. А трубач ихний хочет дуделку свою ко рту поднести, да тут Муко снова стреляет, и пуля его трубача того насквозь прошибает, трубач падает мертвый, и в это время, в эту минуту, Геворг кричит: «Микаэл, меня убили!» Муко обнимает Геворга, стаскивает его с кровли, сам идет обратно и до вечера один держит бой против турок. А в руках — один маузер и одно ружье. А как стемнело, ализрнанский Муко с ребятами взяли Геворга на Хоперское поле, уложили там на траве, расцеловались с ним, «прощай» сказали и ушли».

— А где теперь ализрнанский Муко?

— Слугой у курдов стал.

— Такой человек пошел в слуги? — удивились люди и пошли разыскивать Муко.

Дошла эта история и до мутасарифа, и он в свой черед послал людей, найти Муко и привести к нему.

Нашли Муко люди мутасарифа — в простой одежде, слугой у косурских курдов был, — привели его в Муш. Мутасариф ему говорит:

— Весь мир о твоей удали песни поет, а ты слугой к курдам нанялся?

— Что делать, эфенди, у каждого своя судьба, — ответил Муко. — Дживаншаху сказали: «Жить тебе долго, но мук твоих много будет». Моя жизнь вроде этого.

— Ты храбрый человек, а храброму достойная служба нужна. Давай сделаю тебя полицейским, живи среди людей, честь честью, — сказал мутасариф. — Оружие тебе нужно — получишь оружие, конь нужен — коня дам.

И оставил ализнанский Муко службу у курдов, сменил одежду, казенное оружие и лошадь получил, сделался полицейским.

Прошло несколько месяцев, и видит Муко — грязное это дело, недостойное честного фидая. Пришел к мутасарифу и говорит:

— Не хочу больше у тебя работать.

— Почему это? — удивился мутасариф.

— Не могу, эфенди, кусок в горло не лезет. Лучше я в батраки наймусь, с людьми все же буду.

И сдал Муко коня и оружие мутасарифу, а сам ушел в родное село, стал снова землю пахать.

А в один прекрасный день покинул Муко и родной Хасгюх — вышел на дорогу с прут в руках, пошел, погоняя впереди себя буйвола. На полдороге повстречался ему крестьянин из Хута, тот в Алваринч шел по делу и тоже в руках прут держал.

— Эй, братец, — говорит ему Муко, — давай-ка мы с тобой прутьями поменяемся. Не отказывай, брат. Кто знает, может случиться, я тебе понадобится.

— Я в Хуте, ты в Муше, небось не увидимся больше.

— Э, неисповедимы пути господни, вдруг да увидимся. Хутец сказал:

— Да об чем речь-то, тебе прут этот нужен — бери.

Поменялись прутьями. Ализнанский Муко пошел в Хасгюх. Хутец в Алваринч пошел.

Алваринчский староста приходился хутду племянником. Хутец рассказал старосте: дескать, так и так, встретил я чудного человека, давай, сказал, поменяемся прутьями, может, сказал, и я тебе когда понадобится.

Староста говорит: «Ей-богу, дядюшка, ализнанский Муко тебе повстречался, не иначе».

Узнал про все это мутасариф и велел с ализнанского Муко подать изыскать.

Сборщик налогов Хачатур-эфенди со своими заптиями приходит в Хасгюх — турки Алнфернан это село зовут..

— Который тут Муко? — спрашивает.

— В чем дело, эфенди, я Муко.

— Ты должен государству три золотых, даю тебе срок три дня.

— Хоть три года дай, где мне три золотых взять? — говорит Муко.

Хачатур-эфенди приказывает одному из заптиев побить плетью непослушного крестьянина. Но заптий отказывается поднять плетку на Муко.

Хачатур-эфенди сам берет плетку и бьет Муко. Тут вмешивается староста Гаспар, отбирает у сборщика налогов плетку со словами: «Муко не тот человек, чтобы его били».

Ализрнанского Муко бросают в сарай, и дверь за ним запирают.

А в сарае — один буйвол и еще несколько арестованных крестьян.

— Ребята, вы что сидите грустные, давайте подведите буйвола под ердык, — говорит Муко.

Берут буйвола, ставят под ердык. Ализрнанский Муко прыгает на буйвола, хватается за верхние балки и через ердык выбирается на кровлю. Идет к себе домой, берет свое ружье, возвращается и снова становится на кровле. Видит — сидит Хачатур-эфенди возле стены, перебирает четки. Кричит сверху:

— Это ты, Хачатур-эфенди?

— Я, кто же еще.

— По какому такому праву притесняешь народ?

— По государственному праву.

— Раз так, сейчас я тебя по этому самому праву и порешу. — Сказал и спустил курок. Прямо в сердце попал.

— Ох, загубил мою душу... — прошептал Хачатур-эфенди.

— Для этого я и пришел сюда. — И Муко с ружьем в руках через ердык прыгнул в комнату и увидел — сбились запертые в кучу и от страха под себя наделали.

— Не бойтесь, не трону вас, — сказал Муко, — идите расскажите про все, что было, мутасарифу. А если спросит, где сейчас ализрнанский Муко, скажите — пошел в Цронк.

Сказал и не мешкая направился в Цронк. Пять дней оставался он в Цронке, в доме старосты гостил. Потом видит, не идут за ним, собрался на пятый день уходить и говорит старосте цронкскому:

— Староста, я в Муш пошел, ежели кто спросит. Сказано — сделано. А навстречу ему — десять полицейских. Их главный говорит:

— Братцы, дадим-ка этому дорогу.

А кто-то из запертых ему на это:

— Он один, а нас десять. Почему это десять должны одному дорогу уступать?

— Да ведь это ализрнанский Муко, — говорит главный. — Тот, что Хачатура-эфенди убил. Вон у него револьвер сбоку висит и ружье в руках.

Десять человек разом расступаются. А Муко спрашивает у главного:

— Вы почему это мне дорогу уступили?

— А потому, что ты ализрнанский Муко.

— Но ведь закон в ваших руках, что же вы меня испугались?

— Мы не тебя испугались, мы пули твоей испугались, — отвечает полицейский.

Муко добрался до дома мутасарифа, когда тот уже укладывался спать. Постучался.

— Кто там? — спрашивает мутасариф.

— Я, эфенди, Муко.

Мутасариф открыл дверь. Муко вошел.

— Откуда в такой поздний час? — спрашивает мутасариф.

— Из Цронка.

— Хачатура почему убил?

— Моей вины тут нет, эфенди. Мы спустились с гор, чтобы спокойно свой хлеб сеять, но, видишь, из-за трех золотых в тюрьму упекают.

— Что ж, правда твоя. С сегодняшнего дня назначаю тебя сборщиком податей вместо Хачатура-эфенди, — сказал мутасариф. — Пойдешь завтра по селам и всех должников отпустишь по домам. В нашей стране люди должны без страха в душе жить, хуриат ведь.

Обрадовался ализнанский Муко и согласился быть сборщиком налогов. Взял девять заптиев и приступил к делу. Работал он до осени. Всех бедняков из тюрьмы выпустил, а богатеев, наоборот, на их место затолкал. Как-то раз на лошади направлялся в Хасгях и видит: шесть вооруженных курдов поймали на дороге хутца-армянина (тот в Крдагом направлялся), хотят раздеть, ограбить. Крикнул Муко издали:

— Не бойся, Погос, я здесь. Вот и свиделись мы: ведь я тот человек, с которым ты прутом поменялся.

Муко освободил хутца, а шестерых курдов обезоружил и привел в Хасгях, сдал властям.

Да, а мутасариф-то, оказывается, решил тайком убить сулухского героя. Один из заптиев узнал про это и тихонечко на ухо Муко шепнул:

— Этой ночью мутасариф собирается тебя убить.

Ализнанский Муко вытащил из кармана золотой, подарил заптию и, когда приехали в Муш, пошел прямо к мутасарифу.

— Эфенди, — говорит, — мне отлучиться надо.

— Иди, — отпустил его мутасариф, — но поскорее возвращайся.

У Муко при себе револьвер был и ружье. Он из управления — прямым в дом к мутасарифу.

— Ханум, — говорит жене мутасарифа, — дай мне оружие мутасарифа, все, какое есть, мы с ним вместе по важному делу уезжаем.

Взял оружие мутасарифа, поднялся на Алваринч, пошел к Канасару. Только его и видели.

Борода и Марта

А что стало с другими гайдуками?

Чоло в пастухи пошел. Град Тадэ убежал с оружием в руках в неизвестном направлении. Говорят, его видели в окрестностях Багеша. Молния Андреас перешел Хлатскую речку и ушел на Немрут, дожидаться лучших дней. Ахо, Манук и Исро тоже сделались беглыми, не согласились сдать оружие. «Не вернемся, — сказали, — пока Сасун не объявят армянской землей».

Беглыми стали также Борода Каро и Орел Пето.

Прилег Каро под могучим дубом и предался размышлениям. Почти пятнадцать лет был он гайдуком. Несколько раз ходил за оружием на Кавказ. Участвовал в многочисленных битвах. Не было в живых старых и новых боевых друзей — Макара, Гале, шеникца Манука, Сейдо, артонского Джндо. Не было самого Геворга Чауша. вот уж год как не было лачканского Артина. Никого почти из старых фидаи не осталось. Да и эти все разбросаны, кто при оружии, а кто, забыв про него, дома сидит; кое-кто, как он, в горах прячется. Неопределенное, непонятное положение, а годы идут. Где искать правду?

И Борода Каро решил жениться. Раз хуриат объявлен, надо действительно сделать Сасун Эрменистаном. Жениться, но на ком?

В Ишхандзоре жила девушка по имени Марта. Двоюродной сестрой Тер-Каджу Адаму приходилась. Давно уже нравилась Бороде, давно уже в мыслях у него было жениться на ней, «Как только сложу оружие, — думал он, — прижму ее к своей груди вместо ружья, заживем славно».

А как же свадьба, как же венчание, как же праздник? Все это, конечно, хорошо, только откуда у гайдука столько времени и средств, чтобы на свадьбе его семь свирелей играло? И прямо из-под дуба направился Борода к Тер-Каджу Адаму в Гели. Вызвал Адама на улицу и говорит:

— У тебя сестра есть, теткина дочь. Красивая девушка.

— Есть, — сказал Адам.

— Где она сейчас?

— В горах, Борода, в Хгере с матерью.

— Ты помоложе меня, Адам, ступай-ка в Хгер да вызнай, где там Марта, в каком доме обретается?

— Так ведь Марта обручена.

— До колыбели дело дошло?

— Нет.

— Что-нибудь еще было?

— Нет.

— Ну, так иди в Хгер и выполни мою просьбу. Адам пошел-пришел и говорит:

— Спит в постели у своей матери.

Тер-Кадж Адам обещал Бороде помочь умыкнуть Марту. Условились, что Адам на следующий день пойдет к своей тетке в гости и останется у них ночевать.

— А как же мне узнать, что ты дома?

— Если увидишь возле двери веник вверх тормашками, значит, я дома, входи смело. А как кашляну — хватай Марту и беги.

На следующий день к вечеру Каро вскочил на коня и помчался в Хгер во всю прыть. Только раз остановился он по дороге. Остановился потому, что увидел великана, да какого! Каро даже дрожь пробрала.

«Видать, нечистая сила поставила его у меня на дороге, чтобы я опоздал», — сказал он про себя.

— Эй, великан, а ну дай мне пройти! — крикнул Каро еще издали и рукой махнул: посторонись, мол. Великан только рассмеялся и говорит:

— Кто ты такой, давай померяемся силами?

— Я — Каро, Борода Каро, слышал? Товарищи мои погибли за свободу, не узнав женской любви. Ты что же, и меня хочешь лишить ее?

Великан молчал и не двигался с места.

— Ох, умереть мне за тебя, с семьей именами святой Карапет — вскричал Каро, сошел с лошади, да как подошел к великану, как согнул, связал в сноп, отнес на обочину, поставил там и сам сверху сел.

Исполин, задыхаясь, кричит из-под Бороды:

— Отпусти, умираю!

Усмехнулся Каро, ослабил одну веревку.

— Прошу тебя, отпусти, — взмолился великан.

Каро еще одну веревку ослабил.

— Ты — бог, — сказал великан.

— Остальные не сниму, — сказал Каро и, оставив великана, опутанного веревками, на обочине, продолжил путь.

Еще утренняя звезда не взошла, а Борода Каро был уже в Хгере, где стояли летние дома ишхандзорцев. Лошадь вся в мыле была. Борода ослабил подпругу, потрепал коня по холке и сделал несколько кругов, чтобы остыл конь.

Потом подошел к дому Марты. И видит — веник стоит, как условлено, и дверь приоткрыта.

Марта лежала в постели матери, одна рука под подушкой, другая с кровати свесилась. Ветерок Сасунских гор и блики луны играли на ее волосах, заплетенных в косы.

Мать услышала шаги, подняла голову:

— Кто это?

— Борода Каро я, матушка, — кланяясь с порога, сказал Каро.

— Что делаешь здесь ночной порой?

— За Мартой пришел.

— Рассвета не мог дожждаться?

— Не мог, матушка, одним духом примчался. Лошадь еще горячая, на дворе стоит.

— Моя дочка за сына старосты идет. Напрасно явился, гелиец.

— Пусть все старосты со всеми своими сыновьями соберутся — никто не сможет отнять у меня Марты. Всего-то я и хочу на этом свете — одну девушку.

— А чем жену свою думаешь прокормить?

— Горячим своим дыханием.

— Горячим дыханием сыт не будешь. У старосты — богатство, а у тебя в кармане пусто.

— Я сейчас побогаче всех старост, матушка, потому как султана с его тахты спихнули. Я и Марта наполним Сасун нашей любовью и деток народим всем на радость...

— Ну и день же ты выбрал, чокнутый гелиец! Сегодня у нас в гостях сын моей сестры Адам, вон он лежит в углу, и кинжал под подушкой. Ежели встанет, спасения тебе не будет, так и знай.

Тут Адам кашлянул.

— Это он кашляет, слышишь, уходи скорее. У нас для фидаи девушек нет. Скоро в доме старосты семь свирелей на свадьбе моей Марты будут играть, а я плясать буду.

— Если плясать надумала, пляши сейчас, матушка, я Марту твою увез! — сказал Каро и сгреб в охапку девушку, выхватил из постели, только их и видели. — У меня на свадьбу времени нет и денег, чтоб семь свирелей играло! — крикнул он уже со двора, уносясь на коне прочь.

— Адам, парень, Марту увезли, вставай! Эге-гей, люди, эй, талворикцы, вы что спите, спасайте мою Марту, честь девушки идите спасать! — вскричала ишхандзорская мамаша, выскакивая из постели.

И крик поднялся над летними домами Хгера: дескать, фидаи Каро умыкнул ночью невесту старостинного сына.

— Куда поехал, в какую сторону? — размахивая кинжалом, Тер-Кадж Адам бросился к дверям.

— В ту сторону, к Мркемозану, через Кепин...

— Пеший был или же на коне?

— На коне! Девушку в рубашке прямо на седло кинул и умчал!

И встали ишхандзорцы против гелийцев, пошли на них войной.

Упрямые и отчаянные были ишхандзорцы, не дай бог против их воли пойти. Это о них говорили: «Ежели буря на дворе, значит, ишхандзорец собрался в дорогу».

И началась из-за Марты война в Сасунских горах, покатались с вершин камни-валуны, загремели горы и ущелья.

Испугалась Марта, вздумала убежать домой, но Каро начеку был. Он Марту, чтоб не убежала, привязал себе на спину и один-одинешенек, спрятавшись в скалах, отбивался от ишхандзорцев.

Отец Марты вынужден был обратиться в Константинополь к самому патриарху армянскому. Ему сказали:

«Поймай Бороду и отними свою дочь». Но кто может поймать Бороду? Он то за Чесночной Скалой появляется, то на склонах Андока, то в горах Чанчика, то на Бримо. С ружьем в руках, с Мартой, привязанной за спиной. Вот вам и Борода.

Правительство встало на защиту старосты и чуть не пол-Гели в тюрьму побросало. А толку-то?

Под конец дело поручили мушской церкви.

— Спасите мою дочь, — мать Марты повалилась в ноги архимандриту Хесу.

— Откуда он умыкнул девушку? — спросил святой отец.

— Из постели, со мною в одной постели спала.

— А что же, в доме вашем ни одного мужчины не нашлось?

— Тер-Кадж Адам спал в углу. Пока он встал, пока выхватил нож, фидаи с моей дочкой в горы умчался.

— Я дочь твою вызвал на исповедь. Если скажет:

«Да, я по своей воле убежала с ним», — я бессилен что-либо сделать; если же скажет: «Борода увел меня силою», — я верну под родительский кров девушку. — И отец Хесу отправил ишхандзорскую мамашу домой.

В Талворике село есть, называется Мазра. Боясь, что Марта скажет на исповеди, что ее увели силою, Борода отвел ее к одним знакомым в Мазре. Постучался он к ним и говорит:

— Вот моя невеста, пусть она у вас побудет денька два, а вашу дочку отпустите на один день со мной.

Оставил Каро Марту в этом доме, у знакомых своих, взял хозяйскую дочь за руку и вышел из дому.

Потом вернулся, приоткрыл дверь и говорит:

— Смотрите лучше за Мартой, а не то я вашу дочь уведу вместо нее.

И закрыл за собой дверь.

По дороге он дочку своих знакомых стал учить, чтобы, когда святой отец заговорит с нею, та отвечала бы, будто она Марта и что по своей воле вышла замуж за Каро, что и родители уже согласны, не слушайте, мол, отца с матерью моих, это они так, для виду говорят.

— Все поняла? Вот и хорошо. Пошли, значит, в Муш, — сказал Каро.

— Да ведь поздно, давай где-нибудь заночуем, а утром пойдем, — сказала девушка.

— Нет, ночью же и пойдем.

— Да зачем ночью-то идти, ведь свобода, хуриат.

— Хуриат хуриатом, а я оружия не сложил, и значит — беглый я, вне закона.

И пришли они ночью в Муш, да прямо к архимандриту Хесу.

— Я своею волею вышла замуж за Каро, не слушай моих отца с матерью, святой отец, — сказала девушка из Мазры, переступив порог церкви.

— Ахчи, из-за тебя тут целая война поднялась, чуть весь Сасун не спалили! Тебя как звать? — обратился к девушке отец Хесу.

— Марта.

— Каро тебя откуда умыкнул?

— Из постели моей матери.

— Насильно?

— Почему же насильно? А кто же веник в дверях поставил?

— А как же сын старосты?

— Я Каро люблю. Когда на свете есть гайдук, что такое староста?

— Молодец, дочка.

— А как в супружестве жить мирно, знаешь?

— Почему же нет? По широкой дороге рядышком пойдем, узкая попадется тропинка, друг за дружкой пойдем, Каро впереди, а я за ним, толкаться не будем.

— Идите с миром, будь благословен союз ваш! Многие фидаи умерли, не узнав семейного тепла. Пусть хоть этот один будет счастлив.

— Доброй тебе ночи, святой отец, — сказала девушка и вместе с Каро вышла из церкви.

Каро отвел девушку домой, вручил ее родителям, а сам взял свою Марту за руку — и в горы.

Обильная роса рассыпала жемчужины на изумрудную зелень. И пошли Каро с Мартой, ступая по белым лилиям и красной повилике. Перед ними ковром расстилались то синие цветы, то желтые. И пошли они, обнявшись, рука об руку, а когда узкая тропинка попалась, друг за дружкой пошли — впереди Каро, за ним Марта.

Дошли они до высокой скалы, присели отдохнуть. Марта уже смирилась с судьбой своей и не пыталась больше бежать.

Так поженились Каро и Марта. Но с гор они не спустились. Зажгли лучину среди Сасунских гор и прожили там до 1915 года.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

К Багешу

Началась первая мировая война. Все оставшиеся мои гайдуки, вооружившись, пошли в добровольческие отряды.

Главнокомандующим Первым добровольческим полком был Андраник, Четвертым полком командовал Дядя. Андраник назначил меня своим помощником при коннице. Он дал мне коня, а конюхом стал мой старый гайдук Барсег.

Барсег по-прежнему был преданным, услужливым работником. Когда, задумавшись, забыв про все, уходил я вперед, он, держа лошадь под уздцы, медленно шел за мной и, изредка сворачивая сигарку, протягивал ее мне — кури, мол, пусть на душе полегчает. И Аладин Мисак тоже был в моей коннице, и он в свой черед старался развеять мою печаль своими задушевными песнями.

В нашем полку были добровольцы из Америки, двое из них старые фидаи — Цронац Мушег и Бамбку Мело, которые после нового законодательства продали свое оружие и уехали в Новый Свет.

Нам надо было двигаться на Багеш. До этого Андраник отличился в битве при Дилмане и был награжден тремя Георгиевскими крестами. И я участвовал в этом сражении и получил высокий военный чин.

В битве при Дилмане отличился также старый гайдук Аджи Гево, он всегда был рядом с Андраником — в серой шинели, с кривым кинжалом и маузером на боку, два Георгиевских креста на груди, в руках зажженная трубка.

А Андреас? В овечьей папахе, с закрученными усами — этот устрашающего вида старый гайдук после битв при Дилмане и Ахлате сделался самым верным телохранителем Андраника и выполнял все особо важные поручения полководца. Всегда стоял он с оружием в руках за спиной Шапинанда в ожидании его приказа.

Еще три хнусских героя были среди нас — главарь гайдуков Филос, командир роты Шапук и его помощник Маленький Абро.

На военном поприще появилось совершенно новое поколение. Самым отважным среди молодых был сотник конницы Смбул Аршак. Он получил первое боевое крещение в ущелье Дилмана. Мы трое, Шапинанд, я и Аджи Гево, искренне полюбили его за храбрость и верность. Из рядового солдата Смбул Аршак очень быстро сделался сотником. Высокий светловолосый юноша, уроженец села Арагил, что в Мушской долине.

К востоку от Датвана лежала равнина Рахве-Дуран, с трех сторон окруженная горами. Летом здесь ходила под ветром обильная высокая трава, а зимой бушевала яростная вьюга. Горе тому, кто отправлялся в Рахве-Дуран в зимнюю пору.

Удивительная птица жила в этой равнине. В темные ночи, когда ни звезды не видать, ни луны, путники находили дорогу по голосу этой птицы. По ее голосу поднимался в путь караван. Но сколько путников затерялось и погибло среди метелей и вьюг Рахве-Дурана, не спас их и голос птицы.

Про птицу эту сложили песенку:

Птичка-невеличка,

Щебетунья-птичка.

Дом свой погубила

И мой не спасла.

В последние годы в Рахве-Дуране построили постоянный двор для путников. Назывался он «Аламек хан».

Бабшен был в наших руках, а враг занял постоянный двор Рахве-Дурана и шоссейную дорогу, ведущую из Муша в Багеш. С нами был казачий полк, а главнокомандующим всего войска был царский генерал Абасцев. Солдаты звали его Абасов.

Сурова зима в Бабшене. В тот год снегу навалило в Рахве-Дуране в несколько аршинов высотой. Мы начали наступление со стороны Бабшена. С первого же удара первые ряды Али-паши были сметены. Но вскоре казачий полковник доложил Андранiku, что генерал Абасов остановил войско южнее Датвана и не отдает приказа стрелять из пушек.

Оседлал Андраник своего коня и погнал его по Рахве-Дурану к «Аламек хану». Видит, стоит в дверях постоянного двора командир артиллерии, а в доме генерал Абасов беседует с турецким военачальником, из близких людей Али-паши. Шапинанд приказал вытянуть вперед пушки. Командир-артиллерист возразил:

— Паша, нет у нас приказа, не приказывал генерал Абасов двигать пушки.

— Пушки вперед!! — приказал Андраник и выругался по-турецки. Когда Андраник сердился, он приказы отдавал по-русски, а ругался по-турецки.

Командир приказал выкатить вперед пушки. Андраник встал рядом с ним и стал показывать, куда стрелять. И посоветовал:

— Как покажется дым из вражеской пушки, считай, пока не услышишь звук. Если пушка выстрелит на десяти, значит, враг в тысяче шагов от нас.

Вскоре были поколеблены вторые ряды турок. Али-паша двинул вперед последние свои силы. Но солдаты, увидев участь предшественников, в ужасе бежали.

Донские казаки хотели было броситься врукопашную, но Шанинанд приказал их командиру не снимать казаков с позиций, потому что поднимается страшная метель и скоро с гор подуют ураганные ветры. Донские казаки, увидев отвагу добровольцев-армян, несколько раз прокричали-прогремели со своих позиций: «Да здравствует паша Андраник, да здравствуют армяне-добровольцы!»

Андраник, впрочем, был невесел, потому что город еще не был взят, а наша конница и донские казаки понесли большие потери в Рахве-Дуране. А виновником этого был генерал Абасов. Сам же генерал Абасов обвинил во всем Андраника и приказал его арестовать. Но Андраник, вскочив с места, отвесил звонкую оплеуху продажному генералу.

Казачий полковник в тот же день телеграммой сообщил кавказскому наместнику об измене Абасова. Наместник приходился русскому царю дядей и руководил кавказским фронтом. К вечеру пришел ответ наместника, в котором Андраник назначался главнокомандующим всеми войсками, ему же поручалось взятие Багеша.

Мы разожгли на снегу костер и грелись, обступив его когда пришла телеграмма.

— Пусть Абасов идет и занимает Багеш! — воскликнул Андраник, швырнув приказ на снег.

— Что ты делаешь, паша, наместник ведь тебе приказал? Город надо взять, — сказал я.

— Нет, пусть этот предатель берет город, тот, что в «Аламек хане» тайные сделки заключает с Али-пашой. — Андраник не мог успокоиться.

— Смотри, царь накажет тебя, да и нас вместе с тобой! Приказ царя надо выполнять. — Молния Андреас подобрал со снега телеграмму наместника и торжественно спрятал ее в папаху.

В полночь паша приказал войску надеть белые балахоны.

На рассвете Андраник, выхватив саблю из ножен, отдал приказ о наступлении: «Мушцы и сасунцы, родина зовет вас идти на Битлис. Вперед! За мной!»

Конь его заржал, подставив гриву снежному ветру, несколько раз покружился на месте и, вытянув морду, стрелой помчался по белой равнине. Солнце еще не взошло, снег отливал синевой. Но вот он вспыхнул, потом пожелтел немного, разом посветлел и так же внезапно нестерпимо засверкал. И полетел Аслан, не разбирая дороги, взметая снежную пыль. И потекло войско следом за белым всадником. Справа двигался я со своей конницей, слева — донские казаки и войско русского царя Николая, мы его звали — Никол.

Промчались по Рахве-Дурану Цронац Мушег, Смбул Аршак, Аджи Гево, Маленький Абро, Шапук и Филос. Подобно буре устремились к Багешу Молния Андреас, Бамбку Мело, Аладин Мисак и конюх Барсег.

Под пушечный гром, через пылающие ворота вошло в город наше войско. Еще день не занялся, а Багеш был в наших руках. Мы вошли в Багеш со стороны оврага Тахи, оставив на его красных снегах нашего товарища Бамбку Мело. Много наших ребят потеряли мы в этот день, но первым среди жертв был Бамбку Мело. Оборвалась жизнь старого фидаи из отряда Геворга Чауша, храброго солдата, добравшегося сюда из Америки — воевать за освобождение Армении.

Красавица замка

Багеш!

Это город, через который после Ксенофонта прошел Александр Македонский. А еще это тот город, в котором стал вероотступником Мехмед-эфенди.

А вот и монастырь Кармрак, здесь под старой шелковицей провел я ночь в беспамятстве, оплакивая Родника Сероба.

Первым делом мы напали на городскую тюрьму. Но где же Расим-эфенди, что мучил меня в мрачном подземелье?

Рядом со старой средневековой крепостью показался «замок» Хачманукянов с резным балконом. И снова прочел я на фасадах: «Дом Рыжего Мелика», «Дом Армена Сарояна». Первый находился в ущелье, второй на возвышенности в квартале Авели-мейдан.

Взгляд мой, однако, был прикован к резному балкончику. По крутым ступенькам поднялся я наверх. Первым, до меня, поднялся Смбул Аршак, за ним — мой конюх Барсег и Аладин Мисак, а уж после я.

Это был дом работника русского консульства мушца Хачманукяна. Жандармский начальник-турок, перебив всю семью Хачманукянов, завладел его домом. На улице была стужа а начальник жандармов, не зная о том, что творится в городе, валялся пьяный в теплой постели, обнимая красавицу-хозяйку.

Служанка, приняв нас за голодающих аскяров, доложила: пришли солдаты, дескать, просят хлеба. Жандармский начальник громко выругался и говорит: «Все войско во главе с Али-пашой пошло против гяура Андраника и донских казаков, а эти чего болтаются в городе, да еще и побираются с утра...».

Не успел он договорить, мы ворвались в комнату. Хозяйка полулежала в постели, растерянно глядела на нас. Я прошел всю Мушскую долину и весь Сасун, но такой красавицы в жизни не видел.

— Гони в шею эту сволочь, да закрой покрепче дверь! — приказал жандармский начальник служанке, накидывая на красавицу одеяло. — Пусть идут в Рахве-Дуран и выполняют свой воинский долг... Я сказал, гони в шею этих вшивых!

Служанка стояла в нерешительности, а красавица смотрела на нас как зачарованная.

— Имя? — спросил Смбул Аршак, подойдя к женщине.

— Шушан.

Это была она, та молоденькая невестка, на которую я смотрел из своего узенького тюремного окна, самая красивая на свете девушка. Она поняла, что мы армяне.

— Это не аскяры, это солдаты Андраника. Получай, чудовище! — радостно вскрикнула Шушан и, отбросив одеяло, вдруг с неожиданной силой ударила жандармского начальника по лицу. Тот вскочил, спросонья ничего не понимая, и потянулся было к оружию у изголовья, но женщина его опередила.

— Пустите, я убью того, кто мой дом разрушил! Всего нашего города палача! — крикнула Шушан и, сдернув со стены кинжал, заколола жандармского начальника.

Так я нашел Расима-эфенди, того самого тюремщика, который убил тысячи армян. За все содеянные злодеяния власти возвели этого палача с крысиным лицом в главные жандармы города.

Смбул Аршак и конюх Барсег завернули труп тюремщика в одеяло и выбросили из окна в ущелье.

Вошел Шапинанд с Молнией Андреасом и Аджи Гево. Шушан, в чем мать родила, стояла посреди комнаты с окровавленным кинжалом в руках.

— Что это за женщина? — удивленно вскричал полководец, нахмурившись.

— Армянка. Владелица этого дома, — ответил Смбул Аршак.

— Мыслимое ли дело, чтобы армянка нагишом стояла перед мужчинами?!

— Она убила того, кто обесчестил ее и разорил дом, — сказал я и приказал Шушан одеться.

Шушан надела платье и вдруг громко, в голос, зарыдала. От стыда ли, или оттого, что человека убила, а может, от радости, что видит своих, — не знаю. Когда она успокоилась, вытащила из шкафа огромный сундук, полный золота и драгоценностей, потом еще один тяжелый красивый ларец вытащила из-под тахты, покрытой ковром.

— Махлут, эта красавица только тебя достойна, и приданое, видишь, есть, — пошутил Шапинанд, кивнув на золото. — Шушан мы отправим в Ереван, а когда кончится война, сыграем вашу свадьбу. Я буду посаженным отцом.

На следующий день мы погрузили все это богатство на верблюдов, сверху посадили Шушан и отправили ее с Молнией Андреасом в Ереван, а дом Шушан сделали своим командным пунктом.

Только мы обосновались на новом месте, вдруг узнаем, что генерал Абасов отправил докладную главнокомандующему кавказским фронтом: дескать, армянские добровольцы убили начальника

полиции Багеша, а труп бросили в пропасть, надо-де приказать Первому Армянскому полку покинуть Багеш.

Андраник сказал, что не оставит город, что надо любой ценой задержать отход Первого добровольческого полка.

Почти одновременно со взятием Багеша русские войска при содействии Второго и Третьего добровольческих армянских полков заняли Карин и Муш. Наместник русского царя приказал во всех занятых городах устроить по этому поводу военные парады. Всюду царили радость и ликование. Мрачен был один только генерал Абасов. Его вызывали в Тифлис. Смбүл Аршак и казачий полковник проводили его до Хлата и вернулись. Уходил ли какой предатель из наших рук? Не ушел и этот изменник.

По делу Абасова наместник вызвал в Тифлис Андраника: собирался, видно, судить его. Полководец сдал мне командование армянскими добровольческими полками и готовился отбыть в Тифлис.

С уздечкой в руках, мрачный, стоял он посреди снегов.

Идти или не идти? Он пребывал в размышлении, когда ступая по скрипучему снегу, к нему подошел один из наших ротных. То был Гайк Бжишкян, тавризец. Все звали его Рабочий Гайк. В первые же дни войны, возглавив группу рабочих-нефтяников, он отправился из Аштархана в Басенское поле, в самое пекло кавказского фронта, трижды был ранен и трижды возвращался в строй.

Голова у него была перебинтована, и рука на перевязи.

— В чем дело, Гайк?

— Простите, Большой гайдук, я взволнован немного, ваш добровольческий отряд так славно взял Багеш.

— Да, а теперь нам предлагают оставить город.

— Я думаю, наместник зовет вас, чтобы судить.

— Вызывают меня, верно.

— Мы обмануты, Большой гайдук, самым безжалостным образом. Вся нация, весь народ наш обманут, — сказал молодой ротный.

Сказал так, отдал честь и медленно отошел.

На следующее утро донские казаки с саблями наголо с шумом ворвались в бывшие покои Хачманукянов.

— Где паша? Андраник где?

— Царь отдал его под суд.

— Какой такой царь?

— Наместник его на Кавказе. Николай Николаевич.

— По какому делу?

— По делу Абасова.

— Абасов был предателем, его поделом прикончили! — закричали казаки наперебой. — Где наш Андраник? Мы требуем его обратно! Ни один царь не вправе его судить! Андраник — герой!

И, покинув покои Шушан, они пошли и отстучали наместнику телеграмму: «Если полководец Андраник не вернется через несколько дней в Багеш, мы оставим фронт и возвратимся. А уж если мы вернемся, то не сдобровать и самому царю».

Когда Андраник входил к наместнику, тому принесли телеграмму казаков. Суд был отменен, и вскоре Шапинанд на своем скакуне вернулся в Багеш. По дороге к нему присоединился Молния Андреас, который проводил красавицу Шушан до Араратской долины и теперь возвращался в Багеш. Все русское войско, армянские добровольческие полки и казачий полк радостно приветствовали возвращение полководца.

На следующий день я, взяв сотника Смбула Аршака, Аладина Мисака и конюха Барсега, отправился в родной город свой Муш.

«Памятная книга» Бдэ

Весть о занятии Багеша и славной победе Андраника подняла всех на ноги. Жители Муша поспешили в Мокунк — встречать победителей. Мокунк то село, куда я перетаскивал тяжелый ящик после принятия клятвы фидаи.

Пятого февраля Третий армянский добровольческий полк вошел в Муш. Одновременно пришла в Муш русская армия. Командующий армией явился ко мне с визитом. Но где был тот прежний Муш?! И неужели это я, после двадцатипятилетней отлучки, вернулся в свой город?

В тот же самый день печальная похоронная процессия прошла по кварталу Сурб Маринэ. В Муше умер один брнашенский пастух, и пастухи с Черной горы пришли проводить товарища в последний путь. Я знал и пастуха, и того, кто говорил прощальное слово над гробом — главу пастухов Ходедана.

Смбул Аршак, который участвовал в похоронах, по возвращении вручил мне «Памятную книгу», которую нашел мой конюх Барсег среди развалин какого-то дома в Дзоратахе, когда вел на водопой моего коня. То была «Памятная книга» моего дядюшки Бдэ, вернее — последняя глава ее, которую он написал, выйдя из тюрьмы.

Из первой главы сохранился только один абзац: «Я благословил его, и он ушел, забыв на скамье свой ранец, оставив на кладбище девушку Мави, на берегу родимой речки оставив товарищей своих — Шахка Аро, Маленького Арама и Чиро...» Остальные главы были сожжены. Но уцелели также первые страницы последней главы.

Вот что смог прочесть я:

«...Когда нас вывели из тюрьмы, какой-то сасунец с закатанными штанинами и лопатой в руках, сам не свой от радости, расчищал площадь. Все в городе радовались, что Сасун станет Эрменистаном. Армяне-фидайи вышли из своих укрытий. Многие из них сдали оружие властям и занялись земледелием. Кое-кто женился, как, например, Борода Каро.

Но случилось нечто удивительное. В Муше открылся клуб молодых турок, и почти все бывшие чиновники нашего города стали членами «Иттихада» и постоянными посетителями клуба. Туда также тайно заходили курдские старейшины Гасимбек, Аджи Феро и Сло Онбаши.

Однажды распространился слух, что объявляется мобилизация. Всех мужчин нашего города собрали, увели отбывать воинскую повинность. Мой брат Вагаршак только что вернулся из Америки и жил в Хасгюхе. 20 июня 1915 года, в субботу, я отправил к Вагаршаку своего сына Гаспара, тринадцати лет от роду.

Через несколько дней Гаспар вернулся в Муш и вот что рассказал:

«Двадцать пятого июня, в четверг, как раз накануне Вардавары, курдских старейшин вызвали на совет в деревню Мапунек, возле Хута. На этом собрании, говорят, присутствовали Аджи Феро и женщина по имени Чуро. На следующий день Феро пришел в Хасгюх и предупредил армян: «Знайте, вас будут резать...»

В субботу человек двадцать видных людей, в том числе отец Тер-Кероб, пришли в Колосик к Аджи Феро просить защиты. В субботу же тысяча пятьсот вооруженных курдов ворвались в Хасгюх.

Мы с моим дядей Вагаршаком пошли в Колосик, Аджи Феро сказал Вагаршаку: «Иди домой и ни о чём не думай». В полночь Сло Онбаши послал за нами курда по имени Шаки, нашего огородника. Онбаши приказал ему отвести меня с Вагаршаком к себе домой и спрятать нас. На следующий день пришел к Шаки один из жандармов Кордона по имени Махмед. Он сказал Шаки: «Слеман Онбаши зовет Вагаршака». Дядя один пошел, меня не взял. Увидел я, что он запаздывает, и тоже пошел к Кордону. И вдруг вижу: выводят из дома моего дядю Вагаршака — на шее веревка, руки связаны за спиной.

Совсем немного времени прошло — жандарм Партка Чахо вернулся в Кордон с одеждой моего дяди Вагаршака в руках; на следующий день он выстирал эту одежду, смыл с нее кровь, надел дядин пиджак — дядя из Америки привез — и говорит:

— Хорошо сидит на мне, правда? На спине дырка есть, ну да ничего, залатаем. — Это он товарищу своему говорил.

Наутро в селе объявили: всем армянкам взять на два дня еды, в Битлис, мол, дочь немецкого короля прибыла, хочет армянок видеть. На меня и еще нескольких мальчиков надели женское платье и пустили вместе с женщинами, отправляющимися в Битлис. По дороге у нас отняли наши пожитки, разбили на небольшие группы и загнали в хлева и сараи возле села Эриштер. Нас заперли на ключ,

поставили возле дверей вооруженную охрану, плеснули в ердик керосину и подпалили. Я стоял в яслях, прижавшись лицом к стене. От дыма и огня было невозможно дышать, жара с каждой минутой становилась нестерпимей. И вдруг одна из стен рухнула, и я выбежал, переступив через горящие балки.

На следующее утро Сло Онбаши велел мне и слуге своему, немому Хасо, пойти собрать всех армян, кто жив остался, привести в село. Дошли мы до самого Мкрагома. Хасо пошел к полю, а я спустился в ров. Я увидел трупы, сваленные друг на друга, и узнал Тер-Кероба; одна рука у него была отрезана, и на груди несколько ран, ножом, видно, ударили или кинжалом.

И еще я узнал старосту Муко и священника из Тарзу. Возле сарая лежало еще несколько трупов. Немой Хасо стал камнем разбивать головы мертвым, я занялся поисками своего дяди. И нашел его под камнями нагого. Я побежал немедленно к Кордону, отыскал в каком-то пустом разоренном доме старый палас, вернулся, завернул тело дяди в этот палас и засыпал мертвого землей. Когда я вернулся в село, Партка Чахо сказал мне:

— Я должен спрятать тебя, отныне тебя зовут Хасан, запомни. — Потом сказал, что отправляет меня со своим братом в Партик.

Телега двинулась в путь. Когда мы проезжали мимо того места, где я засыпал своего дядю Вагаршака землей, я увидел, что палас с него сдернули и унесли, а тело лежит под палящим солнцем, открытое.

Чахо был в пиджаке моего дядюшки Вагаршака, а брюки и нижнее белье Вагаршака, выстиранные, сушились на телеге. Увидев тело, он спросил:

— Это твоего, что ли, дядю я убил?

— Да, — сказал я, — он недавно только вернулся из Америки.

Брат Чахо сошел с телеги, зашел в брошенный армянский дом, вытащил из амбара пять-шесть мешков пшеницы, погрузил все это на телегу, потом корову с теленком пригнал.

У Партка Чахо было две жены, одна — курдянка, другая — турчанка. Турчанка, на мое счастье, оказалась добрая. Но курдянка подучила своего сына, моего ровесника, убить меня. И на следующий день, когда я пошел пасти их скотину, этот мальчишка с тремя друзьями погнался за мною — убить меня хотел. Я побежал, не разбирая дороги, и вскоре был в Хасгюхе.

Куда деваться? Я пошел к Кордону. Гамид Онбаши допросил меня и решил на следующий день отвести в Муш. Я взял две кирки и две лопаты и вместе со слугой-армянином Кордона пошел туда, где вчера лежало на солнцепеке тело моего дяди Вагаршака. Где-то близ дороги в Мкрагом, возле сараев, мы вырыли яму и положили туда тело.

И потому, что к этому времени совсем уже стемнело, мы не смогли похоронить Тер-Кероба. Слуга-армянин вытер слезы рукавом и прошептал: «Кинжал фидаи склонился перед твоим крестом, чтобы Аджи Феро спасся, но кинжал Аджи Феро ни тебя не пощадил, ни твой крест...»

По дороге нам встретились два армянина из местных крестьян, они косили для коней Кордона траву.

— Ах, вы еще живы, еще и траву косите?! — Несколько жандармов, направлявшихся в Мкрагом понося веру армян, налетели и убили обоих крестьян. На траве рядом с убитыми остались лежать их косы.

По прибытии в Муш я узнал, что русские совсем близко. Ужасный переполох начался среди турецкой части населения. За короткое время они сделались хозяевами движимого и

недвижимого имущества армян. Это, что ни говори, было немалое богатство. Как же теперь переправить все в безопасное место?

Кто мог, купил телегу и, нагрузив ее до краев, не мешкая пустился в путь. Многие, увидев, что враг наступает на пятки и расплата близка, уходили пешком, прихватив с собой добра, сколько можно было унести; немногие счастливыцы ехали на лошади или на осле. Караван из Муша тянулся нескончаемой лентой, хвост его еще в Муше был, а голова уже до Арацани добралась.

Кое-кто из турецких богачей, объединившись, написали прошение на имя управляющего Мушем Сервет-бея: дескать, пусть им позволят остаться в городе, куда, мол, в такую вьюгу да стужу идти. «Уж как-нибудь мы с этими русскими договоримся, — писали они в своем прошении. — Русские, сколько нам известно, куда ни приходили, никого не трогали».

Первым двинулся из города Гамид Онбаши. Его жена Марджан плакала и говорила: «Полный добра дом оставляем, слыханное ли дело, ох-ох!» Но пушечные снаряды ложились уже совсем близко. Онбаши с женой ускорили шаги и вскоре были за пределами Муша. Меня они взяли с собой...»

Всего лишь столько из одиссеи моего сына Гаспара, которой несть конца. Я обрываю ее, чтобы продолжить свои записи и не обойти вниманием некоторые обстоятельства, предшествовавшие этим событиям, а также и то, что воспоследовало за этим, — рассказать о событиях, коих свидетелем был я, последний несчастный летописец страны Таронской.

Был конец ноября, стоял ясный солнечный день. Мы были заняты каждый своим делом, когда в город вошли несколько курдских старейшин, каждый со своим войском. Они все прошли базар и собрались на главной городской площади. Там были Гасимбек и два его брата Мусабек и Нхобек, с конницей и войском в пятьсот душ. Еще был балакец Аджи Фери со своими сыновьями Хасаном и Махмудом, у этих тоже у каждого по пятьсот душ войска было. Впрочем, все, за исключением беков и их непосредственной свиты, были безоружны, курды держали в руках по длинной палке и только.

Курды устроили конные состязания перед магазином хана Аслана-Каплана. Я пригласил к себе домой старшего сына Аджи Фери — Хасана-агу. Во время беседы я спросил у него:

— Каково ваше мнение насчет нынешней войны? Что вы собираетесь делать?

— Мне, старейшине, не подобает говорить чужому о том, что мы собираемся делать. Но тебе я доверяю, как другу, тебе скажу. Мы, курды, всегда держим нос по ветру. Сегодня мы одно делаем, а завтра, если что-нибудь изменится, глядишь, и мы другие стали. Так что эти наши сегодняшние игры — то, что мы сюда пришли и на войну вроде отправляемся, — все это пустое. Мы против русского царя не можем, да и не хотим воевать. Османцы нас не любят, и мы только делаем вид, что участвуем в этой ихней войне. Пыль в глаза пускаем, понял?

— Уверены ли вы в приходе русских?

— Мы больше вашего знаем, и потому я говорю тебе — да. Если сравнивать военные силы турок и русских — это все равно что поставить рядом блоху и верблюда. Сегодня один человек пришел из Хасан-Гялы, так он рассказывал, что русские солдаты, увидев караван из Муша, эту длинную вереницу ослов, груженных всяческим добром, смеялись и говорили друг другу: «Железная дорога турок движется, глядите, как бы нас не задавила».

Через три дня официальная телеграмма принесла весть о разгроме двадцатитысячного войска Энвера-паши под Олти и Сарыкамышем. Самому Энверу едва удалось спастись. Войско русского царя вошло в Хасан-Гялу.

И началась новая мобилизация в селах и городах.

Для того чтобы справиться с русскими, турки, отчаявшись, собрали арабское войско. В эти дни на улицах Муша можно было увидеть множество больных арабских солдат, лежащих кто где в ожидании смерти. Глядя на это, собрались мы, несколько мушских армян, и обратились в городскую управу для оказания помощи больным арабским солдатам. Мы выпрашивали у армян-купцов куски белого полотна, заворачивали в них умерших арабов и хоронили на армянских кладбищах.

За то, чтобы не отправлять армян и арабов на передовую, особо ратовал житель села Гомс, знаменитый Корюн (Гомса Исо), землепашец. В начале марта мюдир села Ахчан с двадцатью конными четниками прибыл в Гомс набрать новых солдат для отправки на русский фронт. Корюн мюдира встретил неприветливо. «Все мужчины, — сказал он, — давно уже отбыли на передовую, осталось несколько больных».

Четники обыскали дома, нашли двух-трех больных арабов да двух-трех грузчиков-армян и велели им отправляться на передовую. И Корюна решено было забрать, в город отвести.

В знак протеста против такого насилия Гомса Исо, или иначе Корюн, предал огню свой собственный дом — в доме в это время находились жандармы-четники — сжег свой хлев со скотиной, и, взяв ружье, ушел в Сасунские горы.

В апреле поля освободились от снега. Но в Хнусе и Косуре местами еще снег лежал. Османское войско было отброшено к подножью горы Бледжан. Мутасариф Сервет-бей решил перебросить в Цронк две пушки, чтобы подготовить оборону со стороны Косурских гор, — русская армия стремительно наступала.

Переброску пушек поручили опытному военному, служащему турецкой армии армянину Кото Акопу. После того как «пушки были водворены, Кото Акоп пригласил видных армян Муша на совет. Сопровождение это происходило за городом, в помещении даильни. На совещании присутствовали сам Кото Акоп, карненский Согомон, Шахка Аро, тот самый Корюн, бежавший в Сасун, и еще несколько человек из долинных жителей.

Меня тоже пригласили.

Кото разъяснил собравшимся ситуацию. «Следует воспользоваться ею, — сказал Кото, — царская армия совсем близко подошла к Мушской долине, османская армия и местные силы только тем и заняты, что отбивают атаки русских, пытаясь не допустить их продвижения вперед. Надо объединить все наши силы и занять Муш. Надо быстрее прибрать к рукам запасы оружия, дальше все получится само собой». Он предложил напасть на врага с тыла, то есть со стороны Косурских гор, и одновременно напасть в городе на арсенал, раздать населению оружие и завладеть властью.

— Видит бог, настал наш день, — сказал Кото Акоп, — надо воспользоваться этим редким случаем и осуществить нашу освободительную программу. — Кото несколько раз повторил: «Османское войско на линии Булануха очень ослаблено. На передней линии в основном курды стоят, а эти,

сами знаете, при малейшей опасности пустятся наутек. Если мы прорвем переднюю линию, мы соединимся с русским войском. Потом мы можем вместе с ним вернуться и полностью завладеть Мушем, а Сасун к тому времени уже будет в наших руках. Народ армянский, считайте, спасен».

Однако против этого предложения нашлись возражения — большинство было за то, чтобы собрать все силы, находящиеся в городе и в долине, и перебросить их в Сасун. Предложение Кото было отвергнуто. Когда Кото увидел, что остался в одиночестве, он воскликнул: «Горе нам, Тарон ушел из рук!»

В самом деле, вскоре благоприятная для нас обстановка изменилась. Царское войско перестало двигаться вперед, и беглые турки и курды, побросав передовую, заполнили город Муш и растеклись по всей долине. Снова появился в Муше Гасимбек со своими братьями, их отозвали из села Лиз, с передовой. Были отозваны также Аджи Феро с сыновьями и их солдатами-четниками. «Наше с вами присутствие в Муше крайне важно», — тайно телеграфировал мутасариф этим старейшинам. Объединившись с хаснанскими и чипранскими аширетами, эти курдские старейшины разгромили армянские села в окрестностях Булануха, и, награвив добра в большом количестве, вошли в Муш. Я увидел из окна своего магазина, как Хасан-ага, старший сын Аджи Феро, со своими четниками прошел на главную площадь города.

Со стороны Диарбекира и Багеша двинулась на Муш трех-четырёхтысячная черная лавина — вид этой массы привел в ужас мирное, беззащитное армянское население. Надо сказать, что в эти дни и несколько раньше тысячи армянских семей из Манаскерта, Булануха, Хнуса, Вардова и Багеша, спасаясь, бежали в Муш. Сюда же устремились сасунские женщины с детьми в надежде, что где-где, а уж в Муше армянство свободно от всякой напасти.

Я был избран уполномоченным по размещению и снабжению армян-беженцев, нашедших приют в квартале Дзоратах. Мы освободили множество домов и предоставили их беженцам. Только несколько богачей высшего сословия не приняли под свой кров ни одной семьи. У нас самих было два дома. Один, расположенный в саду, мы предоставили нескольким сасунским семьям, обеспечив их едой, — внутреннее чувство говорило мне, что все богатства и сбережения гроша ломаного сейчас не стоят, ведь под вопросом наше национальное существование. Да, некоторые богачи не раскрыли даже дверь перед нами. С верхнего этажа они швырнули нам несколько сухих корок, заявив, что это все, что у них есть. Но мы бросили этот хлеб им в лицо и удалились. Это были те мушцы, которые в дни великого бедствия попытались пустить в ход свое золото, но, увидев, что и это не спасет их жизни, первыми подожгли свои дома и почти все погибли.

Двадцать седьмого июня архимандрит Хесу был официально вызван к Сервет-бею. Хесу пошел в управу с несколькими нашими видными национальными деятелями. Народ столпился перед церковью и ждал священника — с какой вестью он вернется от Сервет-бея. И вернулись архимандрит Хесу и отцы города и сказали народу: приближенный Талиата Ходжа-ага дал три часа сроку, чтобы все армянское мужское население города собралось — их-де отведут в более надежное место, в Муше сейчас неспокойно.

— Протестовать бесполезно, — сказал Хесу, обращаясь к землякам. — В конце концов, каждый волен поступать как знает. Кто хочет, пусть остается, а остальные пусть идут со мной.

И многие мушцы пошли с архимандритом Хесу. Под видом того, что их ведут в Багеш, беззащитную толпу подвели к ближайшему оврагу и всех до одного перебили. Старого архимандрита завернули в сутану, сунули в мешок, облили керосином и подожгли. Кото Аноп,

вопреки призыву Хесу покориться року, решил остаться в городе и организовать вооруженное сопротивление. «Жить или умереть с народом», — сказал он. Почти неделю отряд смельчаков под руководством Кото Акопа оказывал отчаянное сопротивление врагу. Город превратился в руины, большая часть защитников погибла. Среди погибших был также учитель господин Сенекерим. Из тех, кто сражался в эти дни в Муше, остались в живых только Шахка Аро, учитель Мелкон и последний управляющий Муша Акоп Тер-Казарян. И меня судьба пощадила — наверное, для того, чтобы я мог закончить свою летопись.

Ночью мы перешли мушскую речку и очутились возле кладбища в квартале Коху на Сачки-Дуране. Яркие вспышки пожара освещали могильные камни.

— Вставай, Геворг Чауш, твой любимый Муш горит, — сказал Шахка Аро, упав на могилу предводителя гайдуков.

Мы с Шахка Аро и учителем Мелконом прошли село Арах и поднялись к Аваторику, расположенному на высоком холме в горах.

На следующий день с утра со стороны Муша доносился пушечный гром. К вечеру мы увидели двух мушцев, наших соседей, — они шли из города. Мы спросили, не знают ли они, что с Кото Акопом, и они нам ответили: «С великой болью в сердце сообщаем, что Кото Акоп и его товарищи погибли. — Потом добавили: — Возле вашего дома толпились жандармы, мы слышали, они сказали: «Кото мешхур фидаи вурул мыш» (знаменитый фидаи Кото убит). На голове русская меховая шапка была и средний палец отрезан».

Село Аваторик пока уцелело. Жители его были протестантами и полагали, что это их спасет; немцы, думали, за них заступятся. Мы построили в лесу шалаши из веток и спрятались там.

Монастырь Аракелоц находился в получасе ходьбы и был так расположен, что мы постоянно держали его в поле зрения. Аскяров в монастыре была тьма-тьмущая. Они нас не видели, а увидев, вполне могли принять за жителей Аваторика. Мы не знали, собираются ли они напасть на Аваторик, но на всякий случай построили на горе, ближе к вершине, оборнительную линию с пятью-шестью постами — там постоянно стояла на карауле вооруженная молодежь.

На одном из этих постов дежурил Шахка Аро.

И вот однажды видим — Шахка Аро оставил позицию и бежит к нам с криком: «Разбивают!»

А было так. Где-то в середине июля находившиеся в монастыре аскяры стали сносить купол, ограду и кельи древнего храма. Каждый день с раннего утра до позднего вечера сотни аскяров, вооружившись киркой и лопатой, разрушали средневековое святилище, недавнее прибежище наших героев-гайдуков. Я сам своими глазами увидел, как упала на землю звонница. Потом аскяры принялись за памятники на кладбище Переводчиков — могилы Давида Непобедимого и Мовсеса Хоренаци. Настоятель монастыря престарелый отец Ованес к этому времени уже покоился в могиле, вырытой им собственноручно возле монастырских дверей. И эту могилу осквернили святотатцы.

8 июля мы оставили горы Аваторика и перешли на Канасар. Более двадцати пяти тысяч беженцев, спасшихся от резни, укрылись в здешних лесах.

Этой же ночью мы нашли на Канасаре тело знаменитого героя Сулухской битвы ализрнанского Муко. Видно, ему размозжили прикладом голову, когда он спал. Так закончилась жизнь этого героического человека, обманутого хуриатом.

Мы были еще на Канасаре, когда со стороны Сасунских гор слышалась сильная канонада. Она продолжалась три дня. Вскоре мы получили письмо из Сасуна, где сообщалось, что Корюн (Гомса Исо) со всеми своими ребятами убиты и покоятся рядом с Грайром, а отец Степанос, который после провозглашения хуриата стал настоятелем монастыря Чкуйт (Гомац) и возглавил движение сопротивления в провинции Бсанк, тяжело ранен и доживает последние минуты на Андоке.

В последней битве за Сасун героически сражался также Мосе Имо, вставший во главе алианцев и меркерцев. Он отбил нападение курдов на Андок, на местечко, называющееся Стан Святого. В результате чьей-то измены он был арестован и препровожден в Сулух. Здесь Мосе Имо организовал побег тридцати двух гелийцев — ночью они бежали в Сасун.

На Канасаре мы решили, что ребята с Шахка Аро спустятся к Марнику, а мы с учителем Мелконом пойдем в Алваринч. В горы.

Возле Медовых Скал мы нашли пещеру, еле вмещающую одного человека. Но мы оба в нее протиснулись — сначала я, потом учитель Мелкон. Внутри мы обнаружили нишу и поняли, что можно спокойно разместиться вдвоем. Правда, сидя. Встать или лечь было невозможно.

Рядом с собой я нашарил деревянный сундук. Мы с Мелконом раскрыли его и нашли там нитки, шерстяные носки, уздечку и подпругу для осла, несколько аршинов белого холста, одну старую абу и несколько колозов. На стене висело большое старое решето, все побитое. Учитель Мелкон повертел его в руках и говорит: «Тергеванской Рехан решето, пропало во время битвы при Бердаке». Он сказал, что сундук этот принадлежит фидаи Сейдо, и пещера его, не иначе. Отсюда Сейдо отправлялся на свою многолетнюю сторожевую вышку — на Свекольный Нос. До слуха нашего где-то совсем близко донеслись шаги, прозвучала родная армянская речь. Мы выглянули — человек сто спускалось с гор, среди них было несколько мушцев: Маленький Арам и Чиро, эти из солдат были, остальные — крестьяне. Я узнал известного фидаи Арха Зорика — мы вместе в тюрьме сидели. Господи, Маленький Арам! Чиро! Я чуть с ума не сошел от радости. Ведь мы бок о бок дрались, защищая родной город.

Они рассказали, что на Канасар было несколько наступлений — на позиции Рубена и Комса, — и Рубен с Комсом, оставив оборону горы, бежали со своими людьми. Маленький Арам, отделившись от них, сколотил свой отряд и спустился к Алваринчу. Он принял решение идти на соединение с русской армией. Все в отряде Арама были молодые.

Учитель Мелкон тут же присоединился к ним. Маленький Арам сказал, что и меня возьмет в отряд, но при условии: когда я не смогу идти, меня застрелят — ничто не должно мешать их быстрому передвижению.

Командиром отряда, как я уже сказал, был Арам, его помощниками — Чиро и Арха Зорик. Из восьмидесяти тридцать пять человек были вооружены, а сорок шли безоружные. Те, у кого было оружие, разделились на две группы: одна шла впереди отряда, другая замыкала колонну. Ночью наш отряд пересек Мушскую долину и, пройдя ущелье возле села Ацик, взял курс на Бледжан.

Второго августа мы сошли с горы возле села Алваринч и, перейдя Медовую речку, направились к Косура-горе.

Ночь была темная. Ущелье Ацика было довольно длинное, но мы преодолели его и под утро вошли в густой лес. Там мы прождали до вечера.

Вечером с сумерками мы снова двинулись в путь. Наутро, как и рассчитывали, мы были у подножья Бледжана. Это было то место, где, по преданию, Айк убил Бела. Бледжан означает: место, где лежит тело Бела. В полдень начался подъем — мы карабкались по скалистым склонам, поросшим дикой сливой.

Здесь-то и умер учитель Мелкон. Подъем этот доконал его. Мы завернули учителя в его старое пальто и похоронили на склоне Бледжана, под кустом шиповника, положив ему на грудь томик Нарекаци, с которым он при жизни никогда не расставался, и листок, на котором был написан «Зов пахарей», чьим автором он являлся, — ведь это он, варжапет Мелкон, взрастил многих видных людей нашего города Муша.

Преодолев все трудности, мы наконец добрались до вершины Бледжана. На другой день мы были уже по ту сторону горы. Под вечер четвертого дня мы добрались до озера Назук и пошли вдоль его берега. Какой-то отрезок пути нам пришлось бежать. Я стер ноги в кровь и не мог дальше идти. Снял с себя шерстяной пояс, разорвал надвое и обмотал обеими половинами ноги, потом приспособил какую-то палку и, опираясь на нее, заковылял, думая догнать своих. Как назло, я оступился, палка выскользнула из рук, и я упал. Я лежал на земле и не шевелился, пытаюсь собраться с силами. Маленький Арам, увидев это, поспешил ко мне.

— Если у тебя с собой есть деньги, отдай кому-нибудь из товарищей, — сказал он.

Но я собрал все силы, поднялся, и мы вместе бегом догнали отряд.

Вскоре мы наткнулись на окопы, рядом на земле валялось множество стершихся подков, — мы догадались, что здесь было войско царя Николая и что от этого места началось отступление. Мы дошли до берегов Арацани и двинулись к Хатавину — самой высокой горе в Манаскерт. Заря только-только вырвала Манаскертскую крепость из пелены тумана. Маленький Арам приказал, чтобы каждый из нас отломил в лесу по ветке.

Так мы и сделали. Отломили по ветке, приложили к плечу для маскировки и начали спуск с Хатавина. Маленький Арам, тихо напевая «Зейтун, ты независимая Армения», шел впереди отряда, а мы с возгласами «Эле, эле!» победно спускались вниз.

Какой-то человек, перепрыгивая со скалы на скалу, шел к нам. По папахе мы поняли, что это русский солдат. Он поздоровался с нами по-армянски и сказал, что Манаскертская крепость — передний край русских. Он же проводил нас к казачьему командиру.

Казачий командир расцеловался с Маленьким Арамом, Чиро и Арха Зориком и подивился тому, что нам удался такой трудный переход.

Мы немного передохнули, и нас повели в Дутах, где стоял армянский добровольческий полк. Полком командовал один из деятелей гнчаков по кличке Странник, родом из деревни Унан, что в Мушской долине. Когда началась война, Странник с группой добровольцев прибыл из Америки на Кавказ и двинулся через Город-крепость к Карину.

Узнав, что мы мушцы, нас тут же отвели в палатку добровольцев-мушцев.

Все мы были в изодранной одежде, у всех были разбиты до крови ноги. По приказу Странника нас осмотрел военный врач. Только один из нас слег, это был Гончоян Пасик из Муша. Его перевезли в полевой госпиталь, а оттуда в больницу в Сарыкамыше, где он и умер.

На следующее утро мы все искупались в Арацани и надели форму добровольца».

На этом записи моего дяди обрываются; правда, в конце я нашел приписку, из которой было видно, что из Дутаха он снова пошел в Муш и как местный житель показывал дорогу войску полковника Самарцяна, направляющегося в Сасун.

«1916 год. 12 февраля мы вышли из Муша и направились к Сасуну, чтобы спасти Бороду Каро и Чоло с их сорока ребятами. 15 февраля мы были наконец в Марнике. Высота следовала за высотой, и наш полк, оснащенный провиантом и запасом боеприпасов, растянувшись цепью, поднимался вверх. На следующий день через ущелье Красного Боярышника мы вышли к горе Маратук. Полковник Самарцян, который был ростовским армянином, увидев впервые белую вершину Маратука, собрал вокруг себя солдат-армян, преклонил колени и вознес молитву.

— Я стою на границе Сасуна, — сказал он. — Я пришел сюда из Ростова-на-Дону по зову тысяч сожженных армянских женщин и детей. Клянусь твоими святыми вершинами, о Марута-гора, что не сегодня-завтра на вершине Сасуна будет развеиваться знамя свободы.

Армянин по рождению, полковник Самарцян говорил по-русски. Солдаты просили, чтобы он перешел на армянский. Он им ответил: «Я тогда только достоин буду говорить по-армянски, когда мой полк войдет в Сасун».

Известный старейшина Хута Гасимбек с братом своим Нхобеком и со всем множеством своих аширетов напали на нас, однако получили по заслугам и были вынуждены убраться. Через некоторое время они повторили нападение, и Гасимбек во время столкновения был убит. Если не ошибаюсь, его поразила пуля полковника Самарцяна.

В первые дни войны 1914-го мы были одержимы мечтой стать хозяевами нашего желанного Айастана. Зимой и весной 1916-го, казалось, мы были близки к цели — наше войско вошло в Сасун. Геноцид был чудовищный, около двух миллионов армянских крестьян и ремесленников было истреблено, и все-таки мы чувствовали, что как-то утвердились на своей родине, нам казалось возможным поднять из-под руин новую Армению.

Армяне-землепашцы из Моткана шли в Багеш и в села Хлата. Ванские жители устремились к Вану, манаскертцы двинулись в Манаскерт. Оставшиеся в живых жители Хнуса и Мушской долины спешили к своим разрушенным домам. И хотя еще разрозненно, по одному, — от Басена и до Карина, от Карина до Чмшкацага — повсюду из родных ердыков стал снова подниматься к небу дым.

И я после битвы возле церкви св. Ахперика вернулся горами домой. За Сасуном, в ущелье, начинающемся сразу за Куртык-горой, я увидел свой родной город. По-прежнему катилась через Дзоратах мушская речка. Я подошел к развалинам своего дома, захотел прикоснуться к ним и снова зажечь огонь в своем очаге... и не понял, что со мною после случилось...»

Я дошел до этих последних строчек, когда прибежал мой конюх Барсег и сообщил, что Андраник в Муше.

Я сунул рукопись своего дядюшки Бдэ в хурджин Аладина Мисака, и мы пошли навстречу полководцу.

Один армянин — один золотой

Стоял июль месяц.

Смбатасар был погружен в густые сумерки. Мы разбили на горе палатку и, сидя в ней, беседовали с Андраником.

Аладин Мисак и Аджи Гево стояли, вытянувшись, у нас за спиной.

Печален был полководец.

После взятия Багеша армянские добровольческие полки были распущены и частично влились в русскую армию.

Пришел приказ создать в долинах Алашкерта, Диадина и Баязета пограничное казачество. Старые гайдуки и добровольцы, занимавшие Багеш и Муш, стеклись в Мушскую долину в ожидании военного и государственного переворота.

Неподалеку от нашей палатки стоял Фетара Исро, наш старый гайдук.

Исро снял одежду фидаи и оделся как в далекие мирные времена. Перекинув через плечо хурджин, он обходил города и села и собирал сирот.

Один армянин — один золотой.

Курды, воодушевленные столь прибыльным делом, обшаривали села Хут-Брнашена в поисках армянских сирот. Они доходили до самого Моткана, Хизана, Аливая и даже Бшерика — уж очень всем не терпелось заработать золото. Исро уже около ста таких детей переправил в сиротские дома Муша, Хнуса и Басена. Он отдавал за ребенка золотой и, посадив его на телегу, отправлял в приют. Первый спасенный Исро сирота был сын гайдука-добровольца, погибшего в битве за Багеш.

С необычайной энергией взялись за это же дело сасунец Мосе Имо и Орел Пето. Мосе Имо дошел до Хианка и отыскал там сотни обездоленных армянских сирот. Он собрал всех и привел в Муш. А Орел Пето, снарядив караван из двухсот сасунских сирот, отправил детей в Александрополь.

Курды из рода Шеко укрыли в своих домах и спасли от резни сотни армян. Когда добровольческие отряды пришли в Муш, курды из рода Шеко привели спасенных ими армян в город и сдали Андранику, получив от полководца богатые подарки.

Но обычно сирот приводили к Фетара Исро. На этот раз Исро стоял с пустыми карманами и с пустым хурджином и ожесточенно торговался с курдом-горцем. Курд зажал между ног мальчонку двух-трех лет.

— Ну прошу тебя, кончились наши деньги, отдай этого за полцены, — просил Исро.

Но курд не соглашался.

— Не отдам, — упрямо твердил он и перечислял всех знакомых курдов: каждый из них заработал на ребенке по золотому. Чем он хуже других?

И снова Фетара Исро просил-уговаривал курда, и снова курд качал головой и отвечал ему отказом. Наконец у Исро лопнуло терпение. В сердцах откинул он полог нашей палатки и прошел к нам.

— Ну как ты, Исро, что делаешь, каким делом занят?! — спросил полководец.

— Сирот собираю, паша, нам сейчас саженцы для нашего Айастана нужны.

— Где же ты будешь их держать?

— В Хнусе, в приюте барышни Рипсиме.

— Ну ладно. А сердит на что?

— Да курд один разозлил вот. Привел сироту, а у меня деньги все вышли уже, как ни просил черта — не отдает. А нам ведь каждый росточек дорог.

— Зови сюда этого курда.

Исро высунул голову из палатки.

— Паша зовет тебя, эй! — позвал он курда.

Курд, взяв ребенка за руку, вошел в палатку. Для курда внешний вид воина имеет большое значение. И поскольку я был представительнее Андраника, горские курды частенько принимали меня за прославленного полководца. Вот и этот — вошел и, сдернув с головы колоз, склонил передо мной голову, а я рукой ему на полководца показываю.

— Вон он, — говорю, — паша.

Курд, удивленный, повернулся к Шапинанду и, чтобы сгладить неловкость, дважды поклонился полководцу, прижимая колоз к груди.

Андраник по-курдски спросил его:

— Где ты нашел этого ребенка?

— У аскяра отобрал. Тот хотел разорвать его пополам — я не дал. Это сын погонщика мулов, в монастыре он жил.

— Как твоего отца звать, сыночек? — спросил я, заглядывая ребенку в лицо.

— Еранос.

— Где он сейчас?

— Моего папу убили...

— А тебя как звать?

— Зулум.

— Курды из рода Шеко сотни армянских жизней задаром спасли. Что хочешь за этого ребенка? — спросил полководец.

— Я не из рода Шеко, и мальчишку этого я, паша, считай, что у смерти вырвал, — похвалился курд и, повернувшись к Исро, сказал: — Дашь золотой — получишь мальчика, не дашь — уведу обратно.

Я пошарил в карманах, ничего не нашел. Паша полез в карман — тоже пустой был. А мальчонка смотрел на нас с мольбой.

Ну конечно же мы могли одним ударом клинка расправиться с этим курдом и забрать ребенка, но мы вынуждены были сдерживать себя, потому что никоим образом не хотели повредить делу Исро. Дело это в последние дни получило широкий размах, в него включилось множество людей. Они по крупицам собирали осколки нашей родины.

— Подойди ко мне, мой мальчик, — обратился Андраник к Аладину Мисаку.

То, что он подозревал певца, означало, что на душе у Шапинанда тяжело. В такие минуты песня была единственным его утешением.

Аладин подошел и сел рядом с полководцем.

— Спой что-нибудь курдское, сынок.

— Жалобную песню хочешь или же любовную?

— «Хайле-хайле» знаешь?

— Знаю, паша.

— Ну так начинай.

Мисак приложил руку к уху.

— Нет, спой лучше «Хулнко», — сказал я.

— Согласен, — сказал паша и надвинул выдавшую виды папаху на хмурый лоб свой.

— «Хулнко, издалека ты идешь... Слепи гнездо у бойницы развалившейся крепости», — воодушевленно затянул Мисак эту известную курдскую песню. Закончив ее, он запел по-армянски:

Сердце мое переполнено, а руки связаны, Вместо Муша остались развалины, Рухнули Норшен и Бердак, Куда этот мир идет?

Каждый из нас был князь, А теперь мы все бродяги, Только и знаем болтаем, Сирот за золото покупаем!

Отпрыск, где твой господин,

Где наш храбрый Арабо?

Честь и слава храбрецу,

А нам дайте нашего сиротинушку...

В глазах курда стояли слезы.

— Возьми, — сказал курд, подводя ребенка к Андранику. — Не нужно ничего. Эта песня посильнее золота...

Я поднял на руки малолетнего сыночка погонщика мулов Ераноса и передал Фетара Исро.

И так как этот случай произошел на Смбатасаре в те дни, когда были упразднены армянские добровольческие полки, с легкой руки Андраника мы окрестили сиротку «последним добровольцем».

Вернитесь!

Мне так хочется увидеть Аладина Мисака, услышать его песню. Из гайдуков считай что больше половины уже нет в живых. Последним погиб Джндо вместе с Сейдо Погосом, а старый фидаи лачканец Артин умер в доме, освятил свою гибель выстрелами.

Однако что стало с моим певцом? О, как бы я хотел увидеть его! Я усадил бы его рядом с собой, обхватил бы голову руками, и он сразу бы понял, что со мной. Спой же, Мисак, спой ту песню — ту, что хватала за душу!..

Я устал, Мисак. Крепость Смбатасара рухнула мне на голову, нет больше на свете чудо-коней Взрыв-родника, они ушли под землю. Господи, до чего же я хочу услышать твою песню, ту, что ушла с тобою и не повторится больше. Я искал в горах цветок брабиона, спой мне песню про этот цветок...

Мой конюх Барсег спал возле ясель. Я разбудил его, и мы, взяв лошадь, вышли из конюшни.

Ну вот и все. Куда идешь ты, взявшись за уздечку, понурый такой? Пустой хурджин перекинут через седло, с плеча свисает ружье. О чем задумался ты, что ступаешь так тяжело? Не впервой я вижу тебя озабоченным. Чем помочь тебе? Может, рассказать тебе про твою дорогу?

Ты пересекаешь Мушскую долину. Перед тобою Свекольный Нос. А повыше — знакомая скала. Давай-ка я усажу тебя на эту скалу. Отсюда начал ты свою жизнь фидаи. Может быть, здесь же и кончишь ее?

Что с тобой, ты отворачиваешься, чтобы конюх твой не видел твоего лица. Ты Арабо вспомнил, наверное? По правую руку от тебя — Тергеванк, и по-прежнему раскрыта та дверь, в которую ты метнулся, чтобы схватить со стены теткинo решето... Ты помнишь ту легендарную битву?

А рядом — Алваринч. Геворг захмелел тут, но ты не пей, не пей здешнее вино, оно такое пьяное. Если подняться по Алваринчским горам, придешь в ущелье Аваторика. Здесь был убит Аврана Арам, твой бесстрашный фидаи. Две пули поразили его — одна в плечо, другая в грудь. Ты со

своими гайдуками опустился перед ним на колени. Он долго глядел на вас воспаленными глазами и прошептал:

«Мое дело конченное... Добей меня своей же рукой»... Но у кого, скажи, у кого бы поднялась рука оборвать эту прекрасную жизнь?.. В это время к вам подошел его зять Ваан, раньше он был солдатом в турецких войсках, и Ваан этот сказал, что может освободить Арама от лишних мук. Секунды не колебавшись, он подошел к Аврана Араму и сказал: «Подари свою жизнь мне и прости, брат дорогой». И трижды выстрелил из своей винтовки.

В горе прячешь ты свой взгляд, но посмотри на своего конюха. Взявшись за уздечку, он с тоской смотрит на Мушскую долину.

Ну, так встань же, значит, встань! Вместе с утренней звездой ты покинешь долину Тарбана. Подними голову и посмотри — в последний раз взгляни на светлую вершину Цирнкатара. Взгляни на крепость Смбата.

А теперь спускайся. Там наверху осталась пещера Сейдо. А вот и Бердак. Ты стоишь на границе Бердака и Норшена. Франк-Мосо кипятился тут, обозначая границу между этими селами. Здесь ты ел обед с самиром, сваренный женой бердакца. Узнать бы, стоит ли еще дом Франка-Мосо. Я повел бы тебя туда, постучался бы в дверь и сказал: «Сестрица Какав, отведите-ка этому человеку место, и конюху его дайте уголок. Это тот человек, который мальчишкой убежал из Муша и помогал делить границу вашего села».

Но, увы, нет больше дома, разрушен очаг Франка-Мосо.

Разрушены всякая граница и всякая святыня. И нет такой меры, которой можно было бы измерить безмерную эту несправедливость, что с нами случилась.

Это что за следы — вроде бы кони мчались? Ранним утром здесь проехали Борода Каро и Чоло, направляясь к Сасуну.

Каро! Сасун должен был стать Эрменистаном, и Каро еще семь лет назад поспешил жениться, чтоб народить деток на радость всем. Этой-то весной он совсем уже было уверовал, что восстанет из руин долгожданная Армения. В каждом селе зажглось по пять, а то и десять очагов. От Ерзнка до Карина, от Тигранакерта до Багеша и Вана потянулись к небу струйки дыма из родных ердыков.

И Чоло потянуло разжечь огонь в своем очаге. Впрочем, он был одним из тех всадников, которые этим утром спустились в Мушскую долину, направляясь в Сасун.

Остановись! Ты хотел видеть Аладина Мисака. Где-то здесь, возле Хоронка, находится его родное село. А вот и сам он спускается с горы, чтобы в последний раз увидеть развалины села Аладин.

Ты оглядываешься? Кто-то зовет тебя. Чей-то голос говорит тебе — возвращайся. Кто это? Дубовая роща на Бердаке? Крепость на Смбатасаре, а может, это ветер с горы Зангак? Посмотри, как мчится на север мушская речка, снося на своем пути все мосты и мосточки.

Когда же это ты прошел Сулухский мост и дошел до Хнуса?

Ты помнишь снега Бингела? Снег, как и тогда, покрывает гору Дехтап. Но не осталось никого на Бингеле, и не томится никто от жары в Хнусе. Пусто все.

Русскому царю не понравилось, что ваши полки добровольцев так сильны. После освобождения Вана и Багеша вас развеяли по ветру. Взамен образовали армянские артиллерийские полки в царской армии. Так пожелали сам самодержец и кавказский наместник. А теперь царская армия отошла, оставив защиту передовой линии армянским полкам. И враг, воспользовавшись этим, участил атаки и быстро движется к Мушу. Со стороны Куртык-горы и Фетары слышатся пушечные разрывы. И огоньки, которые по одному зажглись в разрушенных армянских селах весной 1916-го, стали гаснуть один за другим, и тысячи армянских беженцев скопились в Горном проходе Зарбхор.

Но что это, что это? Кто это лежит на улице Хнус-Берда? И шеренги солдат переступают через него. Это полковник Самарцян, отчаянный храбрец, офицер из Ростова-на-Дону. Это он весной 1916-го вместе с частью Силикова поднялся на Сасун и коленопреклоненно молился у подножья горы Марута. Когда царская армия стала отступать, он остался с армянским артиллерийским полком защищать родную землю. И вот он лежит посреди улицы, и по нему идут солдаты.

Нет, они не идут даже, они бегут — войско обратилось в бегство... Неужели это те полки, которые шли на Карин? Следуя примеру царских солдат, они оставляют передовую и бегут домой. Патриот-полковник лег на землю и хватается отступающих солдат за ноги, умоляя остановиться, пытаясь своим телом преградить им путь к отступлению.

— Не уходите, не оставляйте передовую! Ну, куда вы? Армянские воины, куда же вы? Я сам ростовский армянин, я русский офицер, но считаю своим долгом защищать землю предков. Не уходите же и вы, возвращайтесь! — И он хватал за ноги солдат, умоляя их остановиться. — Андраник в Городе-крепости сказал: «Не думайте, что, оставив Карин, вы сможете удержать Карс». И это правда! Но если вы оставите крепость Хнуса, наши позиции откатятся к Эчмиадзину. Стойте! Это наша родина, куда вы! — громко кричал ростовский армянин, то приказывая, то умоляя солдат вернуться.

Ты вспомнил его?

Да, это он, полковник Самарцян. Это он лежит весь в грязи на улице Хнус-Берда.

Он стар уже, у него орлиный нос, он командует линией фронта на отрезке Хнус-Берда, это один из тех пяти молодых офицеров, которых я видел в Карсе в мастерской шорника, — они тогда все говорили между собой по-русски. Он вне себя оттого, что Карин сдали. А теперь приходится терять Хнус-Берд.

Но кому какое дело? Армянские воины движутся на Алашкертскую равнину, а оттуда — на Кавказ. И он только этот топот ног и слышит — топот тысяч отступающих ног.

Посмотри на этого отчаянного офицера, и пусть его героический облик навсегда запечатлится в твоей памяти, и в сердцах грядущих поколений.

— Я родился в России, но это моя родина, это ваша родина, слышите?! — последний раз крикнул защитник Хнус-Берда, но войско уходило, все уходило, уходило, устремив взгляд на снежную вершину Хатавина, и только один, раздирающий душу, гаснущий в общем шуме горестный возглас слышался, он, как детский мяч, то взлетал в воздух, то пропадал под ногами:

— Вернитесь!

Через Басен - в Александрополь

Андраник из Города-крепости пошел в Карин, захватив с собой западноармянских добровольцев. К ним присоединились армяне, служившие ранее в османской армии. Вот имена некоторых из них: кесариец Чепечи Саргис — сотник конного полка; доктор Бонапарт, секретарь Егише;

Торгом из сотни Чепечи Саргиса, прежде работавший у Себастьянца Мурада конюхом; переводчик Рубен и т. д.

Из мушцев с Андраником были Молния Андреас — старый его гонец, бывший гайдук Аджи Гево, хнусец Пилос и басенец Шаварш.

Себастиец Мурад, прорвавшись через линию фронта в Ерзнка, пришел в Карин почти одновременно с Андраником. Немного опередив его, Мурад встретил полководца, восседая на белом коне, в черной бурке, со ста пятьюдесятью своими конниками.

В Карине стояли армянские части, прибывшие из Города-крепости и Александрополя.

Но вот завершение всему, вот итог: «Андранику-паше и старейшинам Карина. По Брест-Литовскому соглашению нам оставлены города Батум, Карс, Ардахан, Олти, Артвин. Предлагаем вам немедленно удалиться от наших границ. В противном случае понесете жестокое наказание. Вехиб-паша».

Но ведь он гайдук был, не стерпел, сел и написал ответ: «Оружие решит — наша это родина или же ваша. Я таких, как ты, много пашей перевидал. Померимся силами и с тобой».

Отправив письмо Вехибу, Андраник обратился к войску: «Я — только один человек, не более. Знайте же, что победа на острие ваших штыков. Не думайте, что, оставив Карин, вы сможете удержать Карс».

И Андраник отдал приказ начать наступление. Он пойдет в центре, а Себастиец Мурад и остальные — по флангам.

Раздались недовольные голоса:

— Это не наша родина, мы уходим домой. Полководец вдруг оглянулся и видит — никого нет, все бежали. В ярости бросил он на землю саблю. Со звоном упала она на заледеневший снег. Торгом побежал, чтобы поднять саблю полководца.

— Сын мой, — с горечью сказал Андраник, — в ней нет уже прежней силы, оставь.

Он позвал Себастьянца Мурада и Чепечи Саргиса и объявил отступление — войско отступало к Басену. Полководец последним оставил опустевший Карин. Он шел один, за ним на некотором расстоянии шли переводчик Рубен и несколько телохранителей — ерзникец Торгом, гайдуки Аджи Гево и Молния Андреас.

«Что ждет меня, что ждет армянский народ?» — думал он. Когда его хотели назначить главнокомандующим пограничных войск Армении, возник спор. Одни говорили, что это, конечно,

самородок, прирожденный полководец, но у него нет достаточных знаний; другие отмечали, что он вспыльчив, самолюбив и не признает никакой власти над собой. В конце концов его кандидатуру отвели под тем предлогом, что он не кадровый военный царской армии, на самом же деле — чтобы не раздражать турок. В тот же день он, взбешенный, вскинул ружье на плечо и пошел доложить русскому главнокомандующему, что отправляется на передовую рядовым, потому что нельзя терять ни минуты.

В каком приподнятом настроении ехал он из Тифлиса в Карин, все время шутил в вагоне. А теперь... И вот он на Басенском поле.

Впервые направляясь из Города-крепости в «страну» — так называли Сасун и Тарон западные армяне, — он пересек это поле, заночевав в доме одного гомадзорца. Через Басенское поле летом 1903 года со своей конницей двинулся с Кавказа к Мушу Себастиец Мурад, спеша на помощь восставшим в Сасуне.

Вот и гора Боцика. Из-под снежного покрова выглянуло несколько каменных завалов. Ветерок повеял с Боцики. Остановился Андраник перед одним из этих холмов.

Здесь покоились лориец Сраб, гюмриец Подвальный Ваго и еще один старый гайдук по кличке Одинокий.

Лет пятнадцать — двадцать назад единственным желанием молодого человека из Восточной или, как ее еще называли, Российской Армении было перейти границу и спасти своих братьев армян от султанского ига, Александрополец Ваго и лориец Сраб в 1904 году с небольшой группой перешли границу, чтобы соединиться с повстанцами Сасуна, но были убиты по приказу русского царя на самой границе. Здесь же, на границе, их похоронили. В окрестностях Города-крепости в одном из оврагов есть похожая на эти могила, там похоронены мученики — товарищи Саргиса Кукуняна. В 1903 году в Басене, в яростной схватке с султанскими солдатами, погибли сулухец Лев Сероб и два его смельчака — Акоп и Аветис. Много отважных армян видело Басенское поле. Почти всех Шапинанд знал лично. Это были фидаи, которые не задумываясь шли на смерть, восстав против насилия, несущего смерть. И все, да, можно сказать, что все они были беспощадно истреблены, кто на полдороге, а кто почти уже у цели. Несчастные, верные своему обету солдаты, вы лежите здесь со своими святыми ранами, и на могилах ваших ни плиты, ни надписи.

Долго смотрел на эти холмы Андраник. Он стоял, опершись на ружье, одетый в форму генерал-майора царской армии, с орденом Владимира на груди и Георгиевским крестом. Генеральские погоны угнетали его. Душа гайдука восставала против всего этого. Он ковырнул носком сапога землю — из-под снега показалась ржавая фляга. Какому гайдуку она принадлежала, кто пил воду из нее? Может, Подвальный Ваго или лориец Сраб? Самой необходимой вещью после оружия была фляга, ее клали под голову убитого вместо подушки.

В грустных думах прошел Шапинанд через Басенское поле и дошел до старой границы с Российской Арменией. Алашкертское поле осталось где-то внизу. Армянским крестьянам запрещалось здесь косить траву. Рабочие батальоны с Дона и Кубани шли в Алашкерт, Диадин и Старый Баязет косить траву для конных казачьих полков. Многие царские чиновники уже выразили желание установить здесь постоянное жительство. Одна русская помещица просила выделить ей участок земли, чтобы построить в Алашкерте усадьбу.

Все это было два года назад. А теперь Карин занят. Враг быстро приближается к Кахзвану. Народ из Хнуса, Манаскерта и Булануха повалил к Алашкерту. Армянское пограничное войско, отступив

шаг за шагом, из последних сил сдерживает натиск наступающей орды, которая хочет перерезать путь народу. Уже известно, что враг заключил тайную сделку с Талинской крепостью, что в Российской Армении. В тылу Александрополя и Еревана создалась угроза.

Не доходя до Города-крепости, возле села Берна, Андраник встретился с Себастиєм Мурадом. Тот по-прежнему был на своем белом коне с черной буркой на плечах. Этому старому гайдукскому предводителю было велено удалиться из Сарыкамыша, и он, возмущенный, оставил со своими солдатами Сарыкамыш...

Вдали прошел молоканин с раздвоенной бородой. Шапинанд велел привести его к себе. Позвали переводчика.

— Спроси этого молоканина, кто в их селе хозяин?

— До бога высоко, до царя далеко, на земле один Шапук, — ответил молоканин.

— Спроси, что он знает, какие связи у противника с Талинской крепостью?

Молоканин рассказал, что губернатор Города-крепости послал красивую наложницу в подарок татарскому хану, хозяину Талинской крепости.

Молоканин из Берна ушел. Как быть? Снова идти в Тифлис и жаловаться? Но кому — Национальному бюро? Грузинским меньшевикам? Может, имеет смысл повидать комиссара Российской республики по Кавказу?

И Андраник отправился искать комиссара. Тот сидел теперь в Баку: Он пообещал, что Советская Россия всячески поможет независимости Западной Армении. И Андраник вернулся в Александрополь.

Карс пал. Противник разделил свои силы на две части и решил блокировать одновременно Александрополь и Кохб, чтобы потом пойти через Сардарapat на Ереван. Оттянутые с передовой пограничные отряды собрались в Ширакской долине. Сюда же пришли из Карса Себастиец Мурад, Чепечи Саргис, ерзнкеец Торгом и доктор Бонапарт. Пройдя Сулукский мост, пришли через Басенхнусцы Пилос и Маленький Абро, басенец Шаварш.

В апреле Андраник наскоро сколотил новое войско, для того чтобы защитить Александрополь и Ереван от турецкого нападения. Это войско, насчитывающее около шестисот конных и пеших солдат, состояло из гарахисарцев, ерзнкеев и хоторджурских ребят, было там и несколько старых гайдуков и бывших добровольцев.

Командиром конницы Андраник назначил Чепечи Саргиса, а начальником обоза — Аджигево. Среди других командиров были мушцы Смбул Аршак и Шахка Аро. Командиром третьего батальона и главным врачом всего войска был Бонапарт, телохранителем и секретарем Андраника — Егише, за переводчика — Рубен. Молния андреас был гонцом.

Эта армия стала называться «Особая армянская ударная часть».

Крепость

Был май 1918-го. Отряд конников, стремглав пролетев через Игдирские горы, спустился в Араратскую долину. Это были гайдуки-сасунцы, среди них несколько мушцев — Аладин Мисак и мой конюх Барсег. Выйдя две недели назад из Хнус-Берда, они пересекли Алашкертскую долину и по мосту Маргары подошли совсем близко к озеру Мецамор.

Перед нами была гора Арагац, за спиной нашей возвышались Масисы — Большой и Малый. С Бартохянских высот спускалась в Сурмалу многотысячная толпа армян-беженцев. Спускались на ослах и пешие — кто с куском войлока, кто с паласом, прилаженным на спину, кто с лопатой на плече, кто с пахталкой в руках, кто с косой, кто с зурной, озабоченные и печальные.

Кое-кто из солдат предложил провести беженцев к Аштараку и Апарану через Эчмиадзин или же через Ереван — в Новый Баязет. Наши глаза, впрочем, были прикованы к вершине Арагаца, чьи бархатные склоны искрились на солнце.

На высокой каменной террасе стояла старинная крепость Талин. Полтора века назад несколько татарских и персидских князей, насильно выселив отсюда армянских крестьян из рода Камсараканов, утвердились в крепости и на протяжении всего этого времени держали в страхе и кабале армянское население округа.

Хозяином крепости сейчас был бородатый перс по имени Ибрагим-хан.

Эта крепость не только охраняла все переходы через Арагац, но и представляла большую опасность для столицы Восточной Армении в случае нападения на нее.

— Это наш удел, — сказал Фетара Манук, и его конь раздвинул грудью тростники Мецамора и поднялся на дыбы, готовый помчаться стрелой.

— Возьмем крепость и поселимся здесь, — добавил Борода Каро, опуская руку на плечо Чоло.

Взвился конь и под Орлом Пето. Все всадники, стянув с себя шапки, помахали ими в воздухе.

Никто больше, только наш отряд сасунцев должен был взять эту крепость. Вот почему наши кони, спустившись с Бартохянских высот, встали на берегу озера Мецамор.

Раздувая ноздри, кони в последний раз жадно опустили морды в потемневшие воды Мецамора.

Решающее слово было за Фетара Ахо. Он должен был сказать, какой нас завтра ждет день. Если погода будет неблагоприятная, поражение неминуемо. И Фетара Ахо отделился от нас на своей лошади, отъехал в сторону, чтобы ничто не мешало ему сосредоточиться.

Ахо понимал, почему, к примеру, лошадь прядет ушами, почему квакает лягушка и пищит комар. Если на небе появился ястреб — значит, будет неудача в деле, если сороки на закате летят к лесу — жди дождя, если они прижались друг к другу, сбились в кучу — разразится буря. Лошадь фыркает — к грозе. Не было такого явления в природе, которое бы Фетара Ахо не понял.

Отъехав от товарищей, Ахо повернул коня мордой к югу и, спрыгнув на землю, внимательно стал вглядываться, как поведет себя конь. Потом поглядел на горы — определить хотел, в каком направлении движутся облака. Легкий ветерок прошел над озером. На воде показался бобр, на него тут же вспрыгнула сорока, бестолково хлопая крыльями.

Но тут запел какой-то сверчок в тростниках, лягушка что-то сказала на своем лягушачьем языке, и на природу снизошел удивительный покой.

Фетара Ахо долго прислушивался к этим звукам. Потом еще раз наклонился к воде. Тревога его прошла.

— Прекрасная будет завтра погода, — объявил он гайдукам и взлетел в седло.

Я разделил своих конников на три крыла. Одно крыло отдал Фетара Мануку, другое — Бороде Каро, а третье мы с Ахо взяли.

К юго-западу от Верхнего Талина есть гора, называется Большая Артени. Это вулканическая гора, сухая, медно-красного цвета. Манук должен был напасть на крепость со стороны этой горы, Каро — со стороны станции Кармрашен, а мы — со стороны села Ашнак.

Пятого мая выдался прекрасный день, как сулил накануне Фетара Ахо. Мы оседлали коней еще ночью. До железнодорожной станции Кармрашена мы все шли вместе.

По дороге нам встретился толстенький коротышка в синей форменной шапке, в руках зеленый фонарь и два флажка — красный и желтый. Это был начальник станции. Вид всадников, должно быть, удивил его.

— Вы куда это, люди добрые? — спросил он, останавливаясь.

— Идем брать крепость, — ответил ему Фетара Манук.

— Несчастные люди, — вздохнул начальник станции, почесав затылок. Потом сказал Мануку: — Куда ж ты их ведешь на верную гибель?

И он рассказал, как дважды александропольцы, взяв войско с тыщу шестьсот человек да пушек несколько штук, пытались завладеть этой крепостью, но без толку. «А вас — раз-два и обчелся, перебьют мигом», — пожалел он нас.

— Да я одного нашего всадника на твои тыщу шестьсот не обменяю! — заносчиво сказал Фетара Манук. — Ты не смотри, что мы в лохмотьях, на вид наш не гляди!

— Переждите хотя бы несколько дней, — посоветовал кармрашенец.

— Если сегодня не возьмем крепость, завтра — хоть твой дед придет, хоть мой — ни за что уже не сможем взять. Мы море перешли, так что же теперь — в ручье захлебнемся? — ответил бывший гайдук и погнал коня.

Уже до рассвета Фетара Манук со своими всадниками стоял на вершине Артени. К его отряду по пути примкнули еще несколько беженцев на конях, среди них — семалец Галуст.

Когда солнце коснулось чела Масиса, Фетара Манук, семалец Галуст и другие сасунцы-гайдуки с громогласным «ура!» полетели на конях с горы вниз, к Нижнему Талину. Громче всех кричал семалец Галуст. Одновременно направили наших коней к крепости и мы, я — с юга налетел, Каро — со стороны Ашнака.

Ибрагим-хан поднял на ноги всех жителей и конечно же всю стражу, татарскую и персидскую, — нас встретили сильнейшим пушечным огнем. Но что могло устоять перед натиском горцев,

потерявших родину? Борода Каро и Фетара Ахо со своими воинами влетели на горячих своих конях в окопы, и пушки Ибрагима-хана замолчали. Когда я доехал до ворот, всадники Фетара Манука уже вышибли ворота и ворвались в крепость.

Враг бежал через северные ворота. Хозяин крепости замешкался — он тащил за руку молодую турчанку, а та упиралась, не хотела идти. Это была та красавица, которую когда-то подарил хану губернатор Карса.

— Идем, Ядигам, — взмолился хан и обнял девушку, коснувшись ее обнаженной груди своей редкой, подкрашенной хной бородашкой.

— О храбрый эрмени, спаси меня! — крикнула турчанка одному из наших всадников, тому, что был ближе.

— Стой, Ибрагим-хан, твоя жизнь в моих руках! — И Фетара Ахо, прыгнув с коня, выхватил маузер из-за пояса и склонился над ханом.

— Девушка мне, крепость тебе, — залопотал испуганно Ибрагим-хан.

— И крепость нам, и девушка! — прогремел Медный Ахо.

Тут подлетел на коне Чоло, посадил пленницу-турчанку на свое седло и так же стремительно выехал из крепости.

Мои всадники выбросили из крепости всю стражу Ибрагима-хана. Двух-трех стражников Орел Пето и Фетара Ахо закололи штыками; некоторые, чтобы спастись, прыгали с крепостных ворот, их на лету сбивали мои всадники.

В полдень крепость Нижнего Талина была наша. Враг понес большие потери, а у нас было всего шесть убитых и тринадцать раненых.

Ибрагим-хан бежал. Последней покинула крепость ханская жена, которая вместе с дочерью спряталась в подполе. Красивой была дочка хана, из-за нее в воротах крепости вспыхнула драка. Двое наших солдат чуть друг друга не убили. Чоло выхватил саблю, кинулся разнимать их:

— Ребята в бою гибнут, а вы тут из-за ханской дочки драку затеяли!

Ахо, с налитыми кровью глазами, бросился на Чоло. Чтобы унять страсти, я приказал Фетара Мануку доставить девушку к ее престарелому отцу.

Прямо в это время пришел гонец от Андраника — андраник призывал меня и всех таронцев идти в Лори. Гонцом был Андреас — наш старый фидаи.

«Османец прет, ребята» — сказал Андреас и попросил нас не мешкать. Еще он сказал, что на александропольской дороге наши перехватили гонца-татарина, который спешил сообщить решение Ереванской городской думы командующему турецкой армии Шехви-паше.

— Все в Лори! — крикнул Андреас и вскочил на коня. Я приказал своему конюху проводить его и решил отправиться к Андранiku с отрядом в несколько сотен таронцев и хнусцев. Мы уже готовы были тронуться в путь, и вдруг выяснилось, что моего конюха Барсега нигде нет. Что с ним случилось, почему он не вернулся, проводив Андреаса? И времени уже не было заняться его

поисками. Я был уверен, что если он жив, то вскоре сам объявится, но ведь могло быть и так, что он героически пал в какой-нибудь навязанной врагом перестрелке...

К ущелью Вайоц

Я со своими всадниками присоединился к вернувшемуся из Джавахка отряду Андраника, и мы вместе через горный перевал Карахача поднялись в Лори.

Первым населенным пунктом на нашем пути была Воронцовка. Это было вытянутое в одну линию село, все жители ее были молокане. Когда мы проходили через это село, в нас несколько раз выстрелили с чердаков. Андраник повернул голову и говорит: «Смотри, долгое село, ежели я сюда еще вернусь, не сдобровать тебе».

Из Воронцовки мы пришли в Джалалоглы. До нашего прихода здесь шли жаркие споры между разными армянскими группировками. Андраник, обратившись к местному армянскому гарнизону и вышедшему нам навстречу народу, сказал: «Я слышал, здесь был большой спор. Группировки группировками, но мы прежде всего должны вместе подумать о том, как нам сохранить свой народ».

В Джалалоглы было много армянских сирот. 23 мая мы всех их посадили к себе на седла и спустили в Колагеран; там мы сдали их начальнику станции, велев ему переправить детей в Тифлис, а сами поднялись в Дсех. От высшего командования Андраннику пришел приказ, чтобы он со своим войском оставался в Дсехе и защищал эту ветку железной дороги. Но через несколько дней мы оставили Дсех и взяли курс на Дилижан. Только мы дошли до лесов Марца, начался ливень с градом, который продолжался до самой ночи. Что за гроза была, содрогались вековые дубы, молния, осатанев, металась в листе.

29 мая мы вошли в Дилижан. Беженцы сбились в какую-то беспорядочную груду в Дилижанском ущелье. Пришло известие о том, что на берегах Аракса произошло большое сражение, и хотя армяне одержали в этом бою победу, но Национальный совет 28 мая провозгласил Армению независимой республикой, заключив в Батуми мир с турками и разрешив им идти через Дилижан в Баку.

Противник потребовал распустить отряд Андраника, а самого полководца арестовать и сдать на его суд.

«Тридцать лет воевал, никто до меня пальцем не дотронулся, а теперь — арестовать!» Андраник связался по телефону с председателем Араратской республики Арамом:

«Андраник говорит. Вы разрешили врагу пройти через Дилижанское ущелье к Гандзаку и Баку. Это измена. По требованию Александропольского комитета вы отозвали меня с границы и отправили в Джавахк и Лори. Но ведь Сардарпат доказал, что наш народ способен творить чудеса. Разрешите мне разбить турецкое войско в Дилижанском ущелье».

Ему было отказано. И тогда Андраник объявил, что не признает заключенного в Батуми мира. «Этот мир толкает нас на вековое рабство», — сказал он и двинулся с четырехтысячным войском к Персии.

5 июня мы вышли из Дилижана. Мы шли берегами Севана, миновали Еленовку, и солнце сушило одежду на наших воинах.

Миновав Лчашен, мы снова попали под грозу. Промокшие до нитки, вступили мы в Новый Баязет.

В «Армении, сотворенной руками турок», всем вооруженным отрядам и старым гайдукам грозила опасность — их в любую минуту могли разоружить и, попросту говоря, убрать с арены. И поэтому героически дравшиеся на Сардарапатском поле и в Баш-Апаране солдаты, недовольные Араратской республикой, небольшими группами приходили и вливались в наше войско.

Первым объявился Фетара Манук. Он привел с собой полк, состоявший из сасунских крестьян, он так и назывался — Сасунский полк. В этом полку были все гайдуки, заявившие Талинскую крепость. Им было приказано отойти к Новому Баязету и Зангезуру, чтобы не дразнить турецкую солдатню. Из Дилижанского ущелья, Еревана, Канакера и Егвардских высот к Новому Баязету же двинулась двадцатипятитысячная масса западноармянских беженцев.

— Где Андраник, там и мы, — говорили они и следовали за нами по пятам.

Сасунский полк двигался отдельно. Некоторые жены добровольцев-сасунцев, переодевшись в солдатскую форму, всюду следовали за своими мужьями. В солдатской одежде были Марта — жена Бороды Каро, Ядигам — жена Чоло, супруга Ахчна Ваана и многие другие. В толпе беженцев шли жена и дочь Мосе Имо, брат Каро — Оган, талворикец Фадэ с лопатой на плече, за спиной — кусок войлока и сложенный вчетверо палас. Тут же были внуки деда Хонка, брнашенец Цахик Амбарцум и многие другие крестьяне, те самые, что со своими пахталками и косами несколько недель тому назад спустились с Бартохянских гор. И музыканты среди них были, не расстающиеся со своим доолом. Всех их возглавляла матушка Сосе — всегда на коне, в сопровождении молодого воина. В сердце Сосе кроме боли за свой народ жила еще и своя собственная печаль. Ее старший сын пропал без вести. Когда на душе становилось совсем тяжело, Сосе просила молоденького воина: «Спой, сиротка, спой для матушки Сосе».

В Новом Баязете Андраник поднял знамя восстания и возобновил свою войну против турок. Перед тем как выступить, он вышел к войску и сказал:

— Не было еще в мире такой страны, чей народ, покинув родные места, двигался бы вместе с войском. Я встал во главе этой несчастной армии. До сегодняшнего дня я назывался командующим Кавказской армии, с этой минуты я прежний сасунский гайдук. И я буду продолжать войну, пока мне позволяют силы. До тех пор, пока наши союзники не будут побеждены. Или я умру, или, если останусь жив, увижу Армению освобожденной. Я солдат армии угнетенных и поработанных. Где идет война за свободу, там и мой меч. Сейчас нам никто не помогает. Ежели где найдем кусок хлеба — сыты будем, не найдем — голодными пойдем. Кто хочет быть со мною, пусть остается в моей армии — с условием, что не будет роптать ни на какие тяготы. А кто не хочет, может хоть сейчас уходить. — После этого Андраник обратился к народу: — Знайте, много трудностей будет на нашем пути, что и говорить, с вами нам будет труднее двигаться; предупреждаю, будет много жертв, и может статься — мы все погибнем, но раз уж вы решили идти с нами, что ж, можете идти.

И, погрузив шесть пушек, боеприпасы и провиант на телеги и на верблюдов, наше войско, пройдя по горному переходу возле Селима, начало спуск к ущелью Вайоц.

Ущелье было темное, а скалы в нем — серебристые и багряные. Огибая скалы, спускалась в ущелье толпа беженцев. Каждый тащил на себе что мог.

Тут-то мы и заметили криворогого буйвола. Чем только он не был нагружен — и куриный насест был тут, и кирка, и мотыга, и икона с изображением богоматери. Кто-то, взглянув на эту заботливо и крепко увязанную утварь, высказал догадку, что хозяин поклажи должен быть из басенских краев или же из Харберда, но он так и не появился, этот предполагаемый басенец или харбердец, так никто и не узнал, чей же был приблудившийся криворогий буйвол. Он был ничей и в то же время общий.

Долина Даралагяза, или иначе — ущелье Вайоц, куда мы спускались, вызывала разные толки. Кто-то из беженцев эту долину сравнивал с Мушской, и это, в свою очередь, послужило поводом пуститься в рассуждения, в скольких часах ходьбы находится город Битлис от монастыря св. Карапета — в четырнадцати или же в восемнадцати. В конце концов все сошлись на том, что ходу туда восемнадцать часов. Еще кто-то вспомнил свое село и вздохнул: дескать, Арчванк так близко к Мушу был, что если в Арчванке закурить и пуститься в путь, то докуришь трубку уже в Муше.

Вот так, переговариваясь, перекидываясь словцом, предаваясь воспоминаниям, спускался народ в долину Даралагяза. Чья-то пахталка с грохотом покатила по склону. Потом кирка в пропасть сорвалась.

Цахик Амбарцум оглянулся.

— Ничего, — сказал, — с беженцами в дороге чего только не случается.

Мои старые гайдуки Шахка Аро, Аладин Мисак и мушец Чиро старались не отставать от меня. И Смбул Аршак был тут же. На конях спускались с гор хнусец Пилос, Маленький Абро и начальник обоза старый гайдук Аджи Гево. Впереди всех ехал Андраник, за ним — командир конников Чепечи Саргис, командир третьего батальона доктор Бонапарт, с десятков гарахисарцев и байбурдцев, прославившихся своей смелостью.

Я вижу знакомое лицо Торгома из Ерзнка. Вдали показались Сюникские горы, скрытые в облаках. Матушка Сосе на своем коне спускается следом за войском. А вон тот страшный навьюченный буйвол; встал на красной скале и жутко мычит, вытянув шею к виднеющимся вдали белым вершинам Дживаншира, вот-вот скатится, несчастный, в пропасть.

Миновав развалины Моза, мы двинулись к селу Мартирос. Дальше шло село Хачик. В Хачике нам сказали, что жители соседней Погоскилисы вряд ли пропустят нас через свою деревню.

Андраник натянул на свою форму простую солдатскую шинель и, взяв с собой нескольких крестьян, пошел договариваться, чтобы погоскилисы пропустили нас.

Он вызвал старосту Погоскилисы и говорит:

— Андраник-паша хочет пройти через вашу деревню в Нахичевань. Не мешайте ему.

— А где же он сам? — спросил староста-азербайджанец.

— Да вон он, стоит со своим войском.

— А нас он не тронет?

— Вашим курам даже «кыш» не скажут. Войско спустилось, встало возле садов, пропуская народ. Последним прошествовал криворогий буйвол. Груз его разболтался, куриный насест волочился по земле. Андраник сдернул с буйвола насест и протянул его старосте:

— У вас кур много. Возьми.

— А вам он не нужен?

— У нас разве есть дом, чтобы еще и кур заводить? Просто как память везли.

Следом за народом двинулось войско, как было условлено.

— Покажи, который Андраник-паша? — попросил староста, обращаясь к одному из всадников.

Тут Шапинанд откинул шинель и говорит:

— Я Андраник.

И был взволнован староста-азербайджанец, был поражен скромностью Андраника. Он позвал обратно все наше войско и целый день угощал и кормил нас, а под вечер в путь проводил.

Старый гайдук Аджи Гево рассказывал что-то занятное о «стране красоток», когда мы вошли в Нахичевань.

В Нахичевани Андраник, обратившись к жителям азербайджанского квартала, сказал: «Салам, елдашлар. Мы, армяне, испокон веку любим мирный труд. К трудовому турецкому народу я не питаю зла, я воюю только против султанов, бесчестных беков и всякой несправедливости. Я признаю только одну национальность — это национальность угнетенных».

Мост в Джульфе

20 июня мы пришли в Джульфу. Тут нас настигла весть, что Халил-паша, преследуя беженцев из Васпуракана, армян и айсоров, переправил через Джульфу войско в Персию. Увидев, что Андраник не только не складывает оружие, но решил продолжать войну и тоже дошел до Джульфы, турецкий паша пригрозил занять Ереван. Или, говорит, немедленно арестуйте и выдайте мне полководца.

Халилу-паше армянское правительство ответило, что Андраник как бунтовщик выслан из Армении, что он не признает нынешнюю власть Араратской республики, не признает турецко-армянского договора и они-де не в силах сладить с непокорным бунтовщиком. «Если желаете непременно заполучить полководца, вы сильнее нас, придите и сами возьмите его», — было сказано паше.

В Джульфе Шапинанд первым делом решил перейти мост через Аракс, чтобы поспеть на помощь преследуемым беженцам.

Полководец вошел в армянскую часть Джульфы с сотней нашего офицерского состава часом раньше всего войска. Впереди сотни ехал сам полководец. Отстав от него на несколько шагов, ехал знаменосец с высоко поднятым знаменем, затем ехал я и несколько наших сотников. Следом двигался наш оркестр. Из-за нехватки духовых инструментов мы пустили в ход скрипку и свирель. Была в нашем оркестре и пастушья дудка. Ни одно войско на свете не имело такой удивительной музкоманды.

Андраник издали внимательно обследовал мост, потом оглянулся на своих всадников. Он увидел благородное, исполненное достоинства лицо сотника Чепечи Саргиса; богатая папаха и ладно сидевшая военная форма делали фигуру его внушительной — паша, да и только. Чепечи понял своего полководца и погнал коня вперед, выйдя в авангард.

Часовой-турок, стороживший мост, спросил, кто мы такие и куда направляемся. Шапинанд прищепил коия и, приблизившись к часовому, смело ответил, что сам он армянин, воин, звать так-то, что заключен мир между армянами и турками, и Верховное командование турецкого Фронта и правительство вновь созданной Арагатской республики поручили ему собрать всех беженцев-армян из-под Джульфы и переправить домой, в Турцию. Удивительно, сказал он, почему Вехиб-паша, верховный командующий, не послал по такому важному поводу телеграмму военному коменданту Джульфы.

— Видите, вон идет паша со своим войском, — сказал он, показывая на Чепечи Саргиса, потом дал приказ сыграть османский военный марш.

Начальник охраны и его аскяры вытянулись в струнку, отдали честь и поспешили достойно встретить пашу и его войско.

По мере того как мы приближались к мосту, мы все больше набирали скорость, и пока враг опомнился, Андраник со своими всадниками был по ту сторону моста. Он разоружил стражу и отправил пленных в русскую часть Джульфы.

Но тут навстречу нам вышло войско. Около пятидесяти аскяров были убиты, остальные бежали. Лошадь одного из аскяров, скинув с себя всадника, понеслась вдруг в нашу сторону. Видно, аскяру велели поймать и вернуть ее. Несчастный бежал под пулями за лошадью. По приказу Андраника мы поймали этого аскяра и привели к паше.

— Сын мой, неужели ты не подумал, что тебя могут убить? Зачем из-за какой-то паршивой клячи идти на верную смерть?

— Да продлит аллах вашу жизнь! — воскликнул аскяр. — Я раб приказа и родины. Но я верю, что такой, как вы, храбрый полководец пощадит жизнь солдата.

Андраник приказал вернуть этому солдату его коня и даже подарил ему маузер.

— Возьми, сынок, — сказал Андраник, — от меня на память». А теперь садись на своего коня и уезжай. Ты заслужил пощаду.

Аскяр торопливо оседлал коня и повернулся, удивленный:

— Бабам*, Андраник-паша вы, значит?

_____

* Бабам — почтительное обращение к старику — «отец» (турецк.)

— Как ты узнал?

— Только Андраник-паша мог обойтись с врагом так великодушно. Я счастлив, что своими глазами увидел вас, я вернусь и расскажу нашим о том, что со мной случилось. Всем вам долгой жизни.

Заняв мост в Джульфе, Андраник отправил телеграмму персидскому шаху: «Я пришел, чтобы пройти. Дашь дорогу — пройду, не дашь — все равно пройду». Рано утром пришел ответ от шаха: «Дорога перед тобой открыта. Хочешь — через Хой иди, хочешь — через Тавриз».

Андраник пошел через Хой.

Перед тем как мы покинули Джульфу, из складов таможни вынесли изюм и миндаль и раздали нашим солдатам.

Али Искан-паша с двенадцатитысячным войском стоял в Салмасте. Узнав о нашем продвижении, он оставил в Салмасте для защиты тылов пятьсот воинов, а сам с остальным войском двинулся к Хою, нам наперерез. Добравшись до Хоя раньше нас, он закрыл городские ворота и укрепился в селе Сейдавар.

Наше измученное войско, объевшись изюма и выпив мутной воды Аракса, двигалось медленно, и наш замысел — заняв Хой, выйти к Урмие, чтобы соединиться с войском союзников, — не удался.

На третий день, на закате, мы встретились у подходов к селу Сейдавар с дозором Али Искана-паши и ввязались в перестрелку. Нас было шестьсот конников, наше основное войско и орудия еще только подтягивались к Сейдавару.

Позиция врага была выигрышная, и мы вынуждены были отступить и укрыться за холмами. Настроение у всех нас было подавленное.

Вдруг показался Андраник на своем скакуне, со сверкающим мечом в руках, за ним — знаменосцы с развевающимися в воздухе стягами.

— Эй, эй, что вы расселись на земле словно сироты, мы идем побеждать, только побеждать. Напред! — по-болгарски крикнул полководец и под градом неприятельских пуль стремительно понесся на врага.

В минуту все вскочили в седла и понеслись вслед за ним.

Ошеломленный противник бежал. Аскяры бросали оружие и, подняв руки, молили о пощаде:

— Пожалейте!

В этой битве был тяжело ранен ерзнкиец Торгом. рядом с ним лежал молодой аскяр, тоже тяжело раненный, и все время звал в бреду: «Срмали, Срмали...» Наверное, любимую женщину вспоминал. На рассвете он умер. Взяв Сейдавар и разгромив войско Али-паши, Андраник со своими солдатами двинулись к городу.

Хой весь был окружен высокой стеной. Полководец приказал начать осаду. Справа от ворот стоял я со своей конницей, слева — сотник Шахка Аро.

Андраник дважды атаковал городские ворота: На третий раз наши орудия пробili стену с южной стороны.

Полководец первым въехал в образовавшийся пролом. Следом за ним вошла в город конная сотня, а уж потом все войско наше.

Три дня шел бой за город. Возле Хоя был сильно укрепленный мост. Шапинанд сказал: «Махлуто, дай мне своих ребят, несколько человек, возьмем этот мост».

Он взял двадцать моих солдат и ушел. Не успел он с ребятами дойти до середины моста — все двадцать моих солдат были убиты. Видим, остался Андраник на мосту один.

— Еще ребят подбрось! — крикнул он мне.

— Двадцать ребят сгубил, не хватит тебе? — обиженно крикнул я и направил к нему еще пятнадцать своих воинов.

Но и этих всех убили. И снова стоял Андраник один на мосту. В третий раз я отправил ему пятерых ребят.

— Да ведь я Андраник, я в Сасуне с пятьюдесятью ребятами пятьдесят тысяч одолевал! — крикнул полководец и взял мост.

Персы, жители города, прекратили сопротивление, но турки, воины Али-паши, продолжали драться. Андраник занял полгорода, и туркам Али-паши уже ничего другого не оставалось, как сдаться; но в это время за городскими воротами послышался страшный шум, раздались дикие крики.

Конница Али Исхана-паши с саблями наголо налетела со стороны Салмаста на беззащитную толпу беженцев. Наши солдаты побросали позиции и, не помня себя, кинулись на помощь своим семьям.

Андраник был вынужден дать приказ к отступлению и, чтобы спасти беженцев, оттянул бой за городские ворота.

Тхмут

К востоку от Хоя есть высокая гора. Лагерь наш растянулся до подножья этой горы.

Один из холмов возле нашего бивака, самый северный, назывался Варданац. На нем стояла старая, совсем простенькая часовенка. Неподалеку текла медленная речка Тхмут, что означает «заводь». Наши конники пересекли поле, сплошь покрытое красными маргаритками, и вышли к часовне. Это было то памятное место, где когда-то мы с мушкетером Тиграном зажгли свечи. Как же давно это было!

— Мы стоим на Аварайрском поле, — сказал я, обратившись к солдатам. — Вот могила храброго Вардана, а вот те красные цветы, которые каждой весной расцветают на могилах наших героев-мучеников, окрашенные их алой кровью. Знайте, мои храбрецы, сегодняшняя битва решающая.

Когда я закончил свое слово, Андракик подошел и поцеловал меня в лоб, и этот поцелуй стал передаваться от солдата к солдату среди глубокой тишины.

Потом заговорил сам полководец.

— Мои храбрые львы, — сказал он, — не падайте духом оттого, что их больше, чем нас. Так уж испокон веков повелось, что наших врагов много, а нас — горсть. Мы достигаем цели силой нашего духа, это враг берет количеством. Сегодняшний наш враг безмерно коварен и неслыханно жесток. Он садится на коня не потому, что так велит ему рыцарский долг, нет, просто ему так удобнее. У этого врага короткая память, и поэтому в нем нет благородства. Такого врага не стоит щадить. В этом бою плечом к плечу с вами дерется отважный таронский полководец Махлут. Многими своими победами я обязан ему. Здесь с нами командир Саргис Чепечи и старый гайдук Аджи Гево. С нами командир батальона Бонапарт и герой Сейдавара Торгом. С нами наши бесстрашные сотники Смбул Аршак, Шаха Аро и их помощник Чиро. С нами бесподобный певец нашей армии Аладин Мисак. С нами хнусец Пилос и Маленький Абро. И, наконец, с нами негибаемая воля аварайрских героев, лежащих под этими камнями, их бессмертный дух. Знайте, что враг — из той же плоти, что и мы, но в бою победит тот, кто смелее, тот, кто выносливее, у кого железная воля, тот, кто поклялся победить и не допускает мысли о поражении...

Случалось, мы отступали. Но в честном бою враг никогда не видел нас обращенными в бегство. Поклянитесь же мне своей честью, что так будет и на этот раз. Если вы не уверены в своих силах, прошу вас, поднимите меня на свои штыки и отнесите туда, где спят вечным сном герои Аварайрской битвы, похороните меня живого рядом с ними — это лучше, чем если вы побежите с поля боя и оскверните священную память героев.

— Нет, паша, среди нас нет трусов! Мы готовы биться до последнего! Умрем на священном поле! — закричали воины разом.

— Тогда взгляните вон на тот холм, о котором говорил полководец Махлут, поклянитесь у мощей великого мученика Вардана Мамиконяна, что мы не будем первыми, кто покинет поле боя. И Шапиманд, вынув саблю из ножен, опустился на колени; мы все последовали его примеру.

Натиск наш был таким неожиданным, что враг, теснивший передние ряды столпившихся возле городских ворот беженцев, тут же обратился в бегство. Потом, правда, аскяры опомнились, выхватили сабли и повернули головы в нашу сторону.

И на берегу реки Тхмут, на Аварайрском поле, началась неслыханная битва и развязался страшный сабельный бой. Кони, люди, всадники — все перемешались. Сабли ломались, от них летели искры — что это было!

Неожиданно появившись на поле боя, бросился в схватку Сасунский полк во главе с Фетара Мануком. По призыву Сосе кинулись в бой крестьяне из толпы беженцев — Мосе Имо, талворикец Фадэ, брнашенец Цахик амбарцум, брат Каро — Оган и множество крестьян с косами и вилами в руках, даже тот хутец, с доолом в руках. И алашкертец, хозяин буйвола, — он таки объявился, — и Марта, и жена Ахчна Ваана Лола, Ядигам, сама матушка Сосе и еще много, много других людей.

Солдаты из моего батальона и ребята из сотни Шаварша перенесли бой к знаменитой часовенке.

— Посмотри налево, Пилос, сотник Аро, осторожно, не оступись, дальше пропасть. Молодец, Чиро! Ах, как дерется парень! Так, так, так, ребята, а ты во второй раз промазал, Каро! Оган, прикрой лицо, обопрись о скалу, Ахо, так рука устанет! Беги, Чоло, беги на помощь Исро! А Пето где? Сильнее, сильнее, сильнее!

Так Шапинанд подбадривал ребят, перелетая со скалы на скалу, рубя направо-налево, то он бежал по ущелью Хоя вверх по течению реки, то на западном холме оказывался, то рядом с Чепечи Саргисом возникал, то спешил к Смбулу Аршаку.

И билось войско, бились воины — Франк-Мосо и Чиро, Аладин Мисак и Ахчна Ваан, Маленький Абро и Шаварш.

И Тер-Кадж Адам дрался. И Аджи Гево. И ерзникиец Торгом. И Курава Шмо.

Тхмут снова покрылся трупами врагов. У нас, правда, тоже были большие потери. Мы потеряли нашего храброго сотника Шахка Аро, да и не только его.

Этот сабельный бой оставил печальные последствия — многие в этот день сошли с ума. Звон сшибающихся сабель, лошадиное ржание, нечеловеческие крики — шум стоял до небес; люди не выдержали, вдруг стали рвать на себе одежду, хохотали, хватались за голову, бессмысленно носились по полю.

И вдруг обе стороны обратились в бегство: враг бежал на юг, а армяне устремились к Араксу.

Андраник понял, что враг торопится занять мост Джульфы и перерезать дорогу к Араксу, и, взяв несколько сотен, поскакал, чтобы прийти к мосту первым.

Я остался один с горсткой таронцев. Мой меч устал, мои пули кончились, и конь мой пал. И тут ко мне подлетел один из моих всадников. Увидел, что меня окружают, мигом слетел с седла, подвел ко мне своего коня и говорит:

— Возьми моего коня, спасайся. Если я погибну — одним человеком меньше станет, а если погибнешь ты — пропадет все войско.

Я посмотрел — это был мушец Чиро, мой земляк. Я отказался взять его коня. Чиро направил на меня ружье и говорит:

— Садись и догоняй Андраника, или я тебя убью.

— А ты?

— Не беда, давай догоняй полководца.

Я вскочил на коня Чиро.

Поле быстро опустело. Аварайр был усеян трупами и тяжелоранеными. Отовсюду слышались стоны и лошадиное ржание. Кое-где еще бились отчаянные одиночки.

Не успел я отъехать на несколько шагов, вдруг вижу — три вооруженных аскяра окружают меня, но не стреляют, живым хотят взять. Совсем близко уже подъехали, один даже руку закинул, чтобы схватить моего коня за уздцы. Раздумывать было некогда. Я бросил ружье на землю, под ноги

своему коню. Те трое, как я и предполагал, толкаясь бросились к ружью. И тут я выхватил свой меч...

Но что стало с Чиро? За красным холмом возле часовни залег какой-то парень в черной абе и отстреливался. Я посмотрел в бинокль: это был он, Чиро. Я еще несколько раз оглядывался и видел, как он героически отбивается — один против нескольких. Последнюю пулю он пустил себе в лоб. И упал, остался навсегда возле часовни Вардана.

В великой печали закрыл я глаза и хотел уже повернуть коня назад — вдруг до слуха моего долетела горестная песня. Это пел раненный насмерть Аладин Мисак.

Через несколько минут песня оборвалась. Не стало на свете Аладина Мисака.

В тростниках Тхмута кончилась песня Аладина, того чудесного певца, под чье пенье мужала моя юная гайдуцкая душа, душа моего поколения.

Отступление и мир

Все наше поредевшее войско и толпа беженцев собрались у Джульфы. И снова шли бои. Начался сыпняк. Из Джульфы мы пришли в Азу. В Азе Андраник сказал мне:

— Иди занимай Нахичеванскую гору. Не отступай, я скоро подспею.

Я взял свое небольшое войско и пошел к Нахичеванской горе. Заняв позицию, я ждал полководца. И вдруг вижу — со стороны Шахтахты идут на меня несколько беков с большим османским войском. Андраника все еще не было. Я увидел, что окружен, и отвел своих ребят на противоположную гору. Вскоре после моего отхода Андраник пришел на Нахичеванскую гору. Узнал, что я отступил, обиделся на меня, вступил в бой, а к вечеру вынужден был оттянуть войско назад.

Пришли мы в Апракунис. Апракунис был окружен большим садом. Андраник разместил своих солдат в этом саду, а командиров повел в здешнюю церковь.

И здесь Шапинанд сказал: «Что это я мотаюсь по горам-долам, куда иду, привязав к хвосту своего коня столько народу? К англичанину, может?»

Этой же ночью Андраник написал письмо в Баку Степану Шаумяну, объявив Нахичеванскую область частью Советской России и предложив считать его армию на службе у Советской власти.

Из Апракуниса мы пришли в Цхну, чтобы через Парадашт пройти в Бест. По дороге конь Андраника пропал.

Рассердился полководец на Аджигево. Долго искал он своего коня. Наконец нашел его, оседлал и поскакал из Парадашта в Бест. Это такое священное место в Иране, где каждый может отстаивать свои права. Здесь он на меня накричал, почему я отступил.

Утром мы встали, видим — нет Шапинанда. Он взял несколько десятков верблюдов и мулов и пошел по Каджаранской дороге. И я поднял свой полк и через перевал Капутджух, через его снега и цветы, спустился в Каджаран*.

---

* Каджаран — дословно: «страна смелых», кадж — смелый {арм.}.

В Каджаране я подошел, поздоровался с Андраником — он не ответил. Обиделся на меня. Так, обиженные друг на друга, мы снова снялись с места и направились из страны смелых в Медный город.

Вообще-то настоящее название этого города Капан. Город лежал в ущелье на берегу реки Вохч. В самом узком месте ущелья была построена крепость Давида Бека. Но ни до чего мне не было сейчас дела — ни до Медного гооода, ни до крепости Давида Бека. Одно только меня заботило — я хотел помириться с Андраником. Думал я, думал, кто может нас помирить, и решил попросить Чепечи Саргиса или Аджи Гево. Я кого угодно готов был просить. Нет, пожалуй, не Аджи Гево надо призвать на помощь и не Чепечи Саргиса. Матушка Сосе — вот кто мне поможет.

Я прошел всю толпу беженцев, но Сосе нигде не было. Задумчивый, подошел я к дому, где разместился сам полководец. За дверью послышался сердитый женский голос: «Знаешь что, Андраник...»

Я удивился: кто эта женщина, которая осмеливается называть полководца по имени, да еще и голос на него повышает? Тихонечко приоткрыл я дверь. В комнате было много народу. Я вошел и незаметно встал возле двери. Полководец лежал на тахте, съежившись, а перед ним стояла высокая крепкая женщина, она бесстрашно отчитывала Андраника за то, что тот ничего не предпринимает, чтобы накормить голодных людей.

Это была Сосе. Ни перед кем Андраник не склонял головы, но когда с ним говорила Родник Сосе, он виновато потуплял взор. Ведь Андраник был солдатом Родника Сероба.

Я понял, что не время сейчас соваться к Андранику со своими горестями. Я вышел и тихонько прикрыл за собой дверь.

Был в Капане один человек по имени Смбат, родом из Карабаха. Все звали его Смбат Бек. Этот богатый карабахец построил себе дом возле самой крепости Давида Бека. Узнав, что полководец Андраник в Медном городе, Смбат Бек пришел, чтобы пригласить его в свой замок. Он и меня хотел пригласить, но Шапинанд сказал: «Или я, или он».

Андраник не любил богатых, но никогда не отказывался от их приглашений и, сидя в их доме принимая их угощение, пытался учить их уму-разуму. Бывало и так что, сидя за праздничным столом, он вспоминал вдруг о несчастных голодных людях на улице и в сердцах опрокидывал стол. Я думал, что и на этот раз так случится. Но нет, Андраник поселился у Смбата Бека и жил себе там. А про меня даже и не вспоминал.

«Двадцать лет мы прожили как братья, а теперь что же, будем врозь?» — сказал я сам себе и тайком от своего войска и друзей пошел к Смба́ту Беку.

Смбат Бек называл меня Смба́том-пашой. Ведь мое настоящее имя тоже было Смбат. Он свое жилье предоставил Андранику, а сам устроился в небольшом деревянном срубе в лесу.

— Смбат Бек, — сказал я, — мы с Андраником в ссоре. В нахичеваньской битве я вынужден был отступить и сейчас стесняюсь показываться ему на глаза. Вчера в Каджаране он не ответил на мое приветствие. Помири нас бога ради.

На следующее утро Смбат пошел к Андранику. Не один пошел — со старой матерью.

Андраник расхаживал по комнате взад-вперед. Смбат Бек постучался и услышал в ответ: «Войдите!» Смбат Бек с матерью вошли.

— Это ты? — сказал паша. — А сестрицу мою названую зачем с собой привел?

Мать Смба́та сказала:

— Паша, я пришла просить, чтобы ты принял Смба́та-пашу.

— Приму. Раз ты говоришь, приму, — сказал Андраник.

Мать Смба́та Бека вышла. Остались в комнате Смбат Бек и Андраник-паша.

— Ну что, привести его? — спрашивает Смбат Бек.

— Ладно, — говорит Андраник, — веди.

Смбат Бек пришел, чтобы отвести меня к Андранику. Оседлал я коня Чиро и поехал. За двадцать шагов от дома я спешился и, подойдя к паше, поцеловал ему руку, а он меня в лоб поцеловал.

— Ты в Нахичевани почему меня не дождался? Ведь я приказал тебе держаться.

— Паша, — сказал я, — ты железный, а я такой, как все. Не выдержал.

Помирились мы, попрощались с Смба́том Беком и поехали из Медного города к Горису.

Шоссе, соединяющее Капан с Горисом, было закрыто, и мы вынуждены были поехать по неудобной Татэвской дороге. По перевалу мы поднялись на вершину горы, спустились в ущелье, выбрались из него, снова спустились, снова поднялись. Село Верхний Хотан осталось позади. За войском двигались беженцы — все грязные, голодные, лица черные от усталости... Многие лошади пали по дороге, и множество добра пришлось нам оставить по пути.

Под вечер мы добрались наконец до Татэва.

Татэвский монастырь восседал на вершине гигантской скалы. Перед ним было знаменитое ущелье Воротана, за ним — заснеженные горы. В монастырском дворе стояла качающаяся каменная стела с хачкаром наверху. Шапинанд рукой толкнул стелу, та таинственно качнулась.

— Мы похожи на этот каменный столб. От легкого прикосновения приходим в движение и все же, глядите, устояли ведь перед всеми бурями во все века, — сказал Андраник и приказал объявить привал.

Ночь мы провели в Татэве.

На следующий день, 3 августа, мы снова пустились в путь. Перед нами была бездонная пропасть, рядом — большая Татэвская пустыня, а внизу — Чертов мост. По одному спускались мы по отлогому спуску. Вон показалась женщина на коне, направилась, миновав часовню, в пустыню. Это матушка Сосе. За нею телохранитель ее, тот паренек. А на расстоянии — небольшая толпа беженцев. Среди них — брнашенец Цахик Амбарцум, талкворикец Фадэ со своей лопатой, крестьянин с доолом и тот несчастный буйвол, чьего хозяина убило в Тхмутской битве. Груз на буйволе легкий уже. В горном проходе Селима упали светильник и кирка; насест Андраник подарил старосте-азербайджанцу; деревянный половник, дверная ручка и подушка для новобрачных упали при подъеме на Татэв. Талкворикец Фадэ был занят своим обычным делом — поправлял Русло ручья. Вдруг что-то тяжелое покатилося мимо и, подпрыгивая, сгнуло в ущелье. Богоматерь с длинными ресницами. Еще что-то полетело следом — серебряная кадильница.

— Ничего, беженцы мы, чего только не случается в дороге, — примирительно сказал Цахик Амбарцум, не замедляя шага.

На дне ущелья через реку Воротан мостом лежит скала. Называется Мост Сатаны. Мы прошли по нему и начали восхождение. Часть нашего войска дошла уже до села Шинуайр, вернее — до горы «Семь Родников», а часть все еще в ущелье была, последний караван беженцев только-только проходил рядом с качающимся камнем во дворе монастыря.

Среди этих беженцев был Мосе Имо. Он стоял на краю пропасти и смотрел вниз, туда, куда поехала матушка Сосе.

Помирились мы с Шапинандом, едем рядом. За нами беженцы, за знаменем — войско, за войском — обоз и замыкающие.

Устало наше войско. Большинство идут босые. Многие в дырявых трехах на босу ногу. Некоторые из офицеров тоже в трехах. А какие Шапки на всех — разные-разные. Истрепалось в битвах и трудных переходах боевое знамя. Из Западной Армении, с далеких Сасунских гор, докатилось войско до ущелья Воротана. По дну ущелья бежит-течет Воротан, а по склонам растеклось наше войско.

По левую руку от себя мы увидели три больших холма. По мере того как мы удалялись, троица холмов уменьшалась. Мы оставили за собой зеленое плато, и вдруг в глубоком ущелье глазам нашим предстал белый город.

Каменные ясли

Горис встретил Андраника ликуя.

Войско разместилось в ближайших селах — Веришене, Техе и Хндзореске, а толпа беженцев — в садах, домах и пещерных поселениях на берегу реки. Но Горис был беден хлебом. А в Сисиане было прохладно, там было много травы и зерна. И мы оставили Горис и двинулись к Ангехакоту.

Мы держали для войска небольшое стадо. Куда бы мы ни двигались, стадо шло следом и тихонечко паслось себе. В это стадо-то и затесался тот самый буйвол.

Только Андраник вошел в Ангехакот, к нему подскочил какой-то крестьянин, сердитый-сердитый.

— Паша, — говорит, — у меня жалоба. Посмотри на мою крышу.

— В этом селе тысяча крыш, на которую прикажешь смотреть? — спросил полководец.

— А вон на ту кровлю посмотри, где стоит солдат и сбрасывает вниз клевер, по какому праву?

Андраник поднес бинокль к глазам и увидел Ахо — тот, действительно, стоял на кровле с вилами в руках и вовсю орудовал. С каждым взмахом руки конец вил ударялся об колокол на часовне — она была рядом, — и раздавался слабый звон.

Холодный пот выступил на лбу полководца. Он никогда не видел, чтобы Ахо нарушал дисциплину. Неужели это он? Андраник снова поднес бинокль к глазам — ну да, Ахо. До сих пор ни один солдат не порочил честь Андраникова войска подобным поступком.

После Сейдаварской битвы Ахо, отделившись от Сасунского полка, шел с обозом в хвосте. Он с беженцами подкашивал стерню на сисианских полях, помогал по пути крестьянам собирать фрукты и вел себя достойнейшим образом. Что же сегодня случилось с этим солдатом?

Андраник пошел к дому ангехакотца. Глаза Ахо встретились со взглядом полководца.

— Для наших лошадей, паша.

— Каких таких лошадей?

— Для Сасунского полка.

Андраник велел ему спуститься.

— Этот человек жалуется на тебя, и жалоба его справедлива, — сказал паша и отвесил звонкую пощечину Ахо. Короткая серая папаха Ахо покатила на землю.

— Ох, паша, берегись теперь! — крикнул Ахо, выхватывая маузер.

Шапингарахисарцы, земляки Андраника, выхватили клинки. Фетара Манук ахнул: «Как ты мог сказать такое, Ахо?» — и оттолкнул сасунца в сторону.

— А так и мог, знайте же меня! — крикнул Ахо, поднимаясь с земли, и снова рванул к полководцу.

Манук крепко держал его за руку.

— Ну что, не отпустило тебя еще? — сказал Андраник. — Или ты забыл, для чего было столько лет лишений? Ахо молчал.

Потом он собрал с земли клевер, пошел, положил его обратно, а когда спустился с кровли, увидел, что полководец сидит у крыльца и что-то печально насвистывает.

— Ну что, Ахо, все?

— Всё паша.

— Ну, всё так всё.

На краю села какой-то старик обмолачивал хлеб. Андраник попросил старика отойти, сам вскочил на молотильную доску. В это время телохранители Андраника задержали какого-то вооруженного мужчину из беженцев.

Горец, видно, был — с густыми, закрученными, как у всех сасунцев, усами.

— Где Антуан-паша? — твердил он. Андраника так тоже иной раз называли.

— Вон он, на гумне.

— Паша, какой-то мужчина хочет тебя видеть, — доложил Торгом.

— Да это же сасунец Оган! Иди сюда, Оган. Отпустите его.

Паша прыгнул с доски. Оган подошел к нему. Встал и молчит.

— Ты что грустный, Оган, что случилось?

— Паша, мой брат Каро заболел. Дай барашка, отнесу для Каро.

Андраник три года прожил в Сасуне в доме Огана. Он вспомнил хлеб-соль людей из рода Муро и, подозревав пастуха, приказал отдать Огану одну овцу.

— Сами не отбирайте; на которую этот сасунец укажет, ту и отдайте.

Взял Оган овцу и ушел. Вскоре Борода Каро выздоровел.

А войско двинулось из Ангехакота к Брнакоту. В Брнакоте многим солдатам вместо их обносков дали новое обмундирование. Из Брнакота перешли в Воротнаванк.

До чего же красив водопад Шаки! Андраник прилег на скалу, папаху положил на колено. Мы все смотрели на водопад как замороженные. Что за грозная красота! Какое единое устремление... Шум водопада напомнил мне Гургур, чей голос доходил из-под Хозмо-горы до самого Сасуна.

Вот если бы и наш народ был такой же единый в своих устремлениях!

На следующий день мы вошли в Воротнагюх, а 10 сентября вернулись в Горис. К этому времени сюда пришел наш Сасунский полк. В Горисе Андраник вызвал к себе представителей местного национального совета и попросил привести в порядок телеги из военного обоза.

— Сколько времени для этого понадобится? — спросил он.

— Неделя, — ответили члены совета.

— Даю вам две недели срока.

Две недели прошли, а телеги не были готовы.

Рассердился Андраник — понял, что члены национального совета заняли враждебную позицию.

Стояла поздняя осень, подступали холода, Андраник вызвал меня к себе:

— Пожалуй, придется нам эту зиму в Горисе перезимовать. Что скажешь?

— Это же каменные ясли, — говорю я. — Люди даже телеги не хотят нам починить, а ты говоришь — зиму у них провести.

Так мы ни до чего и не договорились, но все же снялись с места и снова двинулись в путь.

В Ангехакоме между нами возникли серьезные разногласия. Чепечи Саргис и командир третьего батальона Бонапарт, взяв свои сотни, самовольно ушли через Медный город в Мегри, чтобы оттуда перейти в Персию. Фетара Манук повел полк сасунцев к Даралагязу. С Фетара Мануком ушли Борода Каро, Тер-Кадж Адам, Чоло, Фетара Исро и Орел Пето (его к этому времени стали звать Звонкий Пето). И Ахо с ними ушел.

Начался раскол и среди беженцев. Часть их разместились в селах Сисиана, где, кроме хлеба, ничего не было, но зато самого хлеба было вдоволь. Сасунцы же, а их было немало, ушли с Сасунским полком в ущелье Вайоц.

Андраник снова спрашивает меня:

— Ну, что стоишь растерянный? Ты ведь тоже хотел отделиться от меня?

— Почему? Мы с тобой в Медном городе помирились, — говорю.

— И те, кто мирятся, могут снова разойтись. Я знаю, вы все хотите уйти отсюда. Считай, что мы не видели водопада Шаки. Войско распускается. Ах, жаль, до чего же жаль народ прародителя Айка!

Наше войско разошлось. Мушские и хнусские солдаты, так же как и большинство сотников, пошли со мной. С Андраником осталась только особая ударная часть, примерно 1300 бойцов, главным образом из Шапингарахисара, Карина, Харберда, Хоторджура и Камаха.

Шапинанд с этим своим войском остался в Горисе, а я, взяв конные роты, через ущелье Вайоц и через горный проход Селима поднялся к восточным берегам Севана.

Ах, пропал мой Аслан!

Из старых мушцев-гайдуков в Горисе осталось несколько человек, один из них — начальник обоза Аджи Гево. Единственным офицером, кто осмеливался подходить к полководцу в минуты его гнева, печали и радости, был Аджи. Жизнерадостный, веселый человек был Аджи, и все его любили — и солдаты, и офицеры. Был он уже не молод, и хромал малость, но характером и душой оставался молодым. Поднимался чуть свет, когда все еще спали, и, надев черкеску, с саблей на боку, с длинной трубкой в руках, насвистывая, шел по Горису. У него было обыкновение останавливаться под окном Шапинанда и громко напевать старую гайдуцкую песню, в которой через каждые два слова повторялось «ло-ло».

Это была первая ночь, когда Андраник, расставшись с Махлуто и большей частью конницы, спал, усталый, в «каменных яслях».

Утром рано, насвистывая свое «ло-ло», Аджи Гево прошел под окном Андраника. Шапинанд сердито распахнул окно и приказал Аджи подойти.

Аджи приблизился.

— Слушай, ты курд или же армянин?

— Армянин, полководец, манаскертец я.

— Нет, ты, верно, из манаскертских курдов. Ты зачем это каждое утро под моим окном ходишь, высвистываешь, а? Ты был простым солдатом, я тебя офицером сделал, а потом и вовсе начальником обоза назначил, — может, думаешь, для того, чтобы ты сон мой тревожил?

— Я был гайдуком, полководец, и эта песня с тех пор при мне.

— Гайдуком был! А мы что, по-твоему, с неба упали? Приучайся к воинской дисциплине. Черкеску надел, и вдруг — «ло-ло». А теперь слушай мой приказ. Ты знаешь, наши телеги приводят в порядок, предупреди ребят из национального совета, чтобы завтра же все было готово, так и скажи им, что завтра последний день. Дальше. До сих пор наших коней подковывал Чепечи Саргис. Его нет, найди в Горисе или же среди наших беженцев одного-двух кузнецов, пусть всех лошадей проверят, подкуют. Родник Сосе два дня назад жаловалась, что ее лошадь ходит без подков. И Торгом жаловался. Одним словом, кончай свои «ло-ло» и приступай к делу. Я велел раздать продукты оставшимся в городе беженцам. Узнай, выполнен ли приказ. В сумерки придешь и обо всем доложишь.

— Слушаюсь, полководец.

— Ну, иди.

Весь день Аджи Гево крутился, выполняя поручения полководца. Вечером, когда он, насвистывая, возвращался к командному пункту, что-то вдруг привлекло его внимание.

На берегу реки расселись беженцы. Какой-то хутец оживленно рассказывал им байку.

«Себастиец Мурад из Сарыкамыша безоружный шел в город Тифлис. Генерал Назарбеков вызывает его к себе и говорит: «Мурад, мы с османцем в ладу сейчас, война между нами кончена. Ты что же хочешь, чтобы из-за тебя и Акдраника снова каша заварилась? Быстрее бери свою черную бурку, садись на своего белого коня и уезжай отсюда, пока цел». Мурад берет свою черную бурку, седлает своего белого коня, а сам, красивый, храбрый мужчина, едет на Северный Кавказ. А вдогонку телеграмма идет: мол, нет, ступай еще дальше. Мурад доходит до самого Аштархана.

А в этих краях жил красный командир, звали Ворошилов. Погнал Мурад коня прямо к нему. «Здравствуй», — говорит. И в ответ слышит: «Здравствуй». «Вы с Лениным-пашой, — говорит, — взялись за оружие, чтобы драться за свободную жизнь, а мы, землеробы, против кого? Наша война ведь тоже с беками и богачами, — выходит, что мы с вами заодно». Ворошилов смотрит на него. «Раз ты такой храбрый, — говорит, — и за наше дело, нашему товарищу Степаносу Шаумяну очень сейчас туго приходится. Ступай к нему в Баку».

— «Оружие дай».

Ворошилов выдает ему оружие. И Мурад в тот же день — и конь под ним быстрый, и ружье в руках новое — приходит в Баку к Степаносу Шаумяну.

Этого оставим здесь, вернемся к Андранику.

Андраник, когда приходит в Апракунис, садится, пишет письмо Степаносу Шаумяну: дескать, я, сын кузнеца, Шапинанд из Шапиягарахисара, взял под красное знамя уезды Гохтан, Нахичевань и Мегри. Ночью Андраник идет в Кхнут и отправляет свое письмо по беспроволочному телеграфу.

Шаумян Степанос берет телеграмму Андраника и идет к Ленину: мол, так и так, полководец Андраник со своим войском на вашу сторону перешел.

Ленин спрашивает:

— Андраник чей сын?

— Кузнеца сын, — отвечает Шаумян Степанос.

— Привет пошли Андранику-паше, — говорит Ленин и радуется, что сын кузнеца Андраник поднял над Нахичеванью красное знамя.

Шаумян Степанос садится и пишет ответ Андранику-паше: мол, твой товарищ Себастиец Мурад уже в Баку, а ты что расселся в Апракунисе, быстрее иди сюда. Шапинанд читает письмо Степаноса с приветом от Ленина и идет седлать коня, чтобы вести войско в Баку. Смотрит — Аслана его нигде нет.

— Украли! — кричит паша. — Аслана украли!

Сотник Чепечи Саргис и ерзнкиец Торгом с доктором Бонапартом бегут к нему.

— Где мой конь? — спрашивает паша.

— Не знаем, спроси своего конюха.

Ох как рассердился паша! Отвесил пощечину Чепечи Саргису, еще одну — Торгому, а доктор Бонапарт убежал.

Вызывает Андраник Аджи Гево.

— Где мой конь?

Аджи припоминает, что после Сейдаварской битвы полководец отправил своего коня в Агулисский монастырь на хранение.

— Да ты ж своего коня монахам на хранение дал, — отвечает Аджи.

— Быстро пошли человека за конем. Я на нем в Баку поеду, Степанос Шаумян зовет меня на помощь.

Аджи посылает в монастырь человека, но тот возвращается с пустыми руками.

— Эх-вах! — вздыхает паша. — С монастырями тоже неладно стало. — И — р-раз! — бьет Аджи Гево по лицу. Аджи от боли и обиды даже кричит. На крик его прибегает Смбат-паша.

— Где мой конь? — набрасывается на него Андраник. До этого дня Андраник на Смба-пашу голоса ни разу не повышал, так его любил.

Смбат-паша говорит:

— Давай пойдем найдем коня этого чокнутого, а то он нам покоя не даст.

Чепечи Саргис пошел в Верхний Агулис и Цхну, Торгом пошел в Сейдавар, Аджи Гево пустился обшаривать нахичеванские горы, а сам Смбат-паша с несколькими сасунцами, Бородой Каро, Чоло и Орлом Пето дошел до самой Джульфы.

Долго искали, но коня паши не нашли. Что делать, вернулись обратно.

— Ах, пропал мой Аслан! — крикнул Андраник и набросился, избил всех. Больше всего досталось Аджи, Гево...».

— Говорили мне, что среди беженцев есть один брнашенец, до того славно сказки рассказывает, но слышать его не приходилось, — говорит Аджи Гево, приближаясь к рассевшимся на берегу беженцам. — Как тебя звать?

— Мое имя Цахик Амбарцум. Я и есть этот самый брнашенец.

— Сколько лет уже сказки рассказываешь?

— Да все рассказываю. Как услышу где что, от себя еще что-нибудь прибавлю и рассказываю. А от меня другие перенимают, услышат разок и дальше рассказывают. Моей сказке конца нету.

— Славную ты рассказал историю. Но только знай, братец Амбарцум, до сегодняшнего дня Андраник-паша на меня руку не поднимал ни разу.

— А ты кто такой?

— Я Аджи Гево.

— Ну, а в сказке он тебя бьет, тебе про это невдомек. Значит, ты Аджи Гево? Это ты все «ло-ло» насвистываешь? Сказка-то моя как твое «ло-ло», господин Аджи. Ты утро своим «ло-ло» начинаешь, а я день свой сказкой кончаю, — сказал брнашенец, накручивая кончик уса на палец.

— Говоришь, паша ни разу не бил тебя? А чем хуже тебя Фетара Ахо, его-то уж он бил, про это все знают. Или же Смбат-паша, уж такой сам прославленный воин, а когда отступил под Нахичеванью, Шапинанд с ним еще как разругался. А все потому, что паше дорога честь Армении, и раз уж мы об этом заговорили, расскажу коротенькую историю, пока лошадь Андраника ищут... Слушай, значит, хутец Селим-ага положил свой колоз посреди дороги, а сам спрятался. Шакир пришел и видит — лежит на дороге колоз его врага Селима. Подумал, что Селим убит, обрадовался, стал целиться в его колоз. «Ты целишься в мой колоз! В меня, значит!» — крикнул Селим-ага и убил Шакира... Теперь ответь на вопрос, господин Аджи, честь нашего народа одного колоза не стоит? Андраник-паша наказывает тех, кто честь нации оскорбляет. Прав он? Прав. А теперь вернемся к коню Андраника...

Здравствуй, старший брат!

Цахик Амбарцум скрутил сигарку и продолжал:

«На рассвете Шапинанд отправил Бороду Каро, Чоло и Пето в Сасунский полк, а сам оделся попростому и вышел на дорогу. Из тысячи голосов Андраник узнал бы ржание своего коня. Из тысячи следов различил бы след своего Аслана.

Шесть дней и шесть ночей искал Аслана Андраник. На седьмой день видит — человек какой-то из лесу вышел, за ним — воз, на возу — валежник.

Подошел Андраник к крестьянину, спрашивает:

— Куда дрова везешь?

— Продать хочу.

— Конь тебе удалой не попадался?

— Ничего не видел, — отвечает крестьянин.

— Ах, мой Аслан! — и паша схватился за голову.

Только он это сказал, видит: спускается с соседней горы — а гора-то вся в ухабах — старик, коня за собой ведет, а на коне груза — сорок пудов. Не конь, а тигр, ноги только тонкие и высокие.

Сжалось сердце, узнал он своего Аслана. Замахал рукой Андраник, побежал, задыхаясь, к старику. Подбежал и говорит:

— Здравствуй, старший брат!

— Здравствуй и ты, братец младший. Что так бежал?

— Да коня мне, коня жалко, что ж ты его так нагрузил?

— А на кого же мне груз, спрашивается, грузить?

— Да ведь это Шапинанда конь!

— А ты кто Шапинанду будешь?

— Я его главный конюх.

— Можно подумать, у Шапинанда конюшня есть, чтоб еще и конюшего держать, — ответил зангезурец. — Его подушка — камень, он уздечку из рук не выпускает. У нашего паши ни дома нет, ни конюшни, понял?

— Что верно, то верно, но этот конь в яблоках — Шапинандов конь, и твой младший брат вот уж неделю по лесам, по долам рыщет, чтоб найти его. Давай-ка мы с тобой спустим этот груз на землю, и я поведу своего огненного домой.

— Как ты сказал? Огненного? Про этого замухрышку? — удивился старик. — Да ты наши села обойди, Агулис, Цхну, Парагу, послушай, какие чудеса люди про пашу рассказывают. Слышал, как

паша Хой брал? Сел паша на коня. Конь заржал, взвился в небо и так ударил копытом, что ворота города пополам развалились. Дым, пыль, кони ржут, пули свистят, а паша спокойно въезжает в город. Вот что значит огненный конь! А ты привязался к этой кляче.

— Старший брат, говорю тебе, это конь Шапинанда. Этого коня подарил Шапинанду старейшина айсоров на Сасунской горе. Не простой это конь — бессмертный.

— Ну вот, еще и бессмертным сделался.

— Бессмертный, потому что его коснулось дыхание огненного коня.

— Твой паша где сейчас?

— Спит в палатке.

— Слушай, младший брат, или ты сумасшедший, или меня за такого принял, — обиделся горец. — Шапинанд сейчас в Хое на царской тахте сидит, одежду свою от пуль отряхивает. А Смбат-паша вызвал царского кузнеца коня его перековать. Это какое же сейчас время, чтобы герой спал в палатке?

— Ну ты горазд на выдумки, отец, — сказал переодетый полководец. — Это правда, что Шапинанд дошел до Хоя и Сейдавара, но у него и в мыслях не было садиться на царскую тахту. Он враг всем царям, он торопится найти своего коня, чтобы поспеть в Баку. Тот, кого ты называешь пашой, очень простой человек. Бывали дни, когда мы с ним вместе у чужих людей в конюшне спали, и хозяин дома обращался со мною ласковее, чем с самим Шапинандом, приняв меня за пашу.

— Все ты врешь! Если бы Андраник был таким же, как ты, обычным слугой, какой же он тогда паша! — рассердился зангезурец и хотел уже продолжать дорогу.

— Да ты на следы его посмотри, где ты еще такие соледы видел? — вскричал Шапинанд, припав к земле и показывая на мелкие свежие следы от копыт.

— Теперь еще к копытам привязался. Да кто ж по копытам коня узнает? — рассердился зангезурец и стал божиться, что купил лошадь у одного мегринца, а тот — у торговца конями из Нахичевани.

Пока Шапинанд и старик спорили, вокруг собралась большая толпа; все, кто ехал по этой дороге, останавливались: дай, думали, узнаем, чем кончится спор.

— Ну ладно, раз ты мне не веришь, давай коня испытаем. Сначала ты его оклики по имени, Аслан его зовут, потом я позову, посмотрим, на чей голос откликнется. Кому в ответ заржет, тот, значит, и хозяин, — предложил Андраник.

Зангезурец согласился. Стали по очереди звать коня. «Аслан, Аслан мой», — позвал горец. Конь и ухом не повел.

Потом Шапинанд позвал: «Аслан, Аслан мой». И тут на глазах у всего честного народа конь громко заржал.

— Теперь видишь, что Шапинанда конь? — спросил Андраник.

— Вижу, братец, вижу, — и зангезурец в знак поражения поднял обе руки.

— Но я тебя без коня не оставлю, — сказал Шапинанд. — Придешь к нашему обозу, возьмешь себе любого приглянувшегося скакуна. И денег тебе дам.

— Деньги сейчас дай.

— Сейчас у меня с собой нет. Из Сасуна досюда дошел, а в руках вместо казны эту пустую уздечку держал».

Старик зангезурец снимает с Аслана поклажу и седло. Андраник садится на коня.

— Кто этот человек? — спрашивает раненный в ногу боец и идет вперед, расталкивая толпу.

— Конюх Шапинанда, — отвечают собравшиеся.

— Какой же это конюх, это сам Андраник-паша был! Он только одет по-другому! — восклицает солдат и, сорвав с себя шапку, восхищенно смотрит всаднику вслед. — Я служил в его Особой ударной части и эту свою рану получил в битве под Хоем.

Тут все один за другим срывают с себя шапки и тоже оборачиваются, смотрят на удаляющегося всадника.

А Андраник, слившись с Асланом, мелькает где-то у вершины горы — не различишь уже, где конь, а где всадник.

Дорога отлогая, петляет вдоль ущелья. А у этого ущелья еще одно ущелье внутри, да и у этого там — маленький овражек. Шапинанд гонит коня, выбирается из всех этих ущелий-оврагов. Выезжает на гору — семь дорог перед ним открываются. Не знает Шапинанд, какую выбрать. Конь горячий, бьет копытом — бьет копытом да и скатывается в овраг. Два мужика, в запачканной мукой одежде, бегут через овраг, поднимают Андраника за руки. «Что это с тобой, братец, — говорят, — ты же с седла падаешь...» Отвечает Андраник: «Из тысячи голосов я своего коня ржанье различу, из тысячи следов след своего коня узнаю, но на вашей горе семь дорог передо мной открылось, и мы с моим конем растерялись, не знаем, по какой идти». Эти двое принесли воды из речки, из той, на которой мельница работала, дали всаднику напиться. Потом спрашивают его: а сам ты, мол, кто? «Я, — говорит, — Андраник-паша, спешу в Баку, Шаумян меня на помощь позвал».

Старый мельник, оказывается, был товарищем бакинского Степаноса Шаумяна. Три хлеба на скорую руку испек, положил Андраннику в хурджин и говорит: «Три дороги по левую руку оставишь, три дороги по правую, сам пойдешь по средней дороге, она тебя в Баку приведет».

Андраник привязывает к седлу хурджин с тремя горячими хлебами и, вскочив на Аслана, едет в Бест. Возле Беста он узнает, что Шаумян Степанос и его двадцать пять товарищей расстреляны. Что с Шапинандом случилось! Уронил голову на седло и плачет. Потом пришел в себя и вадит, что стоит над оврагом возле села Парага, вот и лес рядом. «Боже правый, — говорит, — когда это было! Я из Селима в ущелье Вайоц спустился, поля и леса зеленые были, теперь зерно поспело, а я все еще на Каджаранской дороге».

В это время со стороны Парадашта черный ворон прилетает, садится на дерево, под которым конь Андраника стоит.

— Ах ты, ворон, божья птица, — говорит Андраник, — что за черную весть мне в белом клюве принес?

Сказал он так, и в ту же минуту из клюва птичьего на коня упала бумага, а ворон улетел. И вдруг видит Андраник — то место на спине лошади, куда бумага упала, почернело.

А конь Шапинанда ведь мудрый был — поворачивает голову и говорит: «Эх-вах, Шапинанд, твой товарищ Себастиец Мурад убит, уже и похоронили его на кладбище Эрменикенд, а ты и не ведаешь».

Горе, горе! Шапинанд без чувств падает на коня. Хурджин, сорвавшись с седла, катится в ущелье».

...Было уже темно, все огни были погашены, когда Аджи Гево предстал перед Шапинандом.

— Докладывай коротко.

— Телеги готовы. Кони все до одного подкованы. Конница в боевом порядке, можем хоть завтра выступить.

— К народу ходил?

— Был. Сидят на берегу реки, байки про вас рассказывают. Сказки.

— Сказки? Наш народ любит ковер ткать. Сколько яблок упало с неба?

— С неба упало три хлеба. Один — Ленину, другой — Степаносу Шаумяну, а третий — всем нам.

— А тебе ничего не досталось?

— А мне оплеуха досталась, которую ты мне отвесил в сказке.

— Ну, теперь-то ты можешь затянуть свое «ло-ло». Иди отдыхай.

И Аджи Гево и впрямь запел старую гайдуцкую песню, где через каждые два слова повторялось «ло-ло».

Полковник Гибон

На городской площади Гориса выстроилась конница. Пришли представители духовенства, народ сбежался. Зангезурские женщины вышили красное знамя для войска Андраника. На шелковом стяге с золотыми кистями было вышито: «Особая ударная армянская часть».

Приняв знамя из рук самой старой мастерицы Гориса Султан-Баджи, Андраник сказал: «Я бы хотел, чтобы это было последнее знамя, которое дает армянская мать своему сыну, напутствуя его перед боем. Пусть это знамя несет с собой удачу и мир. Я принимаю его с глубоким сознанием ответственности прежде всего перед нашей историей, а значит, и перед будущими поколениями Армении, перед вами, жители Сисиана и Гориса. Я уверен, когда на свете станет спокойно, когда все страсти улягутся, наши потомки благословят этот день и это знамя».

После торжественной части конница, пустив вперед знаменосца с красным знаменем, вышла из города. Уже стемнело, когда всадники, пройдя над Хндзореском, добрались до последнего села в Горисе — Теха.

Голой пропастью разверзлось перед ними ущелье Зап. Шанинанд стянул все войско к этому ущелью и, стоя

с биноклем в руках возле пушки, готовился начать обстрел

вражеских позиций.

Вдруг возле старого моста показался автомобиль с

белым флагом. Три всадника поскакали навстречу. Вскоре один из них вернулся и сообщил, что это англичанин, полковник, приехал вести переговоры о мире.

— Имя?

— Гибон.

Командный состав засуетился, приводя в порядок палатку. Палатка Шапинанда была разбита на передней линии, под огромным утесом. Над палаткой развевалось красное знамя — подарок женщин Гориса. Аджи Гево и Торгом быстро расстелили на полу несколько ковров, в углу положили подушки и попросили Андраника принять чужеземца торжественно и с церемониями, стоя у входа в палатку.

— Ладно, ладно, это мы знаем, вы свое дело делайте, — пробурчал Андраник.

Он надел свой генеральский мундир со всеми регалиями, зачесал назад волосы, как обычно, и вышел навстречу английскому полковнику.

Белый флаг промелькнул над мостом и остановился возле самой палатки, где выстроились в почетном карауле две роты пехотинцев и отряд конницы. Полковник вышел из машины. Переводчик Шапинанда встретил его и, проведя перед войском, повел к палатке.

Ущелье Зап, небо над которым всю ночь было красным от солдатских костров, до сих пор мирно курилось. Вдоль всей дороги солдаты что-то калили на огне.

— Что это они делают? — удивленно спросил англичанин.

— Пшеницу жарят, чтобы есть вместо хлеба.

— Значит, одержавшие столько побед армянские воины обречены на голодное существование?

— Да.

— А если бы дать им паек наших солдат, что бы они тогда сделали?

Армянский полководец приветствовал англичанина и пригласил его зайти в палатку, где, конечно, не было ни стола, ни стульев, а только наспех расстеленные ковры и две-три подушки, чтобы сидеть по-турецки.

Английский полковник, явившийся на переговоры, был среднего роста, худой, с невыразительной внешностью. Шапинанд по сравнению с ним был роскошно одет и вид имел куда более

представительный. Взгляд нашего полководца выражал строгость, но глаза, если взглянуть, были полны живости и приветливости. Гибон понимал, что перед ним стоит тот самый знаменитый армянин-полководец, который в последнюю минуту объявил Нахичеваньский уезд частью Советской России и вел переговоры с красным комиссаром Кавказа Степаном Шаумяном, решив присоединиться к Красной Армии. Англичанин и армянин посмотрели друг на друга изучающе и сели. Андраник сел, подогнув под себя ноги по-турецки, а англичанин, непривычный к этому, кое-как примостился перед полководцем. Между ними сел переводчик.

Гибон сказал, что приехал из Баку по поручению командующего общими союзными войсками Томсона.

— У меня письмо от него. Кроме того, официально заявляю вам, что союзники одержали победу, немцы и турки потерпели поражение. Объявлено перемирие, и потому я хочу попросить вас, чтобы и вы со своей стороны прекратили огонь и не двигались вперед ни на шаг. Томсон требует от армян остановиться там, где их застанет это письмо. Если же вы нарушите условия перемирия, это будет рассматриваться как враждебные действия по отношению к союзникам, что вызовет ответные действия. Андраник оборвал его:

— А как же наши собственные требования? Как с этим быть?

— Ваши требования должны быть рассмотрены за столом перемирия и разрешены мирным и честным путем, чего вы вполне заслуживаете своими бесконечными жертвами и преданностью делу.

Армянский полководец потянул за рукав своего переводчика:

— Скажи ему, что я не очень разбираюсь в дипломатии и не очень во все это верю, но приму перемирие с условием, что каждый из нас сдержит слово.

Через некоторое время обе стороны объявили перемирие. Поверженный неприятель был доволен, победитель-армянин пребывал в печали. Потухли костры в Запохском ущелье, свернули палатку полководца.

В самом деле, что за странное перемирие, и почему его солдаты стоят, безнадежно понурившись? Андраник сжимает в руках письмо командующего союзными войсками, и в глазах его та же тревога, что и у солдат. Союзникам, чьей победе они так способствовали, суждено было еще раз обмануть надежды армянского народа.

Отправившись с полковником Гибоном в Горис, андраник на приеме у англичан поднял бокал за простых английских солдат, за их матерей, но, не сдержавшись, в конце официального тоста вскочил на ноги и, с вздущимися на лбу жилами, с горящими глазами, бросил презрительно:

— Подите и скажите британцам, а также своим королю и королеве, что с сегодняшнего дня я умываю руки и не имею ничего общего с союзниками. Я продам всех своих коней на ереванском базаре и верну все, что получал от вас в помощь. Вы принесли мне приказ, чтобы я прекратил огонь и дожидался решений мирных переговоров. Но какие гарантии вы мне даете? В этой войне армяне доблестно сражались в Турции, на Кавказе, в Иране и в далекой Сирии, оказав немалую поддержку союзным войскам. Только российские армяне дали триста тысяч солдат. И уж если на то пошло, турецкая Армения была стерта с лица земли потому, что была вашим союзником. И

сегодня, когда вы победили, вы разрешаете, чтобы растоптали древний христианский народ, а ведь это ваш малый союзник. Фактически вы продолжаете дело истребления армян, начатое османским правительством. Вы запретили нам драться за нашу страну и за наше существование, приговорив нас к позорной голодной смерти. Вы своими глазами видели, в каком состоянии были мои солдаты в ущелье Зап. С хладнокровием людоедов вы спокойно наблюдали, как безропотно гибнут от голода мои люди у стен Татэвского монастыря и в самом Горисе. До сих пор я терпеливо ждал, когда же наконец обратят взоры в нашу сторону, когда подумают о том, чтобы спасти мой народ. Объявлено перемирие, но почему мои солдаты не принимают участия в победном ликовании? Сердца их переполняет боль. Если даже сам господь сейчас скажет мне, что с моим народом обошлись справедливо, я крикну ему в лицо — нет!

И, поставив полный стакан на стол, Шапинанд, взволнованный, покинул гостиницу Гориса и, перейдя площадь, пошел к берегу реки. Шел он быстро, приговаривая сердито: «Чтоб вашу ложную гуманность, да ваше христианство, да вашу дипломатию...»

Под оголившимися прибрежными деревьями прикорнули семьи беженцев. Шапинанд увидел Мосе Имо с его княгиней-женой и дочкой. Рядом сидел хутец Цахик Амбарцум. С палкой за спиной, с лопатой в руках присел на камень поливальщик Фадэ.

Он посмотрел на них, молча кивнул и прошел мимо. Встал на высоком утесе, облокотился на камень и вспомнил другую свою речь, произнесенную в Пятигорске три года назад: «Чего ждут армяне от будущего? Очень многого. Только в будущем мне видится наша жизнь... Все надежды наши возложены сейчас на Россию. Армянский народ вверяет ей свою судьбу. У нас, армян, никогда не было стремлений, идущих вразрез интересам России. Горе тому армянину, который попытается закрыть перед нами двери России. Россия — наш единственный друг. Мы многого ждем впереди, а сейчас перед нами та же задача, что и перед всеми остальными, — расправиться с преступником, развязавшим нынешнюю войну. Только на останках немецкого империализма можно воздвигнуть устойчивый мир, который, как живая вода, поднимет из руин и Армению».

И вот пожалуйста — кто бы мог подумать: Германия разгромлена, но где Армения? Сасунец Фадэ до самого Гориса из Хтана дошел. Об этом разве мы мечтали?

— «Ло-ло-ло», — слышалось за спиной.

Увидев, что Шапинанд покинул застолье, Аджи Гево вышел за ним и незаметно пошел следом.

Андраник оглянулся, улыбнулся и подозвал его к себе:

— Скажи Родник Сосе, чтобы оставалась с беженцами в Горисе, пока дороги откроются. А войско двинется сейчас. Приведи в порядок обоз и отведи одного коня для полковника Гибона. Завтра выходим.

— Слушаюсь, полководец! — вытянулся Аджи Гево и, насвистывая «ло-ло», поспешил к обозу.

Дайте ему коня

В 1919 году, в канун великого поста, Андраник оставил Горис и направился к ущелью Вайоц.

Сплошной снежный покров забил все горные переходы Зангезура. Дул резкий ветер, начинался буран. Караван состоял из семи человек. Все семь — из командного состава.

Впереди ехал сам Андраник, за ним бежал жеребец без всадника, следом — шесть офицеров. Они доехали до трех холмов, дальше дорога сворачивала налево. Большая часть войска уже стояла в Ангехакоте, возле Сисиана.

Когда переваливали самую высокую цепь Зангезура, началась пурга. Кони продвигались вперед вслепую, из-за снега ничего не было видно.

И тут все заметили, как кто-то незнакомый бежит, хочет догнать отряд. Он то отворачивался от ветра, то, закрыв лицо ладонями, пытался противостоять его натиску и с трудом переставлял ноги.

Кто-то из офицеров, ехавших впереди Аджи Гево, спросил:

— Кто этот несчастный?

— Полковник Гибон.

— А почему он не на коне?

— Андраник на него рассердился и забрал коня, вот он и идет на своих двоих.

— Но почему?

— Да все из-за красного знамени, того, что горисские женщины нам подарили. Англичанин не хотел, чтобы мы шли под этим знаменем. Он его еще в Запохском ущелье углядел, над палаткой. Не понравилось оно ему, видишь. Пашу можно понять, он еще со вчерашнего дня не может успокоиться. В гостинице так из себя вышел, я уж думал, сейчас вмажет, ударит союзничка по круглой сытой морде. Но обошлось, слава богу.

— И все же англичанин в годах уже, — возразил офицер, — Вы с пашой старые товарищи, Аджи, вы один из самых прославленных фидаи, вас он послушается. Скажите, чтобы вернул ему лошадь.

Аджи Гево стегнул своего коня и объявился рядом с полководцем.

— Паша!

— А-а! — прогремел ветер, скатываясь в пропасть.

— Паша! — снова позвал Гево, наклоняясь к паше.

— Устал, Гево? Вместо тебя ветер свистит твое «ло-ло». Потерпи малость. Гайдук дружен с бурями. Помнишь тавросскую метель? А ураган в Рахве-Дуране? А Багеш? Это последний перевал, сейчас начнется спуск к Базарчаю.

— Паша, англичанин устал, еле плетется.

— Что ты сказал?

— Говорю, англичанин устал и не может идти, а буря набирает силу.

— Я наказал его. Он и по дороге спорил со мной и лукавил, когда речь шла о нашем народе. И красный цвет нашего знамени ему, видите, не нравится. Ты видел, как он грубо обращается с лошадью? Нечего его жалеть. Пусть пройдетя немножко, пусть поймет, какие муки претерпел армянский солдат, воюющий за свободу.

— Жалко человека, паша, задохнуться может в снегу.

— А нас разве не жалко? — прервал его полководец. — А Себастицца Мурада не жалко? Комиссара Шаумяна не жалко? А сотни русских солдат, убитых в Шамхоре, а наш народ, который раскидало по всеми свету, — его разве не жалко? А араба, а индуса не жалко? Нет, Геве, скажу тебе: с того дня, когда наш парламентар Мосе Имо вернулся из Лондона с пустыми руками, я навсегда потерял веру в английских правителей и их офицеров.

— Паша!

— Пусть идет пешком!

— Паша!

— Не испытывай мое терпение. В душе моей та же буря, Аджи, и даже посильнее. Наш народ перебили-перерезали, а ты коня ищешь для англичанина. Да он иголку и ту пополам делит.

— Ло-ло-ло...

— Никакие «ло-ло» не помогут. Ступай. И белый всадник отвернулся. Грубые черты полководца, казалось, еще больше затвердели. Может, он в последний раз проходит по этим горам... Его взгляд в эту минуту был устремлен за пределы Армении. Недоверие к союзникам все более возрастало в нем, с правителями же республиканской Армении он был в размолвке. Ереван с неодобрением следил за действиями, его войска. Это н было причиной того, что национальный совет Гориса так затягивал ремонт обоза. За год до этого трое военных в Зангезуре признались, что их прислали убрать Андраника. Распускались упорные слухи, что полководец убит.

В Карине дезертиры обозвали его «безродным». А здесь, в Ангехакоте, его старый гайдук поднял на него оружие. Как он любил Ахо! И раз уж верный сасунец поднимает на тебя руку, о чем тут говорить! Разногласия были и среди командного состава. От него бесповоротно отделился Сасунский полк, ушли командир конной сотни Саргис Чепечи и командир третьего батальона доктор Бонапарт. Большая часть войска и командного состава во главе с полководцем Махлуто, оставив Зангезур, ушла к Еревану. Даже его гонец Андреас не вернулся из Талина. А тут еще эта буря. Сама природа восстала против него. Зачем же здесь в таком случае оставаться? И он решил идти в Эчмиадзин. Сдаст оружие католику и покинет Армению.

— Егише! — крикнул он.

— Слушаюсь, полководец!

— Этот англичанин устал и может задохнуться в снегу. Дайте ему коня.

Через некоторое время полковник Гибон, став послушной овечкой, двигался на коне вместе с караваном.

Весеннее палящее солнце нагрело Воротанское ущелье, через которое шла пехота, а их маленький караван двигался по тропинке, расположенной выше.

Вскоре показалось последнее село Сисиана. Перед ними встала белая гора. Это была долина Базарчая. Впереди был трудный и пустынный переход от Базарчая к Гергеру. Снег в этих местах был выше человеческого роста. Он завалил все дороги, заровнял все ухабы и рытвины.

Их было семеро всадников — один английский полковник и шесть офицеров-армян. И опять впереди ехал сам Андраник.

Из ближнего села Андраника вышли встретить с хлебом-солью.

— Что за буран, а! — крикнул Андраник, обламывая сосульки с усов. — Вместо того чтобы хлеб-соль выносить, расчистили бы лучше дорогу.

Он дал базарчайским молоканам денег, и те расчистили довольно большой отрезок дороги. Войско прошло. Пехота по большаку пошла, конница — горами.

В кечутской низине редкие кустарники с шумом стряхивали с себя апрельский нагретый снег.

Рассказ моего конюха

Я был в Нор-Баязете, когда объявился мой конюх Барсег. Он слегка прихрамывал. Барсег бросил на меня виноватый взгляд, опасаясь моих упреков, но я был больше склонен услышать рассказ о его славных подвигах, так как не сомневался, что он таковые совершил, раз стоит передо мною живой и невредимый.

«Командир, — сказал Барсег, обращаясь ко мне. — Когда пришел гонец от Андраника, чтобы мы шли в Лори, и ты велел мне проводить его, я заметил, что Андреас намерен напасть на Ибрагим-хана. И впрямь, в Давташенском овраге произошел поединок между Андреасом и Ибрагимом-ханом, и Андреасу пришлось худо, его лошадь подбили. Я посадил его к себе в седло, и мы на одном коне добрались до Аштарак.

В Аштараке Андреас сказал мне: «Барсег, я должен как можно скорее попасть в Лори. Дай мне своего коня, а сам возвращайся к Махлуту и вместе с ним иди в Карчахач». Послушался я его, отдал своего коня. Не успел он оседлать его, видим — Фетара Манук с Чоло и Бородой, взяв группу сасунцев, спешат в Баш-Апаран, там, значит, бой идет.

Я посмотрел на Андреаса: дескать, ребятам помочь бы надо, но Андреас как заладил: «Я должен вернуться к Андранику». В общем, сел на моего коня и поехал в сторону Лори. Я остался без коня. Но Фетара Манук дал мне другого коня, и мы целый день дрались с аскиярами — те хотели прорваться к Еревану через северо-восточный склон Арагаца, а шли они от Александрополя. Так, в перестрелке, дошли мы до Егварда.

Тут Чоло сказал нам, что неприятель с многотысячным войском стоит у берегов Аракса и грозит пойти через Эчмиадзин к Еревану. Оставил я Баш-Апаран, кинулся в Ереван.

На окраине города я увидел старика, тот читал воззвание, обращенное ко всем воинам и жителям Еревана. Воззвание было прикреплено к скале, я подошел и тоже прочитал:

«Армяне, спешите спасти свою родину... долг каждого армянина отдать все свои силы для решающего удара по врагу. Нужно еще одно последнее усилие, и враг будет изгнан из нашей страны.

Соотечественники, не время медлить, спешите во имя многострадального нашего народа, не допустим его физического истребления! Вставайте все на священную войну!

Беритесь за оружие! Идите на Сардарапат!»

Старик кончил читать, окинул взглядом всех собравшихся и с криком: «Свобода или смерть!» — пошел вниз по улице, увлекая за собой толпу. Толпа росла, вскоре вся улица была запружена людьми. И меня подхватила эта лавина, вместе с народом я очутился в центре города, перед огромной церковью, построенной из черного камня. Я увидел пять луковичных куполов, на них крест, но не такой, как наш, — на этом кресте еще одна переключина была, косая. Мне сказали, что это русская церковь.

Толпа двинулась к мосту через Зангу, а я привязал своего коня у дверей церкви и поднялся на колокольню. Я посчитал колокола — их было восемьдесят штук. Язык самого большого колокола был с голову моего коня. Потянул я веревку. Город загудел от набата, звон его, говорят, дошел до самого Егварда. Напротив церкви был родник, и вот гляжу я — люди выстроились цепью и передают из рук в руки кувшины с водой, и цепь эта тянется аж до самой железнодорожной станции.

— Это что же значит? — крикнул я, свесившись с колокольни.

Мне ответили снизу, что вода для воинов, сражающихся в Сардарапате. Кувшинами доставляют на станцию, там переливают в бочки и везут на Сардарапатское поле. Я спустился с колокольни и тоже встал в цепь. Но не мое это было дело — ни воду передавать, ни в колокола бить. Ведь я был воин, мое место было там, где шел бой.

Сел я на коня и поспешил к берегам Аракса. Я заметил, что люди на телегах, на ослах, а то и просто в руках несут боеприпасы для наших воинов. На полдороге я увидел оставленную без присмотра пушку. Я дал своего коня, чтобы пушку эту как можно скорее доставили на поле.

Дальше я пошел пешком.

Аракс разлился. Через поле к Ай-Зейве ехал на коне епископ — на голове тиара, в руках высоко занесенная сабля. Карабахец он был, имя Гарегин. Лицо у святого отца было худое и ничем не примечательное. Возраст — что-нибудь под сорок. Рядом с ним ехали три молодых священника — Езник, Даниэл, Тадевос — с высоко поднятыми крестами, а за ними толпа — кто с оружием, честь честью, кто в исподнем белье и босиком. Епископ остановил коня.

— Дорогой наш народ! — обратился он к людям. — Араратская Армения под ударом. Армянским войскам приказано оставить Сурмалу и отступить в горы Котайка. Поступило предложение срочно перенести главный алтарь в Севан, Но полчаса назад святейший католикос объявил, что отказывается переносить куда бы то ни было святой престол. Если армянское войско окажется бессильным встать на защиту своего святилища, католикос сам возьмет меч в руки и будет биться до последнего, но не оставит святого Эчмиадзина. До сих пор вы целовали мне руку, — сказал епископ, обращаясь к войску и народу, — а теперь я целую вам ноги. Все на врага!

К нашей радости, все войско и весь народ Араратской долины вступили в неравный бой с врагом. Взялся за меч и святой Эчмиадзин. Дерево — оно корнями дерево, дом — своей основой дом. И епископ Гарегин, а за ним и многотысячная толпа крикнули: «Вперед, к новому Аварайру!»

На берегу Аракса я в первый же день оступился, скатился в какую-то яму и увидел лежавшего там лицом к земле раненого. Раненый сжимал в руках уздечку. Наклонился я посмотреть, кто это, и вдруг на затылке своем почувствовал теплое дыхание. Оглянувшись, а это мой конь, на котором я брал Талинскую крепость. Раненым — вы, наверное, догадались — был Андреас. Вид жуткий; не знающий его человек, глянув на лицо Андреаса, мог очокуриться от страха.

— Андреас, — сказал я, — ты здесь? Ты же на моем коне поскакал в Лори, я сам видел.

— Верно, я даже не стал драться в Баш-Апаране, потому что хотел как можно скорее поспеть к Андранику, да по дороге узнал, что в Сардарапате бой, — заговорил Андреас, садясь рядом. — Куда идешь, Андреас, говорю себе, на берегу Аракса наши бьются. А тут еще со стороны Еревана в колокола ударили, ну, думаю, дело серьезное, армянская земля в опасности. Так для какого же еще дня ты, Андреас, сказал я себе, и повернул коня к Сардарапату. Справа от меня двигалась конная рота корнета Вано, а слева — конные полки из Вана, Зейтуна и Дали Казара. Я присоединился к роте алашкертца Айваза. Уж скольких аскаров из войска Шевки-паши перебил я за эти два дня, не счесть. То, что я не добил, твой конь своими копытами задавил. Этого Сардарапата не случилось бы, если бы мы в свое время защитили как следует Эрзерум, Битлис и Карс, — покачал головой Андреас.

Не Андреас, а сущий медведь. Пока мы разговаривали, из кустов выскочили четыре вооруженных аскара — одного чуть кандрашка не хватила при виде Андреаса, остальных трех Андреас из своей винтовки тут же на месте уложил. Еще нескольких уничтожил я, обстреляв тростники, — они прятались там за трупами убитых.

Целый день с утра до вечера грохотали пушки. Вечером бой кончился, мы одержали победу. Десятки тысяч солдат из войска Шевки-паши лежали убитые.

Последняя битва была на горе Большая Артени. Там был убит командир батальона смертников. Я взял на себя командование батальоном и повел всех в бой. Конный эскадрон мушца Странника ударил с высот Мастары, а мы подошли снизу и такую устроили им бойню, что солдаты Шевки бежали сломя голову до самого Ани. Ванец Джхангир-ага со своими конниками-езидам тоже был с нами, и Мамиконян Арха Зорик.

Я вернулся на берег Аракса. Издали вижу, что над той ямой, где лежал Андреас, кружатся черные вороны. «Вай, — сказал я, — Андреаса убили!» Подбежал я, гляжу — Андреас сидит в яме, стонет и краешком глаза поглядывает, как воронье раздирает убитых аскаров. Рядом посуда с водой стоит.

— Андреас, — сказал я, — ты ранен, давай отвезу тебя в Ереван.

— Нет, — сказал он, — я гонец Андраника-паши, я должен вернуться к нему. Привяжи меня к седлу, и выведи на дорогу, лошадь сама привезет меня в Лори.

— Андреас, — сказал я, — ты пришел к нам гонцом седьмого мая, а теперь конец мая, Андраник, небось, давно уже из Лори ушел.

— Все равно, привяжи меня к седлу, где бы паша ни был, лошадь привезет меня к нему, — настаивал Андреас.

Вижу, нет, не переспоришь его, кое-как поднял, усадил в седло, привязал покрепче, чтоб не упал. «Что ж, догоняй давай войско Андраника», — сказал я и вложил ему в руку поводья. Отъехал он немного, а я стою смотрю вслед. Вдруг Андреас распутал веревки и машет кулаком, кричит вороньей стае: «К Еревану не приближайтесь, от вас смердит! На это поле сошел сам прародитель Ной, он посадил здесь виноградную лозу. Вот так-то мы справимся со всеми, кто пойдет на нас!»

Куда он такой поедет, думаю, отвезу-ка я его лучше

в больницу при крепости.

Я в порядке, не задерживай меня, я должен догнать пашу! — Андреас кое-как выпрямился в седле и направил коня в сторону Егварда.

Куда привез его мой конь, я так и не узнал, но, пока я еще мог его видеть, он поднимался в горы все выше и выше.

В тот же день меня ранило в ногу, и я оказался в госпитале в Ереване, это в Ереванской крепости. В этой крепости была еще одна крепость — по имени Шушан. Шушан меня узнала.

— Почему, — спросила она, — полководец Махлуто прислал меня сюда, а сам за мною не приехал?

Шушан была сестрой милосердия. Она ухаживала еще за одним манаскертцем, раненным в Сардарапатском бою.

Вскоре нас с манаскертцем выписали из госпиталя. Мы двинулись через Канакер к Егварду. В Егварде мы узнали, что Фетара Манук со своим войском выступил против правительства Араратской республики. К нему присоединился мушкетер Странник, он только что вернулся из Сардарапата. Мы спросили Манука, что было причиной этого бунта, и он сказал, что власти Армении заключили мир с Вехибом-пашой, уступив ему большую часть наших земель, а полководца Андраника изгнали за пределы республики.

— Андраника изгнали? Выходит, мы напрасно воевали в Сардарапате и Баш-Апаране, — сказал манаскертец, и мы с ним поехали к Нор-Баязету.

В селе Лчашен манаскертец встретил беженку по имени Вардануш. Сколько на свете живу, двух красавиц только видел в своей жизни — Шушан и Вардануш. Манаскертца был сражен красотой Вардануш и остался в Лчашене.

— Во всем мире сейчас неспокойно, а тревожней всего — в Армении. Время для любви не настало еще, — сказал я.

— Мир любовью успокоится, — ответил манаскертца, и мы расстались.

Он остался в Лчашене с Вардануш, а я поспешил в Нор Баязет».

Конюх мой закончил свой рассказ и закрутил усы.

Я, конечно, простил его, — ведь он участвовал в битве при Сардарапате...

Обиженный предводитель

Весной 1919-го Андраник со своим войском, одолев горный переход через Зангезур, направился в Араратскую долину.

Дро, командующий воинским округом Ереванской губернии, получил известие, что конница Андраника подошла к станции Арарат, где стояли индийские и английские части. В особом салон-вагоне Дро поспешил в Давалу встретить Андраника. В честь полководца в Ереване решено было устроить роскошный прием с оказанием всяческих почестей. Когда Дро прибыл в Давалу, выяснилось, что Андраник уже ушел оттуда. Дро поехал в Арташат, но Андраника уже и там не было. Дро почувствовал, что Андраник избегает встречи с ним. Продолжая следовать за Андраником по пятам, Дро настиг его в районе садов Далмы.

Дро относился к Андранику свысока, считая его всего лишь опытным руководителем партизанского движения, не получившим специального военного образования и не участвовавшим, кстати, в последних страшных битвах при Сардарапате, Баш-Апаране и Каракилисе.

Внизу, под старинным мостом, разбушевавшаяся, несла свои воды весенняя речка Раздан. Впереди возвышались обе вершины Масиса, а позади был Ереван.

Встретились сдержанно. Дро пригласил Андраника в Ереван.

— Я в Ереван не войду, я дашнакского правительства не признаю, — решительно отрезал Андраник.

Взмыленные кони ударной части, смешав свою горчичного цвета мочу с мутными волнами Раздана, с ржанием прошли по старинному мосту. Впереди ехал Андраник, за ним двигалось войско, и шла через сады, приближаясь к Эчмиадзину, армия беженцев.

Солдаты были усталые. Усталым было все, даже петляющее шоссе, по которому шли солдаты. Даже пыль, которая поднималась из-под копыт их коней.

Дро давно уже доехал до Эчмиадзина и приказал гарнизону оказать Андранику достойную встречу, уверенный, что в конце концов Андраник завернет в Ереван, чтобы приветствовать рождение Армянской республики. Но, придя в Эчмиадзин, Андраник тут же свернул к патриаршим покоем. Это вызвало переполох среди эчмиадзинского гарнизона и повергло в растерянность самого Дро и все местное население.

— Андраник пошел к матери-церкви. Почему? — растерянно спрашивали друг друга люди.

Католикос армянский вместе с епископами и архимандритами вышел встретить прославленного полководца. Армянское духовенство мужественно сражалось в Сардарапатской битве — это была встреча храбрых.

Ворота открыли, и солдаты вошли в церковный двор. Въехал синий всадник на синем коне. Вошло необычное войско, какого ни Эчмиадзин, ни сама Армения во веки веков не видели. Не бывало еще на белом свете такого войска, не проходили по этой дороге такие солдаты, не топтали землю эчмиадзинскую, священную, такие кони.

Жители Эчмиадзина, и стар и млад, бежали вдоль дороги, и воздух звенел от их криков. «Ура» — кричали они то и дело.

И пали знамена у стен храма на берегу озера. Друг на дружку легли старые, отслужившие свой век знамена, издавшие славные битвы при Дилмане, Багеше, Карине, Хое. Полыхая по ветру, пало ниц пурпурное знамя, подаренное зангезурскими женщинами.

Были брошены на землю оружие и все военное снаряжение.

И обратился к войску, сказал своим верным солдатам Андраник, полководец их:

— Мои славные солдаты, настал час нашего с вами расставания. Завершен наш боевой поход. Наше оружие и знамена мы сдали армянскому католикоосу. Но перед тем как расстаться, хочу сказать вам несколько слов. Я не получил большого образования, — продолжал полководец, — я такой же, как вы, выходец из народа, такой же, как вы, солдат. Красивых речей говорить не умею. Мне

пятьдесят четыре года уже, и я все еще не женат. Борьба за свободную жизнь, борьба за честь нации — такой была наша с вами жизнь. Я не помню, что такое кров над головой, небо Армении заменяло мне его. Свою воинскую жизнь я начал с гайдуков. Пошел в Сасун, забрался в темный хлев и стал чинить там оружие. Возле села Гелигюзан в Алочаге, Тахврник еще это место называется, меня схватила болезнь суставов, да такая сильная, что я десять раз на дню призывал смерть. Шесть месяцев не знал я ни сна, ни покоя. Я перепробовал известные средства, но без толку. «Боже, пошли архангела Гавриила по мою душу, освободи ты меня от этой муки тяжелой», — вырвалось у меня однажды, когда боль довела меня.

Спаханский князь Макар, ему под восемьдесят было, но крепкий еще был старик, ничего, сидел рядом со мной, когда я так сказал, трубку свою курил. Он мне тогда, помнится, еще сказал: «Андраник, лао, Габо, архангел Гавриил то есть, каждый раз, когда хочет прийти по твою душу, как просунет голову за дверь, так и видит твоё ружье на стене, тут же и уходит обратно». Судьба ли моя была такая, но Габо действительно так пока и не зашел, а то оружие, которого Габо испугался, я вот уже тридцать пять лет не выпускаю из рук. Моими пуховыми подушками были Сасунские горы. С ружьем в руках, на коне и пеший, я прошел всю Армению из края в край. Наша с вами жизнь прошла в гайдуцких битвах и освободительных войнах. За столько лет я не видел ни одного фидай, который бы умер своей естественной смертью. Своей отвагой и героическими делами вы высоко пронесли честь нашего народа. Ни единым позорным поступком не обесчестили свой меч, не запятнали свое честное имя фидай.

С великим терпением несли вы свой крест. Я не слышал ни слова жалобы. Голодными и раздетыми оставались вы по несколько дней. Зимняя стужа, снег, дождь, град — все было против нас. Но вы не посмотрели ни на что — ни на вражеские пули, ни на вьюгу и метель. Такое ваше поведение воодушевляло меня, и мы вместе одержали немало славных побед. Жить свободными или умереть героями — это был ваш девиз. Бесчисленными, бесконечными были бои, которые мы вели против османского насилия во имя родины. Я прощаюсь с вами, оставив в своем сердце память о вашей отваге и преданности. Неважно, что будут думать о нас друзья или враги. В Сасуне

есть гора, называется Андок. Из-под этой горы бьет обильный ключ. Сасунцы верят, что в этом ключе живут огненные кони. Сасунцы верят в этот ключ больше, чем в самого бога. Они утверждают, что из этого ключа вышел Куркик Джалали, конь Давида Сасунского. Я могу сравнить вас только с огненными конями этого родника. Вы не обычные люди — вы огненное поколение, которое вышло из-за легендарной горы Сасунской. Я говорю эти слова как напутствие для всех живущих и как утешение в память о всех погибших.

Больше мне нечего вам сказать.

Теперь я хозяин только над самим собой. Вы свободны. Поступайте, как знаете. Здесь Армения, кругом армяне и земля наша. Можете по-прежнему служить армянскому народу, как служили до сих пор. Те солдаты, которые захотят вернуться домой, пускай возвращаются. Тех, кто захочет остаться со мной, я возьму с собой. Я уйду, оставив здесь часть сердца, надеясь когда-нибудь снова увидеть вас. Я всех вас любил, но самым любимым и самым храбрым среди вас был полководец Махлуто, его сейчас нет рядом с нами. Это тот юноша, который пришел ко мне в Тахврник, принес починить приклад Родника Сероба... Постарайтесь жить так, чтобы мне не было стыдно за вас. Доброго вам пути, и да будет благословенна память о наших погибших героях! Прощайте, мои любимые солдаты!

Потом Андраник написал записку — в этой записке, обращенной к правительству Армении, он просил всего лишь три пуда овса для своей лошади... за наличный расчет.

Смуглолицый юноша, который стоял возле гостиницы «Казарапат», вдруг отделился от стены, словно что-то толкнуло его, и направился к полководцу. Шапинанд заглянул юноше в глаза и понял, откуда ему грозит опасность. Злоумышленник так же неожиданно бросил на землю оружие и опустился на колени перед Большим гайдуком. Солдаты хотели устроить над ним расправу, но Андраник не позволил и, подняв смуглолицего с земли, сказал ему:

— Ты пойдешь за овсом. Отдашь эту бумагу кому-нибудь в правительстве Дро и принесешь мне три пуда овса за наличные.

Молодой человек взял бумагу и медленно стал уходить, держась за стены, и тут полководец снова окликнул его:

— Подойди ко мне.

Смуглолицый вернулся.

— Ни у одного моего гайдука нет могилы под этой луной. Был у меня старый солдат, талворикец, звали его Киро Осман, он убил Селим-бека в битве при Гели. Недавно я узнал, что его предательски убили в Верхнем Артике и он лежит там в какой-то безымянной яме. Я хочу, чтобы на его могиле стоял камень. Пусть хоть у одного сасунского солдата будет могила. Про это тоже скажешь Дро. Три пуда овса и один могильный камень. Не забудь... Так что, значит, ты должен сделать?

— Три пуда овса и один могильный камень в Артике над погибшим гайдуком, — повторил смуглолицый.

— Молодец, сынок. Давай действуй.

Осажденная столица

Не успел Андраник отъехать от Эчмиадзина, темной ночью принесли ему весть о том, что на берегу Раздана семь человек из его солдат убиты и что перестрелка в городе не стихает.

Полководец, прощаясь, сказал своим солдатам, чтобы они без пропуска не входили в Ереван. Но солдаты, забыв про предостережение, кинулись на базар. Была пасха, на базаре народу толклось великое множество. Один из солдат решил продать своего коня, чтобы денег сколько-нибудь занять на обратный путь.

Когда он переходил мост через Раздан, его остановил полицейский:

— Пропуск есть?

— Нет.

— А оружие?

— Нет.

И вот полицейский, под видом того, что ищет оружие, отнимает кошелек с деньгами, поворачивается и уходит прочь. А товарищ этого солдата догоняет вора и велит ему вернуть деньги.

Тут подходит к ним один из офицеров нынешнего правительства и, вместо того чтобы выяснить, в чем дело и вернуть деньги хозяину, принимается выгораживать полицейского. Солдаты Андраника выражают возмущение, а тот офицер, не долго думая, стреляет в них. На выстрелы сбегаются другие солдаты. Начинается потасовка.

Командиру ереванского гарнизона Дро было доложено: мол, солдаты Андраника, придя из Эчмиадзина в Ереван, перевернули вверх дном пасхальный базар, избили на разданском мосту полицейского и офицера, а когда их призвали к порядку, стали поносить правительство Армении и вообще вели себя вызывающе и напрашивались на драку.

Дро приказал отправить для усмирения смутьянов пятьдесят своих солдат, но эти пятьдесят солдат, родом все ванские, ответили: «Мы в наших братьев стрелять не будем». Тогда Дро отправил других солдат, и не пятьдесят уже, а целую сотню. Эти открыли огонь по сасунцам. Сасуицы забросали камнями машину Дро и отняли у полицейских три ружья. Несколько человек из войска Андраника убиты, есть раненые, многие арестованы.

Получив это известие, Андраник тут же снова собрал свое войско, которое было распустил, и разоружил эчмиадзинский гарнизон. Потом перекрыл все дороги, соединяющие Эчмиадзин с Ереваном, и быстрым порядком двинулся на Ереван. Разгневанный гайдукский предводитель осадил столицу дашнаков со стороны старого Разданского моста и Цицернакаберда и направил жерла пушек на здание армянского парламента. Красное знамя, подаренное женщинами Зангезура, вновь развевалось на холмах Далмы, напротив Ереванской крепости. Андраник потребовал, чтобы ему выдали его убитых солдат и чтобы виновные были наказаны. «Даю час

времени и требую, чтобы все арестованные были выпущены, — написал он в ультиматуме, — в противном случае снимаю с себя ответственность за кровопролитие, которое неминуемо».

Дашнакские заправилы были напуганы. В городе начался переполох. «Андраник окружил Ереван. На Далме их знамя. Гайдуки хотят напасть на парламент», — слышалось отовсюду.

Дро попытался связаться с Эчмиадзином. Эчмиадзин не отвечал. По полемому телефону связался с Маргарой. Маргара сообщила; «Андраник испортил всю связь и идет на Ереван». Связался с Арташатам: «Андраник идет на Ереван, срочно соберите гарнизон и двигайтесь к Разданскому мосту». То же самое распоряжение Дро сделал, связавшись с Аштаракот: «Андраник идет на Ереван. Перебросьте все силы к садам Далмы».

Потом командующий ереванским гарнизоном приказал выстроить на берегу Раздана три сотни — одну кавалерийскую и две из пехоты. После чего сел и написал письмо Андранику:

«Андраник, мы все воспитаны на твоих революционных действиях в Сасуне. Наслышавшись разных слухов, поверив домыслам пьяниц и всякому сброду, ты движешься сейчас на Ереван. Я прошу своего боготворимого гайдукского предводителя отказаться от решения идти на столицу.

Одновременно, как командующий ереванским гарнизоном, считаю своим долгом предупредить тебя, что, если ты не выведешь войско из Цицернакаберда, я буду вынужден прибегнуть к оружию. Смею тебя заверить, что ты не войдешь в Ереван. Все необходимое для этого уже предпринято».

Прочел Андраник письмо Дро и хлестнул плеткой плешивого гонца, потом разорвал бумагу и говорит: «Дурак этот Дро, чего он лезет! Мне до него нет никакого дела. У меня счета с ереванским правительством».

Но как раз в ту минуту, когда предводитель гайдуков собирался обстрелять здание парламента и двинуть силы на Ереван, прискакали запыхавшиеся епископ Гарегин и архимандрит — посланцы католикоса.

— Что ты делаешь, полководец? — крикнул епископ Гарегин, падая перед Андраником на колени. — Год назад весь наш народ, как один, встал против османских захватчиков, а теперь ты сам идешь на армянскую столицу? Известная вещь, что, обжегшись на молоке, дуют на воду.

Я понимаю, у тебя не уста обожжены, а сердце. Но опомнись, полководец. Что расскажут о тебе эти две вершины грядущим поколениям? Три тысячи лет стоит под их сенью армянская столица, и теперь ты решил уничтожить ее? Одумайся, полководец, твое светлое чело всегда было обращено к звездам. И пусть так будет и впредь. По повелению армянского католикоса с крестом в руках стою я у ног твоих и прошу отступить от братоубийственной войны.

В это время со стороны Далмы пришли военные представители просить Андраника воздержаться от опасного шага. Они обещали немедленно разыскать и выдать всех убитых, раненых и арестованных солдат. И, словно бы в подтверждение своих слов, они привели раненного в колено сасунца, которого Андраник тут же переправил в Эчмиадзин.

Военные сказали, что зачинщиками драки были подчиненные Дро, и обещали наказать их.

Все это подействовало на полководца, в особенности же слова епископа Гарегина, и Андраник приказал отозвать войско и орудия и вернуться в Эчмиадзин. Дро в тот же день отправил

Андранику в Эчмиадзин три пуда овса и, отдав распоряжение поставить на могиле сасунца-гайдука камень, сбежал в Дилижан.

27 апреля утром гайдуцкий предводитель, взяв с собой двести семьдесят солдат, покинул Армению. Со станции Шаали он дал телеграмму министру внешних дел Грузии: «Преследуемый правительством Араратской республики, прошу убежища на вашей гостеприимной земле. Прошу разрешения войти в Тифлис мне и моим солдатам».

В Грузии он пробыл недолго. Оседлал коня, взял солдат и пошел дальше. До самого Черного моря дошел. Большую часть своих солдат он устроил в городе Батуми на работу, кое-кого отправил в Болгарию и Румынию, а некоторые вернулись с Аджи Гево в Армению. А сам полководец с несколькими преданными ему солдатами погрузился на английское военное судно.

И коня своего Аслана с собой взял. Военное судно доставило их сначала в Европу, а затем в Америку.

Запомни мой адрес

Вскоре раненный в колено солдат выписался из госпиталя. Вот что рассказал он об этих событиях и о том, как прощался с ним Андраник:

«В апреле мы прошли Базарчай и лесами Гергеры спустились к Давалу. По дороге мы всюду видели одну и ту же картину: люди, давно уже, видно, голодающие, набросились на первую весеннюю зелень. Изможденная и обескровленная Армения испускала дух на наших глазах.

Андраник, потрясенный всем этим, принялся вслух ругать дашнаков. Полковник Гибон, подойдя к полководцу, выразил ему свое соболезнование — положение действительно было удручающее. Андраник подозвал переводчика:

— Скажите этому негодяю — был бы Лондон в таком положении, а я пришел бы выразить ему соболезнование! Пусть проваливает! О, негодяи, как злобно обманули они своего верного союзника!

На следующий день смотрим — идет поезд.

— Товарищ Андраник, я привез хлеба для твоего войска, — сказал Дро, спрыгнув на землю. Но Андраник не дал ему даже договорить, поднял руку: заткнись, мол, и бросил ему в лицо с презрением:

— Дро, это когда же мы вместе выходили на разбой, что ты меня своим товарищем называешь?

Полководец вызвал Аджи Гево и велел проверить первую теплушку: что, мол, там...

— Хлеб там, паша, — доложил Аджи Гево.

— Принеси мне одну буханку.

Взял, переломил пополам и видит — рис вперемешку

с опилками.

— Значит, в Ереване голод, — сказал Андраник. — Отдайте, пусть везет обратно, — и велел запереть дверь теплушки.

Пришел священник из села Давалу: мол, если отказываетесь брать, отдайте нам, какой-никакой, а хлеб, в нашем селе голод.

— Сын мой, — сказал паша солдату, — открой дверь вагона и отдай весь хлеб святому отцу.

Священник привел людей, и они разобрали весь хлеб. А поезд полководец оставил в своем распоряжении.

— Прицепи еще несколько вагонов, — приказал полководец начальнику поезда. — Погрузим войско и боеприпасы. Да знай, не в Ереван везешь, а напрямик на станцию Эчмиадзин.

Вскоре поезд с пехотой и боеприпасами ушел.

Остались мы при конях.

— По коням! — прозвучал приказ, и конница понеслась следом за поездом.

У Дро был свой автомобиль.

— Садись в мою машину, поедem, — сказал Дро Андранику, распахивая дверцу автомобиля.

— Ты что, не знаешь Андраника? Чтобы я оставил свое войско и сел рядом с тобой, слуханное ли это дело?

И полководец сел на своего Аслана.

Прибыли в Арташат, видим — Дро уже там.

— Садись в машину, — снова приглашает Дро.

— Давай, давай, — говорит Андраник, — езжай себе.

Дошли до Норагавита — Дро ждет нас там. Опять подъезжает к Андранику:

— Садись, подвезу.

— Знаешь что, — грозно сказал паша, — не показывайся больше мне на глаза, а не то плохо все это кончится!

— Паша, — попросил Дро, — размести войско в казармах, а сам приезжай в Ереван.

Не доезжая до Ереванской крепости, Андраник отправил двух солдат проверить Разданский мост. Вскоре наша конница перешла мост перед заводом Шустова и пошла через цветущие сады к Эчмиадзину. Впереди ехал Андраник, за ним — все мы. И вдруг слышим, кто-то мчится за нами галопом; обернулись, глядим — два всадника на взмыленных конях, оба без шапок. Один из них был Дро.

— Паша, это что же ты нас обманул? — говорит Дро. — Ведь ты обещал прийти в Ереван.

— Пехота моя давно уже в Эчмиадзине. Я увожу свое войско за границу.

— Оставив настоящую Армению, ты ищешь того, чего нет. Армения там, где вершины Масиса, — сказал Дро и прибавил: — Ты иди, а войско пусть остается.

— Чтоб я тебя больше не видел! — гаркнул Андраник.

Дро вернулся по той же дороге.

Ночь мы провели в селе Паракар.

Утром рано Андраник нам говорит:

— Ребята, сегодня праздник цветения, вы почему лошадей не украшаете?

Украсили мы своих лошадей венками и сели в седла.

Возле-храма Рипсима видим — встречает нас народ с хлебом-солью, а впереди сам католикос и епископ Гарегин. Андраник спешился, опустился на колени перед католикосом и поцеловал ему руку. Потом принял хлеб-соль, переломил хлеб и, передав поводья своего коня солдату, сел в карету рядом с католикосом.

В Эчмиадзине паша собрал все наше оружие, сложил на складе, запер на замок и ключ отдал католикосу. И знамя передал, вывезенное из Сасуна, пулями в сорока местах пробитое. Потом каждому из нас сказал прощальное слово и велел идти по домам.

Я и еще несколько ребят из Ерзнка пошли в Ереван, чтоб продать наших коней. Коней мы отдали Дро, он нам за них денег дал. Взяли мы деньги, пошли на базар. А на базаре полицейский украл деньги у одного из наших ребят. Во дворе мечети мы поймали вора, Хорен, сын моего дяди, он из моей сотни был, ударил полицейского. У полицейского пошла кровь ртом. Мы его привели к роднику на Гантаре*.

---

* Гантар — название рынка в старом Ереване.

Тут прибежал главный полицейский города с наганом в руке.

— Ребята, кто это сделал?

— Я, — сказал Хорен. — А зачем он деньги у Степана украл?

— Если за воровство, поделом ему, — сказал офицер, дважды выстрелил в воздух и ушел.

А мы снова дошли на Гантар — купить кой-чего в дорогу. И вдруг видим — их солдаты окружили наших ребят возле русской церкви. Солдат этих Дро привел.

Напротив Гантара есть черное здание. Я стоял перед этим черным зданием, а мой родич Хорен на балконе стоял. Какой-то солдат хотел меня ударить. При мне кинжал был, я его мигом выхватил, сам первый того солдата ударил. Вдруг издали выстрелили, мне в колено попали. Я упал.

— Ну, ты, Дро, бесовестный! — крикнул Хорен и, прыгнув с балкона, побежал мне на помощь.

Андраник в это время курил наргиле на балконе гостиницы «Казарапат». Назавтра он готовился уйти из Эчмиадзина. Вдруг в конце улицы появились два запыхавшихся годца.

— Паша, — сказали они, — в Ереване драка. Солдаты Дро стреляют в твоих ребят, а ты сидишь тут, наргиле куришь.

Ни слова не сказал паша, отложил наргиле, встал и отправился к патриарху.

— Святейший, — сказал, — дай ключи.

Взял Андраник ключи, отпер тот склад, созвал всех своих бывших воинов, стоявших в Эчмиадзине, раздал им оружие, некоторым по два даже пистолета досталось, вывел коня из конюшни и повел войско на Ереван.

Пушки повыше села Кохб установил, а пулеметы на Цицердакаберде.

На старом мосту стоял часовой. Подошел к нему паша, отобрал оружие.

— Ты кто такой? — удивился часовой.

— Я Аадраник-паша. Пойди скажи Дро — Андраник на мосту ждет тебя.

— Отдай оружие — пойду.

— Иди, а как вернешься — получишь свое оружие.

Отправился часовой к Дро. Пришел и видит — Дро уже сапоги скинул, спать приготовился.

— Андраник-паша зовет тебя. Сказал: пойди скажи Дро — пусть сейчас же сюда идет.

— А где он сам?

— На мосту.

Дро натянул сапоги и побежал к председателю Хатисову. Хатисов уже тоже спать собрался.

— Андраник занял мост и установил орудия. Пойди вразуми его, — сказал Дро.

— Сам кашу заварил — сам ее и расхлебывай, — сказал Хатисов, председатель.

Дро отказался идти на переговоры с Андраником. Нечего делать, пошел Хатисов к мосту один.

— А тебя кто звал? Я за Дро послал, — сказал паша.

Но Дро догадался обратиться к английскому и французскому консулам, потом про полковника Гибона вспомнил, к нему побежал: помощи, мол. Консулы с Хатисовым и Гибоном пришли и сели на ступеньки перед мостом.

Андраник потребовал, чтоб ему выдали его солдат, убитых и раненых, и денег потребовал на похороны и на лечение. И еще говорит, чтобы раненые немедленно были переведены в Эчмиадзин. Хатисов сказал, что он лично до поздней ночи ходил по улицам, весь город обошел, чтобы установить точное число убитых и раненых.

— Всего один раненный в колено, да и тот уже переправлен в Эчмиадзин.

Хатисов пошел, взял из казны государственной большую сумму и передал ее полководцу для пострадавших воинов.

Я лежал в городской больнице, когда туда пришел председатель.

— Из Особой ударной части кто-нибудь лежит здесь? — спросил Хатисов врача.

— Один только, — ответил ему дежурный врач.

—Имя?

— Арутюн.

— Место рождения?

— Село Базаринч, Восточной Армении.

— Увольнительная имеется?

— Да, номер сто девятнадцать.

— В каком состоянии раненый?

— Пуля задела колено.

— Где лежит?

— На первом этаже, — врач показал мою койку.

— Переведите в приличную палату, а завтра я пришлю свою карету, надо доставить его в Эчмиадзин.

На следующий день в председательской карете меня перевезли в Эчмиадзин.

Только меня спустили с кареты, смотрю — паша ко мне идет.

— Где тут мой воин по имени Арутюн?

— Здесь я, паша, — говорю.

— Ну как твоя рана, сынок?

— Все в порядке уже, паша, через несколько дней встану на ноги.

— Кто в тебя стрелял, Арутюн?

— Не знаю, — говорю, — паша, пуля издалика шла... А ты пушки от Цицернакаберда отвел?

— Отвел, сын мой, отвел, но из-за твоего колена чуть весь парламент не поплатился жизнью.

Поместил меня паша в госпиталь и захотел сам увидеть мою рану. Снял я бинты, показал ему рану.

— Сын мой, — говорит, — нога твоя, в лучшем случае, месяца через два заживет, а я завтра отправляюсь в путь.

— Возьми меня с собой, паша, — попросил я.

— Нет, сын мой, я приду к тебе попрощаться, ты лежи, поправляйся. А у меня своя боль, Армения неизлечимо больна сейчас — вот что меня терзает.

Наутро паша снова пришел ко мне и дал мне шесть тысяч денег, а потом еще три тыщи.

— Сынок, — сказал, — адрес мой знаешь?

— Не знаю, — ответил я.

— Сын мой, — сказал, — запомни мой адрес: генерал-майор Андраник. Куда ни пошлешь письмо, оно меня найдет. — Он помолчал, потом сказал: — Ежели пойдешь в Татэв зажечь свечку, помяни меня.

— Раз ты про Татэв подумал, непременно туда пойду, полководец.

— В этом монастыре раскачивающийся камень очень похож на судьбу нашего народа. Вечно нас качает из стороны в сторону, а мы все не падаем. Ну, держись крепко мой храбрый сотник, мой хороший боец. — Погладил меня по голове, наклонился, поцеловал меня в лоб, попрощался, «будь здоров», сказал.

Больше я его не видел. Ушел. Навеки ушел».

Падение Города-крепости

Стояла осень, октябрь месяц, земля была мокрая, скользкая, хлябь одна, дороги развезло.

Вдруг пришло известие, что войско Черного Бекира напало на Армению. И я увидел, как со стороны Сарыкамыша они двинулись к Городу-крепости. Это была все та же знакомая мне коварная орда, с которой дрались армяне-фидай под стенами монастыря Аракелоц, на Сулухском мосту, в Сардарapatском поле и на берегах Тхмута.

И снова шли они на Армению, но вел их на этот раз не Скопец Бинбаши и не Али-паша, а Черный Бекир. Вместо фески на них были башлыки, и у всех в руках — мосинские винтовки.

В Городе-крепости есть тринадцать крепостей, самая большая из них стоит в центре города. Триста пушек укреплено на этих крепостях и около двухсот пулеметов.

Командующим всеми этими крепостями был полковник Мелик-Осипов, один из тех пяти офицеров, которых я увидел в давние те времена в мастерской шорника, в бытность мою в этом городе.

Когда орда приблизилась к Городу-крепости и увидела, что его невозможно взять приступом, Черный Бекир остановил свое черное войско, и все воины по его приказу сменили черное одеяние.

...Я запомнил его в мастерской шорника Аршака спорящим с игдирцем Суреном-пашой. Это был тот самый молодой офицер александрополец, одетый во френч. Патриот-полковник обнажил саблю и приказал полку следовать за ним.

— Армянские воины, — сказал он, — Черный Бекир решил обманом занять Город-крепость, наш Карс. Не дадим этого сделать! За мной, мои орлы!

Но войско не двинулось с места. И тогда полковник приказал во второй раз. Только несколько солдат с саблями наголо встали у него за спиной. И когда храбрый полковник увидел, в каком он оказался положении, обернулся и сказал: «Армяне, вместо того чтобы турки пришли и плюнула мне в лицо за то, что я без боя сдал такой город, плюньте лучше сейчас на мой труп», — и он выстрелил себе в висок на глазах у всего войска.

И не было Андраника, который пришел бы на выручку в роковую минуту.

И я увидел, как вошло в город войско Черного Бекира под своим развевающимся на ветру зеленым знаменем.

И прославленный армянский город Карс, этот Город-крепость, никогда ни перед кем не склонявший головы, без единого выстрела сдался на милость врага, самого коварного из всех врагов.

И целых три дня в городе шел погром.

Не щадили ни мирное население, ни пленных солдат. Всех загнали в казематы или же в их собственные дома и самым жестоким образом предали огню. А кого помиловали, тех погнали в глубь страны на каторжные работы.

И пал бесподобный армянский город Карс. Тринадцать крепостей было в этом городе и шесть мостов. И один из мостов назывался «Полководец Вардан», а другой — Чугунный, и прошла черная орда Черного Бекира по этим крепостям и по этим мостам, прошла по прибрежной улице Лорис-Меликова, столкнув бронзовый памятник русскому солдату-победителю перед цитаделью, — все смела на пути и, перекрыв все ходы-выходы из города, двинулась на старый Гюмри.

Седьмого ноября войско Черного Бекира вошло в Александрополь, как теперь назывался этот город.

Только мы оказали сопротивление врагу — на дороге, ведущей из Города-крепости в Олти. Моя часть вышла из Ардахана и под горой Члауз нанесла Бекиру сокрушительный удар — на том самом месте, где на виду у всего войска покончил с собой славный полковник-александрополец.

Десять дней длилась ожесточенная схватка между бандой Бекира и моими ребятами. Со мной были хнусцы, мушцы и старые добровольцы-сасунцы. Опять со мною были Ахо, Борода Каро, Орел Пето, Тер-Кадж Адам, Фетара Исро, Арха Зорик и участник Сардарapatской битвы конюх мой Барсег. И Франк-Мосо был с нами.

Последний раз мы оказали сопротивление врагу в Ширакской долине. Черный Бекир уже вовсю бесчинствовал в Александрополе.

На мой полевой бинокль упал желтоватый лист и соскользнув, упал на колени Арха Зорику. Но это был не лист — это был клич, обращенный ко всем воинам-армянам.

«Армянские солдаты, — говорилось в воззвании, — войска Черного Бекира идут не истреблять вас, они идут, чтобы спасти Армению от грабителей-дашнаков, от их главарей — Сурена-паши и Томасбекова. Не верьте в то, что туредкие войска в Александрополе и Карсе занимались грабежом и убивали, — это неправда. Турки пальцем никого не тронули. Они пришли установить рабоче-крестьянскую власть».

Откуда принес ветер этот листок?

Арха Зорик, которого мой конюх Барсег после Сардарapatского сражения называл не иначе как «большевик Зорик», положил листок с воззванием себе в карман и той же ночью проник в Александрополь, а вернувшись, рассказал нам, что 18 ноября Черный Бекир учредил в Александрополе так называемый ревком Армении и будто бы провозгласил там Советскую власть. Этот листок тоже сочинил Черный Бекир от имени выдуманного несуществующего «ревкома», желая сломить сопротивление армянской армии. Но большевики Армении прознали про чудовищную провокацию и поставили в известность правительство Советской России, призвав армянские войска противостоять продвижению Черного Бекира.

Мои солдаты, видевшие, что сделал Бекир с Карсом и селами Ширакской равнины, узнав о коварстве Черного Бекира, удвоили пыл. С яростью срывали мои парни с голов аскяров шапки с пятиконечной звездой, срывали красные полосы с их кителей — их маскировку.

Много армянских добровольцев геройски погибло в этих боях — все мои ребята встали грудью, чтобы не дать захватчику продвинуться в глубь нашей страны. Многих воины Черного Бекира, схватив, замучили до смерти или же побросали в тюрьмы, из них назову только Франка-Мосо, верного фидая, того, что с отрядом Маленького Арама пришел на Кавказ и отличился в битвах при Багеше и под Хоем. Того, что спорил когда-то с бердакцем о границе между селами...

Наше сопротивление было отчаянным, и все же мы потерпели поражение, не выдержав западных ветров и южного самума. Наше дело было правое, но нас было мало, а они были коварны и их была тьма.

Разбойничьи банды Черного Бекира заняли Александрополь и Ширакскую равнину. По горам Кохба прошли в Сурмалу. Заняли Ани и подняли свой полумесяц над старинной анийской цитаделью.

По нашей стране прошел смерч... И была страшная резня и погром в Восточной Армении.

Не стреляла больше пушка в Городе-крепости, не сверяли по ней жители города свои часы. Время в Армении остановилось. Люди были растеряны и не то что про часы — про собственные головы забыли.

Но одни часы продолжали отбивать время — для всего мира отбивали они время.

И дошла до Ленина весть о нависшей над Арменией угрозе.

И приказал он своей Красной Армии отшвырнуть от Александрополя войско Черного Бекира.

Пришлось убраться черным полчищам. Перед тем как уйти, они взорвали Александропольский форт. Взорвали и ушли.

Но их полумесяц остался над цитаделью Ани.

О, горе мне, видевшему эти дни!

Слово Чоло над Ахо

А теперь я должен рассказать вам о конце Ахо, одного из самых храбрых моих солдат.

Это он, Ахо, синеглазый фидай, когда Сасун пал, предложил разжечь на вершине Андока большой костер и всем нам сгореть в этом костре, чтобы не даться живыми врагу.

Может быть, некоторые из вас не любят его, потому что необузданный он, но он мой солдат, и я считаю своим долгом почтить его память.

Ахо был в моем конном полку и дошел с полком до Сарыкамыша. И вдруг слышим, что Ахо убили. Он погиб в лесах Сарыкамыша, возле села Шахан. Чоло сказал над ним слово прощания, и мне хочется дословно привести эту речь для всех ныне живущих и грядущих поколений:

«Ахо, ты умер? Ты, видевший столько жарких и студеной дней, пришел и умер в лесу Сарыкамыша? Это ни дело, Ахо. После Андока и Кепина дать убить себя в Сарыкамыше? Ты, угадывавший чужую судьбу, как же не угадал ты, что тебя подстерегает смерть в этом сосновом лесу? Ты старше меня, я младше тебя, почему ты ошибся Ахо? Вставай, вставай, пойдем сядем на скале Бримо, пойдем вместе в Харснгомер и Кардзор. Помнишь, как мы в стужу да вьюгу спустились к Фетаре, селу твоему. Ах Ахо, ты мой родич, мой старший товарищ, жизнь твоя была такая дорогая, а смерть такая дешевая. Вставай, вставай, фетарский лев. Вставай, я повешу ружье тебе за спину, и мы вместе пойдем в нашу страну. Гляди, закат отдает красным, и сороки подставили клювы ветру, раскричались и крыльями хлопают. К буре, наверное.

С тобой я, Ахо, здесь я. Кто? Странник? Он тоже в Сарыкамыше убит. Помнишь дорогу на Муш? Глядя на нее, умер Странник. Маленький Абро? Хнусец тот? Убит в болотах Залгибасара. Фетара Манук? Под Кохбом убили. Беда, беда, мы перепутали звезду, несущую гибель, с утренней звездой и заблудились. Солнце не взошло еще, а наша с тобой звезда закатилась, Ахо.

Только-только поднялась наша стая в небо. Но начался буран, и наша стая пропала в пути.

Кто же будет теперь предсказывать нам будущее, кто будет отгадывать загадки, кто будет смотреть на цвет гор и неба, на блеск звезд, на солнце, на луну, на густоту облаков и их движение? Кто поймет клич пролетающих над нами журавлей, вороний грей, сорокий гвалт?

Кто должен теперь прислушиваться, как чихает лошадь, и определить по ее ноздрям надвигающуюся грозу? Вставай, вставай, Ахо, пойдем на Свекольный Нос, отомстим за алваринчского Сейдо.

Ты думаешь, только один тот бек из рода Семи Седел был коварным? Вчера только на мосту Мазе слуга князя Шаро, окликнув его, попросил князя подойти к церкви, он-де что-то важное хочет хозяину сказать. Шаро подошел, а его верный слуга выстрелил, и Шаро с львиным сердцем упал от предательской пули. Кому же теперь верить, когда даже слуга убивает тебя из-за угла? Ни

хозяину, ни слуге, все сейчас одним миром мазаны. Вон пролетел в лесу глухарь, Ахо. Мы с неба упали, на тысячу кусков разлетелись, и наши осколки все еще катятся.

Закваска мира испортилась, Ахо. Вот и ты в последние годы стал на себя не похож. Твоя вина на нашей совести, аминь.

Горе мне, горе мне, ты, умевший считать звезды, как просяные зернышки, как стекляшка-бусинка затерялся ты среди камышей этого леса, лучше бы ты упал в лугах Мркемозана, лучше бы ты бежал из Шеника в Фетару, а я бы смотрел на твою бегущую тень. И если бы я ошибся, пусть бы я спутал тебя с росой на наших цветах... Скажи, стоит ли теперь Чоло жить на этом свете, когда тебя нет? Да и зачем? На пять лет больше проживешь — на пять мер овса больше прожужешь. Ахо мой, Ахо, ты золотой колос Мушской долины. Ребята, чего вы плачете? Или Фетара Манука вспомнили? Манук принял смерть за кохбскую соль. Пока живете на этом свете, не забывайте про Кохбские горы, Фетара Манука там убили. И Манука звезда закатилась. А если из-за Ахо плачете, то кровь его пролита даром...

Если господь пожелает и подарит мне еще одну жизнь, Ахо, я захочу быть снова с тобой, с ребятами нашими. У нашего поколения в жилах течет кровь львов, Ахо. У нас было полтора сломанных приклада, и мы, взяв эти полторы винтовки, пошли на врага. А если б у нас было оружие и патроны, тысячи сасунцев достало бы, чтобы поставить на колени всех инглизов и немцев с их королями, — знаешь, как было бы: корона, слетев с одного, смахнула бы по пути корону другого и султана Гамида корону заодно.

Встань же, Ахо, разожги свою трубку, и пусть Фетара Манук запоеет для нас свою «Беривани». Ты мой старший, я твой младший брат. Не обессудь, если я скажу тебе правду. Когда родина в беде, какое право имеешь ты так спокойно лежать, да еще в Сарыкамыше?

Вставай, пойдем в Мркемозан и на Аглез. Вставай, пойдем на гору Чанчик.

Кто это там сидит на Чесночном Камне?

А я-то думал, ты умер.

Пошли, Ахо, вставай».

Расставание с конюхом

На что было надеяться после падения Города-крепости и Александрополя?

С Андраником мы расстались.

Я решил покинуть Армению. Тяжело было принимать это решение, но у меня не было другого выхода. После Арабо, Родника Сероба и Геворга Чауша последние тридцать лет моей беспокойной жизни прошли рядом с Андраником.

Я должен был разыскать его.

Я распростился со своими кавалеристами в Нор-Баязете возле горы Цовазард. Я попрощался с Бородой Каро, с Чоло, с Фетара Исро, Звонким Пето, Смбулом Аршаком, Ахчна Вааном и многими другими солдатами из Манаскерта, Хлата и Мушской долины. Последним подошел ко мне мой конюх Барсег, глаза у него были заплаканные. Опустив голову, он ждал моего приказа.

Ты снова идешь невеселый. В руках у тебя посох и пустой мешок. Ты печальнее сейчас даже, чем в тот день, когда вдвоем с твоим конюхом вы переходили Таронское поле. Ты потерял две родины — твой бесподобный Тарон и синий Карс над рекой, несравненный Город-крепость.

Ах, ты хочешь сесть на этом покато́м склоне Цовазарда и собраться с мыслями? Что ж, садись, не буду мешать тебе.

...Мой конюх дошел со мной до церквушки Тадэ, до дороги, соединяющей Маку с Салмастом. Архимандрита Гинда, моего знакомого, давно уже не было в живых. Я говорю о том энергичном священнике, который тридцать лет назад вооружал гайдуцкие отряды и переправлял их в Западную Армению. Мы останавливались в его монастыре, когда несли из «страны красоток» боеприпасы, нас тогда на Тавре застигла буря, но все же мы благополучно доставили наш груз в горы Бердака и в Марникский лес.

То, что я избрал именно эту дорогу, имело еще одну причину. Я хотел узнать, что случилось с мушцем Тиграном, которого я отправил в села долины вместе с вдовой и ребенком Геворга Чауша. Мне говорили, что еще до войны он с помощью Мехмеда-эфенди доставил Егинэ с малым Вардгесом в Ван. Далее события развивались таким образом, что мушец Тиграл был вынужден отправить жену Геворга Чауша на Кавказ, а сам с сыном ее Вардгесом пересек Абаханскую долину и пришел в церковь Тадэ. Отсюда, я слышал, он перешел в Персию.

Мы с моим конюхом вошли в церковь Тадэ под звон вечерних колоколов; это мне напомнило тот далекий день, когда мы с мушцем Тиграном очутились здесь, спустившись с гор.

Удивительно притягательную силу имеют сельские колокола в вечерний час.

В первое мое посещение этого храма здесь были старуха управительница, мельник, пастух и архимандрит. Сейчас оставалась одна только старуха; она шла, согнувшись в три погибели, чуть не вода носом по земле, в руках у нее была клюка, а на пальце перстень.

Солнечные часы по-прежнему отбрасывали тень, но не было архимандрита Гинда с набрякшими веками, который, взглянув на эту тень, два раза на дню торжественно звонил в колокол. Эту обязанность взяла на себя все та же дряхлая старуха, одна она звонила в колокол, одна служила обедню и пела старческим дребезжащим голосом. Кроме нее, в храме не было ни единой души. Отслужив обедню, она бралась за веник, подметала помещение, потом запира́ла дверь на большой замок и, озираясь с опаской, уходила.

Кладбище рядом с церковью, где раньше виднелось всего несколько старых могил, стало значительно больше. Старуха показала на небольшую могилу, прилепившуюся с самого края. Здесь был похоронен малолетний Вардгес, сын Геворга Чауша. И старуха рассказала нам, что ребенок в дороге простыл. Мушец Тигран принес его, больного, сюда, и здесь же Вардгес умер. Мушец Тигран похоронил его, а сам отправился в Персию.

— Я и мушец Тигран своими руками положили сиротку в сырую землю, — сказала несчастная старуха, утирая слезы.

Вардгес был похоронен в двух шагах от архимандрита Гинда, рядом с монастырским мельником. В землю была воткнута дощечка со следующей надписью:

«Последний привет мой отнесите моему армянскому народу.

Последний поцелуй — моему сыну Вардгесу».

У меня было больше причин плакать, но мой конюх быстрее меня расклеился. И без того он был не в себе оттого, что должен был с минуты на минуту расстаться со мной. Он то и дело оглядывался, и чем дальше мы уходили от армянской границы, тем медленнее делались его шаги. Что за колдовская это штука — родина? Когда она в наших руках, мы не чувствуем, как она пленительна и как многим обязаны мы ей. Мы забываем, как надо с ней обращаться, забываем, как самозабвенно надо ее любить. А когда она угнетена, когда в кабале, сердце наше начинает щемить, и мы места себе не находим от тоски и боли. Когда она свободна — мы с ней небрежны, когда она пленена — начинаем стенать и биться головой об стену, себя и других мучаем. Сколько усилий потом нужно, чтобы вернуть по неосторожности упущенную райскую птицу.

Ночь мы провели в церкви Тадэ.

Утром рано мы зашли на конюшню, где стоял на привязи мой конь. Последний конь последнего гайдука-добровольца. Завидев меня, он начал кусать удила. Я погладил его по спине и приладил седло.

И вот тут-то я и заплакал, оплакивая свою загубленную судьбу и судьбу всех гайдуков. Но это длилось один только миг. Я вывел коня во двор. Что делать с конем? Отпустить, что ли? К границе я должен был прийти без коня. Персы народ добрый, мудрый. Они поймут, что я потерял родину, и, может быть, позволят пожить у них некоторое время.

Барсег, взяв моего коня под уздцы, прошел вперед. Медленно шел он, уж так медленно, и все оглядывался, оглядывался.

Церковь Тадэ и могила малолетнего Вардгеса пропали из виду. Аварайр с рекой Тхмут остались позади. Мы спустились в какой-то овраг, по ту сторону которого пролежала дорога, ведущая в Тавриз. Я взял поводья из рук Барсега и несколько шагов прошел рядом со своим конем. Потом закинул за плечо свой мешок фидаи и вернул поводья конюху.

— Ты был моим хорошим солдатом, Барсег, достойным гайдуком и доверенным конюхом. Здесь наши дороги расходятся. Оставляю тебе своего верного коня. Я думал убить его, бросить в каком-нибудь овраге или же спихнуть с моста в реку, но вот какая у меня возникла мысль, мой славный... Возвращайся-ка ты в Армению. Родная земля призывает тебя. Иди и паши поля новой Армении. Моя душа так же, как и твоя, связана с каждым камнем нашей старой родины. Но ведь эта Армения тоже наша. Земля, люди — все бесценная наша родина. До этой минуты этот конь был конем гайдука, а теперь пусть он послужит новой Армении. Там остались многие мои воины. Иди же и ты. Ты дрался на Сардарapatском поле за эту землю, ты заслужил право быть там. Оттуда видны горы Кохба, где убили Фетара Манука. Иди в Армению.

А мое сердце с Андраником.

Он молча поглядел в мои глаза и, свернув последнюю сигарку, протянул ее мне.

И я пошел пешком по дороге, ведущей в Тавриз, а Барсег, оседлав моего коня, поехал обратно.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Бегство гайдука

Была летняя ночь.

На краю села Ахагчи на кровле своего домишка спал Борода Каро. В феврале 1921 года он вошел в Эчмиадзин с частями Красной Армии, а в апреле того же года вместе с Чоло бежал в Персию. Из города Хамадан — через Багдад — они перешли в Алеппо, а уж оттуда в Грецию.

В 1924 году Советская Армения даровала прощение всем беглым фидаи, и Чоло с Каро, вернувшись из Греции, занялись мирным земледельческим трудом.

Каро был избран членом правления сельсовета. В селе правили бывшие батраки. Создавался союз бедняков и середняков, направленный против кулачества. Бывшие фидаи считались неблагонадежными, и отношение к ним было соответствующее.

Через три года по возвращении из Греции Чоло арестовали. Борода Каро забеспокоился.

Однажды в Ахагчи явился милиционер и спрашивает, где, мол, Каро. Марта, жена Каро, сказала, что Каро отнес зерно на мельницу в Воскетас.

Милиционер поспешил в Воскетас. По дороге ему встретился человек в запачканной мукой одежде. Это был Каро. Милиционер спросил его:

— На мельнице большая очередь?

— Порядочная, — ответил Каро.

— Борода там был?

— Да, своей очереди дожидался, — сказал Борода Каро и, придя домой, избил жену, зачем-де она говорит всякому, кто ни спросит, где ее муж.

И хотя Каро был членом сельсовета, он уже догадывался, что ему не доверяют, и раздобыл на всякий случай оружие. Вот и сейчас он спал, положив возле себя винтовку. Днем он прятал ее в амбаре или в тонеуре. Этот старый фидаи был до крайности мнителен и предусмотрителен. Не доверял никому, даже жене. От сегда спал один на кровле и при оружии. Под голову частенько клал булыжник, чтобы не забыться глубоким сонном.

Кроме оружия Каро купил себе хорошего скакуна и назвал его Сосе. Он приучил коня днем пастись на лугу, а ночью стоять наготове за домом. Конь был обучен по знаку Каро мчаться галопом в любом направлении.

Что нужно пахарю — родимая земля и маленький мирный уголок на этой земле. Этот мирный клочок земли был тут. И Каро построил добротный дом в горном селении. Перед домом возвышалась гора Артени, а над горой каждую ночь всходила луна.

Прекрасный косарь был Каро, на поле он выходил всегда до рассвета. Чуть ниже среднего роста, рыжеватый, широкоплечий, с густыми, лихо закрученными усами. Подвижный и в то же время степенный, Каро производил впечатление человека внушительного. Куска хлеба спокойно не съел в жизни этот человек, все на ходу.

Всего только несколько лет как он перевел дух и почувствовал себя мирным тружеником в этом горном селении. Но не суждена ему была, видно, спокойная жизнь на этом свете. В селе стали поговаривать, что у «члена сельсовета Бороды Каро частнособственнические наклонности».

Мирный пахарь и гордый фидаи уживались в этом сасунце. То один брал верх, то другой.

Из местных газет и от разных прохожих Каро узнал, что за Араратом поднялось новое курдское движение, а во главе его встал армянин-фидаи но имени Шейх Зилан. Поговаривали, что у фидаи этого есть еще и другое имя — Бриндар. Еще рассказывали, что во время большого вооруженного восстания погибли два старых гайдука — курд Хасано и айсор Абдело. Если все это правда, почему бы не пойти и не присоединиться к ребятам? Пусть даже ценой собственной жизни. Ведь призвание гайдука — драться и умереть за свободу.

Как-то он пришел и хотел было наточить к завтрашнему дню косу, но, усталый, забылся сном.

Ночь только вошла в свои владения.

Чей-то незнакомый голос коснулся слуха Каро. Проснулся, огляделся — никого не было. Гора Артени стояла на своем месте, а в овражке с шумом бежал горный ручей. За домом стояла стремянка, Каро посмотрел — конь стоял возле стремянки, ничего подозрительного, ни души. Каро выкурил папиросу и стал точить косу.

Чуть погодя послышались глухие шаги. Ему показалось — внизу стукнула дверь.

— Кто там? — крикнул Каро сверху.

Он сидел на кровле на пестром лоскутном одеяле с косой в руках. Снова огляделся. Луна несла свой пост. Пребывала в покое гора Артени. Дома стояли на своих местах, все было как всегда. Вон дом его брата Огана, а вон крыша Мосе Имо. От стога Тер-Каджа Адама упала тень на сарай Каро.

И снова кто-то толкнулся в дверь.

— Кто там? — повторил Каро, свешиваясь с кровли.

Перед домом стояла женщина.

— Ишхандзорская, ты это?

— Я, Каро. Вышла по нужде, а дверь за мной захлопнулась.

— Толкни сильнее.

— Толкаю, не открывается. Щеколда спустилась.

Борода Каро, свесившись с кровли, смотрел на жену. Что осталось от той огонь-девушки? Неужто это та горская девушка, которую умчал он на коне с летнего кочевья на Кепин-горе?

Собственная дверь захлопнулась перед ними. Кто мог закрыть ее в эту ясную лунную ночь, среди этого чарующего покоя?

И тяжкая печаль опустилась на душу, потому что показалось им, что дверь эта затворилась перед ними навсегда.

Борода Каро оделся, спустился с кровли, отпер жене дверь и ушел в поле. До позднего вечера косил Борода. До самой ночи. Усталый вернулся с поля, повесил на место косу и вошел в дом. Скинул рубаху, жарко было. Жена пошла принести поесть, но тут же вернулась с пустыми руками.

В овражке показались какие-то незнакомые люди. Семь человек шли прямо к его дому.

— За тобой пришли, — встревоженно сказала Марта.

Борода выглянул в узенькое оконце и метнулся к тоныру. Хотел что-то оттуда взять, но раздумал, только уздечку в сенях взял и быстро вышел из дому.

Они перехватили его у порога.

Марта шепнула вдогонку: «Пойди поздоровайся, если ответят и за руку поздороваются, ничего, значит, по делу пришли, а ежели не ответят, тогда все».

Каро поздоровался. Никто не ответил ему.

Лошадь стояла возле стены. Подошла Марта и тихонечко взмахнула платком перед мордой лошади. Лошадь пошла к роднику.

И Каро к роднику направился.

— У нас к тебе дело есть, куда ты? — окликнул его главный.

— Приведу коня, тогда и поговорим... с превеликим удовольствием, — ответил Каро.

Видят, что он в одном исподнем и без оружия, ничего, подумали, не будем поднимать шум, пусть пойдет, никуда не денется. Борода пошел к роднику. Лошадь, узнав шаги хозяина, запрядала ушами. Только Каро продел уздечку, видит — идут эти семеро к роднику.

— Ах, вы за мной, значит, по пятам, — прошептал Каро и незаметно погладил лошадь по морде. А лошадка-то обученная была — как кинется в сторону.

— Кур-кур-кур! — крикнул сасунец и побежал за конем.

Конь взметнулся на каменистый холм и устремился к ущелью Хотноца.

Дорога из этого ущелья вела прямо на Арагац. Чтобы сбить со следа представителей, Каро забежал в чей-то дом и выбежал с другой стороны — побежал догонять своего коня. Сосе

поджидал хозяина возле большого утеса Хотноца. Мигом взлетел на коня Каро. Пока эти семеро опомнились и соображали, как быть. Борода Каро был уже далеко.

Много коней за свою жизнь перевидал Каро, но на этот раз конь несся будто на крыльях; впрочем, Каро так лихо и ловко управлял им, что люди, видевшие это, только диву давались. Каро то ложился на коня плашмя, то под брюхо ему соскальзывал, то с одного боку лепился, то с другого. Марта, все соседи и сельчане, кто с кровли, а кто сбежав в ущелье Хотноца, напряженно следили за стремительным бегом этого неуловимого всадника, за которым в сторону родника Лорнадзор бежали семеро вооруженных людей.

— Не подходите! — слышался угрожающий голос Каро издали, и он скрылся в крутом овраге, из которого только что ушли последние лучи солнца.

— Надо же, упустили, — сказал начальник, растерянно останавливаясь.

— Пошел искать тех, кто из колхоза драпанул, — сказал один из вооруженных и с досады пальнул в воздух.

Но у Каро, конечно, и в мыслях не было присоединяться к бандитам. Он считал себя человеком высокой цели, которой вовсе не думал изменять.

Односельчане помогли

Куда направлялся этот отчаянный сасунец? Солнце близилось к закату, в горах становилось свежо. Хоть бы кто догадался одежду ему принести.

По высокому склону с шумом катился горный ручей, От него отделялся тоненький ручеек и спускался в ущелье Хотноца. Кто-нибудь, наверное, поливает свое поле под горой. «Если я перекрою воду, хозяин поля поднимется посмотреть, почему перестала течь вода, и тогда я попрошу его принести мне одежду», — рассудил про себя Каро и, спрыгнув с коня, перекрыл воду в ручейке.

Так все и получилось. Через несколько минут из ущелья показался кряжистый мужичок. Он быстро поднимался в гору с лопатой наперевес и кричал:

— Эй! Кто это там воду перекрыл?

Каро узнал его. Это был поливальщик Фадэ. Фадэ тоже обосновался в селе Ахагчи и по своему обыкновению поливал свое поле ночью. От Хтана до Гориса, от Гориса до Арагаца дошел Фадэ с лопатой на плече. Много изменилось в мире за это время, но три вещи остались неизменными: черная аба Фадэ, его закатанные до колен штаны и лопата.

И снова Фадэ возился с полем и ручьем. Снова спал в поле под открытым кебом, набросив на себя старый палас, вместо матраца — кусок войлока — все имущество его, принесенное со старой родины. Только глубокой осенью, когда выпадал снег, он забирал в охапку эту свою постель и шел домой.

— Это какой же такой наглец перекрыл мне воду? — Дойдя до основного ручья, Фадэ со злостью плюнул себе на ладони и воткнул лопату в горловину ручья.

— Я это сделал, дядюшка Фадэ, не ругайся, — сказал Борода и, рассказав про все, что с ним случилось, попросил старика пойти в село и примести ему одежду и оружие.

И содрогнулся старый солдат, увидев Бороду в таком положении.

— Где маузер твой? — спросил Фадэ.

— Ишхандзорская знает место, — сказал Каро.

Фадэ набросил свою абу на плечи односельчанина с лопатой наперевес поспешил в село.

Маузер был спрятан в тоне. Взял Фадэ маузер Бороды, взял его одежду и пошел обратно.

Каро подхватил узел и погнал коня. По дороге что-то припомнил. Вернулся, отдал старому поливальщику его абу.

— Аба твоя, — сказал и снова стегнул коня.

Фадэ вернулся к своему ручью. Каро остался в горах один.

Погнал гайдук своего коня и остановился возле какого-то утеса, чтобы одеться. Развязал узел, смотрит Марта — оружие и рубашку положила, а про штаны забыла.

— Эй-вах, — присвистнул Борода Каро, — еще ночь не настала, а жена моя уже растерялась от дум.

Надел рубашку и вскочил, полуодетый, на коня. И вдруг видит — с верхней горы два запоздалых путника спускаются, мужчина и женщина.

Мужчина был Мосе Имо, знаменитый сасунец, а женщина — его дочь Виктория, та самая, в Лондоне родившаяся.

Османцы, когда грабили Сасун, прихватили и легендарную люльку, подаренную Мосе Имо английским королем. А Имо стал солдатом, служил в частях полковника Силикова и полковника Самарцяна и отличился как храбрый и отважный воин, потом с женой и дочкой последовал за армией Андраника в толпе беженцев, до Гориса дошел. А после установления Советской власти в Армении поселился на постоянное жительство в селе Ахагчи Талинского района.

И хотя много воды утекло с тех пор, но Мосе Имо не забывал свое историческое путешествие в страну англичан и ту люльку, которую подарили ему в Лондоне король с королевой английские. Даже дети в селе Ахагчи знали про легендарную люльку, и когда Мосе Имо проходил по селу, показывали на него пальцем и говорили: «Дядя Люлька идет».

Мосе Имо, впрочем, славился еще и тем, что видел огненных коней Андока. В талинских селах рассказывали о том, как Мосе Имо коснулся рукой огненного коня, а потом той же рукой погладил скакуна Шапинанда, и конь Шапинанда обрел бессмертие. Тот самый конь, которого подарил Андранику старейшина айсоров в долине Семи Ложек.

Вот так в селах Советской Армении передавались из уст в уста, становились легендой истории об айсоре, об огненных конях Андока, о Шапинанде и жителе Ахагчи Мосе Имо.

В селе Ахагчи огненных коней не было, и Мосе Имо испытывал свой колдовской взгляд на змеях — он мог взглядом своим заморозить любую из них. Он учил деревенских ребятишек не бояться змей и хватать их за голову ток, чтобы они не успевали ужалить. К Мосе Имо все относились с большим уважением и почтением.

Все уроженцы Сасуна носили одежду своего края. Зимой и летом, в любую погоду не расставался Мосе Имо с традиционной сасунской шапкой с черной оторочкой, спину его охватывал плотный вязаный пояс; он носил длинную лохматую абу и шерстяные домотканые штаны, а сверху еще одни, чтобы не простыть. Мосе Имо ходил так круглый год. С большим носом, густыми усами, в руке тяжелый посох. Таков был Мосе Имо.

С этим посохом и в этом наряде явился он некогда в королевский дворец. Посох, впрочем, при входе вежливо отобрали.

В тот день Мосе Имо с дочкой были в гостях у знакомых курдов на Арагаце. Отец с дочкой одновременно заметили всадника.

— Вай, да это же Борода! — воскликнула Виктория, смущенно отводя взгляд, чтобы не смотреть на раздетого мужчину.

— Борода, — подтвердил Мосе Имо.

Каро поначалу не узнал своих односельчан. Даже заподозрил, что это специально подосланные люди, и хотел уже съехать в овраг, держа наготове маузер. Потом узнал Мосе Имо и придержал коня.

— Не могу подъехать к вам, раздетый я! — крикнул Борода.

Мосе Имо подошел к нему. Каро рассказал о случившемся.

— Лучше бы я под Андоком умер, чем видеть тебя в таком состоянии, Карапет, брат мой! — вырвалось у Мосе Имо. Сасунец отдал Каро один из своих штанов и совсем еще новые крепкие трихи, сказав, что сам идет в село и мигом там раздобудет себе обувь.

Но произошло еще нечто удивительное. На коне Бороды ни седла, ни узды не было. Конечно, Борода опытный всадник, но сколько же можно ездить этак по каменистым горным тропам! Мосе Имо взял у дочери поклажу, отвязал веревку, быстренько скрутил из нее довольно удобную уздечку и протянул ее Бороде Каро.

Каро, не слезая с коня, поел с ними хлеба.

— Мое поле стоит несжатое, Мосе, — сказал он. — Передай Огану, пусть скосит. Коса висит в сенах, — напомнил беглый сасунец. — Ну, все, пошел я, мы друг друга не видели, — сказал Борода и направил коня к безлюдным вершинам Арагаца.

Безумный Андреас

Целый месяц провел Борода Каро в горах. Ночевал в пещерах Какавадзора и Диана, в Амберде, прятался в стогах. А однажды нашел в горах чью-то забытую косу и с косою за плечами поскакал в Гегамские горы. Хотел выяснить, как лучше ехать в Мегри, а оттуда в Джульфу.

Он объехал Апаран, спустился в Егвард и по Арзаканскому ущелью поднялся в Техенисские горы. В горах он выбирал самые труднодоступные тропы, чтобы ни одна живая душа не углядела его. За селом Мзкраванк была седлообразная гора. Встал Борода на этой горе и поглядел в сторону Гегамских гор.

Путь был неблизкий.

— Слезай с коня, Андраник-паша, — слышался властный окрик за спиной, и какой-то мужчина в облезлой бараньей шапке — уши под шапкой красным платком перевязаны — вырос вдруг перед Бородой Каро. В руках он держал серп.

Всадник улыбнулся.

— Это кто же Андраник-паша?

— Отвечай лучше, куда это ты собрался?

— В Ахмаханские горы, на жатву, — ответил Каро.

— Андраник-паша все поля уже убрал. Слезай с коня, это конь паши.

— Ты, наверное, его конюхом был. Как звали коня Андраника?

— Огненный. Отдай мне свою косу или слась с коня паши.

— Да на что тебе коса?

— Отдам Серобу-паше, а ты пойди поймай ежа на Немрут-горе.

— Немрут-гора далеко, я в Ахмаханские горы путь держу.

— Недалеко. Андраник-паша дал десять дней сроку османцам. А ты не Борода Каро?

— Он самый. Что тебе?

— Ты Андраника-пашу не знаешь разве?

Борода Каро соскочил на землю. Он с первого же взгляда понял, что перед ним сумасшедший.

— Андреас! — воскликнул он и обнял гайдука, потерявшего разум.

— Отдай, отдай мне косу, завтра в поле пойдем, косить станем!

— Ты где живешь, Андреас?

— Андраник-паша сидит у меня дома с Серобом-пашой, беседуют. Ровно десять дней сроку дал, а османец сказал: «Мне за десять дней не увязать все вещи». Я вчера попросил пашу: дай, говорю, им еще два дня, пусть берут свои вещи, шут с ними.

— А паша что на это ответил?

— Не согласился, десять дней, говорит, мой срок, и все тут.

Молния Андреас участвовал в штурме Талинской крепости, был ранен в Сардарapatской битве, а потом привязали его к седлу, и Андреас отправился искать Андраника-пашу. Лошадь доставила раненого Андреаса в Техенисские горы, и Андреас остался в Цахкадзоре, так и не догнав войско Андраника. И оттого что он не выполнил свой долг гайдуга и не смог догнать отряд, от всех этих переживаний у Андреаса помутился разум, стали звать его с тех пор «безумный Андреас». Безумие выражалось самым неожиданным образом — он мог без причины разразиться громким смехом, мог сказать что-то вполне разумное и вдруг понести совершенную околесицу, мог перейти от шепота к крику, он путал вчерашний день с сегодняшним, говорил об умерших как о живых, мешал прошлое с настоящим. Вид у него был по-прежнему дикий, но вызывал уже не страх, а жалость. Незнакомые путники, встретившись с Андреасом на дороге, могли принять его за вставшего на задние лапы медведя. Он по-прежнему, когда пил воду, окунал все лицо в родник, и концы усов плавали на поверхности воды. Потом садился на какой-нибудь камень обсохнуть и долго грелся на солнце.

Летом Молния Андреас брал серп и шел в Техенисские горы, но чаще всего его можно было видеть на улицах Цахкадзора распевая песни о храбром полководце. Стоило кому-нибудь произнести при нем слово «опоздал» — Андреас, встрепенувшись, тут же откликнулся: «Да разве ж я виноват, что опоздал, привязали к седлу, сказали: догоняй». Потом сокрушенно повторял шепотом: «Опоздал, опоздал, опоздал» — и бил себя по голове кулаком.

Он был всегда в одной и той же старой бараньей шапке, уши красным платком перевязаны, и громадная суковатая палка в руках. Горе тому, кто при Андреасе помянет недобрым словом Андраника, — тут же схлопочет палкой по башке, а сам Андреас после этого забьется в угол закусочной «Кечарис» и зальется горькими слезами за стаканом водки. До позднего вечера сидел тут, мешая горечь и возмущение, песню и слезы. Потом шел домой, громко споря с самим собой и каждому встречному объявлял как величайшую новость: дескать, «османец вещи связывает в узлы!»

В Цахкадзоре рассказывали, что у Андреаса в шапке спрятан приказ кавказского наместника о взятии Багеша. Это была та самая телеграмма, которую Андраник, разгневавшись, бросил на снег в Рахве-Дуране. Бумагу эту Андреас действительно имел, и первым, кто увидел этот исторический документ, был председатель райисполкома Цахкадзора, к которому Андреас — спасибо, добрые люди надоумили — обратился с просьбой выхлопотать пенсию.

— А что Сероб-паша сказал? — не унимался Борода Каро.

— Сероб-паша сказал: «Андреас, найди мне косу откуда-нибудь, завтра косить пойдем».

— Куда?

— На ту гору, где Грушевый родник.

— В вашем селе колхоз есть, Андреас?

— Есть. Андраник-паша председатель. А Сероб-паша в райисполкоме сидит. Пойди накоси в Битлисских горах травы для их коней. Пойди в Рахве-Дуран... «Эх, птичка-невеличка, дом свой разорила и мой не спасла».

— Я в Ахмахан иду, Андреас. И так уже опоздал.

— Опоздал! Опоздал! Опоздал! — крикнул Андреас и стал бить себя кулаком по голове. — А я виноват? Не виноват я, привязали к седлу, езжай, сказали, а конь привез меня в Егвард. В Егвард привез конь, а из Егварда в Кечарис, не успел Андреас в Лори. Дай мне коня, пойду догоню Андраника-пашу.

— Иди домой, Андреас, — сказал Борода Каро, — успокойся.

— Не будет мне покоя, пока не догоню я войско своего паши, — сказал Аадреас, снова ударил себя по голове и с серпом и пучком травы под мышкой пошел по дороге, напевая:

Город Битлис горный, Андранику нет письма...

— Андреас! — окликнул его Борода.

Но тот был уже далеко; громко смеясь, шел к Цахкадзору.

Вдруг он остановился.

— Эй, Борода, ребятам от меня привет снеси, особенно Сейдо Погосу, что на Свекольном Носу сидел.

Какая-то девушка, завидев Андреаса, с криком метнулась домой.

— Матушка, сумасшедший Андреас...

Мать вышла на порог:

— Здравствуй, Андреас.

— Здравствуй и ты, Тирун.

— И для чего, скажи на милость, паша твой ушел из Армении, через это ты таким юродивым стал...

— От горя ушел, Тирун, от горя большого. Когда Андраник увидел, что обманут со всех сторон, и свои не поняли и чужие, рассердился, сел на своего Аслана, погнал коня в Грузию, к Гегечкори, а потом пришел на берег Черного моря и крикнул: «Где ты, Европа, я пришел!»

— А сейчас он где?

— В колхозной конторе.

— Ох, да зеленое миро свидетель, этот человек и впрямь не в себе.

— Сестрица Тирун!

— Чего тебе, Андреас?

— Испеки несколько штук гаты, завтра в Бжни пойду.

— Что тебе в Бжни делать, что ты там потерял?

— Вдова одна там есть, приведу в свой дом.

— Ты свадьбу играть будешь, а мне гату печь велишь? У тебя в Ереване дочери живут, пускай они и пекут. А что за женщина?

— Такая же, как ты, красивая, румяная. Грудь ровно Рахве-Дуран в июне, спина что твой Хлатский мост. Куснуть бы тебя в щеку, Тирун, эх!

— Девка, ты в дом иди, а я посмотрю, что этот чокнутый говорит, — сказала цахкадзорская женщина, прикрывая дверь в комнату.

— Чьи, говоришь, щеки куснуть хочешь?

— Твои щеки, Тирун, твои красные щечки. Конь Андраника однажды в Рахве-Дуране в руку меня укусил. Двое удил, а все же куснул, стервец! «Птичка-невеличка, птичка-красноножка, дом свой разорила и мой заодно».

Каро и сам не понял, как доехал до Гегамских гор. Перед глазами все время стоял безумный Андреас.

Мегри и Джульфа показались ему сильно отдаленными друг от друга. Каро погнал коня к Верхнему Геташену в Мартунинском районе. Там был похоронен гайдук из мушской деревни Ахчна — Ахчна Ваан. Его убили в овраге Джхни. Каро с Чоло привязали тело убитого к седлу и привезли, похоронили товарища во дворе церкви.

Жена Ахчна Ваана, Хатун, вскоре вышла замуж за одного из его солдат. В 1930-м новый муж ее по имени Петрос продал двух коров и перебрался с семьей в Верхний Геташен. Там он первым делом поставил памятник на могиле Ахчна Ваана.

Борода въехал на погост, обнажил голову перед могилой и молчанием почтил память храброго воина Сасунского полка.

На следующий день его конь снова был на Арагаце.

На одной тахте с милиционером

Темно было.

Борода Каро соскочил с коня и стал думать, куда пойти? Снова доверять себя горам?

Какая-то птица пролетела над головой. Борода долго смотрел ей вслед. Птица полетала-полетала и села на утес. Потом сложила крылья и нырнула в какую-то щель. «И у этой свое пристанище есть, — подумал Каро, — а у меня?»

Он вспомнил.

Возле Сардарапата есть деревня, Джанфида называется. А чуть дальше, возле старого Армавира, еще одна деревушка — Большой Шариар. В Большом Шариаре жил знакомый Бороды, талворикец Рашид, председатель колхоза.

«Дай-ка я эту ночь гостем у Рашида буду», — сказал про себя Борода Каро.

Погнал Каро коня и ночью был в Большом Шариаре.

Рашид был дома, пил вино в одиночестве. Обрадовался житель Араратской долины, увидев у себя на пороге почтенного гостя.

Обнялись старые знакомые, поздоровались.

— Сначала коню овса, а потом гостю хлеба, — сказал Каро и повесил косу на стену.

Рашид отвел коня в хлев, а Каро в комнату для гостей пригласил. Коню овса дал, а гостю — хлеба. Потом открыл самый лучший свой карас, непочатый.

— Глиняная миска найдется? — спросил Каро. Рашид понял, что у Каро печаль какая-то. Жена Рашида принесла глубокую глиняную миску и поставила перед гостем.

— И мне такую же принеси, — сказал Рашид, отставив в сторону стаканчик.

Жена еще одну миску принесла, поменьше.

Курицу зарезали, соленья из бочки достали и сели за стол. Миски ударились друг об дружку и опорожнялись раз за разом.

Уже спать стали укладываться, вдруг в окне чья-то голова показалась.

— Председатель дома?

— Пожалуйте в дом, — ответил Рашид и с лучиной в руках пошел открывать дверь.

Ночной гость оказался начальником милиции Эчмиадзинского района, сурмалиец Вачаган, небольшого росточка, жизнерадостный смуглый толстяк. Он еще с порога заметил, что какой-то рыжеусый мужчина сидит у стола и потягивает вино из глиняной миски. Он впервые видел такое — чтобы вино миской пили. Начальнику милиции понравился гость председателя. И потому как он, согласно своей должности, все вина этой губернии пробовал, то и обрадовался немало, что есть повод опрокинуть чарочку-другую вкусного домашнего винца.

— Чем заняты? — оживленно потирая руки, спросил начальник милиции, направляясь к столу.

— Да вот вино пьем, товарищ начальник, — ответил Рашид и подвинулся, дал ему место на тахте.

— Вино — мисками? Никогда такого не видал.

— В нашей стране вино так пьют, — сказал Каро.

— Которая эта ваша страна?

— Дальняя.

— В Большом Шариаре вино отменное, и, пожалуй, стоит пить его мисками, — сказал милиционер. — Из какого это караса?

— Моего погреба самый лучший карас открыл, товарищ начальник, непочатый, — сказал хозяин дома.

Борода Каро поставил перед начальником милиции полную миску:

— Попробуй-ка, что за вино.

— Нет, нет, это много. Я на службе нахожусь и пришел в село по делу.

— Подождет твое дело, — ответил Каро.

— Ты, верно, давно не пил. И миска твоя побольше председателевой.

— У караса спросили: ты чего боишься? Ответил: маленьких горшков.

То двое их пило, теперь втроем стали пить. Жена еще кур зарезала. Пировали до петухов. Милиционер с Рашидом из стаканов пили, а Каро из миски глиняной. Пили и мирно беседовали.

Каждый рассказал какую знал историю. И гость рассказал — про то, как просо с пшеницей поссорились.

— Просо через сорок дней всходит, — сказал Борода, — а пшеница попозже. Один год в Мушской долине был голод. Крестьяне стали сеять просо, чтобы путь голоду закрыть. Надулось просо и говорит пшенице:

«Сестрица-пшеница, я раньше твоего всхожу, — выходит, я главнее».

«Что делать, твое, видать, время», — отвечает пшеница.

«Хочу в Иерусалим пойти».

«Сиди, где положено, дурак, ты что, хочешь голод на страну нагнуть?» — крикнула пшеница, да как стукнет просо по башке.

Горец со своими прибаутками и веселыми историями пришелся по душе сурмалийцу. А когда пили за начальника милиции, Каро в его честь спел песенку «Сурмали», которой выучился, скитаясь по Арагацу.

Не звонит колокол, не слышно армянской речи,

Одичал, стал волчьим логовом

Край приветливый,

Змея села на судьбу твою, Сурмали.

— Эх, до чего же ты хороший человек, — растрогался начальник милиции, — завернуть в лаваш и скушать, объединение!

И начальник милиции обнял гостя и пригласил к себе в Эчмиадзин. До того они друг другу приглянулись, что даже на одной тахте спать легли.

Утром рано, чуть свет. Борода Каро проснулся, оседлал своего коня — и поминай как звали.

Пещеры Диана и Какавадзора подмигивали ему — к нам, мол, пожалуй. Развалины Амберда призывали издали — иди, иди сюда, мы тебя приутим.

А начальник милиции проснулся утром, отозвал в сторону председателя и говорит:

— Рашид, а ведь я по важному делу в вашу деревню приехал.

— По какому?

— Получен сигнал, что Борода Каро в эту сторону поехал, может, в Джанфиде прячется, а может, в Армавире, не знаю. Помоги мне найти Бороду, Рашид. Два дня уже с ребятами мотаемся, поймать бы его, сдать — и дело с концом.

— Да ведь, товарищ начальник, ты с Бородой Каро этой ночью на одной тахте спал, — засмеялся Рашид.

Милиционер побледнел, вся краска сошла с лица.

— Как так? Тот самый крестьянин, что вино из миски пил?

— Тот самый.

— А где он сейчас?

— Утром чуть свет оседлал коня — и поминай как звали.

— Шутишь!

— А чего шутить-то? Борода и был.

— Тот самый, что про просо рассказывал?

— Да.

— Что песню пел?

— Ну да, тот, с которым ты братался вчера и целовался, — отвечал Рашид невозмутимо.

— Вот те ра-а-аз...

Начальник милиции Вачаган подошел к столу, взял миску, из которой пил Борода, удивленно повертел в руках и положил на место.

— Не верится прямо, что человек, которого ты разыскиваешь, спал с тобой в одной постели и ловко так улизнул. Братцы, если это и есть Борода Каро, будь благословенно молоко матери, что он сосал. Сколько лет я прожил на свете, а такого краснобая, такого задушевного человека в жизни не видел, — сказал сурмалиец. — Но что делать, с нас требуют. Хотим мы того или не хотим, а наш долг поймать его и сдать куда следует. Не я, так другой это сделает. Змея села на судьбу этого человека. Вчера из Талина звонили: мол, возможно, в ваши края забрел, пошарьте там у себя. Сказали, что давно уже прячется в горах. Несколько раз, говорят, приходил домой, жена прятала его в тоне́йре, а сверху камни клала. Борода, мол, у него такая длинная, что однажды, когда жена закрыла тоне́йр плитой, полбороды осталось торчать наружу. Но если Борода Каро тот, что мы видели вчера, то вовсе у него никакой бороды нет. Вот что, Рашид, не хочу я брать на себя грех, — решительно сказал милиционер. — Этот человек мне понравился, не пойду я против своей совести... Погоди, а коса у него с собой была?

— Была.

— Значит, он и есть, — продолжал милиционер. — В Аштараке и Талине заметили странную вещь — кто-то ночью косит на их полях, даже иной раз связывает сено в снопы. Предполагают, что Борода Каро, его рук дело. За все это время в горах пропала одна-единственная коса. У кого, скажи, рука на такого человека поднимется? Арестовать... Да по какому праву?... В последнее время, Рашид, что-то не то у нас творится, не по сердцу мне все это и против заветов Ленина, так я думаю!

— Ему прощение было дано от правительства, Бороде-то. Разрешили поселиться в Армении и заниматься крестьянским трудом, — подтвердил председатель Рашид.

— Вот видишь! А некоторые личности приказали поймать его. Что поймают — это вне сомнения, но пусть хотя бы не моей рукой. Он ночью к тебе пришел, так ведь?

— Ночью, а ушел чуть свет, — подтвердил Рашид.

— Значит, так: у тебя такого человека не было, не видел ты его, понял? По-русски про такое говорят «сухой отказ». И жену предупреди, чтобы язык за зубами держала. Тяжелые дни наступают, Рашид, беречь нам друг друга надо, всего-то нашего народу горстка осталась. Помнишь, он сказал: «У караса спросили: чего ты боишься? Ответил: маленьких горшков».

С этими словами начальник милиции покинул дом Рашида. В деревне он допросил для виду нескольких крестьян, после чего отбыл в райцентр.

Живи с чистой совестью, ишхандзорская

Долго бродил в тот день Борода Каро.

Из головы не шел Большой Шариар. Много всякого приключалось с ним в жизни, но такого даже он себе представить не мог. Что за неосторожность, в самом деле, сидеть и пить вино с разыскивающим его милиционером... Теперь-то, конечно, Бороду в Большой Шариар никакими калачами не заманишь. Уже ясно, что его ищут, и начальник милиции именно поэтому и приходил в село.

Борода вспомнил случай, связанный с мельницей Воскетаса. Тогда он, помнится, даже избил жену. Нет, все уже, не будет он больше спускаться в села, особенно в те, что в низинах. В горных селениях в случае опасности еще можно захорониться, спрятаться за какой-нибудь утес, в пещерку какую-нибудь забраться, а в долине куда денешься, ежели что?

Он положил косу на том косогоре, откуда взял ее, и погнал коня к своему селу. На дороге показались люди. Справа было старое кладбище. Опустив голову, Борода приблизился к одной из могил и присел на могильную плиту с краешка — будто бы скорбит по безвозвратно ушедшему близкому человеку.

Он просидел так, пока не стемнело. С наступлением сумерек он снова оседлал коня и помчался в свое село. Вот гора Артени, а вот и село их. В полутьме он различил дома Мосе Имо, Тер-Каджа Адама, своего брата Огана, Габо, Папаза, Погоса и других сасунцев. А вон и его кровля.

Под луной заблестела дорога, по которой он поехал в первый раз в Ленинакан, — он тогда только-только перебрался жить в Восточную Армению. В Ленинакане он пошел представился молодому председателю исполкома.

Председатель спросил:

— Кто ты, мне твое лицо не знакомо.

— Слышал про Бороду Каро? Я и есть тот самый Борода.

— Из Сасунского полка?

— Ну да.

— Откуда же ты взялся?

— Я подумал: сколько же можно по чужбинам шататься... Мохаммед сказал: я бы запретил скитания по чужбинам, если бы возвращение не было столь сладостно.

— Забудь про всех этих Мохаммедов и живи себе. Я и твою жену решил было отправить следом за тобой, но раз ты вернулся — ступай в село, паши свою землю, и все будет хорошо.

Борода поблагодарил председателя и, успокоенный, вернулся в село.

«Все будет хорошо»...

Какое же это хорошо, когда, как бродяга безродный, почуешь где попало и прячешься от людей, как дикий зверь. И почему, спрашивается, не можешь открыто пойти к себе домой и ждешь, пока стемнеет? Что ты такого сделал, в чем твоя вина?

Ночью Каро пошел и снова перекрыл воду в большом ручье, и снова явился дядюшка Фадэ с лопатой на плече. И попросил Каро:

— Пойди позови моего брата Огана.

И старик Фадэ пошел в потемках к дому Огана.

— Вставай, Оган, иди, на гумне тебя человек дожидается.

И пошел ночью Оган из рода Муро на гумно. Один был, и на глазу повязка.

И сказал Борода:

— Я ухажу, Оган, мою семью оставляю на тебя. Жизнь, она такая штука, что не теряйся и не плошай. Одно только помни: в жизни мы больше потеряли, чем нашли.

Оган ушел, пришла Марта. Пришла и встала возле большого камня, на том месте, где стоял Оган.

— Ишхандзорская, камень и земля стерлись под моими ногами, — сказал Каро. — Я пришел сюда из Салоников, чтобы пахать землю, но злые люди не дали мне спокойно жить. Я устал прятаться по чужим хлевам и курятникам. И конь мой устал. И вот что я решил — ухажу я. Ухажу, чтобы ни на кого греха не навлекать. И ты после меня не подставляй голову под чужой грех. Живи с чистой совестью, ишхандзорская, как жила до сих пор. было время — Сасунские горы гремели из-за тебя, и я таскал тебя всюду, привязав себе за спину. За твою любовь дрался со всем белым светом. Из

любви к тебе заставил бедную девушку из Мазры дать ложную клятву. — Замолчал Борода, вспомнил все, задумался. Потом снова заговорил: — До сих пор по широкой дороге шли мы рядом, а узкая попадалась тропинка — друг за дружкой шли, я впереди, ты за мной, всегда вместе и неразлучно. Но настала пора расстаться. Твоя тревога не напрасная была, ишхандзорская. Наша дверь перед нами закрылась навеки. И тот, кто перед нами ее закрыл, вряд ли снова откроет. Господь подарил нам трех дочек, но наследника не дал. У Огана двое парней. Старшего сына Огана возьмешь в наш дом и приучишь к книге.

И ушел.

И осталось стоять на своем месте село Ахагчи, и осталась стоять гора Артени с луной во лбу.

Я верю дыму у Масиса

Стоит на высоком склоне Арагаца село Махда.

Погнал коня Каро, доехал до Махды.

Здесь жил Звонкий Пето, раньше его называли Орел Пето. Встал Каро возле родника за селом и кликнул Пето.

И пришел Пето.

Звонкий Пето был помоложе Каро, но более осмотрительный и рассудительный. Служил он в Сасунском полку и считался храбрым солдатом. С Каро вместе участвовал во взятии Талинской крепости и вместе с полком дошел до самого Гориса. Мстя за Фетара Манука и Ахо, он в числе 175 всадников напал со стороны Масиса на Кохб и занял соляные рудники Армении.

А теперь и Масис и Кохб остались по ту сторону границы.

И решили Каро с Пето перейти границу. Перейдут — найдут восставших курдов во главе с Шейхом Зиланом и присоединятся к ним. И если они не смогут освободить свой Сасун, то хотя бы будут бороться за свободу соседних малых народов.

Но с какой стороны подойти к Араксу?

Каро сказал, что был недавно в Ахмаханских краях и самое удобное — пройти пониже Коша и там спуститься к Черной Воде.

Согласился Пето.

— Я приду сюда в субботу, чуть раньше полуночи, — сказал Каро. — Как только приду, сразу же и пойдем.

— Буду ждать тебя дома готовый.

— Я в дом не войду. И сейчас не зайду, — предупредил Каро. — Встретимся здесь же.

Звонкий Пето принес Каро поесть. Каро спешил. Не выпуская из рук маузера, придерживая коня под уздцы, он торопливо ел хлеб с сыром.

— Положи револьвер на место и ешь спокойно, — обиделся Звонкий Пето, — мы же с тобой братья.

— Мой брат — этот маузер, — сказал Каро и, проглотив последний кусок, вскочил на коня.

Вечером Пето, отозвав жену в сторону, велел ей быстренько связать две пары носков.

Жена пожелала узнать, для кого же вторая пара.

— Не твое дело. Свяжешь из черных ниток. Чтобы к субботе было готово, — приказал Звонкий Пето.

Пять дней Аревик вязала носки. Днем выходила за село и пряла черную пряжу, а ночью вязала из нее носки.

Каро пришел точно в условленное время, в субботу, чуть раньше полуночи. Лошадь он оставил за горой у знакомого езида.

Пето ждал его у родника. У Пето с собой был узел с едой и две пары теплых носков.

Выпили воды родниковой, взяли в руки по палке и отправились в дорогу. Ночь была безлунная, зато утренняя звезда сияла особенно ярко. Аревик, скрестив руки на груди, печально приблизилась к ним, не решаясь заговорить первой.

— Ну жена, будь молодцом, как и полагается жене фидаи, — сказал Звонкий Пето, постукивая палкой по земле. — О том, что мы ушли, никто, кроме тебя, не должен знать.

— Скажи хоть, как узнать, живы вы или нет, — сказала Аревик.

— А вот как. Сегодня суббота, завтра воскресенье, послезавтра понедельник. Три дня подряд, когда солнце зайдет, придешь, встанешь на это место, где мы стоим, и посмотришь в сторону Большого Масиса. Если увидишь возле села Акора дым от костра, знай, что мы благополучно перешли Аракс; если же огня не будет — значит, поймали нас или же убили. Нашим родичам и соседям расскажешь, что мы ушли, только когда увидишь дым у Масиса.

Аревик долго смотрела им вслед, пока они не скрылись из глаз. Она вернулась домой с тем необычным беспокойством, с каким провожала мужа в битву в те далекие забытые времена.

Гайдуки спустились ночью к озеру Мецамор и, подойдя к берегу Аракса, со всеми предосторожностями, стараясь быть незамеченными, направились к мосту Маргара.

Местность эта была им знакома. В 1918-м, в мае, придя сюда из Игдира, они перешли мост Маргара и, пройдя через Мецамор, пошли на приступ Талинской крепости. Сейчас осенний полубмелевший Аракс — ничто по сравнению с той весенней разлившейся рекой.

Каро и Звонкий Пето весь день провели в прибрежных тростниках, присматриваясь к местности. Каро сказал, что именно здесь они и проходили много лет назад, он помнит тут каждый куст.

На второй день они благополучно перешли на тот берег и, спрятавшись в тростниках, сменили мокрые носки. Одну из пар, связанных Аревик, надел Каро, другую — Пето. Потом они перекусили

и, взяв палки в руки, пустились в дорогу. Позади осталась река Аракс, впереди возвышался Арарат. Когда они отошли на порядочное расстояние, повернули головы к Арагацу.

На второй день Аревик пришла вечером к роднику и посмотрела в сторону Масиса... Возле самого подножья Большого Масиса она разглядела тоненькую струйку дыма. Дым это был или же туман? Не поверила глазам, отошла в сторону, потерла глаза и снова стала вглядываться. Струйка стала больше, Аревик показалось — она видит языки пламени.

— Перешли, — обрадованно прошептала Аревик, перекрестившись. Она и не заметила, как ее обступил народ. Все смотрели на Большой Масис. — Перешли! — на этот раз громко крикнула Аревик, показывая на розовый дым на склонах Большого Масиса. — Вон они, вон они, сидят возле костра и сушат носки. Смотрите, один встал, смотрит в нашу сторону, — возбужденно продолжала Аревик, не отрывая глаз от Масиса.

— Кто такие? — спросили односельчане.

— Каро и Орел Пето.

— Я не вижу, — сказал один сосед.

— И я не вижу, — откликнулся другой.

— Да разве ж отсюда разглядишь, Аревик, людей... — сказал деревенский пастух, подходя к роднику.

— А дым видите?

— Дым видим, — подтвердили соседи.

— А это не Каро там возле огня сидит? Не Пето стоит рядом с ним?

И все напряженно вглядывались. Но острее всех глаза Аревик были. Или ей казалось, что она видит двух людей.

— Глядите, Пето встал, идет к роднику святого Акопа! — воскликнула жена гайдука. — И Каро следом поднялся.

— Ахчи, да где же ты Пето видишь, не пойму? — спросила женщина с детским голосом.

— Не видишь? — не помня себя, кричала Аревик. — Смотри, спустился к роднику, воду пьет.

— Для фидаи мир тесен, — вздохнул старик сасунец. — Они пошли за своим богом.

Вскоре по всему селу разнеслось, что Звонкий Пето и Борода Каро перешли Аракс возле моста Маргара и убежали в Персию, чтобы присоединиться к восставшим курдам.

В это же самое время в колхозной конторе возникла другая версия: Каро и Пето, подойдя к Араксу, были убиты пограничниками и вот-вот трупы их привезут на телеге в Талин, чтобы народ видел, как кончают предатели.

— Не убили их, утонули, переплывая реку, — поправил сельский почтальон, входя в контору.

Когда до Аревик дошли эти разговоры, она спокойно сказала:

— Пусть говорят, что хотят, я верю дыму под моим Масисом.

И в самом деле, если бы кто-нибудь проходил в эту минуту по склонам Масиса, он непременно бы увидел, как двое мужчин, оставив большой костер, направились в сторону Персии.

Так что Аревик имела право так говорить.

Исро и Адам

После побега Каро и Пето дела у Фетара Исро пошли неважно.

Исро жил в Талииском районе, в деревне Катнахпюр, это значит — Молочный родник. Расположившаяся на склоне Арагаца деревушка эта чем-то напоминала родное село Фетару, потому-то, видно, и приглянулась она Исро. Он пришел сюда в лохматой абе со старым хурджином, привязанным к седлу, продал коня и купил двух упряжных. Потом прикупил несколько коз и овец. А винтовку сдал в талинский ревком.

Землепашцем был Исро, и потянуло его к земле. Стал он возделывать родную землю, и чем больше возделывал, тем слаще она делалась.

Как раз в это время кулаки развернули яростную борьбу против коллективизации: они жгли склады, уничтожали колхозное имущество, срывали продовольственные поставки, травили скотину. И пришлось ликвидировать кулачество как класс.

Как во всей стране, так и в Талинском районе кулаков выдворяли из сел. Тех, кто оказывал сопротивление, строго наказывали. В селах стало меньше хлеба, на лугах паслось меньше овец и коз, и поднялся ропот всякого рода против социализма.

— Придет время — в село забредет коза, а народ разбежится, не зная, что это за зверь, — фыркали люди. Некоторые пророчили голод, который должен был объять весь мир.

Кулаки распространили слух, что Гаспар посеял у себя на кровле просо, а Золотушный Шмо сжевал последние зернышки драгоценной урартийской пшеницы.

Что Курава Шмо сжевал последние зернышки, это факт. Разуверившись в том, что петух справедливости когда-либо пропоет над всем миром и он вернется в Мушскую долину, Шмо махнул рукой и, так как дети просили есть, а дома ни крошки хлеба не было, сварил ночью это зерно и дал его голодным ребятишкам.

И пошла гулять новость: Курава Шмо разочаровался в колхозе и съел вывезенное из Сасуна урартийское зерно, которое, если бы посеяли, прокормило бы всю Советскую Армению. Еще поговаривали, что из Аштаракского района тоже куда-то исчезло знаменитое егвардское зерно. Говорили, будто семенные запасы забрал председатель колхоза. Ползет слушок, делает свое дело. Печальные предчувствия охватили беженцев из Западной Армении, и решили многие из них, как Каро и Пето, перейти мост через Аракс. Если Каро с Пето перешли, они тоже могут. Перейдут, разожгут, как те, костер на склонах Масиса или же не разожгут, что с того... А может,

удастся присоединиться к восставшим, к Шейху Зилану. Во всяком случае, тревожному этому состоянию будет положен конец.

Совсем иначе рассуждал Фетара Исро. Он был из тех беженцев, кто накрепко привязался к этой новой земле. И хотя он был против насильственной коллективизации, но вовсе не помышлял о бегстве. Как можно бросить родную землю, как можно оставить Армении без землепашцев? Даже если останется в их области одна-единственная коза и будет нечего есть, у Фетара Исро не поднимется рука против родины. Тот человек, который собирал в свой хурджин осиротевших детишек, чтобы не дать заглухнуть роду армянскому, — как может он сейчас стать предателем? Надо остаться на этой земле, надо растить на ней детей, надо, чтобы Армения не опустела. Старый гайдук Исро был воодушевлен и с верой глядел в будущее Советской Армении. Он обходил села и уговаривал земляков не следовать примеру Каро и Пето.

С ним заодно были Тер-Кадж Адам, старик Мосе Имо, конюх Барсег, Арха Зорик, Чоло, семалец Кото Галуст со своими четырьмя братьями и множество других сасунцев.

Но все было не так просто. Несколько районных руководителей, опьяненные первыми успехами коллективизации, допустили на местах грубые ошибки. В некоторых горных районах Армении при образовании колхозов были нарушены ленинские принципы добровольного начала. Кулаками были объявлены многие середняки. Используя эти ошибки и перегибы, классовые враги начали вооруженную борьбу против Советской власти.

Против главной линии партии выступили «правые» оппортунисты. Они поддерживали кулачество, требовали прекратить притеснения этого класса и пытались прийти к какому-то согласию.

Фетара Исро и Тер-Кадж Адам отказались войти в колхоз. Этого было достаточно, чтобы их посчитали единомышленниками кулаков и врагами массового колхозного движения, из стана «правых».

В эти же дни большая буря разразилась и над начальником милиции Эчмиадзина сурмалийцем Вачаганом. Его отдали под суд за попустительство классовому врагу. Каким-то образом стало известно, что Каро, перед тем как бежать в Персию, всю ночь пил с ним вино. А поливальщик Фадэ, вместо того чтобы поймать Каро и сдать властям, ночью понес ему в горы одежду и оружие, Борода встречался в горах с какой-то женщиной и стариком, которые тоже чем-то помогли ему. Под подозрение попали Фетара Исро и Тер-Кадж Адам. Кто-то сказал, что они тоже задумали бежать за границу и присоединиться к курдскому восстанию. Будто бы Адам и Исро виделись с Бородой Каро и Звонким Пето, когда те направлялись к мосту Маргара. Дескать, Каро и Пето удалось перейти границу, а Фетара Исро и Тер-Кадж Адам вернулись с полдороги домой, чтобы через некоторое время бежать в Персию большой группой. Нехватку молочных продуктов и хлеба и то поставили им в вину. Судачили, будто они посоветовали Золотушному Шмо: дескать, свари и съешь сам это благородное зерно, чем колхозу отдавать. И будто бы отменная пшеница, которой всего оставалось полмешка, навсегда исчезла с лица земли из-за этих двух гайдуков. Довели их всеми этими разговорами до того, что безграмотные пахари-единоличники бросили свои дома и тоже стали беглыми. Они раздобыли для самозащиты кое-какое оружие и забрались в ущелье Чатин-Дага. И поскольку в эти годы на Арагаце появились бандиты, их тоже отнесли к ним. И мобилизовали весь районный актив обезвредить смутьянов.

Возле села Давташен в ущелье есть гигантская пещера. Ранним сентябрьским утром Тер-Кадж Адам спал, похмельный, в пещере, а Фетара Исро, сидя на утесе, сторожил. В ущелье показались люди. Впереди, пригибаясь к земле, двигались трое. Один был председатель их села Езник.

— Адам, вставай, облава! — завопил Фетара Исро и быстренько занял позицию.

— Сукин сын, бандит, это не ты ли собирался убежать к Шейху Зилану? — крикнул председатель Езник. — Товарищ начальник, — повернулся он к мужчине в синей фуражке с красным околышем, — это из-за них в нашем районе не стало хлеба и молока. Это они болтают, что скоро на всем свете будет голод, — продолжал он, стреляя.

А Исро стрелял в воздух, он не хотел никого убивать, — ведь все здесь были армяне, а некоторые даже, может быть, из тех спасенных им детей. На выстрелы проснулся Тер-Кадж Адам и, выскочив из укрытия, пристроился рядом с Исро.

— Огонь по бандитам, смерть врагам коллективизации! — приказал начальник и махнул рукой.

Раздался залп.

Фетара Исро хотел занять другую позицию, но упал навзничь, раненный в голову.

Так умер землепашец Исро.

Адам тоже был убит.

Фетара Исро и Адама родные похоронили ночью на дальнем холме возле села Давташен.

На могиле двух гайдуков на следующий день появилась надпись:

«Мы пришли и ушли...».

Жена не успела принести перец

Чоло сидел в своей бедной лачуге в селе Воскетас и, орудуя шилом, зашивал рванный хурджин. Закончив работу, он вытряхнул хурджин и уложил туда несколько небольших свертков. Потом свернул самокрутку и, придвинув седлообразный стул, сел на него и не спеша закурил.

Он уже и обувь свою починил, и, несмотря на то что было лето, толстые шерстяные носки надел. А в хурджин положил красивый курдский жилет, несколько катушек ниток, маузер, два-три куска мыла, табак и жестяную кружку. Хлеба только не было. Он отправил жену раздобыть немного муки.

Чоло всю свою жизнь провел в дороге и потому не замедлил проверить, в порядке ли посох. Он поднялся с места, взял прислоненную к стене палку, осмотрел ее со всех сторон, примерился, налег на нее всем телом и, когда убедился, что палка крепкая, положил ее на хурджин у дверей. Потом привел себя в порядок, поправил съехавший пояс. Одет он был в ватную телогрейку — проверил, крепко ли пришиты пуговицы. Все было в порядке.

Вошла Ядигам, жена Чоло, с маленьким корытцем прикрытым тряпкой.

— Давай быстрее пеки хлеб, — сказал Чоло тоном человека, собравшегося в дорогу. — Сколько дали муки?

— В колхозе не было. У Барсега взяла.

— Разжигай тоныр. Несколько яиц в дорогу свари.

— Что случилось, Чоло? Куда это ты собрался? — спросила Ядигам, опуская корытце с мукой на пол.

Ядигам была турчанкой, Чоло женился на ней после взятия Талинской крепости.

В 1926 году Чоло на пять лет был отправлен в Ташкент. Там он научился сапожничать. Несколько месяцев работал парикмахером. Вернувшись из Ташкента, стал в селе латать обувь. В 1934 году его приняли в колхоз. Вот уже третий год он пас колхозное стадо.

Каждое утро Чоло выгонял волов на луг, оттуда на гумно, а оттуда снова на поле. Вовремя поил их и купал, чистил хлев и возвращался домой за полночь. Чоло считался одним из лучших животноводов района. Он так старался, что иной раз, случалось, ночевал в хлеву.

Но вот поди же ты, накануне Чоло сняли с работы. Чоло жене об этом не сказал. Вызвали Чоло в контору и говорят: «С завтрашнего дня ты не пастух». И передали его стадо другому. Чоло был неглуп и понимал, что к чему. Борода Каро и Звонкий Пето перешли границу, ушли в Персию. Фетара Исро и Тер-Кадж Адам покоятся возле села Давташен. Жену и детей Каро выселили из села. Старшего сына Огана, которого Марта воспитывала, исключили из школы, и он убежал из села и живет где-то, сменив имя.

В постоянной тревоге жили старые фидаи — конюх Барсег и Арха Зорик.

Чоло чувствовал, что его вот-вот арестуют. Он починил хурджин и с минуты на минуту ждал, что за ним явятся.

Скрытным человеком был Чоло. Жизнь фидаи приучила его к этому. Именно по этой причине он ничего не говорил жене, но Ядигам поняла, что Чоло собрался в дальнюю дорогу.

Одно только было утешительно: Чоло успел выдать замуж дочку. Жили они сейчас втроем: он, Ядигам и маленький Сархад, сыночек.

И хотя был поздний час, Ядигам разожгла огонь в тоныре. К вечеру хлеб был выпечен. Жена и гаты ему на дорогу испекла.

— Гату положи в хурджин, а яйца заверни в лаваш. Соль не забудь.

Ядигам молча складывала еду в хурджин. «Значит, в добрую дорогу собрался», — подумала жена, и печальное ее лицо осветилось улыбкой.

— Чеснок у нас есть? — вдруг спросил Чоло.

— Найдется, — сказала жена.

— Положи несколько зубчиков. И перца немного.

— А чеснок зачем? — опешила жена.

— Делай, что тебе говорят.

Ядигам кинула в хурджин чеснок и поспешила за перцем.

Чоло завернул чеснок в бумагу и спрятал в карман телогрейки. Потом снова взял палку в руки и стал вертеть ее во все стороны. Он еще раз налег всем телом на посох, желая проверить его прочность, и тут раскрылась дверь, и Чоло увидел на пороге пятерых вооруженных мужчин.

Чоло подхватил хурджин и вышел с ними.

Жена так и не успела принести ему перец.

По дороге Ядигам про все узнала, соседи сказали, и, в слезах, побежала в сельсовет сказать о случившемся. Из конторы побежала к конюху Барсегу просить помощи.

Этот старый гайдук был близким другом Чоло. Ядигам у них-то и брала муку в этот день. И малолетний Сархад, их сын, был в доме Барсега сейчас.

Когда Ядигам с Барсегом и мальчонкой прибежала к своему дому, на дверях висел тяжелый черный замок.

— Ох, бессердечные, увели моего Чоло. Не дали чтобы сыночка Сархада в последний раз поцеловал, — вскрикнула Ядигам, в бессилии припав к двери.

Последние дни Чоло

Чоло в ту же ночь привели в Верхний Талин.

Почти все работники района знали Чоло, некоторые сталкивались с ним по делу. Так или иначе, все знали, что живет такой старый фидаи в их краях.

Когда Чоло вошел, военный комендант района стоял перед своим письменным столом, опустив левый кулак на письменный стол; правой рукой он крутил медные пуговицы на зеленоватом кителе.

Маузер свисал поверх галифе и почти касался начищенных сапог. Взгляд коменданта был строг, брови сурово сведены. Блестящие погоны и широкая кожаная портупея делали его облик еще более жестким.

— Ты что же, парень, столько войска прислал за мной посреди ночи? А то позвал бы по телефону, я бы сам пришел, — добродушно сказал Чоло, складывая хурджин на землю.

— Да уж, наверное, дело неотложное было. Крестить тебя думаем.

— Звать тебя Мкртыч*, тебе-то и крестить. А вообще, я уже крещен раз, в песках Ташкента. Что ж, давай-ка я еще раз войду в воды Иордана с твоей помощью.

---

* Мкртыч — здесь имя; дословно: креститель.

— Но на этот раз крещение тяжелое будет, знай.

— Мкртыч, сердце мое, — тем же доверительным тоном продолжал Чоло, — я знаю, что сам ты ни за что бы меня не арестовал. Ну-ка, скажи, посмотрим, что я такого сделал против армян или урусов...

— Против армян и Урусов ничего не сделал, но против коммунизма действовал.

— К примеру, что делал? — сказал Чоло, присаживаясь на ветхий стул и подтягивая к ногам хурджин.

— Бил нещадно колхозных волов, до смерти их хотел забить.

— Я такого не помню, кто это, интересно, видел, чтобы я скотину бил? Ведь я крестьянин, а крестьянину упряжной вроде как брат.

— Ты не крестьянин. Ты враг народа.

— Я сорок лет воевал за свой народ, теперь врагом стал? Я враг, значит, а ты друг, так, что ли? Наша война против кого была, милый? Против беков и ханов. Кинжал воткнули Армении в спину, разве могли мы спокойно смотреть на это? — Чоло подвинул стул к столу и положил локти на письменный стол. — А что, Фетара Исро был врагом народа, скажешь? Бедняга с хурджином за плечами подбирал сироток из-под руин, сажены, говорил, это, для новой Армении. Последнего сироту обманом забрал у курда, денег уже не было, песней курда улестил. А разве Борода Каро враг народа? Посадить хотели бедного, а за что? Пришлось ему бежать к Шейху Зилану, к его восставшим. И Орел Пето не враг был. А теперь вот меня тягаете. Я уж несколько раз бывал в этих ваших передрыгах и не боюсь ничего, парень. Чоло мучил колхозных волов? Да кто же этому поверит, такой хвостатой лжи? — с болью в голосе сказал старый сасунец и попросил разрешения свернуть сигарку.

— Одну только разрешаю... Значит, ты свою вину отрицаешь?

— Волы, за которыми я ходил, всегда сытые были и ухоженные. Если я разок-другой стегнул скотину, это еще не значит, что мучил ее. Это предлог только, милый. Вы забрать меня решили, вот и забрали.

— Не болтай тут лишнего. Раскрой свой хурджин. Что там у тебя?

Чоло поднял с пола хурджин, положил перед начальником.

— Оружие есть?

— Был маузер, отобрали.

— А это что такое? Не похоже на нашу одежду, —

сказал Мкртыч, извлекая из узла с бельем старый курдский жилет с серебряными пуговицами.

— Что делать, братец, у курдов присловье есть: чем больше чистишь лук, тем больше кожурь слезает. Это подарок Джемиле.

— Это еще кто такая?

— Жена старейшины Хута, курда.

— Влюблен, что ли, был в нее?

— Это она была влюблена в нас, но мы, забыв про жизнь, отделились делу спасения родины, забыли и про любовь, и про семью, и про радость любую. Все отдали нации своей, а что на дне осталось, кроме горстки толченой пшеницы?

Чоло затолкал жилет в хурджин и понял, что не будет ему возврата в село. Мкртыч нажал какую-то кнопку. Вошли два работника.

Срочно доставьте этого человека в город.

Чоло поднял свой хурджин.

— Я пойду, но так в мире не может продолжаться, душа моя, — сказал он, оборачиваясь от дверей. — Придут люди другие вместо вас, я верю, справедливое и честное время наступит на земле. Но не будет тогда уже ни меня, ни тебя.

Чоло в закрытой машине повезли в Ереван, приставив к нему трех вооруженных охранников. По тому, как трясло, Чоло догадывался, где они едут.

Проехали Катнахбюр. А вот машина свернула в ущелье Давташена. Там на обрыве, на самом краю, есть одинокая могила. Сдавило у Чоло грудь, вздохнул он тяжело.

— Что вздыхаешь? — спросил один из стражников.

— А тебе какая забота, что я вздыхаю, вы смейтесь себе, — заметил Чоло и от волнения так тонко закрутил кончик уса, что он мог пролезть через игольное ушко.

Внизу остался Ашнак. Чоло понял, что они подъезжают к Талину, потому что охранники заговорили о том, что принято решение снести Талинский монастырь. Двое твердили, что монастырь надо снести, а третий смиренно им возражал.

Когда это было? Чоло в последний день поста, как все сасунские девушки и парни, отнес горстку похиндза* на кровлю и стал издали смотреть, какая птица когда склюет и в какую полетит сторону. В какую полетит — там и судьба его, значит. Прилетела пташка, склевала похиндз Чоло и улетела на юг. И Чоло все это время верил, что судьба его с юга должна прийти.

---

* Похиндз — мука из жареной пшеницы (арм.).

Бедный Чоло! Птица склевала пахиндз и улетела. Годы прошли, умчались.

По правую руку остались Какавадзор и Партизак, повыше них был Лернарот, село Пето.

Партизан напомнил Чоло о гехашенском старосте Аве, потому что в этом селе жил колхозник Вардан. Это был тот самый мальчонка, что чудом уцелел — единственный из всего рода старосты. Вардан хромал на правую ногу, и все в Талине знали, что это горькая память от Геворга Чауша.

Приближаясь к городу, Чоло запустил руку в карман ватника и, достав зубчик чесноку, быстро сжевал его. Охранники перепугались, что не обыскали его как следует. Но Чоло успокоил их, сказав, что это была долька чеснока, что он, когда заходит в большой город, всегда употребляет красный перец и чеснок, что это «дезинфекация» против всякой заразы, которой много в большом городе. Так учил его еще отец — когда в первый раз взял с собой Чоло в Алеппо.

«Путник мушец»

Полководец Махлуто добрался через Персию до Америки — с посохом в руках, с шинелью на плечах, а за плечами тощий вещмешок.

Многие богатые армяне, владельцы дорогих отелей, предложили ему свой кров, но он всем отказал. Он слышал, что в городе Фрезно, на далекой окраине, какой-то таронец держит для своих соотечественников маленький пансион.

Пансион этот назывался «Путник мушец». «Путник мушец» — от одного уже этого названия у Махлуто обмерло сердце. Махлуто пришел туда, когда уже стемнело; край был незнакомый, он растерянно остановился на обочине исчезающей в вечерней мгле дороги. Он расстелил на земле свою шинель, подложил под голову хурджин и решил малость подремать.

Пусть умолкнут соловьи, Летите, журавли, в Айастан, Отнесите весть всем землякам — Защитник армян Дядя в могиле.

Последние слова прозвучали совсем явственно. Махлуто сел. Померещилось ему или, может, во сне это было? Дядя? Какое знакомое имя. Дядя. Да это же тот самый знаменитый гайдук, эрзрумец, старикашка Аршак, которого Махлуто видел в Карсе, в мастерской, тот самый, что с седлом старым возился. Дядя был убит в битве при Ревандузе. Господи, где Ревандуз, а где Америка! Ослышался, наверное, Махлуто, пригрезилось ему.

Махлуто хотел было снова лечь, как вдруг какой-то мужчина с фонарем в руках склонился над ним.

— Если путник ты, идем в наш пансион. «Путник мушец» как раз для таких, как ты, бездомных.

Это уже не во сне было.

— А где это?

— Отсюда недалеко, — прозвучал ответ, — давай отведу. Это моя обязанность, я обхожу окрестности и всех, кто остался на улице, отвожу в наш пансион. Армяне-путники неделю могут прожить у нас бесплатно, а другие — за полплаты. Помочь тебе?

— Ноша моя не весит ничего, — сказал Махлуто, натягивая шинель и закидывая за спину мешок.

Человек с фонарем прошел вперед. Махлуто, опустив голову, молча последовал за ним. Темень стояла непроглядная, под ногами чувствовался песок. Махлуто шел, глядя на ноги провожатого, которые при свете фонаря казались непомерно большими.

Вдали блеснул яркий огонек, и прогремела гайдукская песня, сопровождаемая барабаном и свирелью:

Пуля прогремела в ноябре месяце,

Окружены мы, моя красавица Сосе.

Спеши, Андраник, спеши к нам на помощь,

Сероб-паша умирает за свою родину.

Махлуто так и замер на месте.

И хотя он знал о гостинице «Путник мушец», но все же услышать на чужбине в такой поздний ночной час родную песню... За этой песней последовала другая — о знаменитой Сулукской битве, в которой упоминалось и его имя.

Значит, его поколение стало историей, стало песней и сказанием и дошло до берегов Нового Света. Кто занес сюда эту песню? Где он находится? Значит, и песня о Дяде не примерещилась ему. И к чувству гордости примешалась тяжкая печаль. И без того ему худо было, и без того оплакивал он свою разлуку с родиной и клял бродяжническую судьбу, теперь еще эта песня всю душу ему перевернула. Как хорошо, что темно и никто не видит его слез: ни человек, идущий впереди с фонарем, ни далекие звезды, ни запоздалая луна.

Наконец они пришли.

Еще несколько шагов, и они остановились перед двухэтажным домом. Это была маленькая гостиница, построенная в восточном стиле. Над входом висело изображение усталого путника с хурджином за плечами, с шапкой под мышкой. Путник, явно мушец, стучал кончиком посоха в дверь. Внизу большими четкими буквами было написано по-армянски: «Путник мушец».

Как это похоже на жизнь! Как похож он на изображенного путника! На улице ночь, а он стучится в эту незнакомую дверь в надежде получить ночлег. И сам он мушец, и за плечами у него походный мешок.

Мужчина с густыми закрученными кверху усами открыл дверь и показал рукой направо. Сначала вошел Махлуто, потом его провожатый, который тут же потушил свой фонарь. В коридоре показался хозяин гостиницы, светловолосый, опрятно одетый мужчина с добрыми,

выразительными глазами. Ресницы у него были такие длинные, что казалось, они сплетены из тонкой шелковой нити.

— Больше никого не было на улице? — спросил он озабоченно провожатого.

— Нет, господин Левон, никого больше не нашел.

— Если кого оставил на улице, твой грех, — сказал хозяин гостиницы и шагнул к незнакомцу.

— Левон! Мамикон! — одновременно воскликнули пришелец и хозяин и кинулись друг к другу. Долгое время они не могли разжать объятия. Как, скажите, могли еще вести себя два одноклассника, встретившиеся после тридцатилетней разлуки...

Левон был сыном Агаджана, построившего Копский родник. В школе при церкви св. Маринэ они сидели рядом на последней скамье. Но однажды Левон оставил ученье и исчез из города. Впоследствии пришло известие, что он в Америке. Убежал он с урока истории после того, как господин Сенекерим ударил его. «Сукин сын, ты почему поосмански лучше читаешь, чем по-армянски?» — сказал господин Сенекерим и стукнул его по уху, и после этого копец Левон не появлялся больше в городе Муше.

— Я в Америку приехал осенью 1892 года, — рассказывал копец Левон, поднимаясь с Махлута на второй этаж. — Можно сказать, в чем мать родила, без гроша за душой. — И продолжал. — Первый армянин, прибывший в Америку в 1618 году, был солдат по имени Джон Мартин. Его пригласил какой-то американец, чтобы основать в стране табачное дело. Немногим позже, в 1653 году, в штат Вирджиния по приглашению мэра города приехали два армянина из Константинополя. Они посадили здесь первые шелковичные деревья, развели гусениц шелкопряда и наладили производство шелка. Из этого шелка они выткали знамя и отправили в подарок святому Эчмиадзину. Еще позже некий Хачатур Серопян изобрел зеленую краску для печатания долларов, навсегда положив конец американским фальшивомонетчикам. Но я не был ни табаководом, ни шелководом, ни изобретателем зеленой краски, а просто молодым парнем с сильными руками. Я мог быть только чернорабочим.

Первый год я работал где придется, а на следующую весну нанялся рабочим на большую ферму в Калифорнии. Там, кроме меня, работало много других ребят. Управляющий был богат из местных. На второй же день я поругался с ним. Этот управляющий имел привычку придирается к своим рабочим и орать на них чуть что. Я глазам своим не поверил, когда он ударил одного рабочего-армянина и принялся орать на него. Он ругался по-английски, иногда даже вставлял армянские слова, играя короткой трубкой в углу рта.

«Собака-армянин», — несколько раз повторил он и еще какие-то ругательства на нашем языке сказал:

Я оставил работу и подошел к управляющему:

«Чтоб я больше не слышал такого, понял?!»

«А что будет, если услышишь?» — спросил он, выпуская мне дым в лицо.

«А вот что будет. Мы вас научили возделывать табак. Мы посадили на вашей земле шелковицу, научили вас есть виноград и дали вам краску для ваших бумажных денег, а ты, недостойный сын своих родителей, смеешь поднимать на нас руку. Так получай же!» — и как двину его. Он упал.

Все бросили работу и ждали, что же будет дальше.

Управляющий поднялся, отряхнул одежду, сунул в рот трубку и молча встал передо мной, Всем казалось — сейчас начнется потасовка. Но управляющий дружески хлопнул меня по плечу и сказал: «Ол райт, поздравляю! Хотя и грубо это было, но я уважаю таких армян. Больше твою нацию не буду поносить, потому что вижу — у армян появился защитник. Я ценю в людях чувство национального достоинства. Ол райт!» — повторил американец и пожал мою руку.

Потом повернулся к остальным и говорит: «Глядите на этого человека и учитесь у него, не давайте другим оскорблять ваше достоинство. Знайте, что в глазах чужестранца выиграет тот человек, который уважает свой народ. А тот, кто сносит оскорбления, тот раб. Раба никто не уважает».

Но я с этой работы все равно ушел. Как раз на следующий день я встретил одну армянскую матушку в городе Фрезно. Звали ее Ктун. Родом из Карса была, но долгие годы жила с мужем в Норвегии, а в 1890 году переселилась в Америку. После смерти мужа бедная женщина осталась одна. Родных у нее никого не было. Однажды она мне сказала: «Левон, сын мой, на чужбине жить одному трудно. Я тебе мать, ты мне сын, давай рука об руку зарабатывать на жизнь. В этом городе никто не знает, что такое мацун. Я буду делать мацун, а ты продавай».

Разумным мне это показалось. В первый день матушка Ктун приготовила два кувшина мацуна. Один мы сами съели, а другой я отнес на рынок и тут же весь продал. На следующий день отнес на базар два кувшина. Матушка Ктун еще и лаваш умела печь отменно. Через год мы на заработанные деньги построили помещение с тоныром, купили муки и начали выпечку лаваша. Первую партию хлебов мы раздали прохожим. Матушка пекла лаваш, а я горячим нес на продажу. Вот так на мацуне и лаваше мы за несколько лет сколотили небольшое состояние.

В эти годы во многих городах Калифорнии объявилось множество армян из Западной Армении. Большинство из них не имели крыши над головой и спали прямо на улице. А гостиницы были дорогие. Один харбердский армянин, фамилия Григорян была, долгое время не мог найти работу, чтобы прокормить своих четырех детей. Однажды ночью, возвращаясь домой, я увидел двух его мальчишек. Они спали на крыльце у моего соседа-американца, подложив под голову шапку. Поднял я их, отвел к себе, и в то же утро мы с матушкой Ктун решили построить во Фрезно небольшую гостиницу для наших земляков. В центре города нам места не дали. Да и денег таких у нас не было, чтобы дорогой участок покупать. Построили мы нашу гостиницу на окраине, возле самой дороги. И даже это к лучшему получилось. Здесь чаще встречаются запоздалые путники.

Гостиницу мы называли «Путник мушец» и решили, что наши земляки могут жить в ней неделю бесплатно, а чужестранцы — за полплаты. Здесь каждый вечер звучит армянская песня. Вот уж двадцать лет, как стоит у дороги «Путник мушец», и все наши соотечественники находят здесь кров.

Матушка Ктун варила для всех обед и выпекала лаваш, — продолжал копец Левон. — Благодаря ей в Калифорнии узнали и полюбили армянскую кухню. Могу сказать, что первый тоныр в Америке построила матушка Ктун, и первый мацун заквасила на этой земле — она. Матушка Ктун, мы ее звали мамик Ктун, умерла пять лет назад, дожив до глубокой старости; она просила в память о ней разыскивать по ночам бездомных усталых путников и приводить в нашу гостиницу. «Путник Мушец» построен для бедных. Богачам здесь нечего делать. Мамик Ктун была душой «Путника мушца», и я верен ее памяти и ее доброму имени.

Внизу грянула музыка.

Как орел кружишь ты над горами и утесами,
Все гремит — земля и небо,
Святое имя твое будет помниться века,
Могучие горы тебе прибежище, о Андраник!
— Идем, полководец пришел, — сказал господин Левон и повел Махлуту в зал.

Тоска

Разругавшись с властями Араратской республики и покинув Армению, Шапинанд поселился в Калифорнии, в городе Фрезно. Он тоже сдал нижний этаж своего дома под гостиницу. На стене висели его сабля, мосинская винтовка и военная шинель.

И коня своего Аслана он привез с собой на пароходе в Америку. Сабля с винтовкой, шинель да серая папаха, черные сапоги и конь — вот и все его богатство.

Но к оружию он больше не прикасался. В свободные часы Шапинанд мастерил маленькие табуретки, и многие армяне, отвергнув кресла в американском духе, несли в свои дома его седлообразные табуретки. Кто — для употребления, а кто — просто как память.

— Кто смастерил?

— Полководец Андраник.

— Пойдем-ка и мы одну возьмем себе. И все армяне спешили к мастерской Шапинанда.

Несколько таких табуреток попало даже в Новую Зеландию и Австралию.

А однажды во Фрезно приехал известный ковродел по имени Харзо. Это был тот самый «Ия Маратук», ученик варжапета Мелкона, из села Джртник Бсанской провинции, что в Сасуне. Он прослышал о табуретках полководца и поспешил прилететь на самолете из Манчестера в Калифорнию.

Харзо, окончив мушскую школу, некоторое время жил в Алеппо у своего дяди. Он получил специальное коммерческое образование во Франции, около двадцати лет проработал в Африке, основав там большой торговый дом, и под конец поселился в Англии, в Манчестере. Этот сасунец привез табуретку полководца в Гану, а именно — в город Аккру, а уж оттуда повез ее в Манчестер. Находясь на чужбине, «Ия Маратук» имел обыкновение отплясывать по вечерам с женой «Горани» и «Ярхуштак» — старинные армянские танцы. Усевшись на седлообразный стул, Харзо пел победно: «Я талворикца сын отважный...»

Шапинанд был заядлый курильщик. Черный кофе и курево были единственным его утешением на чужбине. Курить он любил только тот табак, который присылали ему бывшие его солдаты из Армении. Ничто в жизни не могло заменить ему мушский табак. Его разводили в Армении, в деревне Уджан, и полководцу, как только выдавалась оказия, отсылали душистого уджанского табаку.

Мастеря табуретки, Андраник вспоминал марникскую дубраву. Слетающая на пол стружка уводила его памятью к аллеям св. Карапета. Он вспоминал Сасун, Муш, монастырь Аракелоц и знаменитую битву в этом монастыре. Его мучила тоска по родине, печаль по утерянному. Он знал, что Черного Бекира давным-давно погнали из Александрополя и что большевики основали новую Армению — с серпом и молотом на гербе, — крохотный, но надежный уголок, куда должны были собраться армяне со всего света. Существование этой маленькой страны, Советской Армении, служило утешением для его исстрадавшейся души.

Он знал об этой стране совсем немного. Знал, что осваиваются новые земли и всюду идет стройка. Но, собравшись с земляками в «Путнике мушце», он пил за эту рабочую страну, воодушевленный ее будущим. Из далекой Калифорнии внимательно следил он также за восстанием, ширившимся по ту сторону Масиса, во главе этого движения стоял старый армянский гайдук, скрывающийся под именем Шейх Зилан.

Всех, кто приходил в его мастерскую, он усаживал рядом с собой и долго рассказывал о своих сражениях. Где теперь его товарищи по оружию, те, что боролись с ним вместе за священную цель, где Махлут? Как бы он хотел увидеть сейчас кого-нибудь из них! Полководец частенько появлялся в гостинице «Путник мушец». Не только хозяин гостиницы, но и швейцар, и парикмахер были мушцы, да и постояльцы большей частью все из Муша или Тарона, землепашцы бывшие. Как только Андраник приближался к гостинице, швейцар-мушец широко распахивал дверь и восклицал громогласно, кланяясь: «Пожалуйте, полководец!» А главный повар, выходец из ванского села Алюр, быстренько расставлял на мангале шампуры.

И звенела песня карабахцев, и пел хнусец Сафар, и гостиница вновь оживала.

Полководец имел обыкновение усаживаться за одним и тем же столиком. Там, в углу, висело большое фото матушки Ктун. Всегда он садился под этим портретом. В эти минуты он больше пребывал со своими мыслями, нежели с окружающими его людьми. Тысячи таких армянских матушек были в Западной Армении. И вот одна из них чудом попала в Америку и не растерялась в этом незнакомом мире, не растворилась среди всего чужого. Напротив, — удвоив силы, с верой в душе, сохранила тепло армянского очага, тепло родного армянского слова. Обычно эти мысли неизменно приводили его в Карс. До прихода в Сасун Андраник долгие годы провел на дорогах Сарыкамыш и Карса...

Шапинанд и сейчас сидел за своим столиком. Он только что пришел. Выпил стакан водки, закурил трубку и предался размышлениям. Синеватый дым окутал его лицо в который уже раз. Две морщины между бровями превратились в глубокие борозды. Но выделялись живые улыбчивые глаза. Голова его была уже вся седая.

Он вспомнил пожар в Константинополе. Где несчастье, где помощь нужна, там и он. Вон он бежит за пожарниками. Не раздумывая, бросается в огонь, в самое пылающее. Горящий дом обвалился, и его, полумертвого, еле вытащили из-под раскаленных балок. Он стал грузчиком. Работал вместе с Себастианом Мурадом. Вспомнил арсенал, строившийся в Долмабахче, туда он поступил служить

плотником; вспомнил, как убежал из карсской тюрьмы. Родник Сероб в 1895 году сшил ему в Сарыкамыше трехи и сам надел их ему на ноги, чтобы вместе идти в Сасун. И пошли они в Сасун.

В то время он был совсем еще молодым. Неожиданно им перебежала дорогу лисица — из поля выскочила. Сероб сказал: «Плохая примета».

Вспомнил он и дом Тер-Каджа в селе Гели, в овраге. Вспомнил Гарибшан и Тахврник, где он чинил приклады, сидя в темном хлеву. По одному вспомнил все овраги, где он, отчаявшись, лежал на горячем песке, пытаясь унять боль в суставах.

Вспомнил свои ночные беседы с мудрым стариком Гялшо Мануком.

Вспомнил, как алианцы и шеникцы разоружали его и он с семьей верными своими гайдуками бежал в Семал.

Вспомнил бурный совет старейшин возле Андока и как талворикцы набросились на него. Он тогда нарочно раздражил их, чтобы понять, на кого ему лучше опираться в Сасуне. Вот он с Геворгом Чаушем вместе сидит возле дома Мосе Имо, и староста Хлохинга на своем путаном наречии задает ему каверзный вопрос о насадке и черном драконе. «...Как же ты сможешь убить дракона, а птенцов сохранить и насадку тоже?» Тогда он посмеялся над старостой, но насколько же жизнь, оказалось, соответствует простодушным народным байкам... Они убили черного дракона, но не стало больше и насадки с птенцами. Мужественный Утес — он пал первой жертвой в битве при Цовасаре. Вон лежит он на снегу, изрешеченный пулями.

И вдруг из тумана вышел и встал перед ним хаченский Думан. Андраник поднес руку к глазам — видение исчезло. «Жаль, не было его с нами в пору добровольческого движения», — простонал он.

Он вспомнил ущелье Дилмана, Хлат, Датван, Багеш. Вспомнил, как в марте по его приказу солдаты разбивали бивак под вековыми дубами, и вдруг откуда ни возьмись перед его взором встал Дро. Словно из леса вышел, из Марцского. Вспомнил, как, прогнав его, он вошел с войском в Эчмиадзин и завершил у стен матер-храма свой ратный путь. Там под стенами храма закончились все его войны. Отсюда его конники рассеялись-разбрелись кто куда. Где они теперь, бывшие герои?!

Он залпом осушил стакан и опустил голову на руки, а руки — на стол. Что стало, в самом деле, с его гайдуками? Некоторые из них дошли вместе с ним до Америки. Один работает здесь поваром, второй открыл бакалейную лавку во Фрезно. А кто и умер, время-то идет. Один из манаскертских его добровольцев обосновался в Вашингтоне с женой своей красавицей Вардануш, уроженкой севанского села Лчашен.

А что стало с теми солдатами, которые остались в Армении? В первые годы два-три человека от случая к случаю посылали ему табак, когда оказия представлялась. Но в последнее время связь оборвалась. Что стало, например, с ерзнкийцем Торгомом? Куда делся Арутюн, которого он оставил в эчмиадзинском госпитале?

Он слышал, что один из его солдат, знаменитый Молния Андреас, один из тех семи гайдуков, что бежали с ним из Шеника в Семал, сошел с ума. В последний раз он видел Андреаса, когда отправлял его гонцом в Талин, к Махлуту.

Единственным утешением Шапинанда была его маленькая мастерская и небольшой палисадничек перед домом. Не будь этого, да еще гостиницы «Путник мушец», он бы, пожалуй, тоже сошел с ума, как Андреас. И много было на то причин. Пролить столько крови, столько солдат — армян, русских, казаков — оставить убитыми на полях Западной Армении и за два шага до победы снова увидеть родную землю под пятой врага — от такого горя не то что один человек, — целый народ может сойти с ума.

Сколько усилий приложил он в те годы для того, чтобы убедить армянских деятелей не доверять младотуркам, в особенности после принятия османской конституции. «Никому из них не поверю, даже если он небесный посланец, — говорил он всем. — Собака, она все равно укусит». Не послушались его. И не только не послушались — предложили выбрать его членом османского парламента. «Вы можете водить с ними дружбу, — повторял он, — но меня увольте. Я хочу вас предупредить. Если однажды эти младотурки, именующие себя революционерами, не вздернут вас на виселицу, я буду не я. Придет день — они станут преследовать нас почище султана Гамида».

Так оно и вышло.

Как хорошо, что к постояльцам «Путника мушца» прибавился Махлуто — товарищ по оружию и по убеждениям. Сейчас он хоть не так одинок.

Андраник очнулся от своих дум, и два гайдукских предводителя, обнявшись, подняли бокалы и выпили за далекую Армению.

К ним подошел господин Левон. А над ними на стене висел портрет матушки Ктун.

Перед хачкаром

В полночь, поднимаясь по лестнице, Махлуто заметил какого-то мужчину, который, опустившись на колени перед небольшим хачкаром, прижав руки к груди, молился при слабом свете лампадки.

Черты лица его, казалось, говорили о немецком происхождении. Махлуто разглядел на его лице шрам.

То был Мехмед-эфенди.

Бог ты мой, каким невероятным превращением подвержено человеческое существо за эту фантастически кратковременную жизнь! Это был тот самый мужчина, что с фонарем в руках проводил его к гостинице. Махлуто тогда не разглядел его как следует в темноте. А у Мехмеда-эфенди голос и тот даже изменился.

Бог ты мой, Мехмед-эфенди перед хачкаром, и где — в далекой Калифорнии, во Фрезно!

Одет он был во все черное и поэтому почти сливался с потемневшим от времени хачкаром. Обращенное ввысь лицо, невинный чистый взгляд и смиренно сложенные на груди руки — словно сам Христос возносил молитву в уединении. Хотелось тут же отпустить ему все грехи, если таковые

у него имелись. Сейчас он нисколько не напоминал того человека, который сидел в тюремной камере, подогнув ноги по-турецки, и строчил послание султану, отрекаясь от своей веры. Теперь он истступленно желал смыть это позорное отречение, доставившее ему столько страданий.

Много бурь пронеслось над Мехмедом-эфенди. Он давно перестал носить белый шарф на шее, и давно, ох как давно, сошел румянец с его лица! Черты лица его, впрочем, показались Махлуту сейчас тоньше и добрее. Он был, как и прежде, широк в плечах, и та же горделивая посадка головы была. И вот этот могучий человек стоял коленопреклоненно перед каменным крестом и истово молился среди ночной тишины.

Чего только он не делал во имя любви к своему народу! Переодетый фидаи, он под видом жандарма проник в крепость султана. Он считал, что если не откроет ворота этой крепости изнутри, то даже сильный потоп ничего не поделает с этой проклятой силой. Он искренне помогал всем фидаи, не останавливаясь ни перед чем, бесстрашно и безоглядно. Даже такая, казалось бы, мелочь; когда он пришел в монастырь Аракелоц в качестве парламентаря от султана, воспользовавшись случаем, он оставил в «отхожем месте» маузер для Геворга Чауша.

После принятия конституции Мехмед-эфенди пережил большое разочарование. Хуриат, на его взгляд, явился, чтобы жизнь превратить в ад. Он находил, что все эти крики о свободе и братстве насквозь лживы. Разница в старых и новых порядках была та лишь, говорил Мехмед-эфенди, что раньше фидаи были начеку и сражались с оружием в руках, а теперь они сложили оружие и спят, опьяненные.

Мехмед-эфенди был одним из тех, кто тайно советовал гайдукам не складывать оружия. «Не теряйте бдительность, не будьте так доверчивы», — говорил он им, так как сам успел уже убедиться, что хуриат был объявлен для отвода глаз, истинная цель его — обезглавить армянский народ, лишить нацию предводителей.

После принятия конституции Мехмед-эфенди, или, как его еще называли, Мехмед-Халыты, несколько лет проработал в Ване чиновником. Он женился на армянке по имени Ангин, у них родилось семеро детей. Дети эти подросли и стали спрашивать отца, какой они национальности. Отец всякий раз отсылал их за ответом к матери. Постепенно дети поняли, что они армяне, только почему-то ходят в турецкую школу и имена у них не армянские.

И дети Мехмеда-эфенди взбунтовались. Они разбили табличку на двери, написанную на чужом языке, и повесили вместо нее армянскую, дома стали говорить исключительно на армянском языке. Они сняли с себя фески и прочую турецкую одежду и надели армянский национальный костюм. И только отец их по-прежнему носил на голове красную феску.

Однажды один из сыновей Мехмеда-эфенди, Али, прочел где-то в английской прессе официальную информацию «Они, — говорилось там, — только в годы первой мировой войны убили два миллиона армян, разрушили полмиллиона жилых домов, дворцов и старинных крепостей, двести три монастыря, семинарии и две тысячи пятьдесят церквей, превратив в пустыню благоустроенную страну, цветущий край, которому насчитывалось три тысячи лет...».

— И после этого ты смеешь служить у этих варваров и носить на голове феску? — возмущенно крикнул Али и бросился на отца с кулаками.

Напрасно старался отец объяснить сыну, что он пошел на вероотступничество во имя любви к родине, что он помогал армянам и был, в сущности, переодетым фидаи.

Мехмед-эфенди решил уехать с семьей за границу. Его мучила совесть, он не знал, как найти выход из этого безвыходного положения. А тут, как назло, его повысили в должности, и он из Вана переехал в Алеппо, а после — в Дамаск.

В конце первой мировой войны его старший сын был призван в армию и убит в Египте. За помощь, оказанную армянским беженцам, Мехмед-эфенди попал в число подозрительных лиц. С большим трудом он перебрался в Константинополь. В Константинополе армянский патриарх Завен крестил детей Мехмеда-эфенди. Далее Мехмед-эфенди развел свою дочку с мужем, турецким офицером, и выдал замуж за армянина, служащего какой-то конторы; остальных детей он переправил кого в Персию, а кого во Францию.

Вскоре в Константинополе умерла жена Мехмеда-эфенди, и сам он, всеми забытый и одинокий, через несколько лет навсегда покинул Турцию. Он поселился в Америке. Там он поступил на работу к хозяину гостиницы «Путник мушец» Левону. Он жил во Фрезно под именем господина Аветиса, скрывая от всех свое прошлое. Но кто-то все же узнал его и рассказал господину Левону историю Мехмеда-эфенди, и хозяин гостиницы отвел господину Аветису отдельную комнатку.

Перед этой комнаткой — дверь его находилась под лестницей — Мехмед-эфенди поставил старый хачкар. Откуда он его взял и кто был мастер-каменотес, сделавший хачкар, — оставалось загадкой. Еще он раздобыл где-то старый молитвенник. Уверял всех, что это родовой молитвенник дома Рыжего попа, на нем, мол, гайдуки в свое время давали присягу. На одной из страниц на полях было написано: «Будьте достойны огненного поцелуя пули», Сам хозяин гостиницы не верил ни в существование бога, ни в силу хачкара и молитвенника, но не мешал другим, кто с божьей помощью надеялся вернуть покой своей измученной душе.

Мехмед навсегда отошел от политики. Каждый вечер перед сном он опускался на колени перед хачкаром и, раскрыв молитвенник, принимался молиться. «Я самый несчастный на этом свете человек, — шептал Мехмед-эфенди, — потому что я потерял все — родной край, детей, супругу. Я покинул храм, но и в мечети мне нет места. И в то же время я самый свободный человек на земле этой, совсем-совсем свободный, поскольку никто надо мной не властен, только мое внутреннее «я». Через столько времени я снова обрел путь истинный. И хотя я знаю, что слишком поздно уже, но хочу обнадежить свое внутреннее «я», чтоб не мучиться так». И каждый раз он кончал молитву словами: «Прими мою молитву, святой Эчмиадзин, господь, земная и небесная твердь, я армянин».

Рядом с молитвенником и хачкаром у стены стоял светильник, с которым он каждый вечер выходил искать усталых бездомных путников — чтобы дать им приют.

Никто не посещал Мехмеда-эфенди в его закутке, который скорее напоминал маленькую келью. Здесь он спал на узенькой низкой тахте. Здесь обедал и пил свой кофе. Здесь молился и каялся, далекий от шумных мирских дел. Султаны и короли возвышались и падали, один тиран сменял другого, а он, безучастный ко всему этому, возжигал каждый вечер маленькие свечи перед своим хачкаром.

Старый, почерневший хачкар. Он цеплялся за него как за единственную надежду. Как сон проходили перед его глазами ожившие виденья тех золотых дней, когда он был молодым учителем по имени господин Аветис в селе Икна, в Манаскерте.

Он вспоминал все это и падал без чувств возле оплывающих желтых свечек.

Цветок брабиона

Следуя примеру Андраника, Махлуту тоже решил заняться каким-нибудь ремеслом. Он открыл во Фрезно сарожную мастерскую. Впервые он проявил свое умение в Тахвнике, когда ему пришлось чинить обувь Шапинанда. Потом время от времени он выручал своих товарищей-гайдуков, латая им прохудившуюся обувь. Махлуту недолго занимался этим своим старым ремеслом. Вскоре он открыл кофейню в Лос-Анджелесе. Союз армянских эмигрантов, основанный в 1917 году, назначил Махлуту председателем правления.

Целью этого союза было оказывать помощь всем нуждающимся таронцам, очутившимся в Америке. Особое внимание уделялось образованию и материальному благосостоянию беженцев.

В ноябре 1926 года Махлуту, не говоря ничего Андранику, подготовил торжества, посвященные двадцатипятилетию битвы при монастыре Аракелоц. В ответном слове Андраник подробно описал эту историческую битву и, вспомнив погибших у стен монастыря фидаи, горько расплакался.

Незаметно разговор перекинулся к более близким событиям. Вспомнили размолвку Андраника с правительством Араратской Армении.

— Я, — сказал полководец, — покинул Араратскую республику, чтобы не быть участником безответственных действий дашнаков. Для того чтобы построить дом, нужны хорошие зодчие. Дашнакская республика скинула мертвого ребенка, потому что ее руководители заложили здание на песке, вместо того чтобы строить на прочной основе, на земле.

Однажды ночью Махлуту срочно вызвали на побережье. В Калифорнии, в курортном местечке Чико, умирал Андраник.

— Пришел, Махлуту? — сказал полководец, обнимая товарища и прижимая его голову к своей груди. — Я всю свою жизнь искал по белому свету цветок брабиона. Мы оба с тобой искали его. Мы были безумцы, и мечты наши не сбылись. Никто еще не находил этот цветок. Говорят, его вообще не существует. Но все же нашлись люди, которые пошли по верной дороге, а мы зря проплутали, не с того конца начали.

Каким тяжелым был тот день, когда он со своими солдатами и полковником Гибоном ступил на палубу британского военного судна.

В то утро прозвучало два свистка: один знаменовал отход их судна в Европу, а другой был свистком паровоза, отходившего из Батума. Он увозил солдат и офицеров Андраника в Армению. А сам Андраник стоял на палубе, скрестив руки на груди, и долго-долго смотрел вслед поезду, в котором был и старый гайдук Аджи Гево. Никогда еще так грустно не высвистывал Аджи свое знаменитое «ло-ло».

Отплывающее в Европу судно было забито возвращающимися из Персии английскими солдатами. На палубе в углу стояли солдаты в незнакомой форме, они разговаривали на непонятном для

англичан языке. Это были армяне. Что ж, союзники победили, английские солдаты возвращались домой в праздничном настроении.

Весьма доволен был таким завершением кампании и представитель союзного командования полковник Гибон. Для англичан это был долгожданный день, о котором они мечтали, сражаясь на чужой земле, под чужими небесами. Для них победа и мир означали возвращение домой. А для армян, стоявших на палубе, этот мир нес разлуку с родиной. Им казалось, они едут в ссылку. Они сражались бок о бок с англичанами против общего врага, но сейчас чувствовали себя чужими на их корабле. Чужими и обманутыми.

Андраник невольно вспомнил одного из своих добровольцев, которого считал навсегда потерянным для себя. Все прочие лица отступили, а этот один пришел и встал перед глазами в последние его минуты. Голова его была забинтована, а рука на повязке.

Тавризец был, по имени Гайк. Зима была, холод стоял собачий, все завалено снегом. В Дутахе это было или же в Муше, он не помнил. А может, это был Багеш или же Рахве-Дуран? Или Басен? Гайк Бжишкян встал перед ним и проговорил с болью: «Обманули нас, Большой гайдук, обманули самым жестоким образом. Всех разом, всю нацию». Сказал так и медленно пошел прочь. И долго еще слышались его тяжелые шаги. Андраник никогда больше его не видел.

Бжишкян, преисполнившись ненависти к самодержавию, с того самого дня перешел на сторону большевиков, закаляя себя в горниле революции, предчувствуя в ней знамение свободы — для Армении и для всего мира, бжишкян организовал свою Железную дивизию и объявил войну врагам революции. Он стал командующим революционной армии, а затем был назначен военным комиссаром Советской Армении. За ним стояли участники Сардарapatской и Башапаранской битв. И за него была вся новая армия. А сам Андраник остался со своими гайдуками, с добровольческими и пограничными полками, со своей Особой ударной частью. И в конце концов был вынужден поселиться в далекой Калифорнии.

Тавризский доброволец показался ему тогда дезертиром, забывшим интересы родины. Так думал он обо всех, кто с ним не соглашался. И вот этот самый солдат стоял сейчас перед его глазами, с ясным взором и красивым лицом. Да, может быть, это и был тот самый единственный путь, ведущий к цветку брабиона...

— Махлуту, прекрасная маленькая страна расцвела на берегу Аракса. Это и есть тот самый цветок, который мы искали, к нему обращены мои глаза в последнюю минуту, — сказал умирающий. — Хочу, чтобы этот красный цветок рос и креп. Надо поддерживать нынешнюю Армению, в ней наше будущее...

Самой радостной минутой в моей жизни была та, — продолжал Шапинанд, — когда мы с горсткой ребят сошлись с целым войском султана Гаида под стенами монастыря Аракелоц, а еще — когда священник-фидаи с оружием в руках встал рядом со мной и Геворгом Чаушем, а мушские армянки рыли окопы у монастырской ограды. Моей самой печальной минутой была та, когда мне принесли весть о смерти Геворга Чауша. И другой мой черный день был тот, когда вдали от родины я узнал о падении Карса. Всем говорил и снова повторяю: вечером перед сном вспомните о своем народе и помяните добром своего соседа, кто бы это ни был — армянин, турок или же грузин.

Андраник перевел дух и продолжал:

— Сироты и несчастные причиняли мне боль всю жизнь. Если мой народ после моей смерти захочет почтить мою память, прошу не ставить мне памятника, не устраивать пышных похорон, пусть восстановят монастырь Аракелоц и построят там училище для армянских детей.

Последними его словами были: «Не о смерти своей скорблю, а о деле, оставленном на половине».

На рассвете Шапинанда не стало.

Его тело бальзамировали и через восемь дней перенесли в армянскую церковь. На следующий день состоялись похороны. Впереди шел конь Шапинанда с перекинутыми через седло шинелью и винтовкой. Когда процессия дошла до «Арагатского кладбища», несколько молодых армян с самолета рассыпали над ними розы. Но гроб в землю не опустили, его подняли и снова понесли в церковь.

Через четыре месяца армяне Фрезно при посредничестве французского консула повели переговоры с Парижем.

Андраник был награжден французскими властями орденом «Почетного легиона», и Париж отвел ему место в своем пантеоне у Стены коммунаров.

Восьмого января 1928 года группа армян из Фрезно отразилась в путь, увозя в Париж прах национального героя.

Со всех концов мира в Париж съезжались армяне — отдать последний долг герою. Прибыли военные делегации союзных войск. Рядом с катафалком шел полководец Махлут с группой старых гайдуков. От Махлута не отходил ни на шаг Гариб, телохранитель матушки Сосе. За катафалком шли армянские офицеры, прибывшие на похороны военные делегации, французский генералитет и живущие в Марселе, Лионе и Париже армянские и болгарские солдаты, бывшие солдаты Андраника.

Из Африки прибыл Харзо («Йя Маратук»), тот, что увез в Гану сделанный Андраником стул.

И Гибон был здесь, тот самый английский полковник, который замерзал в снегах Зангезура. Забыв про то, как наказал его некогда Андраник, старый служака прибыл в Париж из своего родового замка. Он привез с собой книгу «Белый всадник», в которой описал полководца Андраника и его победное шествие из Гориса в Эчмиадзин.

«Это был человек совершенно особенный, он отличался от всех, кого я встречал на Кавказе, — писал он в этой книге. — В Андранике был какой-то магнетизм, притягивавший всех, и я с первой же минуты поддался его обаянию. Его войско было первое настоящее войско, которое я видел на Востоке. Не будет преувеличением, если скажу, что этот армянский полководец был самой трагической, героической и характерной фигурой из всех, порожденных мировой войной».

Поодаль от всех, опустив голову, шел человек, прибывший по этому печальному поводу из далекой Калифорнии. Это был Мехмед-эфенди. Он несколько раз пытался подставить плечо под гроб, но каждый раз гроб, коснувшись его пальцев, поднимался вверх, словно улетал в небо. Даже в объятьях смерти Шапинанд был на недостижимой высоте. Он был рожден для орлиных полетов и угасал как орел, — в высоте.

Процессия дошла до Пер-Лашеза. Махлуто сказал прощальное слово, и бывшие фидаи дали прощальный залп, Французские солдаты последовали их примеру.

После смерти Андраника Махлуто навсегда распрощался с Лос-Анджелесом и гостиницей «Путник мушец» и поселился в Париже. Долгие годы провел он в том городе, возле могилы любимого полководца. Многих прославленных храбрецов видел он в своей жизни, но такого отважного патриота, как Андраник, никогда больше не встречал. Много стран он обошел, много городов повидал, но только один город остался в сердце и в памяти — любимый Муш.

И грезилась ему всю жизнь Мушская долина, и виделся ему недостижимый цветок — страна Армения.

Гибель синего жеребца

Хозяин гостиницы «Путник мушец» господин Левон остался во Фрезно, можно сказать, совсем один. Хотя армян вокруг было много. Они по-прежнему собирались в его ресторане. И по-прежнему здесь звучали армянские песни, и по-прежнему Мехмед-эфенди отправлялся под вечер собирать бездомных путников.

Постарел Мехмед-эфенди.

Вот уж два месяца как занимался он непривычным делом. Полководец завещал свой меч Историческому музею Советской Армении, а коня подарил господину Левону. Хозяин гостиницы поручил смотреть за конем Шапинанда Мехмеду-эфенди. Каждое утро старик Мехмед мыл Аслана холодной водой, чистил его скребницей, прогуливал, кормил. Туристы приходили в гостиницу господина Левона посмотреть на легендарного коня. Говорили, что под седлом у этого скакуна есть след от ладони Мосе Имо. А еще говорили, что вроде бы Мосе Имо, вместо того чтобы три раза ударить пятерней по крупу Аслана, ошибся и ударил всего лишь два раза, и поэтому конь скоро умрет. И без того он прожил куда больше обычной лошади.

В первые годы жеребец айсорского старейшины был таким норовистым, что Молния Андреас еле справлялся с ним, несмотря на двойную узду. Однажды в Рахве-Дуране конь изловчился и укусил Молнию Андреаса в плечо. Андреас во время битв при Дилмане и Багеше с сожалением заметил, что с конем действительно приключилась какая-то роковая ошибка и это ускорит его гибель. Старый гайдук верил, что если бы Мосе Имо ударил рукой по спине лошади три раза, тогда вообще ни одна живая душа на свете не смогла бы обуздать Аслана и он умчался бы в небо, сокрушая все на своем пути.

Из Франции в Америку приехал знаменитый скульптор. Он собирался лепить скульптуру всадника-гайдука на коне. Эта скульптура предназначалась для могилы Шапинанда на Пер-Лашезе. Господин Левон приказал Мехмеду-эфенди взять коня Андраника на побережье, возле Лос-Анджелеса.

Скульптор поставил Аслана возле громадного утеса и с воодушевлением принялся лепить. Темно-феолетовые волны океана ударялись об утес и, превратившись в белую пену, с шумом откатывались обратно, обрушиваясь на набегающие волны.

Вечером, когда скульптор почти закончил работу, Аслан вдруг бросился с утеса в морскую пучину.

Мехмед-эфенди, не мигая, с волнением следил за ним. «Сейчас поплывет обратно», — подумал он, но конь уплывал все дальше.

«Нет, он уже не вернется», — и Мехмед-эфенди вздрогнул. Он сбросил с себя одежду и прыгнул следом за конем в воду.

Конь был уже далеко, и только белая его грива и хвост виднелись в волнах. И поплыл за ним Мехмед-эфенди. Он плыл быстро, стараясь догнать коня. Руки его устали. «Господи, куда плывет этот конь?.. Аслан, вернись, куда ты, Аслан!» — кричал старик, безнадежно молотя кулаками по воде. Но конь словно слился с волнами, задрал над водой маленькую красивую голову, он словно мчался рысью по синим холмам.

Совсем выбился из сил старик Мехмед. Руки уже не слушались его. И зачем это захотелось несчастному старику выхватить из пасти океана утопающего жеребца?.. Собравшиеся на берегу люди видели, как он пытается доплыть до коня и не может. Увы, он уже не мог доплыть ни до Аслана, ни до песчаного берега. И разве возможно это — оседлать в океане огненного жеребца? Как можно достичь недостижимого? Ах, какую роковую ошибку совершил хозяин гостиницы «Путник мушец»!

Еще немного, и Аслан скрылся из глаз — он пропал за чертой горизонта, где сходились небеса и воды океана. Конь старейшины-айсора, которого не одолел ни Рахве-Дуран, ни сумасшедший ветер зангезурских гор, остался под волнами чужого океана. А через некоторое время не стало видно и Мехмеда-эфенди. Один бил порождением воды и соединился со своей стихией, а другой стал ее жертвой. Погибли конь героя и учитель-вероотступник из Манаскерта.

В кармане пиджака, брошенного на берегу, нашли вымокшую бумажку, на которой с трудом прочли: «Хочешь, возьму тебя с собой в нашу страну, увидишь, что это за неподобный край, что за народ живет там. Стоит умереть ради него».

Это написал Геворг Чауш, но кому и по какому поводу, так и не узнали.

Внизу была приписка: «Я ради этого народа ислам принял. Прости меня, грешного, господи! Мехмед-эфенди».

Возвращение

В сентябре 1947 года из Франции в Армению приехал старик в военной форме. Он сел на пароход в Марселе с первой партией армян-репатриантов.

Всего лишь днем раньше он был в Париже. В этот день он был, наверное, единственным человеком во всем городе, который ранним утром пришел на Пер-Лашез. Он хотел сказать последнее «прости» всаднику на каменном коне, своему полководцу.

В годы второй мировой войны старый воин помогал французскому Сопротивлению в борьбе с фашизмом. Знакомые не советовали ему покидать сейчас Францию, но он тайком от них сел на пароход. Он просто умолял отвезти его в Армению.

И вот в одно прекрасное утро он объявился на ереванской улице.

Красивый высокий старик, легендарный фидаи, которого все называли полководцем.

Вот только оружия при нем не было.

Была лишь трость, на которую он опирался порой. Город казался ему незнакомым. Сменились поколения. Он не видел знакомых лиц. Как-то ему послышалось брошенное шепотом: «Полководец Махлуту, из Франции приехал», — два старика, кинув на него удивленный взгляд, быстро скрылись.

А новые — они были совершенно другие. Они были подтянутые, быстрые и, казалось, не имели ничего общего с прошлым, для них существовало только настоящее и будущее. Они даже говорили иначе. И хотя это была та же армянская речь, но произношение другое, непривычное для него. И он даже порой кое-чего не понимал.

Медленно шел он по улице, и в памяти звучали голоса прошлого. Вся Мушская долина прошла перед его глазами — дом за домом, род за родом. Он помнил каждый двор и цвет дыма над каждым ердыком. То был Сасун. В просторных, огромных треках прошел перед его глазами князь Спаханац Макар. Он услышал шаги Гале.

Он оперся на палку, вытащил из кармана синий платок, вытер лоб. И чуть не упал. Он, ни разу не падавший в бою, чуть было не растянулся на тротуаре. Но кто это бежит к нему, задыхаясь? Он услышал знакомый голос: «Полководец!» — и какой-то мужчина обхватил его крепкими руками.

— Это ты, Барсег? — И Махлуту прижал к груди своего конюха, поседевшую голову своего старого боевого друга.

— Узнал, что ты приехал. Побежал домой, взял кисет с табаком... и вот.

— Где ты живешь?

— В селе Воскетас, в Талине это.

Полководец помолчал, потом спросил:

— Что стало с Фетара Исро?

— Его давно уж нет.

— Тер-Кадж Адам?

— Его тоже нет.

Махлуту всхлипнул.

— О Каро не спрашиваю, — сказал он, надевая шапку, — потому что знаю его историю. Он и Звонкий Пето примкнули к курдам, но восстание в скором времени было подавлено, а Салим-бек (так в последнее время звали Шейха Зилана) был обманут и похищен. А ты знаешь, кто был Шейх Зилан? Наш старый гайдук Бриндар из села Харамик, тот, что разжигал бездымный огонь в Марникском лесу, тот самый, что мечтал о том дне, когда Геворг Чауш позволит ему участвовать в открытом бою.

Восстание Шейха Зилана потрясло весь мир. Вот что такое свободолюбивый армянин-фидаи! Рядом с Шейхом Зиланом находились курд Хасано, айсор Абдело. В последнее время на склонах Масиса появился курд по имени Колоз. Он всюду ходит со своей женой. Колоз — это тот самый Амино, на свадьбе которого мы насмерть напугали Али-бека. Амино потом убежал в Фархин и долгое время слал нам серу и порох. Все трое — курд Хасано, айсор Абдело и Колоз — были убиты под Орговым, когда шли с Шейхом Зиланом на Ван. Словом, долго рассказывать. Шах Реза отдал Малый Масис, тем дело и кончилось.

— А в каком направлении увезли Салим-бека — хоть это известно?

— В последний раз его видели в тех краях, где провел свои последние дни Ад Чоло.

— А Каро и Пето живы?

— Они из Персии перешли в Багдад, а из Багдада — в Ливан. Каро жил под чужим именем и прятался, потому что убил в Персии одного английского офицера: англичанин в его присутствии похвастался, что самолично расстреливал в прикаспийских степях Степана Шаумяна и его товарищей. Пето некоторое время прожил в Гамишли и Алеппо. Под конец обосновался в Бейруте. Там же, в Бейруте, жили Цронац Мушик и много других видных гайдуков из Сасунского полка. Последние годы Звонкий Пето был пасечником при Антилиасской церкви. Каждый год он переходил границу, через Тигранакертское поле, добирался до Сасуна; испив воды из Андокского родника, набирал полный кувшин для Каро и снова возвращался в Бейрут. Кто еще так любил родной край?..

— И они умерли?

— Оба. Борода — в городе Гамадане, это в Персии, а Пето — в Бейруте. И оба до последней минуты тосковали по родине. Может быть, мы во многом ошибались, Барсег... Возможно, мы избрали неверный путь, но помыслы наши были чисты и суд — справедлив. И не прав будет тот, кто обвинит нас, не попытавшись разобраться, какое это было время и в каких условиях мы боролись.

Нас было несколько десятков или сотен землепашцев из долины да столько же горцев, мы дрались за честь нашего народа, за его свободу и теперь стоим перед судом истории, на виду у всех с чистой совестью. Пройдемся немного, Барсег, — предложил Махлуту. — Мне все хочется обойти, так много еще надо увидеть... Ты сказал, что принес мне табаку, спасибо, его хватит на несколько месяцев. Я привез с собой французские сигареты, возьми попробуй, может, понравятся. Мне они не по вкусу, коробка красивая только, а табачного духа нет... В Армении из наших краев много народу живет? — спросил Махлуту, останавливаясь.

— Много, полководец. Около ста пятидесяти тысяч мушцев в Армении, столько же сесунцев, старых и молодых”.

— Отрадно слышать. А что тебе известно об Аджи Гево.

— Если верить слухам, поначалу Аджи Гево был сторожем на каменоломнях возле озера Тохмахан. В черкеске, с длинным чубуком в руках, с вечным своим «ло-ло» на устах. В последние годы, говорят, жил в Батуми, там и умер. Невестка Аджи с детьми живет там... Ты о себе расскажи, полководец, где ты остановился?

— У Гариба. Помнишь того паренька, телохранителя матушки Сосе? Гариб из Франции сюда приехал еще десять лет назад, живет на улице Фирдоуси. Ему рассказали, что Андраник, когда ехал в 1916 году к наместнику, на несколько часов привязал своего коня в подвале одного дома. И Гариб поселился в этом доме. Он встретил меня на вокзале и сразу повел к себе.

Беседуя, они дошли до улицы Фирдоуси и расстались. Барсег поехал обратно в село, пообещав приехать в скором времени.

Смотритель в городском саду

Молодой секретарь райкома не успел войти в свой кабинет, как секретарша доложила, что его хочет видеть какой-то репатриант из Франции.

— Пригласи.

С тростью в руках тяжелой поступью вошел в кабинет старый воин. Секретарь райкома встретил его у дверей.

— Парень, ты мушец, говорят? — обратился к нему полководец.

— Мушец. А вы кто будете?

— Я Махлуто.

— Полководец Махлуто?

— Он самый, уроженец Муша.

Настоящий мушец никогда не может устоять перед натиском чувств, тем более если видит перед собой земляка. Секретарь райкома пожал руку знаменитого полководцу и усадил его на диван.

Махлуто пристроил рядом трость и вытер платком мокрый лоб.

— Курить можно? — спросил он.

— Отчего же нет? Пожалуйста.

Полководец свернул сигарку и не спеша закурил, хотя вид у него был сильно взволнованный. Успокоившись немного, он сказал:

— Ну, расскажи, из какого же ты села мушского?

— Из Хасгюха.

— В Хасгюхе четыре квартала было — Тунджо, Марахбюр, Хажурик и Верхний, иначе — Гаврцоц. В котором из них жили твои родители?

— Этого не скажу. Я сын хутца Ераноса.

— Погонщика мулов Ераноса? Парень, ваш дом был в Гаврцоце, повыше мельницы Медведя Хло, напротив домов Марто. Вы хлеб пекли раз в неделю, и дым у вашего тоныра был черный, потому что вы сырыми дровами его разжигали.

— Ты моего отца видел когда-нибудь, полководец?

— Я с ним из Битлиса в Сасун шел, всю дорогу вместе прошли, еще по дороге у него прихватило поясницу, а я его вылечил, Еранос был нашим гонцом, и живот его был зашит черными нитками.

— Зашит? — удивился секретарь райкома.

— Брнашенские пастухи зашили. Твой отец последние годы жил при монастыре и дрова на зиму для монахов припасал, в его келье раньше жил отец Арабо. Однажды Еранос упал с дерева, да так, что живот весь распорол с низу доверху, даже кишки наружу вывалились. Мы его быстренько в горы доставили. Пастух из Аринока, Ходедан его звали, придерживал Ераноса за ноги, а даштагомец Тонэ раскалил на огне иглу, скрутил из черной козьей шерсти нитку и ловко так рану зашил.

— А кишки?

— Внутрь, естественно, запихал.

— Чудо какое-то!

— Чудо это ты, вылез из хурджина и управляешь страной.

— Из какого еще хурджина?

— Тебя Зулум звать, верно?

— Да, Зулум Айказян.

— Ты из саженцев Фетара Исро. Исро с хурджином за спиной ходил по деревням, собирал армянских сироток, а то и покупал, за каждого по золотому давал. И вот кончились деньги у Исро, а тут курд пришел, тебя привел и деньги требует, а не то, говорит, обратно уведу, убить еще тебя мог сгоряча. У меня, как назло, тоже денег ни копейки не было, и у Андраника в кармане пусто. Наш певец Аладин Мисак песню курдскую спел, песня курда тронула, он за так отдал нам тебя, своими руками положил в хурджин Исро. Не будь песни Аладина Мисака, не сидели бы мы с тобой тут.

— Значит, меня Фетара Исро спас?

— Ты был одним из тысячи его саженцев. Айказян первым делом поинтересовался, где живет полководец, есть ли у него жилье.

— Когда это у гайдука было жилье?

— А работа?

— Безработный пока.

— Ремеслом каким-нибудь владеешь?

— Сапожник я. Могу в мехи дуть, посуду лудить...

— Мы тебя и жильем обеспечим, и работой, ты ведь на родине своей, — сказал секретарь райкома.

— У меня другой родины нет. А все имущество мое — старая шинель, подложу под голову, лягу спать где-нибудь. Не арестуют ведь меня за это?

— Да кто же может арестовать тебя, отец? — нахмурился секретарь.

— Мои противники в Марселе сказали: «Как только доедешь до Еревана, арестуют тебя, так и знай». Второй день уже здесь, но пока никто меня не трогает.

— И не тронут. Но ты что-то много куришь, полководец, — заметил Айказян.

— Только это мне и осталось. На Немрут-горе впервые затынулся. С тех пор и повелось. А с того дня, как умер Андраник, я вовсе перестал есть и на курево налег. Я восхищен всем, что увидел здесь. Такую цветущую Армению вряд ли кто-нибудь из нас мог представить. Красивая страна, много нового. Если и дальше так пойдет, года через два, глядишь, и в Муше окажемся. Я поведу всех вас в Мушскую долину, покажу каждому, где дома ваши стояли, после этого и умереть можно спокойно. — Махлуту свернул новую сигарку. — До чего же душистый табак! Вчера мой конюх Барсег принес из Воскетаса.

Вскоре все устроилось. Репатриировавшемуся полководцу дали квартиру на улице Наири. Ему назначили пенсию и дали должность главного смотрителя в саду имени Комитаса.

Махлуту жил один. С наступлением утра шел в сад, делал необходимые распоряжения и, взяв в руки лопату, работал наравне с рабочими. После работы Махлуту садился на скамейку у главного входа, опустив тяжелую голову на французскую трость. Напротив, возле стены, был похоронен неизвестный гайдук. Махлуту долго смотрел на могилу гайдука, потом переводил взгляд на молодежь, на гуляющие пары; с особым волнением наблюдал он, как приходят в сад ребятишки из детского сада, в белых передничках, они шли за воспитательницей. Махлуту жадно закуривал и, взволнованный, медленными шагами шел домой.

Раз в неделю приходила пожилая женщина, уроженка Вана, прибиралась в его квартире.

Полководца навещали его старые солдаты, знакомые, друзья.

Постоянным его гостем и собеседником был Смбул Аршак, бывший сотник конницы, тот самый, что первым вошел в дом Хачманукянов в Багеше и проводил красавицу Шушан с ее богатствами в Ереван. А Шушан уже не было. Комитасовский сад тянулся вдоль реки Раздан, оттуда виднелась старая Ереванская крепость, но не было там больше ни госпиталя, ни сестры милосердия Шушан.

Другим частым гостем был верный Гариб. В свободные часы он приходил, садился рядом с полководцем. Оба частенько вспоминали годы, проведенные на чужбине. До того как уехать за границу, Гариб бессменно находился рядом с матушкой Сосе и теперь при каждой встрече

рассказывал какой-нибудь случай из жизни этой замечательной женщины-фидаи. О том, например, как матушка Сосе, Аджи Гево и беженцы из Александрополя пришли в Горис. Вместе с другими солдатами Сосе проводила Андраника до Батуми, а сама потом перешла в Константинополь, Гариб рассказывал, а Махлуту переносился мысленно во Фрезно и Лос-Анджелес, потом пересекал Атлантический океан и оказывался рядом с памятником Большому гайдуку возле дорогой могилы на Пер-Лашезе.

Третий посетитель был Барсег. Случалось, он приводил с собой кого-нибудь из старых гайдуков или добровольцев, проживающих в селах Талина и Аштарак.

Тот квартал столицы, где жил Махлуту, был одним из самых шумных и оживленных.

Однажды по улице прошла одинокая лошадь с всадником в седле. Махлуту остановился и, опираясь на палку, долго глядел ей вслед. Машины проезжали мимо, почти касаясь ее. И вдруг все машины разом обратились в коней — улицу запрудили огненные кони, и мостовая зазвенела под их копытами. Вот всадники миновали мост Победы. Впереди всех шел Шапинанд, и был он из камня, за ним шел его конь. Пошли, уперлись в Смбатаберд, еще немного, и...

Махлуту провел рукой по лбу, и огненные кони с всадниками исчезли, не стало Смбатаберда, растаял, улетучился.

Видение было — ушло. Но перед глазами остался стоять юноша. Он стоял на зеленом поле возле села Сохгом, там, где мушская речка вливалась в Медовую реку.

Это был он сам. Он шел из Красного Дерева, спустился с горы и остановился передохнуть. Он стоял и смотрел, как родимая речка кончает здесь свое существование, отдав свои воды большому и незнакомому течению.

Не напоминала ли его жизнь эту речку?

Махлуту постоял на улице еще немного и пошел домой.

Я тот, кто задул огонь

В почтовом ящике он нашел толстый конверт. Письмо было из Алеппо, из армянского дома для престарелых. Писал ему один из старых его солдат.

«Боготворимый мой полководец, узнал я, что ты из Марсея поехал в Армению. Блаженны глаза твои, что видят родную землю. Из Бердакского леса судьба погнала меня на чужбину, а старость привела в этот дом.

Сам я грамоты не знаю и поэтому за меня пишет чужой человек. Помнишь ли ты меня? Я из отряда Сероба-паши, Тадэ меня звать. Помнишь, я еще любил возиться с патронами, отделял боевые от холостых.

Недавно в Александрии умерла Сосе, Родника Сероба вдова. Из Полиса туда пришла. Ходила с паломниками в Иерусалим. И умела гадать на кофейной гуще. Верила, что один из ее сыновей жив и находится у мартенских курдов. Долго его искала, до самого Дезире дошла и вернулась ни с чем, но надежды бедная женщина не теряла.

Помнишь ли ты ее, первую женщину-фидаи, в русских сапогах, в астраханской папахе, с маузером за поясом?

И умерла также другая женщина-гайдук из Франк-Норшена, по имени Какав. Жена Франка-Мосо, та, что приносила хлеб для фидаи. Какав тоже всю жизнь добрых вестей ждала. Родила дочь и четырех сыновей. Дочь увели в Муш, говорят, что и сейчас она там. Один сын пропал без вести, а три других сына живут в Армении — Петрос, Самвел и Багдасар. В последние годы Какав повторяла: «Я как птица, растерявшая своих птенцов, не знаю, куда идти, где их искать».

Месяц назад приходил к нам господин из константинопольских армян. Он сфотографировал меня и написал обо мне в газете. Посылаю тебе статью».

Полковник раскрыл газету и прочел:

«Из села Фетара Мушской провинции наш дядюшка Тадо — так зовут его в Доме. Ухоженные пышные усы, под усами улыбка; гнев и вера — все это сочетается в этом старике удивительным образом.

— Сколько тебе лет, дядюшка Тадо? — спросил я у него.

— Девяносто, сто — не знаю, живу под богом. В школу никогда не ходил, счета не знаю, в горах жил, пахарем был, пастухом и... фидаи. Помню только, что с ранних лет носился по горам с отцовской кремневкой. (Дядюшка Тадо объясняет, что такое кремневка и какие виды оружия тогда были.) Быстрый я был, никто за мною не поспевал. Мой дядя говорил: иди тише, а я ему: давай, мол, я и тебя понесу, и твое оружие.

И восклицает старик со слезами на глазах: «Ах, Мурад, Мурад!» И кричит громко: «Я четырнадцать лет служил у Андраника, в войсках Дяди, Смбата и Себастьянца Мурада, а до этого в отрядах Родника Сероба и Геворга Чауша был. Битлис, Муш, Немрут, Алагяз»... Ах, ах...»

Некоторое время дядюшка Тадо молчит, не в силах произнести ни слова...

— Дядюшка Тадо, что за человек был Андраник? — спрашиваю.

— Могучий человек был Андраник. Его пуховой подушкой были Сасунские горы, такого человека найдешь теперь разве? Когда сердился, по-турецки ругался и по-болгарски «наперед» говорил. Когда в нас стреляли, приказывал нам ложиться на землю, а сам стоял во весь рост, смотрел, откуда палят. Он всегда с нами садился за обед и едой делился.

— Ты женат, дядюшка Тадо?

— Ах, Зозан, Зозан! — восклицает Тадо. — Двух детей мы родили, война их унесла, как пришли они в этот мир, так из него и ушли... — Дядюшка Тадо, взволнованный, умолкает, утирает слезы.

— Других детей у тебя не было?

— Шогик моя в Армении, но в каком городе, точно тебе не скажу. Айкануш в Октемберяне, четверо детишек у нее. Забэл в Эчмиадзине, тоже пять-шесть детей имеет.

— Письма тебе пишут?

— Господи, часто. Пишут: «Приезжай, отец, мы здесь хорошо живем, богато».

— И что же? Хочешь ты в Армению поехать?

— Господи, парень, спрашиваешь! Хоть завтра поеду!

Помогите мне в последние дни свои увидеть родину, детей своих и внуков.

— А этим Домом ты доволен, дядюшка?

— Да, чисто тут. Вода, свет — все на месте, благодарение богу. И все же Дом для престарелых это, никуда не денешься.

На прощанье дядюшка Тадо снова просит меня:

— Сын мой, не забудь просьбу старика, пусть нация отправит меня в Армению. Ах, если бы я описал свою жизнь, какая бы книга получилась! — вздыхает и добавляет: — Автору «Ходедана» скажите, пусть мое имя упомянет в своей книге. Может статься, что я в этом Доме и умру, не увижу родину пусть хоть память обо мне останется. И пусть исправит также дату и обстоятельства смерти Мусабека.

Мусабек (брат Гасимбека) из рода Семи Седел умер в 1929 году в Дезире. Со своим сыном Матани-беем в 1925 году он объединился со слепым Гусейном-пашой, чтобы поднять курдов против турок, помочь хотел восстанию Шейха Зилана. Дело кончилось предательством, Мусабек умер в Дезире. Рассказывают, его сын, Матани-бей, после смерти отца отправился с Гусейном-пашой в дорогу, а ночью, убив спящего Гусейна, перешел к туркам. Матани-бей жив и проживает сейчас в Мушской долине.

Бей бею рознь. Князь Муртла-бек из Мокской провинции тоже был курд, но когда его вызвали в Ван и дали тайное поручение — устроить армянский погром, он ушел с собрания, оседлал лошадь и во весь опор помчался в Мокс. Лошадь его была в пене, так и мелькала белым пятном в ночной мгле. Муртла вместе с Лато из Возма спас армян Мокса и Шатаха от резни, увел их в горы. Джевдед хотел поймать Муртлу и вздернуть на виселице в городе Ване, но тот убежал в Курдистан. А коня своего подарил Лато в знак братства.

Сейчас убийцы, сменив шапки, вместе с наследниками из рода Семи Седел ходят по нашим землям и считают себя цивилизованными людьми. Но что с того, что шапку сменили, — главное то, что под шапкой. Они то там, то сям ковыряют нашу родную землю и, если находят развалины старого города или же обломки моста, радуются, кричат: дескать, османцы-турки построили это еще до Христа. На моих глазах испоганился мир. Предателю и убийце досталась вся страна, а свободолюбивому гайдуку — Дом для престарелых в Алеппо. Горе, горе! Где же справедливость?..

Сасунец Тадо так завершил свою речь:

— Жизнь обошлась с нами жестоко и разбросала нас по свету. Много лет уже прошло, и вряд ли полковник Махлуто вспомнит меня. Напиши ему от моего имени: «Вспомни, полковник,

Бердакский лес, и как впятером пошли мы на курдскую свадьбу. Я был в белом колозе и стоял за Бородой Каро. Это я тогда задул огонь в светильнике».

— Задул огонь... А что же стало с мушцем Тиграном? — вырвалось вдруг у Махлуту. С письмом в руках он медленно приблизился к окну.

Рядом с Хентом

Удивительно ровно светало в это весеннее утро в Ереване. И не дули, как обычно, ветры с Канакера и Норка. Тихо было кругом.

По улице Абовяна по тротуару торопливыми шагами поднимался человек.

Айказян был крайне удивлен, увидев у себя на пороге в этот ранний час репатрианта Гариба.

— Полководец умер, — сказал Гариб, неслышно входя в комнату.

— Когда это случилось?

— Этой ночью. Смбул Аршак сказал, что вечером съел миску мушского клулика, долго курил и лег спать.

— Во сне, значит, умер, — воскликнул Айказян. — А был кто-нибудь рядом?

— Никого не было. Один он жил, в одиночестве и умер.

Гариб поспешил к другим землякам, оповестить их о случившемся, а Айказян, быстро одевшись, вышел следом за ним из дому.

С величавым равнодушием принимал Масис первые лучи солнца, не чувствуя, кто уходит из этого мира в этот день.

Морг был неподалеку. Айказян медленно спустился по холодным ступеням и тихонько толкнул полураскрытую дверь подвала...

Возле стены справа лежал покойник, прикрытый белым саваном. В глубине помещения жизнерадостный мужчина деловито сдвигал столы.

— Извините, товарищ, сегодня ночью с третьего участка к вам мужчину привезли...

— К нам каждый день привозят, — ответил рабочий, не отрываясь от дела.

— Я спрашиваю про сегодняшний день.

— Имя?

— Махлуту.

— Нет, такого покойника у нас нет. Работал кем?

— Сторожем в саду Комитаса. Бывший полководец.

— А, полководец есть! Вон он лежит, — сказал рабочий и приподнял саван.

Это был он, полководец Махлуту. Ни венка на нем, ни цветка. Скромно, забыто лежал он в холодном подвале, на холодном столе, среди холодного молчания.

На следующий день, 20 марта, Айказян вызвал шофера и приказал ехать в Эчмиадзин.

...Большая процессия двигалась от Еревана к Эчмиадзину, гроб на руках понесли к храму Гаянэ. Откуда, каким образом собралось столько народу? Людей становилось все больше, народ шел из самого Эчмиадзина, из окрестных деревень и поселков. Гроб несли сотник Смбул Аршак, конюх Барсег, репатриант Гариб и внук деда Хонка Симон. За ними шли совсем уже старые солдаты, бывшие фидаи, земляки полководца и несколько дальних родственников. Распорядителем похорон был Смбул Аршак.

Возле стен монастыря сидели местные могильщики. Рядом с ними стоял человек с заросшим лицом; прислонясь к стене, он издали неотрывно смотрел в страшную яму. Это был тот самый смуглолицый юноша, который в 1919 году хотел совершить покушение на Андраника в бытность того в Эчмиадзине. На лице его было страдальческое выражение. Непокойная совесть привела его на похороны ближайшего сподвижника Андраника.

Когда гроб опустили на землю, первым в изголовье объявился этот самый смуглолицый. Он склонился над Махлуту, поцеловал его в лоб и ушел, рассекая толпу. Прислонив голову к монастырской стене, он горько зарыдал. Он плакал, и с души его уходила тяжесть долгих лет.

Католикос армянский был в отъезде, и поэтому первое слово сказал архиепископ Саак. Он назвал Махлуту большим патриотом и боевым товарищем полководца Андраника. Вспомнил имена Арабо, Родника Сероба и Геворга Чауша.

— Покойный один раз только пришел в святой Эчмиадзин, — сказал архиепископ Саак. — Это было месяц назад. Он пришел к его святейшеству Отцу всех армян и вручил ему небольшой конверт. Затем достал из-за пазухи старую тиару и преподнес ее церкви, для нашего музея. Это была тиара отца Хесу, архимандрита церкви святого Карапета. Махлуту рассказал нам историю, связанную с этой тиарой. Может быть, вы спросите, что было написано в письме к католикосу? Такие слова: «Похороните меня за веру мою в св. Эчмиадзине, а за храбрость — рядом с Хентом. Если сочтете возможным. Махлуту». За веру Эчмиадзин готов принять его в свою землю, есть и разрешение правительства, к которому он также обратился перед смертью.

От имени французских армян держал слово репатриант Гариб.

— Этот человек, что покоится ныне в гробу и с которым мы должны навеки проститься через несколько минут, один из храбрейших сынов нашего народа, — сказал он. — Вы знаете о его прошлом фидаи, но вряд ли кто-нибудь из вас знает, кем он был во Франции во время второй мировой войны. Он был ближайшим другом нашего большого патриота Мисака Манушяна и членом французской подпольной антифашистской организации. Когда в 1943 году в апреле гитлеровцы через армянский национальный совет пригласили его в Берлин, предложив составить армянский легион из пленных армян и пойти против Советского Союза, Махлуту решительно отказался, сказав, что он на Россию не поднимет оружия... Полководец Махлуту вместе с подпольщиками-антифашистами боролся против гитлеровской Германии, а после Победы, в 1947

году, вместе с первым караваном репатриантов вернулся в Армению. Прощай, храбрый гайдук страны Таронской, прощай, бесподобный Махлуто. Поколения да воздадут вам за вашу негибаемую волю, за вашу самоотверженную борьбу против угнетателей, а заблуждения и ошибки ваши пусть унесут ветры Масиса. И, может быть, этот смуглый мальчик напишет когда-нибудь книгу о тебе, вот он стоит здесь, склонив голову.

Когда все удалились — последними ушли Смбул Аршак и конюх Барсег, увозя с собой сумасшедшего Андреаса, — смуглый мальчик достал записную книжку и, положив ее на колени, записал: «Полководец Махлуто был отдан земле в 1956 году, 20 марта, во вторник, в шесть часов вечера. Его похоронили на семь пядей дальше Хента, если идти вправо. Слава памяти храбрых предков!»

На следующее утро комендант третьего участка вместе с нотариусом и главным бухгалтером райсовета поспешили на улицу Наири, в тот дом, где провел последние дни своей жизни старый солдат.

Комната была пуста. На тахте под подушкой они нашли старую сумку и такую же старую солдатскую шинель. В нотариальной конторе сумку раскрыли — в ней была историческая карта Армении, старая персидская уздечка, два золотых Георгиевских креста, фотографии Геворга Чауша, Родника Сероба, Андраника и любительская фотография — Гайк Бжишкян вместе с ним и Андраником, далее — вид города Муша с горой Сим на заднем плане, полевой бинокль, три аршина белого холста и маленькая почерневшая коробка — табакерка Арабо. Еще в сумке нашли последнюю главу «Памятной книги» Бдэ Мисака и несколько толстых тетрадей с надписью: «Записи фидаи Махлуто».

В тот же день все это передали Историческому музею Армении.

Два года спустя из Калифорнии, из города Фрезно, приехал в Ереван турист — из американских армян. Лицо загорелое, а глаза синие-синие. Первым делом он отправился в Эчмиадзин.

— Это я, Махлуто. Я, твой школьный товарищ Левон из Копы, — сказал он и склонился над скромной могилой земляка. — Мы расстались шестьдесят лет назад, когда учитель Мелкон заставлял нас зубрить «Зов пахарей». Мой родитель был мастеровым из мушской деревни Коп, а твой отец был каменщиком. Судьба забросила меня в далекую Калифорнию, а ты отдал себя движению фидаи, посвятив свою жизнь освобождению Армении. Я построил в городе Фрезно небольшую гостиницу для всех бездомных, неприкаянных путников, а ты свою жизнь сделал мостом, перекинутым в будущее. Ты был безумцем, и ты нашел свое место рядом с великим Хентом.

Вскоре на могиле Махлуто был возведен гранитный памятник, на котором было высечено:

«Памяти таронского гайдука Махлуто (Смбат Бороян).

1872-1956 гг.

От школьного товарища Левона, крестьянина мушской деревни Коп».

Последний покоритель вершины

Ранней осенью 1962 года со стороны города Маку к вершине Арарата отправился смельчак, решивший покорить Большой Масис. Восточный склон горы был каменистый. Ни один путешественник еще не предпринимал попытки подняться на гору с этой стороны. Но человек был полон решимости.

Он был один, за плечами рюкзак, в руках альпеншток.

Куда шел и что искал этот сумасброд? Славы? Вряд ли, он был слишком стар.

В полдень он дошел до границы снегов. Глянул вправо — Малый Масис остался где-то внизу.

Акори не видно было, и родника св. Акопа тоже. Темно-синее небо висело над головой. Устал путник, присел на выступ скалы отдохнуть. Передохнув, начал восхождение. Громадная льдина сорвалась из-под его ног и с грохотом покатилась вниз. Еще одна льдина сорвалась с кручи. Чем выше он поднимался, тем величественнее делалась картина и труднее становился подъем.

Ночью он спал в небольшой заснеженной ложинке. На рассвете из-за синих гор Арцаха и Малого Масиса взошло солнце. Но вскоре началась буря, и пошел смешанный с градом снег. Молния ударила, зигзагом мелькнув совсем рядом. Ветер затих, и густой туман покрыл северную вершину.

Путник огляделся. В ущелье напротив показалась церковь Тадэ. К западу от него он увидел море, а дальше — дальше была его родина.

Несколько дней тому назад он проходил по Мушской долине. Был и в Сасуне. Он шел по следам одной армянки. Ему было известно только, что курды взяли эту женщину в плен, но где они ее прятали — неизвестно.

Так, расспрашивая всех, дошел он до Багеша. У входа в город он увидел путешественника-армянина, который трижды громко прокричал: «Битлис, Битлис, Битлис!» Какой-то пожилой битлисец показал путешественнику на полуразрушенный двухэтажный каменный дом в квартале Авели-майдан, на пригорке. «Вот ваш дом», — тихо сказал старик. Пришелец вытер рукавом стекло в уцелевшем окне, поднял с земли самый обычный камень, погладил его, сорвал несколько цветков и, взойдя на руины отчего дома, сказал: «Прекрасное место, до чего красиво! Лучше нет места на земле. Пятьдесят пять лет ждал я этой минуты. Теперь можно и умереть».

Человек этот, армянин, родился в Америке.

А сам он? Что было делать ему, родившемуся в Мушской долине? Кричать: «Муш»?

Он не нашел ту женщину. Священный обет остался невыполненным. И он решил осуществить давнюю мечту.

Четыре невидимые сильные руки толкали его к вечным снегам Масиса.

Туман с северной стороны перекатился на западные склоны. Несколько мулов опустились по ущелью св. Акопа в долину Большого Масиса. Они стали лизать обожженные камни, где некогда разожгли свой костер Борода Каро и Звонкий Пето.

Утренний ветер вымел снег с восточного склона. Вверху сияла гигантская ледяная вершина, освещенная солнечными лучами. Туда-то он и стремился, к этой сводящей с ума высоте.

Он стал вырубать ступеньки во льду. Медленно, очень медленно поднимался он вверх. Чтобы увидеть все, надо подняться совсем высоко.

Солнце клонилось к закату, а вершина казалась по-прежнему недосягаемой.

Стемнело. Глаза ничего не видели. Он вспомнил Рыжего Давида, того опытного проводника-хнуса в курдской одежде, — тот всегда ночью совершал переходы, глаза его были приучены к ночной тьме.

В последний раз поднял он посох и с осторожностью шагнул.

Вот и вершина. Подниматься больше некуда. Вверху только небо, и сам он стоит на вершине большой горы. Он посмотрел вниз: как он сумел подняться на эту немыслимую высоту?

Он ломиком выдолбил лунку во льду и, вытащив что-то из-за пазухи, укрепил в лунке.

Все, кто восходил на гору, оставляли на вершине крест. Но это был кусок полотна. На нем три буквы «С.М.Т.» — то есть Сраб, Махлуто и Тигран. Первых двух давно не было в живых. Один покоился в Басенском поле, рядом с александропольским Ваго, под каменными развалинами, а другой — во дворе монастыря Гаянэ. «От нас троих», — прошептал путник, целуя край полотна.

И стоял он выше облаков над всем миром, на сказочной высоте. Один он был, с рюкзаком за спиной; на обожженном ветрами и стужами лице — слезы радости.

Но что это? Полотно заалело. Все постепенно зарозовело — кончики пальцев, посох. На лице своем он почувствовал тепло. Нагрелась шерстяная шапка. Солнце, что ли, всходит? Что за свет возносится к небу, разрывая ночную тьму? Чудо... В ужасе он попятился назад — ему стало страшно. Потом снова подошел к полотнищу и пощупал его. Оно было прочно укреплено, но его словно высвечивали языки пламени.

Откуда же этот свет?

Он встал во весь рост и посмотрел в обратную сторону — свет шел оттуда. Он сделал несколько шагов и увидел внизу новый мир. И, закричав от восторга, он упал без памяти на вершине Арарата.

— Это твои огни, Ереван! Значит, ты есть! Есть Армения! Она жива! Сильная, светлая, большая Армения!

И лицо его освещали огни новой Армении, советской республики, где жили его соотечественники.

Об этом необычном восхождении в зарубежных газетах появилось следующее сообщение: «Один из солдат знаменитого гайдука Геворга Чауша, который после смерти своего предводителя отвез его жену в Ван, а сам долгие годы жил в Австралии, бывший фидай мушкетер Тигран на днях совершил беспрецедентное восхождение на вершину Арарата. Он шел по следам легендарной жены своего предводителя, надеясь разыскать ее в Западной Армении, в курдских поселениях. Он пришел на родину одновременно с всемирно известным писателем уильямом Сарояном, совершившим знаменитое путешествие в Битлис. Пройдя мост через Сулух, он приблизился к божественной горе со стороны города Маку.

Ночью путник укрепил на вершине Арарата полотнище с именами трех гайдуков. С вершины он увидел огни возрожденной Армении и, потрясенный увиденным, оступился в пропасть. Мушец Тигран остался навечно в снегах библейской горы.

Это был последний безумный путник, последний фанатик уходящего поколения».

Мой ахун кончился

Большая скала Хотноца в селе Ахагчи бросила широкую тень на овраг.

Мимо этой скалы, с лопатой на плече, с закатанными штанинами, прошел жизнерадостный старик. За ним бежали мальчишки и девчонки, обгоняя друг друга и прыгая вокруг старика.

— Дед Фадэ, расскажи сказку!

— Какую сказку?

— Про Мосе Имо.

— Про того, что видел огненных коней в роднике.

— Про Взрыв-родник! Про Шапинанда!

— Свою сказку!

— Мир — это мельница... — Дед Фадэ воткнул лопату в землю и повел рассказ. — Не спрашивайте про то, как человек приходит на мельницу, главное — когда он уходит. Один просо приносит смолоть, другой пшеницу. И все ждут своей очереди. А мельник как бог. Первому говорит: «Встряхни мешок, сват Киракос, твой помол кончился». Другого черед настает. И снова кричит мельник: «Кум Амбарцум, повороши в мешке, твой ахун кончился». И этот уходит. «Сват Григор, твой черед настал, проходи вперед». Тут мельник, взглянув сквозь запорошенные мукой ресницы, подмечает старосту Оне, тот только что пришел и стоит в дверях.

«Староста Оне, ты что в дверях встал, проходи вперед, сядь здесь, пока твой черед не настанет. Ну как вы, как семейство честное, детки-малышки, старички-деды, здоровы все?»

«Слава богу, все здоровы».

Входит еще один сельчанин.

«Здорово, кум Абро, что принес?»

«Да просо вот».

«Слыхали, ты дочку замуж выдал, и тетка твоя Шакро очень плакала. Так уж на свете повелось — одни плачут, другие радуются, а завтра, глядишь, все наоборот. Все мы — мелко крошенный табак в кисете бога. Достанет кисет из-за пояса, насыплет табак в кальян и зажжет. Дымом мы

все станем по очереди и рассеемся в воздухе... Мука твоя готова, кум Григор; Давай подходи, староста Оне».

«Без очереди?»

«Какая же старосте очередь?»

И вот так каждого встречает и провожает мельник. А если вдруг вода не станет идти, что делать? Возьмет мельник лопату, пойдет к реке. Значит, детки, и у бога самое главное в руках — лопата. Вот вам и сказка про жизнь, — сказал Фадэ и пошел дальше.

— Пло Болоду Кало ласскажи, — попросил совсем маленький голопузый мальчонка, еле поспевая за старшими.

— Ступай домой, Гале. Девчонка Какав, не видишь, что ли, ребенок устал, отведи его домой, — сердито сказал самый старший мальчик по имени Геворг.

— Пло Болоду! — снова крикнул Гале, вырываясь из рук сестренки.

— Ну ладно, дайте пойду воду перекрою, а как вернусь обратно, расскажу про Бороду Каро.

— Сказку про Хтан, дядюшка Фадэ! Как ты поднялся к богу и забыл у него лопату, — попросила краснощекая девчушка, ловко вытаскивая занозу из пятки.

— Это та самая лопата, а, дед?

— Эта самая, черенок только сменил.

— И в тот год очень много снега навалило ведь, правда?

— Так много, что если бы воробушек лег на спину, ножками бы достал до бога.

— И ты поднялся? И сел на этот снег?

— Поднялся и сел. И руку на колено всевышнему положил.

— И это та аба, что ты на Бороду набросил? — спросила Какав, догоняя ребят с маленьким Гале на закорках.

— Да, этой дорогой бежал Каро в Карач. Бедняга голый был, набросил я на него свою абу и пошел за его одеждой. Взмахнула ишхандзорская платком перед мордой коня, и помчался конь в Карачу... Ступайте посидите в тенечке, сейчас я воду пущу на колхозное поле и вернусь, про всех вам тогда расскажу — про Мосе Имо, Шапинанда и Бороду Каро.

— Дядюшка Фадэ! А ты сам огненного коня видел?

— На этом свете один только Мосе Имо видел огненного коня. И говорил с ним. Если кто скажет, что видел, — не верьте!

— А где сейчас Мосе Имо?

— Вон на том холме красные камни есть, под одним из них Мосе Имо лежит.

— Под которым?

— Видишь тот высокий камень? На нем рука высечена и плуг, и надпись: «Смерть сына унесла тебя следом в могилу». А рядом стертый камень без всякой надписи, это и есть могила Мосе Имо. Я сам ее этой лопатой вырыл.

— Ну расскажи, расскажи сказку про Мосе Имо. Это верно, что он из Лондона люльку на себе притащил, а внутри лежала чудо-девочка?

— Все так. Гляньте-ка, над обрывом старуха сидит в красном платочке. Она-то и есть та самая чудо-девочка.

— Тетушка Вито? — удивленно переглянулись дети.

— Она, — кивнул Фадэ. — Пойдемте к ней, она много чего вам расскажет, и про Мосе Имо расскажет, и про люльку.

— А правда, что Мосе Имо был заклинатель змей?

— Правда. Ступайте к Вито, она расскажет!

— Нет, ты расскажи! Про Шапинанда!

— Храбрый был, правда?

— Храбрый, еще какой храбрый! А я еще храбрее, глядите, как бегу! А ну, ловите меня!

И поливальщик Фадэ с лопатой на плече быстро зашагал в гору.

Детишки бежали за ним и просили:

— Расскажи сказку про Взрыв-родник...

Чистый, прозрачный ручей с шумом сбегал по склону горы.

Старик дошел до него и со всего маху воткнул лопату в воду. И вдруг стал клониться к земле и упал. Вода хлынула и залила Фадэ. И казалось, он отдыхает, сидя на земле, склонив голову на грудь, опершись на вечную свою лопату.

— Ребятки, мой ахун кончился... — прошептал старик. Один из мальчишек подбежал, обнял Фадэ: «Сказку про Шапннанда, дед...»

— Не видишь разве, умер? — крикнул Геворг, подбегая. Дети сгрудились вокруг, оживленные, большеглазые, щеки у всех красные, как осенний шиповник.

Это был все тот же поливальщик Фадэ. Черная аба перекинута через плечо, штанины закатаны, и лопата в руках. Тот самый землероб талворикский, который слышал, как буря разнесла жернов на мельнице Миро, который различал голоса горных речушек Сасуна и знал, что происходит с горным орлом, когда он падает с неба на землю.

— Набросьте на него абу, позовите народ.

— Ноги укройте.

— Сероб, беги в село, скажи председателю колхоза — дед Фадэ помер, — сказал Геворг светлоглазому мальчишке.

Сероб побежал.

Дети укрыли старика лохматой абой и стали ждать, когда придут взрослые.

Прозрачная холодная вода, журча, бежала к Хотноцу, и мир стоял на своем месте и пребывал в покое.

— Вот вам и конец сказки, — сказал Геворг, взяв в руки лопату деда Фадэ.